МИТИН ЖУРНАЛ

71

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

МИТИН ЖУРНАЛ

издается с января 1985 года

главный редактор: ДМИТРИЙ ВОЛЧЕК
верстка: СЕРГЕЙ ФЁДОРОВ
обложка: АЛЕКСЕЙ КРОПИН
руководство изданием: ДМИТРИЙ БОЧЕНКОВ
подготовлено к печати: KOLONNA PUBLICATIONS

На обложке – картина Пасмура Рачуйко. © Pasmur Rachuiko, 2018

ISBN 978-5-98144-264-3

© Митин журнал, 2020

НОВЫЙ ТЕАТР
ВИКТОР ЛИСИН
СЕРГЕЙ УХАНОВ
БРОНЕПОЛК ШУМНЫЙ
ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН
ЛИДА ЮСУПОВА
ЮЛИЯ КИСИНА
ГЕОРГИЙ ОСИПОВ

СТАРЫЙ ТЕАТР
ГЕРАРД РЕВЕ

КОЛЛЕКЦИЯ
БРАЙОН ГАЙСИН
УИЛЬЯМ БЕРРОУЗ

ПЕРЕПИСКА
БОББИ БОСОЛЕЙ

• НОВЫЙ ТЕАТР •

ВИКТОР ЛИСИН

МЫ ЖИВЕМ В ПОСЕЛКЕ В 30 КИЛОМЕТРАХ ОТ КСТОВО ПРИРОДА СДЕЛАЛА ТАК ЧТО У ВСЕГО ПОСЕЛКА СТОИТ В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ

сияет в небушке звезда
жирдяйка с толстыми ногами
сияй пожалуйста всегда
и мастурбируй мне годами
вся субъективна красота
меня заводит свет твой дивный
стоят в штанах моих стада
и сердце витька позитивный

говорят где-то в России
некоторые свиньи
способны испытывать
оргазм на протяжении
сорока минут
наша съемочная
группа нашла такое место
это деревня Завражное
в Нижегородской
области
как вы видите
свиньи все на редкость
худые и довольные
мы взяли интервью
у одной такой свиньи
– Расскажите пожалуйста как долго длится ваш оргазм?
– Ну знаете длительность оргазма зависит
от многих факторов ну например от погоды
от моего психологического состояния,
иногда меланхолия окутывает меня
своим одеялом и оргазм получается
смазанным минут 20 не больше.

– Скажите что вам нужно для продолжительного оргазма?
– Ну вот когда Зоя меня связывает надевает мне кляп
а потом огромными ботами
прижимает мне ушки и такая говорит
моли о пощаде потаскушка вот тогда
я чёто кончаю как из пушки и оргазм
длится минут на 50.
Как мы выяснили за свиньями здесь
ухаживает местная жительница Зоя
выпускница литературного института
имени Горького переехавшая из города
в деревню Завражное для написания
романа «Свинота».
Мы взяли у Зои интервью.
– Зоя почему именно свиньи, что вас
вдохновляет, не жалеете, что приехали?
– Потому что свиньи, меня вдохновляют
свиньи, я не жалею что сюда приехала.
– Зоя расскажите телезрителям о чем ваш новый роман «Свинота».
– О Свиноте.
– Спасибо Зоя!
С вами была Ольга Дьяконова специально
для телеканала Местечковая Россия,
деревня Завражное.
(свиньи встают и машут вслед уходящей
съемочной группе на их лицах улыбки в
их глазах удовлетворенность они знают
они здесь в безопасности здесь не рубят
свиней здесь рай свиной в Завражном
рай раскинулся заповедный край если
ты свинья в Завражное переезжай)

НИКТО НЕ ВИДЕЛ ЁЖИКА С
НАКОЛОТЫМ ЯБЛОЧКОМ
НИКТО НЕ ВИДЕЛ ЁЖИКА
С НАКОЛОТЫМ ТРУПОМ
ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ НИКТО
НИКТО НЕ ВИДЕЛ ЁЖИКА
С НАКОЛОТЫМ СЫНОМ
БОЖЬИМ НИКТО НЕ ВИДЕЛ
ЁЖИКА ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
АВТОМАТА КАЛАШНИКОВА

ЭТИ ЁЖИКИ ОЧЕНЬ УМНЫ
И ПРЕДПОЧИТАЮТ ДЕЛАТЬ
СВОИ ДЕЛА ЧУЖИМИ РУКАМИ
ПОНТИЯ ПИЛАТА СОВРАТИЛ
ЁЖИК В ЧУЛКАХ ИЗ БУДУЩЕГО
ГИТЛЕР НОЧАМИ ОБЩАЛСЯ С
ЛЫСЫМ НАКАЧЕННЫМ ЕЖОМ В ЛЕСУ
ВОЗЛЕ СВОЕГО ПОМЕСТЬЯ В БЕРЛИНЕ
ЁЖИК РУЛИЛ МОТОЦИКЛОМ
ПРИНЦЕССЫ ДИАНЫ ЭТИ
ЕЖИ СОЗДАЛИ ЦЕЛУЮ КУЛЬТУРУ
НИКТО НЕ МОЖЕТ ДАЖЕ ПРЕДСТАВИТЬ
КАК ЕЖИ ЗИГУЮТ В ЛЕСУ
КАК ЕЖИ ЕДЯТ ЧЕЛОВЕЧИНКУ
ВСЕ СУКА ПРЕДСТАВЛЯЮТ
МИЛАШНОГО ЁЖИКА С
ЯБЛОЧКОЙ С ГРИБКОМ
ПОЗВОНИ ТОМУ КОГО
БОЛЬШЕ ВСЕГО ЛЮБИШЬ
ПРОВЕРЬ ЧТО ОН НЕ
ЗАНЯТ СОЗДАНИЕМ
ОРУЖИЯ МАССОВОГО
ПОРАЖЕНИЯ

Птица смотрит с нежностью на Марусю,
А Маруся с нежностью смотрит на птичку.
Вот бы птичка была мускулистая сильная,
Такая, стала бы Маруське мужем.
А вот бы думает птичка Маруся была птичкой
Гнездо бы сделали с ней, Иосифа с Мойшей.
Смотрят Маруська с птичкой друг на друга
Сердечки часто часто их бьются.
И птичка раз и мужчиной статным стала на
Тракторочек села и поле Маруське вскопала.
А Маруська раз и на дерево полетела веточек
Собрала всяких постельку приготовила.
Смотрит птичка-Маруська на мужичка-птичку
И сил больше уж не было страсть обуяла их
И родились у них Мойша и Иосиф куры-
Бодибилдеры с сердцем чутким и нежным
Как видят несправедливость какая сразу
Сердечки их часто часто бьются.

и тогда я снял
и накинул на свой хуй твое полотенце
с котиком полотенце с котиком
уверенно задержалось на хуе
вот видишь сказал я
не всё так плохо
но ты не прекратила плакать
и тогда я накинул на свой хуй твое
пальто с лилией пальто с лилией
уверенно задержалось на хуе
поверх полотенца
а сейчас спросил я?
ты ответила что я полный
еблан и выбежала в трусиках и
майке в коридор
и тогда я побежал за тобой попутно
накидывая на свой хуй всё что
мне попадалось под хуй
шкаф
столик
бамбуковый халат
пакет с пустым контейнером
вазу с декоративным луком
котика из лотка
я догнал тебя и сказал всё то что у меня
давно томилось на сердце
понимаешь сказал я
я больше не знаю
что мне ещё накинуть
чтобы ты меня
полюбила

ПРИРОДА СДЕЛАЛА ТАК
ЧТО У МЕНЯ СТОИТ НА ЧЕРВЯ КОГДА ТОТ
НАЧИНАЕТ ПЕТЬ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ
МОЯ ДЕВУШКА ОЧЕНЬ ЛЮБИТ МЕНЯ
И ПРИНИМАЕТ МЕНЯ
ОНА ОДЕВАЕТСЯ В КОСТЮМ ЧЕРВЯ
И ПОЛЗАЕТ ВО ВРЕМЯ ДОЖДЯ
НАПЕВАЯ КРАСИВУЮ ПЕСНЮ

МЫ ЖИВЕМ В ПОСЕЛКЕ В 30 КИЛОМЕТРАХ
ОТ КСТОВО ПРИРОДА СДЕЛАЛА ТАК
ЧТО У ВСЕГО ПОСЕЛКА СТОИТ
В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ

кузнечик не может не прыгать
кузнечик не может не оперировать
другой кузнечик умирает
нужно оперировать
но кузнечик всё равно прыгает
из лапок выпадают инструменты
другой кузнечик умирает
кузнечик приземляется и рвет себе лапки
МОЯ МАТЬ В КРОВИ ПОЛЗЕТ
БЕЗ РУК И БЕЗ НОГ ЧТОБЫ
СПАСТИ МЕНЯ Я СИЖУ У
НЕЕ НА СПИНЕ ОНА ПОЛЗЕТ
И ПРЫГАЕТ ПОЛЗЕТ И ПРЫГАЕТ
Я УРОНИЛ МОРОЖЕНОЕ ВО
ВРЕМЯ ПРЫЖКА ОНА
ЕГО СОБИРАЕТ

И СНИТСЯ МНЕ
МЕНЯ ЕБУТ В ЛЕСУ
ПАУК МЕНЯ ЕБЕТ
ОН ВОЛОСАТЫЙ
ПОТНЫЙ И БОЛЬШОЙ
И КРЕСТ ОГРОМНЫЙ
НА ГРУДИ
И Я КРИЧУ
ЧТО БЫЛО СИЛЫ
ЧТО НЕ ИМЕЕТ ПРАВА
КРЕСТИК ОН НОСИТЬ
ЧТО ОН КАК ЧЕРНАЯ
НОГА УЖАСЕН

под небом голубым
есть город золотой

с прозрачными воротами
стоит там Казахстан
а в городе том сад
всё травы да цветы
гуляют там Казахи
невиданной красы

ОН ЕБАЛСЯ ТАК КАК МОЖЕТ ЕБАТЬСЯ
ТОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ИСКУССТВА
Т. Е. ПОСЛЕ СЕКСА С НИМ НЕЛЬЗЯ БЫЛО
ОДНОЗНАЧНО СКАЗАТЬ БЫЛ ОРГАЗМ
ИЛИ НЕТ ТАК ЖЕ СЛОЖНО БЫЛО СКАЗАТЬ
ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРОИЗОШЕДШЕЕ КОИТУСОМ
НО ОНА ВСЁ РАВНО БЫЛА СЧАСТЛИВА
ПОТОМУ ЧТО КАК БЫ ТО НИ БЫЛО ОНА
ПРИКОСНУЛАСЬ К ПРЕКРАСНОМУ
НАВЕРНОЕ

ТЫ КОНЧИЛА
ТРИ РАЗА
ПОСЛЕ ТОГО
КАК ЛОСЬ
НАСАДИЛ
ТЕБЯ НА РОГА
И ЧЕСТНО
ГОВОРЯ Я
РЕВНУЮ

вокруг тебя огонь вода и свинотрах
который охотится в кругах
огня воды многоэтажек дней
он любит свинок т.е любит
догонять и шевелить людей
для него все люди
свиньи и всё свинья
не шевели я сплю
не шевели меня
мне снится водный евнух

и огненный Адам
и яблоки висят как
толстые тела
придворных дам
мне снится Боженька который огород
который все вскопал и от войны
поставил в раночке народ
но просыпаюсь я в ночи
и стонет молча свинотрах
и звук его стреляющий кончи
и Лисин прах и Лисин прах

СЕРГЕЙ УХАНОВ

СЕМЕЙНЫЙ УЖАС или СЦЕНА МЕДЛЕННО ПОГРУЖАЕТСЯ ВО МРАК

одноактная патопьеса в двенадцати картинах-унижениях
с четырьмя видеоврезками (*для юношеского театра*)

Действующие лица:

Нинка – мать
Володька – отец (сутулый, заикается)
Серёжка – сын
Баба Ганка – бабушка (мать Нинки)
Надежда Владимировна – классная училка
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик – Серёжкины одноклассники (школьные хулиганы)

ВИДЕОВРЕЗКА № 1. ГОЛОВА БАБЫ ГАНКИ: А ты смотри как другие – и сам так же, как другие – так и ты, как другие – так и ты, сам так же – как другие, как другие – так и ты, как другие – так и ты, и не надо оригинальничать, делай только то и только так как другие, поступай так же как они, смотри как другие – и сам так же, смотри как другие – и сам так же, как другие – так и ты, как другие – так и ты, смотри как все делают – и сам так же делай, первым никогда не делай, никогда не надо лезть на рожон, подожди пока другие – а потом и сам, а потом и сам так же, и сам так же как другие, как и все, как они, как другие – так и ты, как другие – так и ты, так и ты – как другие, как другие – так и ты… Люди-то они все конечно существа подлые – подлые, греховные и несчастные, ну, так сказать, по природе своей, подлые, ну люди-то – они не дурааакиии… уж ты поверь Бабе Ганке… люди – совсем не дурааакиии… ну, понял? понял? понял что Баба Ганка говорит? как другие – так и ты, как другие – так и ты, как другие – так и ты… это же легко – как другие – так и ты как другие так и ты как другие так и ты…

КАРТИНА 1

Серёжка с учебником сидит за письменным столом, левой рукой копошится у себя в мотне, заходит Нинка

Нинка: Что ты там опять ковыряешься?
Серёжка: Анатомию учу.

Нинка: Господи, ну сколько можно заниматься пустой тратой времени! Сколько можно эти учебники бестолковые читать! Все это бессмысленно и бесполезно! Сейчас бесплатно никто не поступает! Не с твоими мозгами люди не поступают! Так и будешь на материнской шее висеть! У матери нет денег на твое обучение! Закончишь школу и пойдешь в ПТУ, выучишься как отец и пойдешь на завод пахать, болванки производить, нечего разводить интеллигенцию, это я тебе говорю – родная мать! Сразу предупреждаю – и не мечтай об университете! (*Выходит, Серёжка продолжает читать учебники и ковыряться в мотне.*)

Через несколько минут Нинка снова появляется на пороге

Нинка: Что ты там опять делаешь?
Серёжка: Химию учу
Нинка: Господи, боже мой, сколько же можно повторять! Родную мать не слушаешь! Ни в грош родную мать не ставишь! А мать тебя выплодила! Я твоя мать и я все решаю! Поганка бледная! Чучело огородное! Выродок! Ты в зеркало давно смотрелся? Ты рубильник свой на поллица видел? Ты уши оттопыренные видел свои? Рот свой видел кривой? Глаза свои белесые видел с ресницами как у коровы вниз? Да тебя ни в один университет мира с такой внешностью не возьмут! Преподаватели и студенты – все разбегутся и университет на капремонт закроют! Пойдешь в ПТУ – я тебе сказала! Нечего с матери тянуть! С меня нечего тянуть! Надо идти работать, матери помогать, а не с матери тянуть! Иди посуду помой, ковры пропылесось, потолок побели! Вон Женька Людкин все по дому делает, матери помогает, а не в учебниках ковыряется! Иди мусор вынеси, из половиков пыль выбей, кастрюлю до блеска отскреби, унитаз почистить надо!

Серёжка сначала закрывает уши а потом начинает хныкать

Нинка: И не надо, не надо родной матерью манипулировать! Мать слушать надо! Слушать, что мать родная говорит, мать тебя выплодила! Мать тебя в страшных муках выплодила между мочой и калом! Мать тебя поила и кормила, мать ночей не спала, у матери кости рассосались, мать себе во всем отказывала! И где твоя сыновья благодарность! Вот выплодишь своих – тогда вспомнишь плохую мать, выплодишь своих – тогда узнаешь! Да ты наверное и не выплодишь никого! Неприспособленный, юродивый! Пустоцвет! Ни к чему не пригодный! Будешь у матери всю жизнь на шее висеть! Будешь с материи копейку последнюю тянуть! Будешь с матери энергию последнюю выкачивать! Вот умрет мамочка, вот тогда узнаешь, вот тогда поплачешь, вот тогда припомнишь плохую мать!
(*На последнем предложении начинает плакать, подходит к Серёжке, гладит его по голове, целует в лоб, в лицо, в голову, оба всхлипывают.*) Хороший мой, самый красивый, самый умный, самый талантливый, самый единственный,

самый мамочкин, самый сынок, не слушай, не слушай что мамочка говорит, не слушай что мамка твоя бестолковая говорит… (*Берет сережкину руку, плюет в нее и засовывает ее в его мотню.*) *Сцена медленно погружается во мрак.*

КАРТИНА 2

Серёжка с Володькой сидят в разных углах дивана

Серёжка: Пап, а какие у тебя увлечения были?
Володька (*долго молчит а потом как бы мычит*): Ну не помню, ну марки собирал…
Серёжка: Пап, а покажи свою коллекцию.
Володька (*молчит*)
Серёжка: Пап, а какие у тебя еще увлечения были?
Володька (*молчит а потом как бы мычит*): Ну никаких наверно на было…
Серёжка (*притаскивает альбом с марками*): Пап, а где ты эти марки взял? Это немецкие? ГДРовские? Прямо в Германии? Ты же служил в Германии, да, пап? Пап, а пап, а расскажи, что ты там видел, пап? Ты видел живых немцев, пап? Пап, ты был прямо в Берлине, да? Ты что и Рейхстаг своими собственными глазами видел? Пап, ну не молчи, расскажи…
Володька (*молчит, мычит нечленораздельное*)
Серёжка (*притаскивает альбом с фотографиями*): Пап, а ты правда в Москве был? Ты реально был на Красной площади, пап? А как там в Москве, пап, расскажи, а, пап, ты один раз в Москве был, пап? А на Красной площади один раз был? Ты видел мертвого Ленина, пап? А в Музее ты был, пап, ты видел Девочку на шаре, пап? И на ВДНХ был? Ты видел Рабочего и колхозницу, пап? Ты после армии был в Москве, пап? Один раз в жизни, пап? Пап, ну не молчи, расскажи, пап, а сколько тебе здесь лет, пап?
Володька (*нехотя*): Ну двадцать или двадцать один поди…
Серёжка (*притаскивает раздроченный советский фотоаппарат*): Пап, а научи меня фотографировать, пап, а пап, ну ты же умеешь фотографировать, пап, ну научи меня куда здесь нажимать надо? А, пап? Пап, ну научи фотографировать, я тебя и маму сфотографировать хочу, и Бабу Ганку сфотографирую, пацанов, природу, животных фотографировать хочу…

Володька молчит

Серёжка: Пап, ну поговори со мной, пап, ну хоть немного поговори, а, пап!

Володька молчит

Серёжка: Пап, а, пап, а что ты все время молчишь, ты что язык проглотил, а, пап? (*Подходит к Володьке, берет его руку плюет в нее и засовывает ее ему*

в мотню.) Пап, а пап, а нахуя вы меня родили, если даже поговорить со мной по-человечески не можете, а, пап?

Володька молчит, а потом мычит. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 3

Серёжка лежит в одной постели с Бабой Ганкой

Баба Ганка: Ну что, Серёжка, никто в школе не обижает тебя, мой маленький?
Серёжка: Обижают, Баба Ганка.
Баба Ганка: Да что ты такое говоришь, а ну расскажи бабе Ганке, кто ее любимого внучка обижает?
Серёжка: Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик.
Баба Ганка: Да что ты такое говоришь, а что ж они, негодяи такие, делают? Как обижают-то?
Серёжка: Ну это… смеются надо мной, подтрунивают…
Баба Ганка: Ох боже ж мой, вот подлецы, а что ж они смеются над тобой?
Серёжка: Ну не знаю… ну когда я в туалет хожу подглядывают, и смеются.
Баба Ганка: Ох подлецы, ох подлецы, а больше ничего не делают?
Серёжка: Да вроде нет.
Баба Ганка: Только смеются или еще что говорят?
Серёжка: Говорят иногда.
Баба Ганка: Ох боже ж мой, а что говорят?
Серёжка: Ну я не могу тебе рассказывать такое…
Баба Ганка: Да я ж твоя Баба Ганка родная, а ну расскажи.
Серёжка: Ну говорят – покажи…
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы, а ты что ж?
Серёжка: Ну ничего… не могу в туалет в школе ходить… до самого дома терплю.
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы, так они что ж – караулят тебя на всех переменах в туалете?
Серёжка: Ну да… караулят, бегают все трое как хвостик за мной.
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы… а не трогают хоть тебя? Ну там… то место, которым ты в туалет ходишь, не трогают?
Серёжка: Нет, Баба Ганка, ты что! То место они не трогают, они ж поди пацаны…
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы, а ты говорил кому-нибудь что они подкарауливают тебя, что смеются над тобой, не дают в туалет сходить?
Серёжка: Неет, никому я такое не говорил…
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы, надо матери сказать, пусть завтра же с утра в школу идет, поговорит с классной училкой, ох негодяи, ох подлецы…
Серёжка: Нет! Нет! Баба Ганка, не надо рассказывать маме такое! Я не очень-то и хочу в туалет, я потерплю! Я не буду утром и в обед пить сладенький

компот! Я не буду в школе ходить в туалет, я не хочу в школе писять и какать не хочу!
Баба Ганка: Ох негодяи, ох подлецы, до чего ж ребенка невинного довели, спи спи, мой сладенький, потерпи… сейчас Баба Ганка тебя пожалеет… (*Ложится сверху на Серёжку и с головой накрывается одеялом.*) *Сцена медленно погружается во мрак.*

КАРТИНА 4

Серёжка в школе драит стену и специально громко вздыхает, чтобы классная училка заметила его трудолюбие

Надежда Владимировна: Молодец, молодец, Серёжка, хорошо стены драишь, а можешь немного чистой тряпкой мой сапог протереть, а то я в туалете в чьи-то месячные наступила. (*Подставляет ногу, задрав юбку выше колена.*)

Появляется Нинка

Нинка: Здравствуйте, Надежда Владимировна.
Надежда Владимировна: Ой, Нинка, как неожиданно! Здравствуйте, здравствуйте, Нинка, но вроде я вас в школу не вызывала.
Нинка: Не вызывали, не вызывали, Надежда Владимировна, я сама пришла, хочу вот вам кое на кого пожаловаться.
Надежда Владимировна: Пожаловаться? Как странно, ну пройдемте ко мне, а ты, Серёжка, драй, драй хорошенько стенку, пока я с твоей матерью поговорю.
Серёжка: Мама, может не надо.
Нинка: Надо, надо, сынок! А можешь немного чистой тряпкой мой сапог протереть, а то я по дороге в школу в говно собачье наступила? (*Подставляет ногу, задрав юбку выше колена.*)
Надежда Владимировна: Идемте, идемте, Нинка, чем быстрее наябедничаете, тем я быстрее с вами закончу и своими делами школьными важными займусь.

Нинка и Надежда Владимировна удаляются, Серёжка продолжает драить стену, появляются хулиганы (*Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик*)*, подставляют Серёжке свои ботинки, трутся задами об чистую стену, типа ебут ее, показывают неприличные жесты*

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка.
Серёжка: Что вам надо, школьные хулиганы?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка.
Серёжка: Отстаньте от меня!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка.

Серёжка: Отстаньте от меня!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка.
Серёжка: Отстаньте от меня, а то я вам сейчас мокрой тряпкой по рожам надаю.
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка, а можешь наши ботиночки чистой тряпочкой протереть, а то мы в туалете в чью-то каку наступили? (*Гогочут, ржут, виляют задом и водят пахом.*)

Серёжка шлепает их тряпками, хулиганы разбегаются
Выходит Надежда Владимировна

Надежда Владимировна: А ну хулиганы, подошли ко мне!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Здравствуйте, многоуважаемая Надежда Владимировна! (*Гогочут, ржут.*)
Надежда Владимировна: Здравствуйте, здравствуйте, хулиганы, вы зачем Серёжку обижаете?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик (*нагло врут*): Никого мы не обижаем!
Надежда Владимировна: Зачем вы его в туалете караулите и не даете спокойно нужду справить, а он потом в штаны мочится, приходит домой мокрый, а Нинке все это стирать приходится!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик (*гогочут*): Это не мы, это не мы, это не мы…
Надежда Владимировна: Обещайте мне, что больше этого не повторится!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Обещаем! Не повторится! Обещаем! Не повторится! Обещаем, Надежда Владимировна! А может вам сапоги нужно протереть – так мы всегда готовы, всегда пожалуйста! (*Невысоко задирают Надежде Владимировне юбку, гогочут и разбегаются.*)
Надежда Владимировна (*довольная*): Вот хулиганы чертовы! Далеко пойдут!

Одергивает юбку, поправляет прическу. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 5

Баба Ганка и Нинка в странных длинных черных одеяниях заговорщически шепчутся, повернувшись спиной к залу, вбегает Серёжка с портфелем

Баба Ганка: Серёжка сейчас мы будем из тебя воском страх отливать.
Серёжка: Какой страх?
Нинка: Какой какой, самый обыкновенный, человеческий, страх и порчу.
Серёжка: Нет у меня никаких страхов, не надо из меня отливать никакую порчу!
Нинка: А кто позавчера из школы с мокрыми штанами пришел? А матери стирать и сушить!

Баба Ганка: А кто по ночам во сне орет и не дает старой бабе Ганке перед смертью передохнуть и отоспаться?
Серёжка: Ну может не надо?
Баба Ганка и Нинка (*в один голос*): Надо, надо, еще как надо!

Усаживают Серёжку на стул, встают за его спиной, Баба Ганка держит над его головой кастрюлю с водой, а Нинка восковую свечу

Баба Ганка: Серёжка наклони свою голову, закрой глаза и думай про свои страхи.
Серёжка: Это как же я буду думать про свои страхи, а вдруг я их испугаюсь?
Нинка: Не испугаешься! Мы же рядом, сконцентрируйся и думай про свои страхи, а мы будем их воском из тебя отливать.

Серёжка подчиняется закрывает глаза и наклоняет голову, Нинка капает свечой в кастрюлю с водой, при этом Баба Ганка и Нинка шепчут заговор, через некоторое время из кастрюли поднимается пар, Баба Ганка ставит кастрюлю на стол и достает из нее резиновый хуй

Баба Ганка и Нинка (*довольные*): Вот твой страх! Вот твой страх!
(*Начинают вертеть в руках и перебрасывать хуй друг другу и строить свои догадки что это.*)
Нинка: Это корова! он испугался коровы!
Баба Ганка: Нет, это собака! он испугался дворовой собаки!
Нинка: Нет, это змея, он испугался змеи!
Баба Ганка: Нет, это паук, он испугался паука!
Нинка: Нет, это гусь, на него напал гусь и он испугался гуся!
Баба Ганка: Нет, это черт, он испугался черта в темноте!
Нинка: Нет, это инопланетянин, он испугался летающей тарелки!
Баба Ганка: Нет, это ядерная бомба, он испугался ядерной войны!
Серёжка (*робко*): А по-моему, по-моему… это…это… (*тихо:*) хуй!

Нинка и Баба Ганка начинают визжать, бросают резиновый хуй, Серёжка тоже начинает визжать, Нинка встает на карачки и засовывает голову Бабе Ганке под подол, Серёжка падает на колени, пристраивается к Нинке сзади и засовывает свою голову ей под юбку

Нинка и Серёжка (*орут в один голос*): Мама, мамочка! роди меня обратно!
Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 6

Володька с Серёжкой – оба надутые – заходят домой, на пороге их встречает Нинка

Нинка: Ну что набрали ежевики? Давайте сюда скорей, у меня тесто для вареников созрело!
Володька: Ага, набрали, рот раскрывай шире! Наберешь тут с твоим сынулей – и ежевики и голубики!
Нинка: Что такое, мальчики мои, что случилось?
Володька: У сына своего спроси, что случилось.
Нинка: Володька, он такой же мой сын, как и твой! Я сто раз тебе уже это говорила, сколько можно повторять?! Серёжка, что случилось?
Серёжка: Я не смог войти в одну реку дважды.
Нинка: Ничего не понимаю! Как это не смог?
Серёжка: Ну я не смог раздеться чтобы перейти реку дважды, потому что я стесняюсь своего тела.
Нинка: А как же в прошлом году вы ходили?
Серёжка: В прошлом году папа посадил меня на плечи и мы перешли реку дважды.
Нинка: Ничего не понимаю! Почему дважды-то?
Серёжка: Ну как почему? В одну сторону и в другую.
Нинка: Господи! Зачем говорить слово дважды, когда и так всё понятно! Лишь бы запудрить матери мозги! Володька, почему ты не посадил Серёжку на плечи, как в прошлом году?
Володька: Я не слон и не верблюд!
Нинка (*Серёжке*): Серёжка, Володька не слон и не ишак!
Володька: Я сказал я не верблюд, а не я не ишак!
Нинка (*Володьке*): Что не ишак, я еще согласна, а если не верблюд, то почему все время сутулишься?
Володька: Когда ты последний раз верблюда живого видела?
Нинка (*начинает истерить*): Каждый день последние 15 лет вижу, как сошлась с тобой, дураком горбатым, только мычать умеешь! Серёжка, что мне теперь с тестом делать, мы же хотели сварить бабушке вареников с ежевикой и подать со свежим маслицем!
Серёжка: Я схожу на рынок, куплю ежевики у бабушек!
Нинка: Где ты денег возьмешь? На рынке любой дурак купить может! Бабушке было бы приятно, если бы ты своими руками для нее ежевики собрал!
Баба Ганка (*голос из-за кулис*): Ох как я хочу вареничков с ежевичкой, ох как я хочу, ох как я хочу перед смертью откушать вареничков с ежевичкой, ой как хочу, как мечтаю (*хныкает*), да видно не судьбаааа, ох господи, за что же ты меня так наказал, чем я перед тобой провинилась, да разве ж многого я у тебя прошу, простых вареников с простой ежевикой… даже Пушкину перед смертью морошки принесли, а чем я хуже (*рыдает*).
Нинка: Вот видишь, теперь расстроили бабушку, она теперь плачет. Вот так ты значит бабушку свою родную любишь! А все из-за того, что не смог войти в одну реку дважды! А ну давай быстро раздевайся, будем избавляться от комплексов! Сейчас мы посмотрим, что там не так с твоим телом!

Бабушкины рыдания продолжаются и усиливаются. Серёжка начинает нехотя медленно раздеваться. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 7

Нинка с Володькой лежат в постели и милуются, по ящику идет Аншлаг, Аншлаг, выступает Ян Арлазоров и Регина Дубовицкая, заходит Серёжка

Серёжка: А что вы делаете?
Нинка с Володькой: Мы ничего не делаем! мы смотрим Аншлаг, Аншлаг, иди поиграй или поговори с Бабой Ганкой
Серёжка: Не хочу с бабой Ганкой говорить, она мне рассказывает страшные старомодные или патологические истории после которых я не могу уснуть, а я хочу с вами о современности поговорить
Нинка: Поговорим о современности в другой раз, оставь нас сейчас в покое, у нас голова болит, вот видишь – из-за тебя смешную шутку пропустили
Володька: Ишь, о современности с ним поговорить! ишь, чего задумал! Ишь, о современности! Мал еще о современности говорить! Ишь, ишь, ишь! Может тебе еще про Жана Кокто рассказать? Ишь, ишь…
Нинка: Володька, не кипятись!
Володька: Ишь! Ишь! Ишь!
Нинка (*Володьке*): Да заткнись ты, верблюд горбатый! (*Серёжке:*) Серёжка, а ты оставь нас в покое и закрой за собой дверь!

Серёжка заходит за перегородку в отсек Бабы Ганки

Серёжка: Баба Ганка, а ты знаешь что-нибудь про Жана Кокто?
Баба Ганка: Как кто? Что ты несешь – я ничего не понимаю…
Серёжка: Баба Ганка, а ты не знаешь, что мама с папой в постели сейчас делают?
Баба Ганка (*недовольная*): Откуда мне знать, что они там делают, иди да узнай
Серёжка: Я был только что, они меня выгнали, сказали с тобой о старости поговорить
Баба Ганка: Ах со мной, ах о старости! Это Нинка наверное так сказала! (*Начинает кричать нарочито громко, чтобы Нинка за перегородкой все слышала.*) А ты иди, Серёжка, и скажи Нинке, что у бабы Ганки больше не осталось пенсии Нинке на аборты давать!
Нинка (*из-за перегородки*): Господи, да как ты можешь такое говорить?! Родная мать называется!
Баба Ганка: А как ты можешь с родной матерью так обращаться? Володьке мясо и сало каждый день даешь, а родной матери два раза в день луковицу вареную!
Нинка: Да когда это я Володьке последний раз мясо давала?
Баба Ганка: Знаю я, все знаю, чего сама не знаю, так то Серёжка расскажет!

Нинка: Серёжка, а ну иди сюда, кто тебе дороже – родная мать или бабка родная?
Баба Ганка: Серёжка, а ну останься с больной бабушкой! Баба Ганка тебе страшные истории о современности расскажет, а ты Нинка не манипулируй ребенком!
Нинка: Это мой сын, а не твой! Ты своих детей всю жизнь унижала и манипулировала ими, Гальку с Томкой чуть до самоубийства не довела, меня ни в грош не ставила, а в итоге к плохой Нинке доживать приехала!
Баба Ганка (*начинает плакать*): Да как у тебя язык поворачивается родной матери такое говорить? А знаешь что, Ниночка, кто кого переживет это еще не известно! Я человек старой закалки, а у тебя порок сердца врожденный если мне не изменяет память…
Нинка: Да как ты можешь родной дочери преждевременной смерти желать! (*Начинает плакать.*)

Серёжка с Володькой затыкают уши и уползают со сцены. Женщины продолжают ругань под усиливающийся звук ящика, где продолжается Аншлаг, Аншлаг, выступает Клара Новикова. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 8

Школа, раздевалка спортзала, Серёжка снимает школьную форму под которой у него уже напялены шорты и футболка, школьные хулиганы раздеваются до трусов, демонстрируют свои тела, приспускают трусы, достают спортивную одежду из портфелей и медленно как «стриптизеры наоборот» неряшливо напяливают ее на себя, все время смеются над стоящим в углу Серёжкой, водят тазом, имитируют половую еблю

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка
Серёжка: Чего вам?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка
Серёжка: Чего вам надо?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик: Серёжка, а Серёжка
Серёжка: Ну чего вам надо, хулиганы чертовы? я все про вас бабе Ганке расскажу, а она Нинке, а Нинка Надежде Владимировне, классной училке
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик (*продолжают издеваться*): Серёжка, а Серёжка… Чики-чики два ножа зарезали зайца всем по кусочку а Серёжке яйца… (*Гогочут, хватают Серёжку за мотню.*)

Раздается свисток, все 4 пацана бегут из раздевалки за перегородку то есть в спортзал

Надежда Владимировна (*в военной форме*): Здравствуйте, школьные хулиганы, здравствуй, Серёжка!

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка (*немного растерянные*): Здравия желаем… э… э….
Надежда Владимировна: Что вы экаете? Здравия желаем, Надежда Владимировна, нужно говорить!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: А где же Пётр Николаевич Водолазов-Конь?
Надежда Владимировна: Смею вам доложить, что Пётр Николаевич Водолазов-Конь вчера скончался от злости и алкоголизма и отныне и ныне и присно и во веке веков или до тех пор пока мы не найдем нового подходящего садиста-преподавателя, уроки военной подготовки и физкультуры буду вести у вас я! Есть еще вопросы?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Никак нет, Надежда Владимировна! Вопросов нет!
Надежда Владимировна: А теперь поприветствуйте как следует вашу новую-хорошо-забытую-старую классную училку!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка (*немного растерянные*): Здравия желаем… э… э…. Надежда Владимировна!
Надежда Владимировна: А ну-ка без ээээ!!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Здравия желаем, Надежда Владимировна!
Надежда Владимировна: А ну-ка еще раз! И четче-четче!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Здравия желаем, Надежда Владимировна!
Надежда Владимировна: То-то же, ссыкуны! А ну-ка лизать Надежде Владимировне кирзовые сапоги до кожаного блеска!

Хулиганы и Серёжка кидаются к ногам Надежды Владимировны

Надежда Владимировна: От-ставить! Надежда Владимировна пошутила. (*Смеется довольная.*) А теперь, школьные хулиганы и ты, Серёжка, скажите мне сколько раз вы подтягиваетесь и отжимаетесь?
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик: Отжимаемся сто раз на кулачках, двести на ладонях, подтягиваемся 20 раз (*и тихо добавляют:*) на троих.
Надежда Владимировна: Молодцы! Орлы! Хулиганы! Так держать! Ну а ты, Серёжка?
Серёжка: Отжимаюсь 8 раз, подтягиваюсь ни одного ((
Надежда Владимировна: Господи, боже мой! А куда Пётр Николаевич Водолазов-Конь смотрел? Может и хорошо, что он коней отбросил… Куда Пётр Николаевич Водолазов-Конь смотрел, я вас спрашиваю!
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка (*машут головой, опускают глаза долу, с чувством вины*): Не знаем, не знаем, не знаем… простите, простите, простите, Надежда Владимировна…
Надежда Владимировна: Ну хорошо, временно прощаю! А теперь мне пора заниматься школьными делами важными, а вы школьные хулиганы, кра-

савцы-орлы, немедленно научите Серёжку отжиматься! А я приду к концу урока и проконтролирую! (*Уходит.*)

Серёжка ложится на живот на пол, школьные хулиганы по очереди укладываются на него сверху и отжимаются. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 9

Серёжка лежит в одной постели с Бабой Ганкой

Серёжка: Бабушка, а ты правда видела русалку?
Баба Ганка: Видела, видела.
Серёжка: Баба Ганка, ну расскажи, расскажи!
Баба Ганка: Ой, я тебе уже сто раз рассказывала.
Серёжка: Баба Ганка, ну расскажи расскажи, папа ничего мне не рассказывает, ни про Москву, ни про Германию, и не хочет меня научить фотографировать, только ты мне рассказываешь свои истории.
Баба Ганка (*отмахивается*): Да я сто раз тебе уже рассказывала.
Серёжка: Баба Ганка, ну расскажи расскажи, ты ее в бане видела?
Баба Ганка: Ну в бане, в бане.
Серёжка: Ты с бабами пришла из бани, а потом вспомнила что гребенку свою забыла, вернулась в баню, а там девушка с длинными волосами и с хвостом на мокрой лавке сидит и рыдает и твоей гребенкой волосы свои длинные-предлинные расчесывает, водоросли из них вычесывает, ну так, так?
Баба Ганка: Так внучек так
Серёжка: А ты не растерялась, не испугалась, свечу восковую зажгла и кашлянула? Ну так, баба Ганка, так?
Баба Ганка: Так, внучек, так.
Серёжка: А русалка увидала тебя, испугалась, хвостом по лавке с животной силой ударила да и растворилась в духоте будто ее и не было, ну так, так?
Баба Ганка: Так, внучек, так.
Серёжка: А ты перекрестилась и давай под лавками гребенку свою искать, чтобы волосы свои русые длинные густые шикарные расчесать, ну так, Баба Ганка, так?
Баба Ганка: Так, внучек, так.
Серёжка: Баба Ганка, а ты гребенку свою в итоге нашла?
Баба Ганка: Нет, внучек, нет.
Серёжка: А куда же она делась?
Баба Ганка: Русалка с собой забрала, она ей нужнее, чем мне.
Серёжка: Ой Баба Ганка, как страааашно, а откуда русалки берутся?
Баба Ганка: Ну когда матери дочерей своих за непослушание проклинают, то черти их в реку и забирают, и они служат им там, пока срок проклятия не пройдет.
Серёжка: Ой, баба Ганка, как страааашно, а ты… а ты… ты никогда не хотела Нинку свою проклясть?

Баба Ганка: Ой внучек, что ты такое говоришь, а ну давай спи.
Серёжка: Баба Ганка, а домового ты тоже видела?
Баба Ганка: Бывало, бывало.
Серёжка: Баба Ганка, ну расскажи, расскажи…
Баба Ганка: Да я сто раз тебе уже рассказывала.
Серёжка: Ну ты уставшая еле приплелась с поля без задних ног рухнула на кровать расшатанную, и кто-то тяжелый мохнатый теплый в кромешной тьме лег на тебя сверху, хотя в хате никого не было, а дед в то время на войне был, а позже ты узнала, что в тот день его как раз ранило, ну так, баба Ганка, так?
Баба Ганка: Ну так, внучек, так…
Серёжка: А ты в тот момент страха не чувствовала и спросила у мохнатого и теплого – на худо или на добро?
Баба Ганка: Ну спросила, спросила…
Серёжка: А он выдохнул тебе прямо в лицо – НА ХУУУДОО… и исчез.
Баба Ганка: Ну выдохнул, выдохнул…
Серёжка: А потом ты поднялась с кровати, тебя всю трясло, ты едва зажгла свечу восковую и перекрестилась, а через неделю тебе пришло от деда письмо из госпиталя…
Баба Ганка: Ну пришло, пришло…
Серёжка: А через месяц дед собственной персоной домой вернулся с осколком в груди…
Баба Ганка: Ну вернулся, вернулся…
Серёжка: А через 8 месяцев ты Нинку, мать мою родила…
Баба Ганка: Ну родила, родила…
Серёжка: А почему через 8? Может ты от домового забеременела? У людей ведь 9 месяцев срок беременности.
Баба Ганка: А ну спи, Серёжка, что за чудные мысли, я тебе сто раз говорила, что Нинку недоношенную я родила когда с пашни вернулась!
Серёжка: с пашни, говоришь… (*Ложится сверху на Бабу Ганку и с головой накрывается одеялом.*)
Голос Серёжки из-под одеяла: Баба Ганка, а лешего ты тоже видела?

(*Всеобщий неврастеничный смех в зале, клакерские аплодисменты.*) *Сцена медленно погружается во мрак.*

КАРТИНА 10

Урок труда. Серёжка и школьные хулиганы сидят за деревянным столом, за их спиной установлен токарный станок. Входит Надежда Владимировна

Надежда Владимировна: Здравствуйте, школьные хулиганы, здравствуй Серёжка.
Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Здравия желаем, Надежда Владимировна!

Надежда Владимировна: От-ставить! Это вам не урок физкультуры или военной подготовки, а урок труда, на котором мы учимся самым полезным и необходимым вещам, которые затем нам пригодятся в общественной и семейной жизни.

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Ну где, где же наш учитель, Иуда Виктович Рылов-Обойкин?

Надежда Владимировна: Должна вас огорчить, но Иуда Викторович Рылов-Обойкин умер позавчера на своей даче от резкого скачка температуры окружающей среды и от своего плохого настроения но может оно и к лучшему, все равно его собирались увольнять за профнепригодность, поэтому временно уроки трудов у вас буду вести я.

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка: Как хорошо что все же Иуда Викторович умер, он всегда унижал нас и говорил что грош цена нам всем вместе взятым в базарный день, а также что наше поколение потерянное инфантильное и бессмысленное, потому что мы не воевали и потому мы не знаем жизнь.

Надежда Владимировна: Прекратите! О мертвых либо ничего либо все! А Иуда Викторович между прочим на фронте воевал и защищал нас с вами, наше светлое настоящее и будущее! А что, этот одноногий негодник про меня ничего плохого вам не говорил?

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка (*трясут головами*): Нееет, нееет! Плохого ничего про вас Иуда Викторович никогда не говорил, только говорил, что вы злая, некрасивая, старая и бестолковая.

Надежда Владимировна: Вот так и знала, черт его в аду вашего Иуду Викторовича дери! это он мстил мне за то что я ему дважды отказала… Ну да ладно, все это в прошлом, а нам нужно думать… О чем? О чем нам нужно думать сегодня? Ну-ка, кто мне ответит?

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: О том как быстрей свалить из школы!

Серёжка: О том как помогать людям и о милосердии!

Надежда Владимировна: Нет, Господи, боже мой, нам нужно думать о подарке для ваших мамочек к 8 Марта! Самый лучший и незаменимый подарок, который нужен всем женщинам – это скалка! В каждом доме должна быть деревянная экологичная скалка! (*Раздает всем по куску дерева.*) Поэтому, дорогие мальчики, сегодня вы сделаете с помощью токарного станка скалки.

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин да Вовка Лукьянчик: Ну Надежда Владимировна, мы уже в прошлом году делали нашим мамочкам скалки!

Надежда Владимировна: От-ставить! Делать-то что Надежда Владимировна приказала. Потому что, во-первых, скалки быстро приходят в негодность, а во-вторых… Что во-вторых, кто мне ответит?

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин, Вовка Лукьянчик и Серёжка (*понурив головы*): Не знааем, мы ничего не знааем…

Надежда Владимировна: А во-вторых – много скалок в доме не бывает! Итак, пока вы делаете скалки, я должна заняться важными школьными делами! К концу урока я приду и проверю ваши скалки! (*Уходит.*)

Пока Серёжка сидит в углу со своей деревяшкой, Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик кидаются к товарному станку и изготавливают на нем длинные фаллоимитаторы-хуи, которыми начинают тыкать друг в друга и сражаться ими как фехтовальщики.

Входит Надежда Владимировна: Ну-ка прекратить баловство! Показывайте, что вы создали.

Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик показывают деревянные хуи, Надежда Владимировна трогает, гладит их, остается довольна

Надежда Владимировна: Серёжка, а где твой хуй? То есть я хотела сказать, где твоя скалка?
Серёжка: Мне мама не разрешает подходить к токарному станку.
Надежда Владимировна: Это еще почему?
Серёжка: Она говорит, что деревяшка слетит со станка и со всей силы ударит меня в висок, после чего я в лучшем случае умру сразу же, а в худшем – останусь на всю жизнь дурачком или инвалидом…

(*Пашка Лапшин, Алешка Крыскин и Вовка Лукьянчик ржут как кони, появляется видеоврезка номер 2.*)

ВИДЕОВРЕЗКА № 2. ЛИЦО НИНКИ НА ЭКРАНЕ: Сыночек, Серёжка, никуда не уходи с детской площадки, иначе тебя может сбить машина, за рулем всегда сидят только пьяные нехорошие мужчины – нормальный вменяемый человек за руль никогда не сядет! Будь внимателен, когда играешь в песочнице, в песке могут оказаться разбитые бутылки или ядовитые пауки, ты можешь пораниться и у тебя начнется заражение крови, кожи и всех внутренних органов с изъявлением слизистых! По-над домом никогда не ходи, на тебя может свалиться с крыши кирпич и пробить тебе голову, хорошо если он сразу убьет тебя, а если ты на всю жизнь дурачком останешься? Не вздумай садиться на велосипед, ты сразу же свалишься и сломаешь себе ноги, руки, ключицы и свернешь свою хрупкую шею, повредишь ребра и грудной или поясничный отдел позвоночника и останешься на всю жизнь инвалидом! В воду никогда не заходи – иначе ты сразу утонешь и от тебя останутся только бульбушки на водной глади и моя несчастная материнская память а тело твое всплывет через несколько дней ужасно некрасивое и разбухшее, а ты должен понимать, что мамочка не выдержит такого антиэстетичного зрелища! С мальчиками никогда не связывайся, все мальчики кроме тебя хулиганы, никогда не играй с ними в войну, разбойников или каскаде-

ров, они научат тебя плохому и выбьют из рогатки правый или левый глаз, разорвут рот и раздробят переносицу! Иногда можно играть с девочками в куклы, но всегда будь осторожен и бдителен, во-первых, в куклах могут быть спрятаны отравленные или заговоренные иглы, уколовшись которыми, ты моментально лишишься рассудка и умрешь в муках и судорогах, а во-вторых, помни, что девочки – это потенциальные женщины, поэтому они могут окрутить тебя и подчинить своим эгоцентрическим интересам твою слабую волю, а ты должен помнить всегда, даже если тебя разбудят ночью, что в твоей жизни есть только одна женщина – и это я, твоя мама! Серёжка, сыночек, ты должен всегда слушаться только свою мамочку, если ты будешь ее, то есть меня, слушаться, то с тобой ничего плохого не случится и у тебя все будет хорошо! Слушай свою мамочку, думай о ней ежесекундно. Понял, сынок?

Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 11

Серёжка: Баба Ганка, а расскажи, как ты познакомилась с дедом.
Баба Ганка: ох Серёжка, это было очень-очень романтично, сейчас в наш век распутства консьюмеризма и холодной расчетливости таких историй на бывает.
Серёжка: Баба Ганка, ну расскажи, расскажи.
Баба Ганка: Это было между двумя мировыми войнами, я в то время была писаной красавицей и завидной невестой, да только приключилась со мной беда: напала неясной этиологии хворь на меня, и стала я на глазах таять, кожа моя становилась бескровней день ото дня, зубы мои жемчужные расшатались в обескровленных деснах, а некогда шикарные волосы скатались и лезли клочьями, и к кому я только ни обращалась – и к ведущим русским, и к ведущим заморским шарлатанам – никто не мог излечить меня от этого недуга, и даже названия ему они не знали, и вот повстречалась я как-то с твоим дедом, а был он в те времена писаным красавцем, и положил он глаз свой на меня блядский, и обещал излечить меня, потому как помнил он меня еще со времен до хвори, когда и я была девка-красавица…
Серёжка: Ой как интересно, как романтично, Баба Ганка, ну расскажи, что было дальше, расскажи.
Баба Ганка: А ты не перебивай меня, тогда расскажу, так вот однажды, когда ноги меня уже едва носили, пришел твой дед, поднял меня с постели и понес на руках своих в поле, что за кладбищем, а родственники все мои вслед нам голосили, думали, что не протяну я больше недели и что дед твой несет меня на кладбище заживо хоронить, но не тут-то было, принес, значит, дед твой меня на солнечную поляну и в траву положил, а сам разделся догола и стал передо мной танец странный магический танцевать, и вошла я от этого танца в некий ступор по типу глубокого гипнотического сна,

а что дальше было, сама я не помню, но от деда твоего все знаю: усыпил дед твой меня своим метафизическим танцем, оделся, раскрыл мне спящей рот, а между грудей моих усохших поставил небольшую мисочку с молоком и небольшое зеркальце, а сам зашел за голову мою притаился и стал ждать…
Серёжка: Ой, Баба Ганка, как страааашно, а кого же он ждал?
Баба Ганка: А ты не перебивай и слушай дальше, и вот когда солнце стало к земле клониться, увидал дед твой в зеркальце, что у грудей моих усохших примостил, что вылазит из моего рта маленькая змейка, которая и была причиной моей хвори, потому как известно, что змейки молоком и кровью девственниц питаются, увидала змейка поганая свое отражение в зеркальце и подумала, что это товарка ее приползла, с которой она не прочь была совокупиться, да еще почуяла запах молока, которое для нее большое лакомство, потому как мало этой гадине ненасытной моей крови было, да и выползла она из моего рта, а деду только того и надо было, ударил он меня по нижней челюсти, чтобы рот мой закрылся, да схватил эту гадкую змейку и изрубил ее на мелкие куски, и из каждого ее куска повылупилось еще по змейке, которые по всей земле нашей грешной расползались, а я с тех пор, после того как оклемалась от дедова удара, на поправку пошла…
Серёжка: Ой, Баба Ганка, как страааашно…
Баба Ганка: Ну вскоре пришел твой дед свататься и в жены меня взял, а всё остальное про нашу жизнь ты и так знаешь, жаль только что дед твой на увидал тебя, пришел он после войны с осколком в груди и много лет с этим осколком вблизи сердца жил, а умер он ровно в тот день когда у твоей матери схватки начались… Ох и намучилась тогда Нинка, тяжело ты ей дался, тяжело между мочой и калом шел, а как вывалился на свет божий, так с деда твоего в ту же минуту вышел весь дух вон…
Серёжка: Ой, Баба Ганка, не хочешь же ты сказать, что…
Баба Ганка: Ой, молчи, Серёжка, молчи…

Серёжка накрывает Бабу Ганку с головой одеялом, а сам в одних трусах ложится на нее сверху одеяла причем ногами в сторону бабы Ганкиной головы, соответственно своей головой в ее ноги. Сцена медленно погружается во мрак.

КАРТИНА 12

Тело Бабы Ганки лежит на деревянном столе в окружении блюд с различными яствами, вокруг стола сидят понурые Нинка, Володька, Серёжка, Надежда Владимировна и школьные хулиганы, все разговоры во время настоящей картины ведутся параллельно с поглощением пищи

Нинка: Ну вот, умерла наша любимая бабушка и даже не узнала, что ее любимая дочь с детства была слепа на один глаз!
Серёжка: Как это?

Нинка: Да, Серёжка-сынок, я никому это не рассказывала, я всю жизнь скрывала этот позор, иначе бы меня не взяли на работу, и твой отец не женился бы на мне, и, соответственно, ты никогда не выплодился бы на свет между мочой и калом.

Серёжка: Как же ты ослепла?

Нинка: Это было в глубоком детстве, когда я только выпала из люльки и научилась сначала ползать и почти сразу же ходить, в то лето мы жили в деревне, где всем людям принято трудиться с раннего утра до глубокой ночи и никому нет дела до малых детей, которые предоставлены сами себе или таким же малым детям как они сами ну и еще матери-природе может быть, в тот ясный солнечный день я ушла на край деревни и на меня напал дикий петух, он был почти с меня ростом, он прыгал на меня и больно бил своими неприятными шершавыми крылами а когда я упала на землю он стал топтать меня как курицу, потом у меня начались судороги по типу малого эпиприпадка и я потеряла сознание, а когда сознание вернулось ко мне, я поняла что вижу ровно 50% от того, что видела раньше, мой левый глаз ослеп от петушиного испуга, а когда я добрела домой, то получила лишь подзатыльник от суровой матери и я не посмела рассказать ей о том, что со мной произошло, потому что боялась вызвать ее праведный материнский гнев да к тому же я тогда еще не могла толком разговаривать…

Серёжка (*пораженный*): И ты никогда-никогда никому-никому не рассказывала об этом?

Нинка: Нет, Серёжка-сынок, никогда-никогда никому-никому… Только теперь, когда умерла бабушка, я могу совершить этот Камин Аут…

Володька: Бедная, бедная Нинка! Но выслушайте же и мою историю, которую я скрывал ото всех с 20 лет, после того как отслужил в армии в ГДР, где провел самые интересные годы моей жизни, о чем я, к сожалению, не могу вам рассказать, потому что это вечная военная тайна! Когда я демобилизовался, то, прежде чем вернуться на свою малую суровую родину, я в первый и последний раз в своей жизни провел три дня в столице нашей родины городе-герое Москве, в первый же день я пошел на Красную площадь в Мавзолей, чтобы увидеть труп вождя русского и мирового пролетариата Владимира Ильича Ульянова Ленина – ведь я 20 лет ждал этой встречи, я готовился к ней – собирал марки, плакаты и бюсты Ленина, и меня трясло все три часа пока я стоял в очереди в Мавзолей, но когда я попал внутрь и увидел труп Ленина, то я ничего не почувствовал, меня это так поразило, что я моментально ослеп на правый глаз… Два последующие дня я ходил по Москве потерянный и больше ничего в этом городе не видел, а потом я вернулся на свою малую родину и больше, как вы, наверное, знаете, в моей жизни ничего примечательного не произошло…

Серёжка (*пораженный*): И ты никогда-никогда никому-никому не рассказывал об этом?

Володька: Нет, Серёжка-сынок, никогда-никогда никому-никому… Только теперь, когда Конец Света не за горами, я могу совершить этот Камин Аут…

Нинка: Бедный, бедный Володька! Но теперь, Серёжка, когда мы все знаем правду, я думаю, что тебе пора узнать еще одну Тайну, дело в том, что твоя бабушка и моя мать, то есть наша Баба Ганка, ослепла на оба глаза в день твоего рождения и она ни разу не видела тебя!
Серёжка (*пораженный, едва не подавившись*): Но почему, почему я не знал об этом? Я даже не догадывался об этом раньше! Как же ей удавалось скрывать свою слепоту?
Нинка: Ты слишком мал, чтобы понять это, для этого нужен большой жизненный опыт, такой как был например у Жана Жене, а ты слишком легко живешь, Серёжка…
Серёжка: А знаете, знаете что, мои дорогие родители, мне кажется, что я только сейчас, только сейчас, когда умерла Баба Ганка и когда вы раскрыли все свои тайны, мне кажется что я только сейчас, да, да, именно сейчас я впервые в жизни прозрел! Прозрел по-настоящему!
Баба Ганка (*внезапно усаживается на столе, сбрасывая с него посуду, все начинают креститься и осенять ее крестным знамением*): Ох, как же долго я спала! Никогда так долго не спала, уже думала, что померла и больше не встану, да, теперь я хорошо понимаю Гоголя, только его бедного успели зарыть! а что за пиршество вы здесь устроили? (*Сбрасывает на пол посуду.*) Что еще за Лилиану Кавани вы здесь развели? Ох, а сколько же бреда мне приснилось, сколько же бреда привиделось! И что на тебя Нинка напал в детстве петух и ты ослепла на левый глаз, и что ты Володька когда увидал мертвого Ленина ослеп на правый глаз и что ты Серёжка прозрел после моей кончины, Господи, сколько же мне привиделось бреда, ну ничего, ничего, сейчас мы всё поправим, сейчас всё встанет на свои места… (*Поднимается.*)

Нинка, Володька, Серёжка, а также все остальные Действующие лица (*силой укладывают поднимающуюся и сопротивляющуюся Бабу Ганку на стол*): НЕЕТ! НЕЕЕТ! НЕЕЕТ! НЕЕЕТ!

Сцена резко погружается во мрак

ВИДЕОВРЕЗКА № 3. ЛИЦО БАБЫ ГАНКИ: Я бы хотела, чтобы мой внучек, мой любимый внучек когда вырастет стал небольшим начальничком на небольшой работке, чтобы он всегда ходил в чистеньком сером костюмчике, чтобы он выбился в люди, в люди выбился так сказать… Небольшим таким начальничком, на небольшой такой, непыльной, работке, ну чтобы это… а почему на небольшой? Ну чтобы это… ну не дай бог чего – так чтобы его ну это… ну не посадили, ну это если вдруг чего… если чего не так, так сказать… Ну и чтобы у него была жена хорошая, скромная, работящая женщина, красавицу только не надо, чем занимаются красавицы вы и без меня прекрасно знаете… А так, ну чтобы просто хорошая скромная женщина из хорошей семьи, русская, так сказать… ну вы понимаете, ну и один ребеночек, ребеночка тяжело конечно будет в наше время… ну так сказать… подни-

мать, но одного нужно, одного ребеночка нужно обязательно, а то как же продолжение рода так сказать… лучше бы чтобы конечно Господь послал мальчика, с мальчиками легче, с мальчиками хорошо, ну что мне еще пожелать… ну больше и не знаю даже… ну а мне чего, мне ничего уже и не надо, ну вот если бог даст может и я еще до этого… как его – ну до правнучка доживу, ох боже ж мой… ну кто знает, кто знает…

ВИДЕОВРЕЗКА № 4. ЛИЦО ВОЛОДЬКИ: Ишь! Ишь! Ишь! Ишь! Ишь! Ишь!

КЛАКЕРСКИЕ АПЛОДИСМЕНТЫ

2019

БРОНЕПОЛК ШУМНЫЙ

ГРОМЫ И ГЛУМЫ

За Тайнинской стоят патрули,
Жукоящеры в Химки вошли,
От Кащеевой хищной мошны
Нам заклятье, Пастух, протруби!

Спинобрюхим волкам невдомёк,
Што к утру мы их круто уймём,
Потому и пригас огонёк
В блиндаже скоморошьем моём

Лейся гуще, стрелецкая кровь,
Биотронных топи юнкеров!
Вознеси, огнедышащий дрон,
Калиту на ростокинский трон!

Россия — это ад! Москва — это пиздец!
Хотя уж если жить в России, то лишь здес,

В Москве. А вне Москвы — стократный ад, безмерный,
Там ядовитый лёд, злой свет и воздух серный.

Воч аут, любимый мой! В аду в любой момент
Тебя схватить за хуй пративный может мент

И будет как с любым из этих смрадных чудищ:
Мяукнуть не успев, уж выебан ты будешь!

Вдобавок к этому с тебя возьмет он штраф
И разъяснит тебе, што нет у тебя прав,

А если ты себе позволишь возраженье
И высказать дерзнёшь ты то соображенье,

Што правда победит, а он – гавно и мразь,
То сразу же тебя, рыгая и бранясь,

Садистской этою настропалён державой,
Подвесит он на крюк изогнутый и ржавый.

На нем повиснешь ты как полный ебанько,
А крюк тот высоко – ты глянешь далеко

И у́зришь ты сквозь слёз, как всех вобще хароших
Здесь мрази русские купить хотят за грошик,

Расчётливо плодя обосранных иуд,
А не продастся кто – так письку оторвут!

Стенанья внимешь ты кремлёвских казематов
(Для службы! в коих!! был!!! клонирован!!!! Скуратов!!!!!),

Услышишь горький плач и чистых звон сердец:
«Россия – это ад! Москва – это пиздец!»

Хорошелицей обрадован фетвою,
Песню пою Я гражданственно-светлую.
Вам же ведь нравится блочно-панельная
Бздынь и трещаль Моего исполнения?

А посвящаю Я это всем нынешним
львам хуичам и натэллам говнинишнам –
Сросшимся с прущимся рукопожатищем,
Суперпердышащим, наипузатейшим!

Я вам секунды до старта отстукаю –
Пусть из вас выпрет рулящая ступою
Совесть-и-Честь ваша, ведьма-прыщавица,
Нежным Моим Горизонтом прельщаяся!

Пусть, наведясь на Мой ласковый Азимут,
Все ваши жабы из вас повылазиют –
Ох как вы все, вошьи ваши величества,
Закопошитеся! Зашевелитеся!

– Я жажду тела младого чела,
Им обладать я хочу всецело!
Я сделал Выбор – теперь я Пидор,
Как Мартин Бубэр и Джастин Бибэр!

– Да шо ты, Паша! Кругом же Раша!
Взъярится Раша, тебя ебаша!
Ляжь, затаися, втянись, как Пися,
Не то запиздит тебя Роисся!

– Ой, ой, боюся! Щас затаюся!
Русь меня хочет – ведь я же Пуся!
Сквозь дым и копоть мне кажет Коготь
И план имеет меня укокать!

– Давай, парнище, ложись на Днище,
Но всплыть готовься в Небесной Тыще!
Нэма ероя бэз Еморроя!
Нэма бойскаута бэз Каминхаута!

История пухнет шальным пирогом,
И мнят мудаки, што понтовый прогон
В очке цифровом вековечную сыть
Иссечь пособит и шутя раскусить.

Пиздливые ёбла заткните свои!
Я сам подыму годовые слои,
В их толщи мясные до дна прогрызус,
И их, как Исус, изблюю Я из Уст,

И старческим свистну с лежанки лета́м,
И в бездне родимой, где жаркий металл
Вливается в суп её, яро куясь,
Резную нащупаю Я рукоять –

Булат мятежей, баламутств кладенец,
Шоб с ним на ветру одному вспламенеть,
И сталью Моей ураган зачурать,
И щедро взъебать по рогам вашу рать!

Неуважаемая власть!
Я не приемлю твоих блядьств!
Ты с каждым днём всё ближе к краху!
Я сру на твой топор и плаху!

Я так порядочен, умён,
Почти как главный покемон,
А ты мне портишь атмосфэру
И к своему большому хэру

Меня ты тянешь за вихры,
Кричишь «кря-кря!», кричишь «хры-хры!»,
Хотишь лишить меня ты смысла,
Или шоб я отсуда смылса.

Но ты не сможешь нихуя!
И победю не ты, а я!
И не подавишь индивидум
Ни под каким ты больше видом!

Хной delete'ов меня посыпьте,
В поисковых затрусь машинах я,
Мне игнор ваш потребен шибче,
Чем аидам приезд машиаха.

Пламя нимбовое створожьте
Исподлобью вашей да искосью,
Но в предсердной алмазной роще
Я на вас из дупла повыскочу.

И укропом по цеевропам
Всё размечется, што намечено,
И капризным внутренним ротом
Больше хавать вам будет нечево.

Вашу йогу презренье Индры
Бесогонным ошпарит варевом,
И на волю все ваши гидры
Продолбятся, разбив аквариум,

Кроя борзость вашу и ходкость
Лютой травлей сзади и спереди,
И для паблика даже сфоткать
Их тэнтакли вы не успеете.

СЦЕНА ИЗ МАЛОРОССИЙСКОЙ ЖИЗНИ

Действующие лица:

Князь – малороссийский вельможа, местным обычаям верный, но и всяческого прогрессу не чуждый
Княжна – дочь его, со склонностию изрядною к вольным занятиям

Княжна:

Дывысь, шановный Князь – вон и́дут два еврея,
Пойдём же, папенька, отпиздим их скорея!

Князь:

Коли охота есть, отпизди их сама!
Занятие сие противно мне весьма.

Княжна:

Возможно ль? Нэ вчора ль давав жыдам пызды ты?
Нэ вси ль до одного видкынулы копыты?

Князь:

Так-то, Княжна, вчера! А нынь уж я не тот:
Жыд, лях иль сарацин – меня-то не йибёт.

Княжна:

Ты в кризисе, папа́ – сие весьма приметно!
Окей же ж, я сама видпыжжю их конкрэтно!

Князь:

Добро, Княжна! А всё ж гляди, штоб по злобе́
По носопырке вдруг не ябнули тебе.

Княжна:

За це мне виддадуть воны четыре уха!
Не кипишуй, мон шер! Ты зрозумив? Спакуха!

Расслабься и учти ты вот яки́й аспэкт:
Я розвывать могу чрез то мий интэлект –

Егда я пыжжю их, имею шанс понять я
Важнейшие черты их мировосприятья!

Пойду им щас на все рецэпторы нажму,
Щоб луцькую воны запомнилы княжну!

Я в целом чужд романтики,
Но помню, што есть мальчики –

Поющие, дрочащие,
«Кукареку» кричащие

Кто Князь в их универсуме?
Пока што неизвестно мне

От злой ухмылки Стражника
Бывает ли им страшненько?

Хуйня, меня изведшая,
Им причинить увечия

Скажите мне, способна ли?
Што с рыбами? Што с овнами?

Где глыбы? Где ничтожества?
Как там у них всё сложится?

В Глаз ёбнуть хватит храбрости?
Взволнован я до крайности

Ебя Шухермахера Лёву
Со скачущим сердцем в груди,
Я в мутный экран Киселёву
Отважно сказал: «Не пизди!

Нацизма у Кыиви нету,
А Путин бомбит не ИГИЛ,
Но верных свободе и свету
Вчера он опять разбомбил!»

Взглянул я в глаза Киселёва
И вижу – зассал Киселёв!
Несносен для гремлина злого
Огонь обличительных слов!

Я в моск Шухермахеру кончил,
И ящик трусливо потух…
Ликуй же победней и звонче,
Гражданского общества дух!

Машрутка высралась людьми
На снежный плац
И преисполнилась к восьми
Ночного света вместо тьмы,
Как пепелац

Теперь поедет на Сатурн
Она стремглав,
Где Малый и Большой Шатун
Поют под гомон звёздных струн:
Мейк лав, мейк лав

Аргон Гальюныч Куздродой
Родил от бабы с бородой –
Так разрешилась гей-культура
Транстекстуальною пездой.

Адэпты дьяволова уда,
Приват-пророки Сракоблуда
Везут нам свой троянский груз,
Все вынут заступы и вилы,
А я, творя Заклятье Силы,
В кедровом тереме запрус.

Вперюся в бездну жарким взором,
Покрою плечи омофором,
Окошко в печке отворю,
Чертям под рыло пхну я дулю

И взяв чугунную кастрюлю,
Крутую кашу заварю.

Вам непонятна эта каша,
Она одна, и только наша,
Нам озорнó и вóльно с ней,
Над ней на злой вы ржоте ноте,
Но если чутечку хлебнёте,
То станет вам ещо смешней.

Она кипит во всех пределах,
Стальных парней, зубастых девок
Питая в сумраке палат,
От вьюг, што в гущах её веют,
У вас хвосты заиндевеют,
У вас копыты заболят.

Эй вы, кураторы с рогами!
Нас тьмы, и наш Буян за нами,
А ваше место за бортом.
Развоплотитесь, ебанашки!
Не то отведать нашей кашки
Вам доведётся, и не ртом.

2005

У кинокритика Дрянцова-Кабздецова
Приём немолкнущего дьявольского Зова
Так много времечка обычно отнимал,
Шо даже Мотеньку почти он не ебал.

Дрянцов наушники спецальные купил,
И компенсируя духовности излишек
Нёс людям Ыстину: кто Чортушку не слышет,
Тот зомби конченый и путинский дибил.

Когда же адское пробито было дно
И Дьявол чопорный отъел Дрянцову бошку,

В ево богатую остоженскую трёшку
Вползла кикимора – и пишет про кино,
А вместо Мотеньки ебёт сороконожку.

Оставлю от себя не перлы я науки,
Не снобское ля-ля, а бля-бля-бля и глюки

Двугорбый маг Пиздык, што мне как друг мирволит,
Загробный Божий Втык мне Глюком обезболит

Раскиснет Млечный Путь, закапает белёсо,
Посыплется на грудь космическое просо

И потечет мой хрюк лазурною рекою,
И я вкушу, пездюк, небеснаго покою

Лёня Тумблер был дибил,
Читал лишь Вякепедию,
Но проповедовать любил
Всяку мультимедию –

Мол, дыр-дыр-дыр, хуё-маё,
Все джоны-пьеры-юханы
Воспринимают всю её
Моргалами и ухами

Гнал пургу, молол и мёл
Позёмкою вдоль зимника,
Шо медию всем надо, мол,
Шоб было прогрессивненько

А што до тайны бытия –
Так хуй с ней, с этой тайною!
Лишь не отня́ли бы у тя
Тюльку дигитальную!

И родилос – та-да-да-дам,
Вы токо поглядите-ко –
У нево из жопы прям
Цыфравое дитетко

И не волчек, и не зайц,
И не чечундра в о́нучах,
А некый как бы, так сказать,
Мультимедиёночек

Каторый, да, не смог уйти
От тяжкого наследия:
Из мудей растут МУЛЬТИ,
А вместо хуя МЕДИЯ

Но и он в сазнанье масс
Въедрил свои панятия…

ВО КАКАЯ ЩАС У НАС,
ПАХОДУ, НЕТОКРАТИЯ!

На веку моём тараканьем
Видел, видел я пару-тройку
Вас, пиздующих быстро-быстро
В бессмертие, ёб вашу мать.

Я бежал от мусорки к буфету,
А вы раковину покоряли
И вершину плиты, где синим
Цветком горит газ, хуй мне в глаз.

Через час пробегал я обратно,
А вы уже в раю вкушали славу,
Монументы вам воздвигали
Из крошек и спичек везде.

Я всё думал – как поспеть за вами,
Как бы так вот продвинуться тоже?
А щас думаю – нахуй надо!
И от шкафа к мусорке бегу.

Льва Соломоныча Заёбова,
Очкастого, багрянолобого,
В 30-х знала вся Москва –
Имел он хуя целых два

И хвост пупырчатый квадратный,
Но красоты невероятной
Он распускал, неустрашим,
Чем ставил сталинский режим

В абсолютный тупик, разумеется

Господи, спи, отдохни от натуг!
Пусть бубенцы не звенят из-под дуг,
Пусть переливы архангельских труб
Не оглашают надлунный твой сруб.

Лягу и я в моём тошном аду
К стенке еблом у тебя на виду,
Бахов неживших беспалая рать
Нам колыбельную будет играть.

При виде наших внутриходных кораблей
Ты скоко хочешь лай и блей,
Дрочи айфон, а мы всё будем плыть –
Сквозь вонь блокбастеров, сквозь жирный пудинг лиц,

Мы доплывём до Внутренней Луны,
Где не вольны ни укры, ни нули
Смолоть Великую Надсолнечную Степь
На атлантийской мельнице судéб.

И в харю панскую, где тля и лунки ям,
Безбрежно харкнет юнга-окиян,
И воссмеётся новая Земля,
Отчаливая в звёздные моря!

ВАЛЕРИЙ ПЕЧЕЙКИН

СТРАШНОЕ СЛОВО

Комедия о съемках документального фильма о документальном фильме о театре, ставшая театральной пьесой

Свою творческую работу, посвященную созданию дипломного фильма, я предложил оформить в виде пьесы. Почему? Потому что, во-первых, мой фильм о театре. Во-вторых, события, произошедшие во время съемок, показались мне похожими на театр. В лучшем и худшем смыслах этого слова. Страшного слова.

Артем Фирсанов, режиссер

Много лет назад я хотел поступить во Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова. Тогда меня провалила на экзамене женщина с лицом Малюты Скуратова. Я до сих пор ей благодарен.

Валерий Печейкин, драматург

Посвящается В.

С благодарностью М.

Дисклеймер:

ВСЕ ПЕРСОНАЖИ ЯВЛЯЮТСЯ ВЫМЫШЛЕННЫМИ, И ЛЮБОЕ СОВПАДЕНИЕ С РЕАЛЬНО ЖИВУЩИМИ ЛЮДЬМИ СЛУЧАЙНО. АВТОР НЕ ИМЕЛ НАМЕРЕНИЯ ОСКОРБИТЬ КОГО-ЛИБО. ВО ВРЕМЯ СЪЕМОК ЕМУ ПРИСНИЛСЯ СОН, КОТОРЫЙ БЫЛ ЗАПИСАН ПОСЛЕ ПРОБУЖДЕНИЯ.

Действующие лица:

Артем Фирсанов, режиссер и провокатор
Валерий Печейкин, драматург и говно
Мужчины из отдела «Э», всегда бдят
Бабушка, единственный добрый голос, но по телефону
Светлана Мурзиченко, Виталий Калинкин-Малинкин, преподаватели института кинематографии, которые несут чушь за маленькую зарплату
Наталья Овца, автор великого вопроса с тем самым страшным словом
Содомова Яна Страпоновна, прокурорка
Хам Алексей, Бог дал ему такую фамилию

Андрианова, Нестеров, Масленкина, ФИО 2, Леонтьева, Конойко, павильон «Чебуречная» и магазин «Амбар», судья, участники дел об оскорблении по всей территории Российской Федерации.

Бобков и *Порнова,* эксперты-лингвисты, изучившие слово «ебать» за 41648 тысяч рублей.

Бахтин и *Ханыгин,* два Михаил Михайловича, один другого лучше

Первое и *Второе Значения Слова «Ебать»,* одно другого краше

Первая и *Вторая Скобки,* обе красавицы

С. С. Голубенко, Е. О. Китаева, сотрудники Министерства культуры Российской Федерации, изображены светлячками

Малюта Владимир Пузикович, ректор, кандидат, доктор, лауреат, поддержал политику президента в Крыму, просто пуся!

Женщина, которую трясет, потому что при ней матерятся

Татьяна Дипломовна, нормальная женщина-кинематографист старой закалки, снимала про доярок, потом уверовала

Шукшин, Шпаликов и *Тарковский,* оказались в неловкой ситуации гомосексуального характера

Путен Владимир Владимирович, лидер нации

Юрист, даст оценку всей этой пьесе на предмет соответствия закону

Лабада, инфернальный хор, музыканты

Прелюдия. Выбор темы

Сцена слабо освещена. Звук дождя. Одинокая человеческая фигура.

ФИРСАНОВ (*голос*): Кто это?.. Сложно понять. Это невысокий мужчина в костюме. Он низко опустил голову. Кто же это… Ах, я узнаю его. Это мой первый герой – тот, про кого я хотел снимать свой дипломный фильм. Я выбрал его 19 марта 2018 года, а за день до этого его выбрала вся страна. «Я видел Путена» – так должен был называться мой фильм. Мой мастер спросила меня: «Есть ли у тебя доступ к телу?». Я ответил: «Нет, в этом-то и суть». Мне захотелось узнать, может ли такой простой гражданин, как я, взять интервью у Путена. Ну или хотя бы увидеть его. Ну или хотя бы узнать, существует ли он.

Я полностью придумал сценарий. Первая сцена выглядела так. Типичная славянская семья отдыхает на пикнике: отец, мать, маленькая дочь, сын-подросток. Их здоровые белые зубы хрупают еду. Рядом поле пшеницы. Мужские руки (видны манжеты белой рубашки) раздвигают колосья. Кто-то идет через поле к этой семье. Кто же это? Мать замечает его первым, затем отец, дети. На их лице смятение. Наконец мы видим этого человека. Он стоит на краю поля, его голова светится, как на картине Магритта «Принцип удовольствия».

Звучит музыка Генделя.

По лицам героев мы понимаем, кого они видят. Титр: «Я видел Путена».

Тусклый свет, освещающий сцену, гаснет. Несколько секунд проходят в темноте. Затем свет возвращается. Теперь на сцене женщина. Молодая, красивая, ярко одетая.

ФИРСАНОВ: Ее я узнаю сразу – это моя вторая героиня. Светлана Лабада. Я оформил презентацию диплома в виде скрапбука – девичьего альбома. Все розовое, а в конце – музыкальная открытка. Но фильм я все же не снял, так как… Я не нашел конфликта, драмы, всего такого. Скрапбук я подарил самой Лабаде, а она выложила его в сториз.

Свет вновь гаснет. Снова темнота. Десять секунд, полминуты, минута. Свет не возвращается.

ФИРСАНОВ: Я знаю, что мой герой стоит на сцене. Просто в темноте. С ним нельзя разговаривать. Его зовут Кирилл Серебренников. Он находится под домашним арестом. И я не могу с ним разговаривать. Что же делать?

Акция «Быть Кириллом Серебренниковым»

ФИРСАНОВ: Мне пришла идея. Я взял слова Серебренникова, произнесенные им в разное время в суде, и составил из них монолог, манифест художника. Каждая фраза – как лозунг.

Но кто может прочесть этот манифест? Кто угодно. Любой зритель, сочувствующий, прохожий. Я предложил всем, кто хочет, взять слова Серебренникова и встать на его место. Буквально быть Кириллом Серебренниковым. Именно так я и назвал эту часть фильма, прибавив к ней только одно слово – акция.

И тут все началось…

Объявление

На сайте «Афиша-DAILY» и в других СМИ дана ложная информация о проведении 12 декабря 2018 года во «Всероссийском государственном институте кинематографии им. С. А. Герасимова» акции «Быть Кириллом Серебренниковым». Сообщаем, что согласно п. 30 Устава ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный институт кинематографии им. С. А. Герасимова» на территории вуза проведение политических и общественно-политических акций не допускается. В связи с этим данная акция не планировалась и не может быть проведена. Информация о ней, представленная в ряде СМИ, не должна вводить читателя в заблуждение.

Администрация

ФИРСАНОВ: Буквально днем накануне я узнал от администрации вуза, что съемки не будет.

На сцене появляется Валерий Печейкин.

ПЕЧЕЙКИН: Они обосрались.
ФИРСАНОВ: Валерий Валерьевич, ай-ай-ай!

Печейкин уходит.

ФИРСАНОВ: Печейкин, конечно, неправ. Но я действительно почувствовал… как говорят в таких ситуациях – страх в воздухе.

Входит Печейкин.

ПЕЧЕЙКИН: Это запах говна.
ФИРСАНОВ: Валерий, прекратите!

Печейкин уходит.

ФИРСАНОВ: Как я сказал, воздух был пропитан страхом. Меня вызвали на кафедру и потребовали не проводить акцию.
Вообще. Нигде, никогда.

Входит Печейкин.

ФИРСАНОВ: Валерий, я прошу вас!..
ПЕЧЕЙКИН: Да и так все понятно.

Махнув рукой, уходит.

ФИРСАНОВ: На следующий день мы провели акцию в независимом пространстве NOL Project.
А еще через два дня…

«Э»

Входят двое мужчин. Как они одеты и как выглядят, рассказывать нельзя. Один из них подходит и показывает удостоверение.

ФИРСАНОВ: На следующий день на площадку приехали сотрудники из отдела по борьбе с экстремизмом. Они говорили не со мной, а с… Хотя об этом лучше не говорить: не хочу создавать проблемы человеку, который нам помог. Давайте представим, что эшники говорили со мной.

МУЖЧИНА 1: Фамилия, имя, отчество.
ФИРСАНОВ: Фирсанов Артем Валерьевич.
МУЖЧИНА 2: Что снимали?
ФИРСАНОВ: Художественную акцию.

МУЖЧИНА 1: Художественную? Не политическую?
ФИРСАНОВ: Не политическую.
МУЖЧИНА 2: А договор аренды есть?
ФИРСАНОВ: Аренда безвозмездная, и договор заключен в устной форме.

Мужчины смотрят друг на друга.

ФИРСАНОВ: А в связи с чем проверка?

Мужчины ничего не отвечают, а даже если отвечают, то вам этого знать нельзя. И вообще ничего, что было, так что лучше пойдем дальше.

Бабушка

Звук телефонного звонка.

ФИРСАНОВ: Мой фильм начинается со звонящих телефонов. Их много, они лежат в коробке. Так 22 мая 2017 года в Гоголь-центр приехали с обысками. Сотрудников собрали и заперли в Большом зале. Их телефоны забрали, они тогда буквально разрывалась от звонков – ведь всем звонили родственники, коллеги, друзья.

А этот телефонный звонок – мой. Мне звонит бабушка.

Шум в телефоне, гудение. Слышен голос пожилого человека: «Артемушка! Артемушка, это ты?».

ФИРСАНОВ: Про бабушку из Мордовии я писал, когда поступал в институт пять лет назад.

Бабушка плачет.

ФИРСАНОВ: Да нормально все, бабуля. Я не дома, да… В общежитии, да. Всего хватает… Стипендия небольшая, но… Я подрабатываю.

Бабушка успокаивается, а затем говорит, что видела Артема по телевизору. Он провел какую-то акцию. Что это было, бабушка не понимает. Она также не поняла, хорошо это или плохо.

ФИРСАНОВ: Да все нормально… Просто у нас фильм такой… Да, сложный. Про режиссера. Нет, не украл. Ну как почему сидит? Ты же сама знаешь, как у нас в стране.

Бабушка охает и говорит что-то вроде «от тюрьмы и сумы не зарекайся».

ФИРСАНОВ: В конце говорим про погоду.

Совет старейшин

ФИРСАНОВ: А на следующий день после акции меня вызвали на кафедру. Там было одиннадцать человек.

Входит Валерий Печейкин.

ПЕЧЕЙКИН: Одиннадцать, блядь, человек!
ФИРСАНОВ: Валерий!..
ПЕЧЕЙКИН: Но это же пиздец! (*Потрясает руками.*) Одиннадцать человек!
ФИРСАНОВ: Да, одиннадцать человек. Со мною двенадцать.
ПЕЧЕЙКИН: А со мною…

И тут внимательный читатель догадается, что Печейкин был тринадцатым. И, конечно, это не случайно. Об этом мы расскажем чуть позже.

ФИРСАНОВ: В итоге нас осталось двенадцать, потому что Печейкина вывела охрана.
ПЕЧЕЙКИН: Но перед этим мы немного поговорили.

Входит Светлана Мурзиченко.

МУРЗИЧЕНКО: Ты херовый драматург. Ты на подсосе. Твое образование ташкентское.
ПЕЧЕЙКИН: Только что вы услышали обращение Светланы Леопольдовны Мурзиченко. Она – член Союза кинематографистов, преподаватель. Ее работы участвовали во многих подмосковных фестивалях.

Входит Виталий Калинкин-Малинкин.

КАЛИНКИН-МАЛИНКИН: Ты провокатор ФСБ и говно.
ПЕЧЕЙКИН: Это был Виталий Калинкин-Малинкин, уважаемый человек, известный сценарист и режиссер, отличник пограничной службы СССР, лауреат премии «Золотой бубенец», сценарист фильма «Оргазм под бой стеклотары».

Чуть позже, в социальной сети Фейсбук Виталий пригласит меня, цитата, «на танец Смерти». Я долго размышлял над этим предложением. А потом обнаружил в социальной сети Калинкина-Малинкина, что накануне он слушал по каналу «Культура» Малера. Давайте и мы немного послушаем. Например, Шестую трагическую симфонию великого композитора.
ФИРСАНОВ: Под музыку Малера охрана выводит Валерия Печейкина с заседания кафедры.

Звучит что-нибудь из Малера, какой-нибудь вихрь ужаса, пляска смерти, хохот ада и пр.

ФИРСАНОВ: Мы поговорили без Печейкина. И закончили довольно мирно. Меня попросили не устраивать больше акций и пообещали, что дадут мне закончить фильм. Но на следующий день все изменилось.

Вопрос вопросов

ОВЦА: Здравствуйте, меня зовут Наталья Овца. Я работаю исполнительным продюсером в институте. Вы не знали обо мне и не узнали бы. Но однажды меня озарило. К проклятым вопросам русской жизни я смогла добавить еще один. Все знают «Кому на Руси жить хорошо?», «Кто виноват?», «Что делать?». А я однажды спросила: «Кто кого ебет?» Формально этот вопрос относился к двум конкретным людям – Артему Фирсанову и Валерию Печейкину. Но формально! Реально же этот вопрос каждый может задать себе. И миру. Вы ебете? Или вас ебут? Кто же и кого? Кто же… и кого…

И вот я решила адресовать его тому, кто, как мне показалось, может на него ответить. Это был молодой человек, студент Артем Фирсанов. Выбранная им тема показалась мне интересной – театр и художник. Судьба театра и судьба художника. Бывает ли она легкой? Добр ли к нему мир? Чем платит он ему за критику? Кто и кого – художник мир или мир художника? Эти вопросы давно меня волновали. И я думала, что мы с Фирсановым можем понять друг друга… А он решил обидеться.

Хотела ли я его оскорбить? Какая глупость. Если бы я хотела, то давала бы ответы, а не задавала вопросы. Может ли художник вообще обидеться на вопрос? Не сам ли художник задает вопросы миру? А если ты обижаешься, то остаешься ли художником? Не становишься ли обывателем? Сколько вопросов и ни одного ответа. Вернее, ответов много. Их никто не считает. А вот на один вопрос стало больше.

Кто? Кого? Ебет?

Межрайонная прокуратура

ФИРСАНОВ: В Юрийникулинскую межрайонную прокуратуру города Москвы. Содомовой Яне Страпоновне, старшему советнику юстиции. От Фирсанова Артема Валерьевича, дата рождения 10.10.1996.

Заявление

14 декабря 2018 г. в промежутке времени с 13:00 по 17:45 я, Фирсанов Артем Валерьевич, находился на съемках, которые проходили на Факультете наук о материалах (лабораторный корпус Б) МГУ им. М. В. Ломоносова по адресу: Ленинские горы, дом 1, строение 73. Мое присутствие в вышеуказанном месте в указанный промежуток времени может подтвердить свидетель Погосова Мариам Александровна.

14 декабря 2018 г. в вышеуказанном месте в 13 часов 26 минут на мой телефонный номер в системе для обмена онлайн сообщениями (мессенджере) «WhatsApp» мною было получено оскорбительное сообщение, отправленное с номера телефона, принадлежащего Овце Наталье Викторовне (Приложения № 1 и № 2).

Текст сообщения Натальи Овцы:

«Я тебе сочувствую. Ты с Печейкиным то все делишь)) знаешь какой вопрос тут больше всего интересует вгиковскую общественность – не фильм и не Серебренников, а – кто из вас кого ебет? а че тут сомневаться))»

ПЕЧЕЙКИН: Рядом с прокуратурой в снегу стоят гаубицы. Здесь Музей обороны Москвы, торговый центр и филармония. Из грязного окна я вижу афишу с лицом дирижера Филиппа Чижевского.

Мы приехали сюда в середине зимы. Четвертый этаж. Очередь, которая длится более двух часов. Почти два с половиной. Сорок минут уходит на ожидание какого-то мужика. Бывший бухгалтер подала на него заявление. Мужик сидит в кабинете прокурора и фотографирует материалы дела. Наконец он уходит, и мы подаем свое заявление.

ФИРСАНОВ: Прошу: привлечь к административной ответственности по ст. 5.61 КоАП РФ Овцу Наталью Викторовну, 16.05.1984 г.р., уроженку г. Пермь.

ПЕЧЕЙКИН: 25 февраля 2019 года.

Прокурор

На сцене генеральный прокурор Юрийникулинской межрайонной прокуратуры Содомова Яна Страпоновна. Она читает заявление.

ЯНА СТРАПОНОВНА (*читает*): «Судя по контексту сообщения, Наталья Овца заподозрила меня в сексуальных отношениях со сценаристом Валерием Печейкиным. Печейкин всегда публично толерантно отзывался о гей-сообществе, не скрывает свою принадлежность к нему». Кхм…

Встает и закрывает жалюзи в кабинете. Садится обратно за стол, включает лампу.

ЯНА СТРАПОНОВНА (*читает*): «Также Печейкин делал как журналист ряд интервью с известными людьми на эту тему (Владимир Познер, Виктор Ерофеев, Людмила Алексеева) для гей-журнала „КВИР“»… О господи… (*Продолжает чтение:*) «Однако упоминание Овцой гомосексуальных отношений между нами явилось для меня полной неожиданностью». Так-так… «Я не обсуждал с ней свою личную жизнь. Этого не было и в моих творческих работах. В качестве директора Овца выпускала мою предыдущую курсовую работу „Первая смерть“. В этой работе я затрагивал тему смерти, моей героиней была

девушка, в фильме манифестировалась женская сексуальность. Ни в этой работе, ни ранее я не касался темы однополых отношений».

Яна Страпоновна встает, заваривает крепкий пуэр и возвращается к чтению.

Приложения

ФИРСАНОВ: К заявлению было приложено 7 постановлений, вынесенных российскими судами по делам об оскорблении. Давайте я вам о них расскажу. Читая их, словно проносишься над нашей огромной родиной, Россией.

Постановление Чукотского районного суда
Чукотского автономного округа

На сцену выходит потерпевшая из Чукотского автономного округа, а также некая Андрианова.

ПОТЕРПЕВШАЯ: Андрианова махала перед моим лицом руками, тыкала в лицо пальцами, а потом достала из пакета платье дочери и стала махать им перед моим лицом. В этот момент Андрианова говорила, что сделает всё, чтобы меня уволили, угрожала мне и называла меня…
АНДРИАНОВА: …«бесстыжей», «бессовестной», «хамкой», «непорядочной», кричала на нее «зло».
ПОТЕРПЕВШАЯ: В процессе этого Андрианова наклонилась и плюнула мне на ноги.

Входит судья. Все встают. Все-все, вы тоже.

СУДЬЯ: Признать Андрианову И. А. виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, и назначить ей административное наказание в виде административного штрафа в размере 2 500 (две тысячи пятьсот) рублей.

Решение Котельниковского районного суда
Волгоградской области

Входят Нестеров, Черменева и Черменев. Нестеров произносит друг за другом три оскорбительные фразы.

НЕСТЕРОВ: «Ирина, привяжи свою собаку, блядь!»
«Ирина, засунь себе телефон в жопу»,
«Ты что, хрен с бугра?»

(*В зал.*)

Я считаю, что такие выражения не носят оскорбительный характер и не унижают человеческое достоинство. Нецензурная брань при обращении к Черменевой была в конце предложения и не была обращена к ней, как к личности.

Судья стучит молоточком.

СУДЬЯ: Истек срок давности.

Решение Великоустюгского районного суда
Волгоградской области

Входит Масленкина.

МАСЛЕНКИНА: Шарыпов В. Н., с которым я ранее состояла в зарегистрированном браке, после расторжения брака начал посылать на мою электронную почту сообщения оскорбительного характера, в том числе в нецензурной форме. Так, 12 августа 2018 г. в 21 час 18 минут Шарыпов В. Н. с использованием сети Интернет направил мне на электронную почту очередное сообщение, содержащее оскорбления в нецензурной форме, а именно слово, обозначающее женщину легкого поведения, самку собаки, чем оскорбил мое честь и человеческое достоинство. Прошу взыскать компенсацию морального вреда в размере 50 000 рублей.
СУДЬЯ: Взыскать 12 300 рублей.

Постановление Сузунского районного суда
Новосибирской области

Входит фамилия имя и отчество номер 2.

ФИО 2: Здравствуйте. Меня засекретили. Своими действиями, направленными на оскорбление истицы, я причинил ей моральный вред, выразившийся в нравственных страданиях. Нравственные страдания и душевные переживания стали причиной высказывания с моей стороны в ее адрес слов оскорбления нецензурными словами, которые не являются литературными и общеупотребительными в разговорной лексике. Имеют неприличную форму в виде фразы: «Пошла ты на мужской половой член, тварь», – которая была высказана в отношении ее и которая унизила ее честь и достоинство. Согласно толковому словарю автора, чье имя также засекречено: «Тварь – недостойный, подлый человек (просторечное: презрительное)».
СУДЬЯ: Удовлетворить частично.

Определение Монастырщинского районного суда
Смоленской области

Входит Леонтьева.

ЛЕОНТЬЕВА: Ты для меня последняя тварь и такая тварь под номером один.
СУДЬЯ: Провести проверку.

Постановление Провиденского районного суда
Чукотского автономного округа

Входит Конойко.

КОНОЙКО: Кто вы такая, чтобы вам давать посылки, засунули блядь свои хотелки. Идешь и пляшешь уродина. Вообще пошли бы вы на хрен. Сначала детей наших научите чему-нибудь, а потом возникайте, а то приехали заработать на хаты. Идешь и пляшешь, кто ты такая чтобы я перед тобой распиналась. Хрен вам, после праздников.
СУДЬЯ: Виновна. Две тысячи рублей.

Постановление Биробиджанского районного суда
Еврейской автономной области

На сцену выходят павильон «Чебуречная» и магазин «Амбар».

СУДЬЯ: Лескина Т. Б. обратилась в суд с иском к Набиулиной О. В. о компенсации морального вреда. Свои требования мотивировала тем, что 25.06.2017 года, примерно в 13:00 часов у павильона «Чебуречная», рядом с магазином «Амбар» в г. Биробиджане между ней и Набиулиной О. В. произошел конфликт на почве личных неприязненных отношений со стороны ответчика. В ходе данного конфликта ответчик оскорбила ее, высказывая нецензурную брань.

Павильон «Чебуречная» и магазин «Амбар» замерли в ожидании.

СУДЬЯ: Взыскать 10 300 рублей 00 копеек.

Выходит Наталья Овца. Все приветствуют ее как богиню. Особенно радуется магазин «Амбар», а у павильона «Чебуречная» просто истерика.

Наталья Овца произносит четыре слова, отправленные в сообщениях режиссеру Фирсанову.

ОВЦА: Ебет.

Аплодисменты.

Сука.

Аплодисменты.

Охуел.

Аплодисменты.

Блядь!

Овации.

ФИРСАНОВ: Межрайонная прокуратура не смогла самостоятельно понять, содержится ли в этих словах оскорбление. Для этого была назначена специальная лингвистическая экспертиза.

Эксперты

На сцене появляются два человека – мужчина и женщина.

БОБКОВ: Здравствуйте, друзья. Я – Бобков Алексей Александрович, заместитель заведующего лабораторией судебной лингвистической экспертизы.
ПОРНОВА: А я Порнова Вероника Борисовна, государственный судебный эксперт. Я имею высшее образование по специальности «Филология», дополнительное профессиональное образование по экспертной специальности «Исследование продуктов речевой деятельности».
БОБКОВ: Что ж…
ПОРНОВА: Я также прошла подготовку научно-педагогических кадров высшей квалификации в аспирантуре по направлению «Языкознание и литературоведение»…
БОБКОВ: Давайте же…
ПОРНОВА: Аттестована в соответствии со статьей 12 Федерального закона от 31.05.2001 номер 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».
БОБКОВ: Это замечательно, но давайте…
ПОРНОВА: Я имею право самостоятельного производства судебных лингвистических экспертиз по экспертной специальности «Исследование продуктов речевой деятельности».
БОБКОВ: Отлично! Итак, мы начинаем исследовать…
ПОРНОВА: Мой экспертный стаж исчисляется с 2017 года.
БОБКОВ: Все?

Пауза.

БОБКОВ: Вероника Борисовна, у вас всё?

Пауза.

БОБКОВ: Я спрашиваю, у вас всё, Вероника Борисовна?
ПОРНОВА: Я не могу говорить ничего, кроме написанного в документе. И вы, пожалуйста, не вкладывайте мне какие-то другие слова.
БОБКОВ: Да я сам не говорю то, чего не писал. Успокойтесь. Итак, на разрешение перед нами поставлен вопрос: в каком значении в представленном на исследование тексте использовано слово «ебет»?
ПОРНОВА: Хи-хи.
БОБКОВ: Настоящее лингвистическое исследование проводилось в помещении лаборатории судебной лингвистической экспертизы ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России.

На сцену выходит Первое значение слова «ебать».

ПЕРВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Здравствуйте, друзья. Я первое значение слова «ебать». В этом значении я означаю – совершать половой акт, выполняя активную роль сексуального партнера. Спасибо…

Первое значение слова «ебать» уходит. На его место коварной походкой выходит Второе значение слова «ебать».

ВТОРОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Кто же я? Я второе значение слова «ебать»! Что же я делаю? Я ввожу в заблуждение, обманываю. Я сопоставимо с унизительным положением объекта сексуального действия.

Совершает пассы руками.

Я отношусь безразлично, игнорирую, пренебрегаю чем-либо, кем-либо, выражаю полное презрение к объекту. Ха-ха! Я подобно отстраненному или презрительному отношению к объекту в половом акте, к женщине, которая соглашается на сексуальную связь с любым партнером, чаще всего из корыстных побуждений. А-ха-ха! Ха-ха! О-хо-хо! А-а-а-а-а-а-ха! Ха! Ха!

Совершая пассы руками, уходит.

На сцену выходит Артем Фирсанов.

ФИРСАНОВ: Стоимость экспертизы сорок одна тысяча шестьсот сорок восемь рублей.

Хам

Входит Алексей Хам.

ХАМ: Здравствуйте. Меня зовут Хам. Кажется, что моя фамилия – это шутка. Но нет. Я исполнитель по делу о вопросе «кто кого ебет». Я допросил Наталью Овцу и принял ее показания. Овца заявила, что не имела намерения оскорбить Фирсанова. Верно, Наталья Викторовна?

На сцену выходит Наталья Овца.

ОВЦА: Здравствуйте. Меня зовут Наталья Викторовна Овца, и я не имела намерения оскорбить Фирсанова Артема Валерьевича. (*Поворачивается на месте.*) Вот так.
ХАМ (*поворачивается на месте*): Вот так.
ФИРСАНОВ: Но как же… Вы написали мне эту гадость! И мат… Слово «ебет». Это оскорбление!
ОВЦА: Я использовала слово «ебет» в значении «использует». (*Поворачивается на месте:*) Вот так.
ХАМ (*поворачивается на месте*): Вот так.
ФИРСАНОВ: Что-о?
ХАМ: Слово «ебет» использовано в значении «использует». То есть: кто из вас с Печейкиным кого использует.
ОВЦА (*поворачивается на месте*): Вот так.
ХАМ: Кроме того, была употреблена вопросительная форма – «кто из вас кого ебет?». (*Поворачивается на месте.*) Вот так.
ОВЦА (*поворачивается на месте*): Вот так.
ХАМ: В ходе проведения проверки межрайонной прокуратурой получены объяснения от Овцы Н. В., которой подтверждено, что она действительно писала сообщение Фирсанову А. В., но это сообщение имело переносное значение, а именно: глагол «использует». Оскорбить Фирсанова или Печейкина в этом сообщении или унизить их честь и достоинство Овца Н. В. не хотела. Вопросительная форма предложения в рассматриваемом случае не является оскорблением, заявителю был задан вопрос, который, по утверждению Овцы Н. В., имел переносное значение.

Таким образом, я выношу постановление о прекращении разбирательства по вашему заявлению.
ОВЦА: 6 февраля 2017 года.

Друзья по переписке

ПЕЧЕЙКИН: За это время у нас появилось много новых друзей. Самые разные люди помогали нам в съемках. А теперь приглядитесь…

В глубине сцены появляются два огонька.

Это два наших новых друга. Начальник отдела мониторинга и качества художественного образования Департамента науки и образования Китаева Елена Олеговна. И второй друг – заместитель директора Департамента науки и образования Святослав Сергеевич Голубенко… Прямо сейчас они сидят за своими столиками и пишут мне ответы, а я пишу ответы им. Так мы пишем друг другу уже много месяцев. Они пишут мне, что все в порядке, а я пишу им, что нет. Мы никогда не видели друг друга, но наша связь не прерывается… Эй, привет!

Машет им рукой. Огоньки тут же встрепетываются и кружат как шекспировские эльфы.

У ректора

ФИРСАНОВ: 16 апреля я встретился с ректором. На самом деле, отправляясь на встречу, я интересовался только одним вопросом. Говорили, что у ректора в столе есть специальная выемка, куда он вставляет свой живот, когда садится. Говорили, что это специальное механическое изобретение. Больше всего мне хотелось посмотреть на него, на этот «альков для пуза». И что же я увидел? Ничего подобного. Ректор как ректор, стол как стол. А все остальное было неважно.

Кроме ректора, на встрече было еще шесть человек: проректор 1, проректор 2, мастер курса, декан, завкафедры и юрист. Юрист был молодым человеком в приталенном костюме. Мне показалось, что юриста нашли на «Юле».

Все заседание напоминало драку за гаражами – когда ты назначил кому-то стрелку, а потом испугался, взял брата и друзей.

Заседание шло полтора часа. Я принес ректору всевозможные документы. Он спросил, что такого мне написали, из-за чего я так возмущаюсь. Я произнес то самое сообщение. «Кто кого ебет?»

Входит ректор.

РЕКТОР: Здравствуйте, я ректор Владимир Малюта. Я кандидат экономических наук и доктор искусствоведения. Я награжден орденом Кердык второй степени. И как вы думаете, каково мне было слышать эти слова из уст студента, мальчишки?

ФИРСАНОВ: «Кто кого ебет?»

РЕКТОР: 11 марта 2014 года я подписал обращение деятелей культуры Российской Федерации в поддержку политики Президента России Владимира Владимировича Путена на Украине и в Крыму. И теми же ушами, что я услышал новость о возвращении Крыма, я услышал эти ужасные слова…

ФИРСАНОВ: «Кто кого ебет?»

РЕКТОР: На сайте президента России обо мне написано, что я «подвижник кинематографа». Не случайно, моя заработная плата в месяц составляет 539 927 рублей. И каково же было мне, подвижнику, слушать о том, как…
ФИРСАНОВ: «Кто кого ебет?»
РЕКТОР: Но ладно я, но в кабинете присутствовали женщины.

На сцену выходят женщины. Не обязательно те же, что и в кабинете. Просто любые женщины постбальзаковского возраста. Все плачут, кроме одной, которая трясется от гнева.

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: Мы, женщины, в ужасе от этих слов.
ФИРСАНОВ: Погодите, но эти слова написала другая женщина.
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: Заткнись.

Входит Порнова, она все-таки эксперт-лингвист. И только услышит мат, как тут как тут.

ПОРНОВА: Я прошу выйти на сцену первое значение слова «ебать».

Выходит Первое значение слова «ебать».

ПЕРВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Ну вот снова я…
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: Мы, женщины, услышали в словах Фирсанова именно это значение, первое.

Выходит Второе значение слова «ебать».

ВТОРОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Но когда дело доходит до прокуратуры, то появляюсь я, второе значение.
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: И хер ты что докажешь.
ФИРСАНОВ: Как все запуталось!

На сцену выходит Михаил Михайлович Бахтин.
Вернее, его выводит эксперт Порнова.

ПОРНОВА: Друзья, я привела к вам Михаила Михайловича Бахтина.

Следом сам выходит Михаил Михайлович Ханыгин. Или его ведут лучшие побуждения.

ХАНЫГИН: Здравствуйте, друзья. А я Михаил Михайлович Ханыгин. Я толстый мужчина и работаю в институте кино.
БАХТИН: Друзья, здравствуйте. Я русский философ, культуролог, теоретик европейской культуры и искусства, меня зовут Михаил Михайлович Бахтин.

ХАНЫГИН: Мы оба Михаилы Михайловичи.
БАХТИН: И оба любим карнавальный смех.
ХАНЫГИН: Узнав, что прокуратура отказалась возбуждать дело в отношении моей коллеги Натальи Викторовны Овцы, я решил высказаться об этом в социальной сети Фейсбук. Там я назвал студентика Фирсанова «пидарасом», «шлюхой» и «гаденышем».
БАХТИН: Вот так карнавал!
ПОРНОВА: Философа Бахтина я процитировала в своем исследовании за сорок тысяч рублей. Михаил Михайлович, прошу вас.
БАХТИН: Все верно, в лингвистическом исследовании Вероники Борисовны Порновой процитированы мои слова. Разрешите я их зачитаю. (*Вынимает лингвистическое исследование, читает.*) Тематика брани и смеха почти исключительно гротескно-телесная тематика. В особенности там, где люди смеются и ругаются в условиях фамильярного общения, их речь пестрит образами гротескного тела – тела совокупляющегося, испражняющегося, обжирающегося.

Женщины делают «ах» и «фу».

ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: Такие слова, а еще Бахтин!
РЕКТОР: К чему это все было сказано?
ПОРНОВА: В сообщении Овцы смеховой эффект создается за счет сопоставления фильма и его героя с вопросом «кто кого ебет», такое сопоставление выполняет функцию деидеологизации. Данная функция смеха предполагает гротескное соотнесение несоотносимого – высокого, идеологически окрашенного с низким, материальным, с семантикой материально-телесного низа, для чего используется бранная лексика.
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: Так, может быть, Наташа просто хотела посмеяться?
РЕКТОР: Может быть, нам всем просто улыбнуться?

На сцену выходят две огромные закрывающие скобки.

ПОРНОВА: В данном высказывании также используется эмотикон «улыбка», указывающий на его комическую (смеховую) окраску.
ПЕРВАЯ СКОБКА: Здравствуйте, друзья.
ВТОРАЯ СКОБКА: Всем доброго времени суток.
ПЕРВАЯ СКОБКА: Мы две скобки.
ВТОРАЯ СКОБКА: Первая и вторая.
ПЕРВАЯ СКОБКА: А вместе мы…
ПЕРВАЯ СКОБКА И ВТОРАЯ СКОБКА: …эмотикон «улыбка»!
ПЕРВАЯ СКОБКА: Друзья, нам кажется, что все это дело возникло потому, что мы не улыбаемся.
ВТОРАЯ СКОБКА: Ведь если в конце фразы поставить «улыбку», то она сразу перестает быть оскорблением.

ПЕРВАЯ СКОБКА: Она становится…
ПЕРВАЯ СКОБКА И ВТОРАЯ СКОБКА: …улыбкой.
ВТОРАЯ СКОБКА: Попробуйте сами. Говорите, улыбаясь.
ПЕРВАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): Ты пидор.
ВТОРАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): Ты охуевший пидор.
ПЕРВАЯ СКОБКА: А если в конце поставить вопрос, то вы совсем ни в чем не виноваты. Просто попробуйте.
ВТОРАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): Ты пидор?
ПЕРВАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): Ты охуевший пидор?
ВТОРАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): Не раскроить ли тебе ебало,
ПЕРВАЯ СКОБКА И ВТОРАЯ СКОБКА (*улыбаясь*): …охуевший пидор?
ПЕРВАЯ СКОБКА: Улыбайтесь, господа!
ВТОРАЯ СКОБКА: Улыбайтесь!

Все улыбаются. К первой и второй скобкам подходят первое и второе значения слова «ебать».

ПЕРВОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Дамы, вы близнецы, а мы двойняшки.
ВТОРОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Не связать ли нам свою судьбу?
ПЕРВАЯ СКОБКА: Ой, вы такой симпатичный…
ВТОРАЯ СКОБКА: У вас такой красивый рот.
ВТОРОЕ ЗНАЧЕНИЕ: Целую им вашу ручку. (*Целует ей руку.*) Я бы хотел вас использовать в значении «ебать».
ПЕРВОЕ ЗНАЧЕНИЕ (*первой скобке*): Я бы хотел вас ебать в значении «использовать».
ПЕРВАЯ СКОБКА (*ректору*): Владимир Пузикович, будьте моим свидетелем.
РЕКТОР: Хорошее дело! Гетеросексуальное! Почему бы и не поучаствовать!
ВТОРАЯ СКОБКА: А вы, женщина, моим свидетелем.
ЖЕНЩИНА, КОТОРУЮ ТРЯСЕТ: С радостью!

Артем Фирсанов, о котором все забыли, пытается привлечь к себе внимание. О Бахтине тоже все забыли, но он ведет себя скромнее. Ханыгин просто что-то ест или сидит в фейсбуке. Мы уже не говорим о некотором количестве женщин, которые тоже стоят без дела. И еще лингвист-эксперт Порнова. Господи, сколько народа!

ФИРСАНОВ: Стоп-стоп-стоп! Я все-таки хочу напомнить, что мы находимся тут по моему вопросу. Меня оскорбили. Никто меня не выслушал. Никто не извинился. А тут что происходит? Первая скобка и вторая скобка выходят замуж за два значения слова «ебать», а ректор и какая-то тетка выступают свидетелями. Что это вообще такое? О чем это?
РЕКТОР: Давайте спросим Викторию Порнову, она же эксперт.
ПОРНОВА: Давайте спросим Бахтина.

БАХТИН: Кхм… Ну… Что я могу сказать… Слово не вещь, а вечно подвижная, вечно изменчивая среда диалогического общения.
ФИРСАНОВ: Ебать!
ВТОРОЕ ЗНАЧЕНИЕ: В каком значении?
РЕКТОР: Я бы вас попросил…!
ФИРСАНОВ: Я ничего не понимаю. Что тут происходит? Меня кто-то вообще слышит?
РЕКТОР: Кричите еще громче, и вас услышат людоеды в Африке. А я считаю наше сегодняшнее заседание оконченным. Меня ждут другие дела. Не забывайте, что я подвижник. Всего доброго.

Ректор уходит, за ним уходят все остальные. Только Бахтин на минуту задерживается и подходит к Артему Фирсанову.

БАХТИН: Артем, дорогой, я что хочу вам сказать… вам лично… поэт должен помнить, что в пошлой прозе жизни виновата его поэзия, а человек жизни пусть знает, что в бесплодности искусства виновата его нетребовательность и несерьезность его жизненных вопросов.
ФИРСАНОВ: Угу.
БАХТИН: И еще…
ФИРСАНОВ: Что?
БАХТИН: Я Бахтин, а ты кретин! (*Убегает.*)

Монолог героя

ФИРСАНОВ: Если бы пять лет назад мне сказали, что ректор вуза, который я заканчиваю, запретит мне съемки и закроет мой дипломный фильм, я бы решил, что это чужая биография.

Но пять лет назад я этого не знал. Меня волновало только мое поступление, где одним из первых заданий было написать биографию. Получился большой рассказ с историями о моей семье, фотографиями из старого альбома, идеями для фильма и фоторепортажами. Я снимал ветеранов и беженцев из Луганска, писал сочинение по «Ленинградской симфонии» Шостаковича. Помню, как моя комната превратилась в маленькую типографию, как вся семья стала одним механизмом. Один печатал, другой вырезал, третий сшивал, только я – нервничал. Нервничал, потому что уже утром был первый тур поступления в институт моей мечты. Я был убежден, что не поступлю. Сами подумайте, кто поступает на режиссера кино в 17 лет?

Я был уверен, что, когда я буду заканчивать свой вуз, мне все будут помогать. Меня будут спрашивать, что я хочу сказать своим фильмом. Но вместо этого меня спросили,

кто
кого
ебет.

Я знаю, что всех на самом деле интересует только это. Я просто какая-то Диана Шурыгина. Я Настя Рыбка.

Хорошо, я дам вам ответ. Никто меня не ебет, но все меня заебали. Пять лет меня заебывали тем, как надо снимать кино – честно, открыто, бескомпромиссно. А когда я начал так снимать, то стали заебывать обратным. Меня заебали те, кто говорил мне, что все это ради хайпа. Меня заебал сценарист Печейкин. Знали бы вы, как он заебал меня со своими постами в фейсбуке!.. В Бирюлево, где я родился, все эти проблемы решаются гораздо проще. А Печейкин все пишет и пишет. И ничего не решается. И все это от того, что все друг друга заебали и никто никого не ебет.

Разговор с мастером

ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Артем, я прочла твою так называемую пьесу… Я не могу это принять. Это не творческая работа. В ней нет ничего по теме. Нужна не пьеса, а простое, понятное описание, как проходили съемки…
ФИРСАНОВ: Но вы же знаете, как они проходили.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: То есть? Ты пиши про съемки, а не про все это.
ФИРСАНОВ: Ну вот я как раз и написал про съемки.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Это не про съемки. При чем тут ректор, его зарплата, Овца, какой-то Бахтин. Ты писал, что будешь снимать про театр, у тебя был сценарий…
ФИРСАНОВ: Сценарий не может предсказать реальность. Я начинал снимать один фильм, но реальность оказалась другой. Я как документалист постарался ее поймать. Не этому ли меня учили пять лет?
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Я не могу это принять. Нужна другая работа. А это я подписать не могу. Мне и так влетело за это все…
ФИРСАНОВ: Так дело в пьесе или в том, что вам влетело?
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: В том, что надо написать про фильм, а не пьесу.
ФИРСАНОВ: Пьеса – это только форма. Там же все есть: от выбора темы до монтажно-тонировочного периода. Разрешено писать в свободной форме. Я выбрал форму пьесы, так как снимал про театр.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Артем, давай уже хватит. Давай уже закончим это все. Ты хочешь получить диплом? Хочешь нормально защититься? Или хочешь это вот все?

Берет текст пьесы, внутри которой говорит, и потряхивает им в воздухе. В этот момент комнату подбрасывает как при землетрясении.

ФИРСАНОВ: Осторожно, Татьяна Дипломовна. Вы прямо сейчас нами трясете.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Я прошу тебя поставить здесь точку. Зачем ты меня сюда написал? Не пиши меня сюда. Я больше не хочу тут говорить. Все ясно сказала. И давай работай.

Пауза.

ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Как мне уйти-то отсюда? Из этой пьесы?
ФИРСАНОВ: Не знаю, Татьяна Дипломовна.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: А кто знает? Печейкин? Это он написал? А? (*Поднимает голову и кричит вверх, прямо со страницы.*) Печейкин, прекрати писать.

Пауза.

ФИРСАНОВ: Кажется, он все еще нас пишет.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Так, всё, я ухожу.

Встает, идет по листу бумаги и, дойдя до края, останавливается.

ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Что за детский сад!

Прыгает и исчезает.

Надавил

ФИРСАНОВ: 21 апреля. Последний съемочный день. Последний, не считая того дня, когда будет вынесен приговор Кириллу Серебренникову. Сегодня мы снимаем, как он выйдет в финале спектакля «Барокко» на сцену. И зал устроит ему овацию.

22 апреля. Мы пришли в новую прокуратуру. Уже в третий раз. Исполнитель по моему делу встречает меня с ужасом. Он спрашивает, зачем я все время сюда хожу. Он говорит, чтобы я не давил на него. Он намекает на то, что есть дела поважнее, чем то, что я «пидор». Ответ будет дан мне в установленный законом 30-дневный срок.

Я хочу запомнить этот день. День, когда я, Фирсанов Артем Валерьевич, студент ВГИКа, надавил на российскую правоохранительную систему. Я хочу запомнить этот день.

Мне очень жаль, что я не власть. Ее нельзя оскорблять с 7 марта этого года. Меня можно оскорблять всегда. У меня нет власти, поэтому у меня нет прав. Вы можете оскорблять меня в любом значении. Вы можете делать со мной что угодно. Главное, делайте это в вопросительной форме.

Определение об отказе

Определение об отказе в возбуждении административного производства.

Из объяснений Ханыгина М. М. следует, что слово, по мнению Фирсанова А. В., носящее оскорбительный характер, было употреблено им не в отношении адресата, а относительно сложившейся ситуации.

Ситуация-пидор

Скульптурная композиция. Тарковский, Шукшин и Шпаликов. Вдруг скульптуры начинают двигаться и разговаривать.

ШУКШИН: Господа, вам не кажется странным…
ШПАЛИКОВ: Что?
ШУКШИН: Нас здесь трое…
ТАРКОВСКИЙ: Ну?
ШУКШИН: И все мужчины…
ШПАЛИКОВ: И?
ШУКШИН: Уже довольно долго. Трое мужчин. Вместе.

Пауза.

ШУКШИН: Ситуация, так сказать, пидор.
ТАРКОВСКИЙ: Василий Макарович!
ШУКШИН: Все, молчу-молчу.

Все молчат, но чувствуется, что мысль Шукшина попала в каждого. И каждый теперь думает об этом.

Снова бабушка или монтажно-тонировочный период

ФИРСАНОВ: У меня все в порядке, да… Сижу с монтажом. Очень много материала. Нужно сократить до двадцати минут или будут проблемы… Не плачь, пожалуйста. Все хорошо… диплом… не знаю… Даже если не дадут… Ну как что…

Бабушка спрашивает, а как же без диплома, как жить-то потом, куда возьмут-то потом, зачем ломать себе судьбу.

А с дипломом я что… Жаль, конечно, пять лет… А придираться они все равно будут. К чему угодно: к папке, к конвертам… Знаешь, в спектакле «Барокко»…

Бабушка не слышит, в каком спектакле.

Ба-рок-ко! В этом спектакле есть такие слова: если вода поднялась выше головы, то не важно насколько.

Бабушка спрашивает, это про деревню, которую смыло?

Нет, это про то, как смыло нас. Они все равно захотят меня утопить, тогда какая разница… Думаю, что они так ничего и не поняли… Они старые просто… То есть, не как ты. То есть, ты вообще не старая. Я о другом. Они не старые, они… Знаешь, вот раньше было крепостное право. И представь, что один крестьянин стал жаловаться, что его высекли. Он просто узнал, что крепостное право отменили, а помещики еще не узнали. У Некрасова есть такой сюжет: крестьяне притворялись рабами и ждали, когда помещик умрет. Все боялись ему сказать, что теперь новый закон. Мы тут все тоже ждем, когда наш барин умрет…

Бабушка снова плачет: она подумала о смерти.

Не плачь, бабуля.

Бабушка спрашивает, как там Гарфуша, и они продолжают дальше говорить о коте Гарфилде.

Финал

На сцену выходит главнокомандующий Владимир Владимирович Путен. Просьба всем встать, читая эту часть пьесы.

ПУТЕН: Дорогие друзья. Дорогие сограждане. Я внимательно следил за всем ходом действия пьесы. И вот что я хочу сказать: этого всего не случилось бы, если бы Артем тогда пришел ко мне и поговорил. Вот вы, Татьяна Дипломовна, спросили Артема, есть ли у него «доступ к телу». «Тело» это я, что ли?..

Татьяна Дипломовна на ватных ногах подходит к Путену. Ну или ее тихонько подталкивает коленом ректор, мол, иди, это же Путен.

ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Владимир Владимирович… Я… я же…
ПУТЕН: Татьяна Дипломовна, я не «тело». Я человек. Такой же, как и вы. Просто человек.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Простой русский человек… Владимир Владимирович!

Все видят, что Татьяне Дипломовне нехорошо. Или, наоборот, хорошо рядом с Путеным. И он уже смотрит на нее по-доброму. Ректор пытается встать между ней и Путеным, чтобы перехватить его добрый взгляд.

ПУТЕН: Почему вы решили, что ко мне нельзя подойти? Зачем вы учите этому молодежь? А ну, подойдите ко мне!

Никто не подходит. Только ректор, оставаясь на месте, наклоняется к Путену.

РЕКТОР: Владимир Владимирович, вы такой хороший.
ПУТЕН: Вот видите, совсем нечего бояться. А здесь ли сценарист Валерий Печейкин?

Появляется Валерий Печейкин. Сразу видно, что в Фейсбуке он смелый, а тут сразу сдулся.

ПЕЧЕЙКИН: Я тут, Владимир Владимирович…
ПУТЕН: Что ж вы, Валерий, а?
ПЕЧЕЙКИН: Да вот так, Владимир Владимирович…
ПУТЕН: Что я вам хочу сказать. Художник – не бурлящий шарик для ванны, а громокипящий кубок.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Как сказано! Как точно!
ПУТЕН: У меня все.
РЕКТОР (*протягивает папку*): Владимир Владимирович, разрешите вам тут документики передать по нашему проекту с Азербайджаном. Если взглянете, будем благодарны. Проект важный, нужный…
ПУТЕН (*берет папку*): Хорошо, хорошо.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА (*протягивает банку с консервированными помидорами*): Ох, Владимир Владимирович, у меня тут помидорчики. Вдруг любите.
ПУТЕН: Спасибо, спасибо. Помидоры – это хорошо.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Как сказано! Как точно!
РЕКТОР: В воздухе как будто запахло фиалками…
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: И цикламенами…
РЕКТОР: Как же вы, Владимир Владимирович, благоухаете.

На сцене появляется певица Светлана Лабада.

ЛАБАДА: Друзья, я пришла сюда, чтобы спеть песню. Надеюсь, она поможет Артему Фирсанову и вам всем найти гармонию. Ведь главное в жизни – любовь. Я написала ее, когда был апрель. Апрель – самый жестокий месяц, как говорил Маршал Маклюэн.

Звучит музыка, Светлана Лабада поет.

ЛАБАДА:
Чужое имя ты шепчешь во снах,
Другие губы у тебя на руках,
Значит, это не бред,
Значит, все это Фрейд.
За тебя показания
Дает подсознание.

Любовь – наказание,
Любовь без сознания-я-я…
Я, я, я!

РЕКТОР: Я! Я! Я!
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Я! Я! Я!
ПУТЕН: Оуууууйэээээ!

Музыка прекращается. Включается общий «дежурный» свет. На сцену выходит Юрист.

ЮРИСТ: Дорогие друзья, я прошу вас остановить представление. Немедленно.
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: Простите, а кто вы такой?
ЮРИСТ: Я юрист в приталенном пиджаке. Прошу вас всех оставаться на своих местах. И, главное, молчать.

Все, что вы говорите, должно быть проверено, в том числе мудрые мысли. Ваши образы, ваши действия, ваши слова – все это выдумка автора, на которую он не получил соответствующее разрешение. Я все время находился за кулисами и вел запись происходящего. Ее предстоит внимательно изучить. Возможно, прозвучали оскорбительные высказывания. Возможно, экстремистские. Возможно, есть сатанизм. Это все предстоит изучить, рассмотреть. Закон восторжествует, можете не сомневаться.

А пока задайте себе вопрос, должны ли мы потакать злу, если оно выражено в художественной форме?

Все смотрят друг на друга и пожимают плечами: вроде все правильно говорит. Не зря же он юрист.

ЮРИСТ: Позвольте, я вам кое-что покажу.

Вынимает пульт и включает изображение на экране.

Печейкин стоит возле большой чаши с водой. Он держит в руке бурлящий шарик для ванны с ароматом «Персиковый сорбет».

Печейкин бросает шарик, и тот начинает бурлить. В его бурлении появляются лица молодых кинематографистов. В основном, юношей. Печейкин делает жесты руками. Среди лиц кинематографистов появляется портрет Артема Фирсанова. Печейкин ахает и опускает руку в пену. Здесь как бы становится ясен демонический характер Печейкина и то, что все это время он манипулировал Фирсановым А. В.

ЮРИСТ: Печейкин, признайтесь во всем! Честно! При людях! При Путене! Вы ведь одурманили юношу Фирсанова? Это вы все затеяли?

ПЕЧЕЙКИН: Ха-ха-ха. Не признаюсь!
ЮРИСТ: Признайся!
ПЕЧЕЙКИН: Нет!
ЮРИСТ: Признайся! Покайся!
ПЕЧЕЙКИН: Нет! Нет…

Ну нет, так нет. Здесь, как в финале моцартовского Дон Жуана, открывается адское пекло, из него доносится инфернальный хор.

ИНФЕРНАЛЬНЫЙ ХОР:
Fistus, anus, deus, kakos!
Pizdos, govnos, huyus, blyados!

ЮРИСТ: Ну и хрен с тобой.

Из адского пекла появляется хрен, он уносит Печейкина с собой. Печейкин, как того и заслужил, проваливается в ад. И хрен с ним.

ЮРИСТ: Вот наказание злодея. И так будет с каждым, кто преступит закон.

На авансцену выходит Артем Фирсанов. Когда Печейкина не стало, он заметно переменился. Лицо его просветлело, словно отлегла от него большая тень.

ФИРСАНОВ: Друзья, теперь я вижу, что был не прав, а правы были вы. Теперь я слышу шум дубрав, теперь я вижу пни. Как хорошо дышать теперь, для вздоха открыть рот…
РЕКТОР: Неважно, где…
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: …когда…
РЕКТОР: …и кто…
ТАТЬЯНА ДИПЛОМОВНА: …кого…
ПУТЕН: …теперь…

Все смотрят на Наталью Овцу. Она молчит.

ПУТЕН: Наташа?
ОВЦА: Да?
ПУТЕН: Неважно, где…
…когда и кто…
кого теперь…
ОВЦА: Не поняла.
ПУТЕН: Слово какое последнее?
ОВЦА: Чего?
ПУТЕН: Чего-чего? В рифму последнее слово какое?
ОВЦА: Слово?..

ПУТЕН: Блядь! Наташа, какая же ты овца! Рифма к слову «рот»?!

Пауза.

ОВЦА: Бегемот?..
ВСЕ ХОРОМ: Ебет!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

На сцену сыплются дипломы, Министерство культуры переводит на счет вуза 990 миллионов рублей.

Начинается праздник.

ЛИДА ЮСУПОВА

следы крови на ее бюстгальтере

1

запись ведется в темное и постепенно переходящее в светлое время суток
С 07:00 часов
по асфальтированной дороге,
расположенной вдоль проезжей части дороги <адрес>,
по пешеходному переходу
ходят люди,
по виду, комплекции, одежде данные люди
мужского,
женского пола
и дети;
по проезжей части дороги передвигаются автомобили.

она при осмотре дисков видеонаблюдения
хорошо видела проходивших лиц,
и с уверенностью может сказать,
что ее мама
09.11.2016 года
в сторону работы –
МБОУ СОШ №
в указанный период
не проходила.

через арку между домами <адрес>,
затем налево по тротуару вдоль домов №№ по <адрес> г. Хабаровска
до пересечения с <адрес> г. Хабаровска.
Далее от адрес г. Хабаровск,
<адрес> г. Хабаровск,
<адрес>, направо,
после этого переходила проезжую часть <адрес> г. Хабаровска,
после чего поворачивала налево
и шла прямо вдоль ГСК 240,
двух частных домов,

далее, после окончания тротуара
шла по обочине проезжей части.
Далее, вдоль проезжей части,
с левой стороны от частных домов расположена дорога,
ведущая к заброшенному (недостроенному) кирпичному пятиэтажному зданию
с расположенными рядом сторожевыми вагончиками.
Далее, пройдя мимо заброшенного здания
прямо в сторону <адрес> г. Хабаровска
переходила проезжую часть <адрес> г. Хабаровска
и шла вдоль <адрес> г. Хабаровска,
после чего переходила проезжую часть переулка Казачий г. Хабаровска,
затем, повернув направо,
подходила к зданию МБОУ СОШ №,
расположенной по адресу г.Хабаровску, <адрес>.

за ней кто-то следит

он за ней следит

входной проем в подвал
оборудован металлической дверью,
оснащенной запорным устройством
в виде металлического навесного замка,
который открывается
подобранным ключом.
Вход в подвал
оборудован
высокой,
узкой
лестницей.
Подвал состоит из шести помещений,
пол в помещениях
забетонирован.
неоднороден,
состоит из песка,
кирпичей,
земли,
бетонных плит,
в связи с чем на доступную глубину прокапывается.
В ходе прокопов
обнаружен и изъят
фрагмент
бюстгальтера,

на поверхности которого обнаружены наложения вещества бурого цвета, похожего на кровь. При проверке данного вещества тест-полосками «Гемофан» индикатор приобретает темно-синий цвет, что свидетельствовать о наличии крови на поверхности фрагмента.
данный фрагмент
бюстгальтера
потерпевшая пояснила,
что указанный фрагмент
бюстгальтера
принадлежит ее маме
бюстгальтер
находился в пользовании
очень давно,
она его хорошо помнит,
уверенно может узнать по цвету,
по синтетическому материалу,
а
также
по
пуговице,
пришитой
по центру
бюстгальтера
между
чашечками.
Ее мама всегда носила
бюстгальтеры
аналогичного типа,
в которых либо отсутствовала косточка
либо она ее убирала,
и в которых
в чашечках
отсутствует поролон.
В осмотренном фрагменте
бюстгальтера
отсутствует
косточка
в нижней части
чашечки
и отсутствует
поролон
в чашечке.

Случайным выбором
были подобраны предметы,

с помощью которых можно открыть
замок –
случайные ключ
и ножницы,
замок
обоими предметами
замок
удалось открыть

Для работы она выходила из дома около 7:30 часов,
дорога от дома до школы занимала около 10–15 минут ходьбы,
работала либо до 16:00 часов,
либо до 17:00–18:00 часов.

«помнишь, я о ней рассказывал»
подкараулил ее
в подъезде
и ударил по голове
«оглушил»,
после чего затащил
в подвал,
сказал
«она валяется в подвале»,
сказал, что
«она тяжелая, устал тащить»
сказал что
«кости ножом плохо режутся»
сказал, что
устал копать

на фрагменте
бюстгальтера
обнаружены следы
крови
на фрагменте
бюстгальтера
обнаружены следы
вещества бурого цвета
на лицевой поверхности левой
чашечки
в верхневнутренней части в виде помарок и потеков,
единичной брызги;
на лицевой поверхности левой
чашечки

в верхневнутренней части вдоль края
с переходом на
тесьму
в виде помарки,
участка пропитывания;
на лицевой поверхности левой
чашечки
в верхневнутренней части,
нижневнутренней части,
верхненаружной частях
в виде массивных помарок
с единичным потеком;
на лицевой поверхности левой
чашечки
в нижненаружной части в виде овальных,
округлых пятен;
по лицевой поверхности нижнего края левой
чашечки
в виде помарки,
участка пропитывания;
на лицевой поверхности фрагмента правой
чашечки
в верхневнутренней и нижневнутренней частях
в виде помарки
с участками полосовидной формы;
на изнаночной поверхности левой
чашечки
в верхневнутренней и нижневнутренней частях,
в месте схождения
чашечек,
а также верхневнутреннее и нижневнутренней частях
фрагмента правой
чашечки
в виде множественных помарок,
участков пропитывания;
по всем поверхностям левой
бретели
в виде участков пропитывания.
Участки с нечеткими неопределенными контурами –
помарки,
возникли в результате непосредственных
контактов
с опачканной
(окровавленной)

следообразующей поверхностью.
Участки пропитывания возникли
в результате непосредственного
контакта
с последующей достаточной фиксацией
источника следообразования
(кровь,
следообразующая опачканная поверхность).
Пятна
округлой
и
овальной
формы
сформировались в результате
падения
капли
крови
под относительно прямым
углом
по отношению к следовоспринимающей
поверхности.
Равноутолщенные
дорожки
с булавовидным утолщением
у нижнего
края –
потеки,
возникли вторично
в результате стекания по поверхности
бюстгальтера
под действием собственной силы тяжести.
Пятно
округлой
формы
сформировалось в результате
падения
одиночной
брызги
под относительно острым углом
по отношению к следовоспринимающей поверхности
в преимущественным направлении
снизу
вверх.

Особенности нормального расположения исследуемого предмета одежды на теле
заключаются в надевании его на
грудные
железы
для фиксации,
чашки
при этом повторяя форму
желез,
возвышаются в условно центральной части
по отношению к уровню
грудной
клетки,
образуя форму,
близкую к
полусферической.
Представленная модель
бюстгальтера
имеет мягкие
чашки,
которые принимают форму
груди
при надевании,
но сами по себе форму не держат в силу материалов,
из которых изготовлены.
Учитывая совокупность взаиморасположения обнаруженных следов,
механизм их формирования,
перечисленные особенности ношения
бюстгальтера
эксперт пришел к выводу,
что в момент возникновения
следов
на указанном предмете
одежды,
последний, вероятнее всего
был надет на
грудные
железы
и располагался
горизонтально,
лицевой поверхностью
вверх.
Данный факт подтверждается
механизмом формирования

следов,
где имело место быть не менее
5 непосредственных
контактов
лицевой поверхности левой
и фрагмента правой
чашек
с достаточно опачканной
(окровавленной)
следообразующей поверхностью,
при этом на левой
чашке
в результате трех указанных
контактов
вторично возникли
потеки,
проходящие в направлении
от условно центральной части
чашки
кверху
и внутри,
а также участки пропитывания.
Пятна
округлых
и
овальных
форм
возникли в результате падения
2 капель
брызги.
Множественные
помарки,
обнаруженные на изнаночной стороне
бюстгальтера,
сформировались в результате как статического,
так и динамического
контакта
опачканной
(окровавленной)
следообразующей поверхностью,
которой например, могла выступать
прилегающая поверхность
грудной
клетки

потерпевшей,
за счет
стекания
вещества
бурого
цвета
через участки пропитывания.
Также экспертом отмечено,
что правая
чашка
подверглась
деформации
(сжатию в поперечном направлении)
после формирования на ней
следа
в
виде
помарки,
данный вывод основывается
на наличии поперечно ориентированных
полос
внутреннего
рисунка
помарки.
Морфологические характеристики
свободных краев фрагментов правой
чашки,
левого
пояса,
левой
бретели
на уровне которых целостность
предметов
обрывается,
установленные при микроскопическом исследовании
(ровно пересеченные концы поперечных
краев
нитей,
в том числе и с некоторой
деформацией,
выступание за пределы контура
края
деформированной,
шероховатой

продольной
краевой
нити)
позволяют сделать вывод
о том, что
края
сформировались
в результате не менее
3
разрезаний,
в сочетании с
протягиванием
твердого
предмета,
имеющего достаточно выраженную
режущую
кромку
(например
клинок
ножа,
ножницы
и
т.
п.

)
.

То обстоятельство, что
смерть
носила криминальный характер
подтверждается также заключением криминалистической экспертизы,
согласно которой вероятнее всего
следы
крови
на
ее
бюстгальтере
образовались в момент нахождения его на
теле,
имеющего достаточно интенсивное загрязнение
кровью,
белье
находилось

на
теле
в
горизонтальном положении лицевой поверхностью направленной
вверх

По поводу обнаруженного
в подвале
дома
фрагмента
бюстгальтера
может пояснить,
что лично он
бюстгальтера
не видел
и в подвал
не помещал.
Как он туда попал
и в какое время
ему не известно,
возможно вещи попали в подвал случайно,
через вентиляционное отверстие,
либо замела горничная,
либо затащили люди без места жительства.

Оценивая показания
подсудимого,
суд
полагает, что они
недостоверные,
не последовательные,
не логичные

Также об отсутствии состава
преступления
не свидетельствуют неоднократные повторные осмотры
подвала
с обнаружением новых предметов,
неустановление давности образования
следов
крови
на фрагменте
бюстгальтера,
обнаружение на нем смешанных следов клеток эпителия,

которые произошли за счет смешения биологического материала более трех лиц.

Доводы защиты
о сомнительности заключения экспертов
в связи с наличием
сестры близнеца
суд
находит несостоятельными,
так как выводы экспертов научно обоснованы,
эксперты имеют надлежащую квалификацию,
в ходе судебного следствия сторона защиты
сомнений в обоснованности заключений экспертов
не высказывала.
Кроме того, на исследование экспертам представлены материалы,
полученные из квартиры где кроме нее никто постоянно не проживал

Признать виновным
в совершении преступления,
и определить наказание
в виде тринадцати лет лишения свободы
с отбыванием наказания
в исправительной колонии
строгого режима.

фрагмент
бюстгальтера,
навесной
замок
уничтожить

является ее дочерью
она является ее матерью
приходится ей родной сестрой
она родная сестра, близнец

это ее подопечный
мальчик из детского дома, которого она опекала, заботилась о нем

они постоянно поддерживали связь, общение
По телефону они разговаривали часто

и поскольку она не позвонила
и не ответила на звонок,

он позвонил утром
телефон уже был недоступен.

09.11.2016 года в 08:30 часов она написала ей смс-сообщение в ответ,
но ответа о доставке смс получателю не пришло.

то он поехал к ней с утра

Утром пришли дети – ученики первого класса,
до начала урока оставалось пять минут,
однако ее класс был закрыт,
родители и ученики
родители с детьми-учениками первого класса

Он ей писал в Whatsapp, но сообщение было непрочитанным

ей звонили, телефон не отвечал,

он приехал к ее квартире,
звонил в дверь,
но никто не открыл.

Они договорились, что дочь перезвонит
однако в свое обычное время не позвонила.
В 15:00 часов по своему времени она сама ей позвонила,
но ее телефон был недоступен

завуч вместе с социальным педагогом
выезжала по ее адресу жительства,
никого не было дома, соседи дверь не открыли.

позвонила маме, спросила как сестры,
на что мама ответила, что звонила Оля, а Наташа не звонила.
Сама сестра на звонки не отвечала.

поздно вечером она шла с работы и решила позвонить маме,
но ее телефон не отвечал.

в 24:00 часа позвонила вновь, но не смогла дозвониться.
Она позвонила внучке Насте,
та тоже сказала, что не может дозвониться до мамы.

Тогда стало понятно, что с ней что-то случилось

Так как они с мамой ежедневно созванивались,
то при очередном звонке ей мама сообщила,
что сестра не позвонила маме, и не отвечает на звонки.
Также до сестры не может дозвониться ее дочь Настя.

После этого стало понятно, что с сестрой случилась беда

Также не смогла дозвониться до мамы утром следующего дня.
Затем позвонила по месту работы мамы в МБОУ СОШ №,
где ей сообщили, что ее мама не явилась на работу.
Она отпросилась с работы,
ходила на работу к маме,
обходила соседей.
Она стала искать маму в тех местах,
где она бывала в последнее перед исчезновением время,
однако никто ее не видел.

она заботливая,
внимательная,
не равнодушная,
мимо чужих проблем не пройдет.
она писала песни, стихи
отзывчивая, инициативная
обладала организаторскими способностями,
доброжелательная,
веселая,
жалостливая.

2

она пишет на сайте моя страна:

очень хороший человек
люблю свою профессию
хочу найти женское счастье
рост 163 см вес 60 кг фигура обычная

мальчик который живет с ней
иногда
и которого она называет своим сыном
сирота
открытый гей в соцсетях

менты говорят ее дочери и сестре что она с ним спала
дочь и сестра осторожно на суде говорят

что они об этом не знали
мальчик говорит на суде что у них были дружеские отношения

любовь в ее глазах на фотографии
сделанной им 8 марта
она с большим белым медведем
девочка и медведь

в понедельник
в ее день рождения
22 августа
залило квартиру
они вдвоем праздновали
полилось от соседа
сверху
из туалета
а она только что сделала ремонт
очень расстроилась
поднялась
стучалась
не открывал
кричала ругалась
на лестнице
плакала
испортил день рождения

хотела чтобы он выплатил компенсацию
или по человечески перед ней извинился.
Однако он нецензурно бранился в ее адрес

и угрожал ей

в среду
когда она с мальчиком шла по улице

24.08.2016 года
находясь вместе с ФИО43, <это мальчик>
встретила Малушко <это сосед> на улице,
и Долина Н. А. <так ее звали> спросила у него:
«Как будем решать вопрос, ты же затопил мою квартиру»

Он ей что-то ответил,
и она назвала его навозным жуком,

тогда он стал разговаривать с Долиной Н. А.
на повышенных тонах,
оскорблять,
наступать на ноги.

Он заступился за Долину Н. А., на что Малушко Ю. А. его ударил, от удара он упал.

По данному факту они обращались в полицию.

ее мама опасалась Малушко,
при конфликте 24.08.2016 года он сказал,
что выловит ее,
закопает,
так что ее никто не найдет,
что у него есть связи,
либо кто-то из его знакомых,
либо он сам работал в правоохранительных органах.

Подсудимый хотел ее ударить,
но удар пришелся по ФИО58.
Подсудимый сказал Долиной Н. А.,
что у него такие связи, что ее не найдут.

После этого она стала бояться соседа еще больше,
говорила, что ей кажется,
что он за ней следит.

она назвала его навозным жуком

сказал, что выловит ее, закопает, так что ее никто не найдет

когда она находилась на улице
совместно с мальчиком –
учащимся школы,
где она работала,
она встретила соседа
и спросила,
как будут решать вопрос
с затоплением квартиры,
так как нужно было делать ремонт.
В ответ сосед сказал,
что ничего возмещать не собирается,
стал кричать и выражаться в адрес Долиной Н. А.

нецензурно,
пытался ей оттоптать ноги.
Мальчик,
который был с Долиной Н. А.,
пытался заступиться за нее
после чего сосед ударил мальчика
рукой по уху.

Долина Н. А. в ходе переписки сообщила,
что этого соседа боится,
так как он очень
агрессивный человек

Он знает Малушко Ю. А.
22.08.2016 года затопило квартиру
прямо в день ее рождения,
ее это огорчило, она кричала,
затем поднялась на третий этаж
и стала стучать в дверь квартиры,
но сосед ее в дверь не пустил,
потом Долина Н. А. вызвала аварийную службу.
Вечером между Малушко и Долиной Н. А. произошла стычка,
она поднялась к нему на этаж
и стучалась в дверь его квартиры,
пока он ей не открыл.
По её словам, он ее отпихнул,
она рассказала ему об этом,
была расстроена до слез

24.08.2016 года уже после потопа
он и Долина Н.А. шли в банк
и встретили Малушко Ю. А.,
позже Долина Н.А. сказала,
что это и есть сосед, который ее затопил.
Долина Н.А. его спросила,
каким образом он будет решать вопрос
о возмещении материального и морального вреда после потопа.
Он ей что-то ответил,
и она назвала его навозным жуком,
тогда он стал разговаривать с Долиной Н. А.
на повышенных тонах,
оскорблять,
наступать на ноги.
Он заступился за Долину Н.А.,

на что Малушко Ю. А. его ударил,
от удара он упал.
Проходящий мимо мужчина в форме за них заступился.

По данному факту в полицию было подано заявление, сняты побои.
По данному заявлению вынесено определение об отказе в возбуждении дела

Ей известно о конфликте Долиной Н. А.
с ее соседом с третьего этажа из-за того,
что он затопил ее квартиру 22.08.2016 года.
Когда Долина Н. А. поднялась к соседу,
то ей дверь не открыл,
грубо с ней разговаривал.
Когда она с ФИО53
на улице встретила этого соседа,
он с ней грубо разговаривал,
пытался ударить,
но под удар попал ФИО54.
Ее сестру это очень напугало.
При разговорах с мамой по телефону
Долина Н. А. жаловалась,
что ей кажется,
что за ней следят.

Когда Долина Н. А. 05.11.2016 года приехала из Приморья,
то он <мальчик> пришел к ней
и в подъезде
слышал ее голос
на лестничной площадке,
выше ее квартиры,
она о чем-то разговаривала
громким голосом.
Он немного приподнялся
по лестнице
на третий этаж
и увидел,
что между
вторым
и третьим этажом
стоит Долина Н. А.
с Малушко,
о чем именно
был

их разговор –
не помнит.
Он обратил на себя внимание
и Долина Н. А. сразу пошла к нему,
на его вопрос
пояснила,
что разговаривала
с Малушко
по поводу
потопа.

3

голос корреспондентки за кадром

В суде вынесен приговор

показывают прямую узкую аллею среди деревьев вдали видны белые ступени много белых ступеней ведущих в двухэтажное белое здание сливающееся с белым небом

голос корреспондентки за кадром

пятидесятишестилетнему мужчине,

ступени оказываются прямо над нашими глазами ступени складываются в одну плоскость уходящую вверх к двери в проеме которой стоит человек в полицейской форме в больших нижних окнах отражаются деревья а в больших верхних небо

голос корреспондентки за кадром

который убил учителя младших классов

полицейский быстро выходит из дверей и идет направо вдоль стены он молодой и тонкий его лицо внезапно освещается солнцем вслед за полицейским выходит старик в распахнутой на груди белой рубашке и его лицо тоже освещается солнцем

голос корреспондентки за кадром

и спрятал ее тело.

показывают кораллового цвета вывеску: районный суд

голос корреспондентки за кадром

Преступление было совершено в конце две тысячи шестнадцатого.

показывают очень белые руки четыре руки трех человек одна рука за песочного цвета прутьями клетки снимает наручники с другой руки и одна рука держит раскрытую дверь клетки

голос корреспондентки за кадром

Труп женщины

показывают что наручники сняты освобожденная рука резко вырывается и исчезает наручники остаются на освобождавшей руке рука державшая дверь закрывает дверь и рука с наручником помогает плотно закрыть дверь клетки

голос корреспондентки за кадром

до сих пор не нашли. Горожанка была соседкой подсудимого.

показывают убийцу он сидит за прутьями клетки на нем серая куртка на молнии убийца смотрит налево потом прямо в камеру потом направо у него острый нос маленькие глаза и маленький рот очень вытянутое лицо как будто он пришел из комикса про ночные кошмары его лицо выражает раздражение

голос корреспондентки за кадром

Сорокатрехлетняя женщина жила

(в этот момент убийца смотрит на нас)

на втором этаже многоквартирного дома, ее убийца – на третьем.

показывают молодую женщину в форме голубого небесного цвета стоящую вполоборота ее светлые волосы убраны назад в левом ухе несколько персингов ее светлые губы слегка улыбаются когда она начинает говорить мы видим угол клетки слева от нее но мы не видим убийцу внизу экрана появляется надпись: помощник прокурора

говорит помощник прокурора

Подсудимый на протяжении длительного времени испытывая личную неприязнь к своей соседке, в ноябре 16-го года,

мы видим что улыбка начинает исчезать с ее лица

говорит помощник прокурора

находясь в подъезде многоквартирного дома по улице Запарина в городе Хабаровске, нанес эээ

помощник прокурора чуть сбивается вдыхает воздух

говорит помощник прокурора

ни менее эээ

помощник прокурора еще раз вдыхает воздух улыбка уже полностью исчезла с ее лица в голубых глазах то ли грусть то ли страх

говорит помощник прокурора

одного удара по голове потерпевшей,

помощник прокурора еще раз вдыхает воздух

говорит помощник прокурора

тем самым причинив эээ

голос помощника прокурора становится мягче и тише

говорит помощник прокурора

ей

помощник прокурора замолкает на мгновение

говорит помощник прокурора

телесные повреждения в виде черепно-мозговой травмы,

помощник прокурора на мгновение закрывает глаза

говорит помощник прокурора

в последствии ээ

помощник прокурора закрывает глаза на несколько мгновений

говорит помощник прокурора

от которой впоследствии наступила ее смерть.

помощник прокурора отводит глаза в сторону и уголки ее губ опускаются вниз

голос корреспондентки за кадром

Из материалов дела следует: сразу после убийства мужчина позвонил своему другу

показывают арку серого кирпичного дома постройки 1970-х годов траву деревце на газоне шины-клумбы слева за аркой стена дома и ступеньки ведущие в подъезд также пристроена дорожка для инвалидной коляски

голос корреспондентки за кадром

и попросил привезти ему брезент и лопату,

показывают уходящий в белое небо дом вид с земли слева в кадре дрожат на ветру зеленые листочки дерева.

голос корреспондентки за кадром

потом ушел в подвал

показывают дверь подъезда крыльцо ступеньки у дорожки-подъема внизу у земли в кораллового цвета стене мы видим маленькое зарешеченное окно подвала незастекленное мы видим темноту в этом маленьком окне

голос корреспондентки за кадром

и вернулся через 40 минут, обмолвившись, что избавился от надоедавшей

показывают выкрашенные яркой светлой зеленой краской стены подъезда мы уже внутри в нескольких шагах впереди узкая бежевая двустворчатая дверь лифта рядом с ней справа висит шкафчик с почтовыми ячейками слева мы видим уходящую ввысь лестницу

голос корреспондентки за кадром

ему знакомой.

камера быстро и плавно поворачивается влево и мы видим металлическую дверь выкрашенную серой краской на двери висит металлический замок

голос корреспондентки за кадром

Следователи обыскали подземелье, там были найдены лишь обрывки нижнего белья и следы

внезапно крупным планом показывают навесной замок справа от замка видны неровности расплавленного железа и следы черной гари

крови женщины. ДНК погибшей была и в квартире фигуранта.

так же внезапно и крупным планом показывают кобуру с пистолетом кобура прикреплена широким ремнем к бедру человека одетого в форму сизого цвета

голос корреспондентки за кадром

Поводом для убийства, по данным следствия, мог стать конфликт, который случился у соседей за несколько месяцев до этого.

показывают лицо убийцы очень близко верхняя и нижняя часть лица остались за кадром зрачки убийцы суженные окруженные зеленоватой радужкой в серой оболочке сдвинуты влево он на что-то напряженно смотрит

голос корреспондентки за кадром

В августе, в день рождения хабаровчанки, мужчина затопил ее,

показывают убийцу в клетке мы уже как бы стоим на расстоянии нескольких шагов от него убийца смотрит перед собой и подтягивает штаны

голос корреспондентки за кадром

вода хлынула с потолка в только что отремонтированную кухню.

камера внезапно и быстро приближается к убийце мы снова ясно видим его лицо его маленький рот приоткрыт мы видим мелкие зубы убийца расстегивает верхние пуговицы рубашки видимо ему жарко он закрывает рот и опускает лицо

голос корреспондентки за кадром

Педагог поднялась наверх поговорить с виновником испорченного праздника, а тот в грубой форме объяснил ей, что ничего компенсировать не намерен.

показывают убийцу с другого ракурса он вдали в клетке отвернулся от камеры его левая рука заведена за спину справа мы видим судью ее лицо скрыто за расплывчатым пятном на судье черное одеяние она держит перед собой красную папку слева от судьи стоит девушка сложив руки перед собой она в светлой одежде и черной кофте на песочного цвета стене висит красный российский герб

голос корреспондентки за кадром

В ноябре соседи столкнулись в подъезде и речь снова зашла о потопе.

показывают убийцу сбоку вблизи его плечи согнуты голова поникла он смотрит вниз

голос корреспондентки за кадром

Хабаровчанин пригрозил женщине расправой. Через четыре дня горожанка пропала.

лицо убийцы очень близко в профиль мы видим его острый нос с горбинкой тяжелые надбровные дуги неморгающие маленькие глаза мы видим маленькие волдыри на его бледной коже мы видим темную щетину на его щеках все что мы видим это его щеки и нос и глаза и лоб мы не видим его губ они за решеткой как и средняя часть его носа вдали мы видим листья папоротника свисающие со стены

голос корреспондентки за кадром

Разыскать школьного учителя пыталась ее дочь. Анастасия знала, что мать боялась соседа –

камера снова отдаляется и мы видим убийцу вполоборота он убрал руки за спину и расслабленно стоит в свой просторной клетке пристально глядя в сторону судьи не видимой в кадре

голос корреспондентки за кадром

ей казалось, что мужчина, ведущий затворнический образ жизни, за ней следит. Подозрения нашли подтверждения в судебном процессе: обвиняемый,

очень близко показывают руки убийцы левая рука держит правую видимо убийца левша но руки быстро исчезают из кадра

голос корреспондентки за кадром

не раз путавшийся в своих показаниях,

снова показывают убийцу близко в профиль мы видим его лысую бритую голову правильной формы куриного яйца чуть наклоненного влево мы видим складки на его шее сзади и обвислую кожу под подбородком лицо убийцы спокойно

голос корреспондентки за кадром

вдруг подробно рассказал, во сколько женщина выходила из дома, каким путем

показывают большую раскрытую тетрадь но мы не видим что написано на ее страницах в клеточку записи прикрывает чуть потрепанная книга в мягкой обложке красного цвета мы читаем название книги черные буквы на белом мягко закругленном перевернутом конусе могущим быть и щитом и чашечкой бюстгальтера одновременно уголовный кодекс Российской Федерации

голос корреспондентки за кадром

добиралась до работы и с кем проводила свободное время.

снова показывают помощника прокурора она стоит там же у нее уставшее бледное лицо

говорит помощник прокурора

Подсудимый в ходе судебного заседания вину свою

помощник прокурора немного сбивается и прикрывает глаза

говорит помощник прокурора

в совершенном преступлении не признал,

помощник прокурора вдыхает воздух мы слышим ее дыхание

говорит помощник прокурора

однако государственным обвинением ээ

помощник прокурора чуть сбивается и задерживает дыхание выражение ее глаз не меняется

говорит помощник прокурора

представлено достаточно объективных и достоверных доказательств, подтверждающих вину в совершении данного убийства ээ

помощник прокурора снова задерживает дыхание

говорит помощник прокурора

женщины.

показывают в профиль очень бледную тонкую молодую девушку ее длинные русые чуть вьющиеся волосы завязаны в хвостик низко на затылке она в сером платье вернее это белое платье с серыми узорами-огурцами девушка смотрит прямо перед собой кажется что она сейчас потеряет сознание на лице ее очень глубокая грусть так же в профиль дальше стоит убийца прутья клетки расчерчивают его фигуру в темно-серой одежде взгляд убийцы направлен в сторону судьи невидимой в кадре туда же смотрит и девушка

голос корреспондентки за кадром

Дочь погибшей просила обвиняемого рассказать, где он спрятал тело.

показывают очень близко грустные глаза девушки дочери убитой учительницы ее глаза такого же цвета что у убийцы зеленоватые с серым ободком ее нос тоже как у него с горбинкой в кадре только ее глаза и ее нос у нее большие светлые глаза взгляд напряжен глаза часто моргают мы видим длинные бледные ресницы светлая кожа слегла блестит мы видим поры на чистой гладкой коже

голос корреспондентки за кадром

Девушка не оставляла надежды, что сможет похоронить мать – ответа не последовало.

нам показывают зал суда с ракурса девушки дочери учительницы мы видим судью в черном одеянии судья стоит по ту сторону стола светлого дерева мы видим белые руки судьи мы не видим ее лица оно скрыто расплывчатым пятном в руках судья держит раскрытую красную папку справа в кадре мы видим помощницу прокурора у нее тоже длинные волосы собранные в хвостик низко на затылке ее лицо тоже невидимо оно обращено к судье

голос корреспондентки за кадром

Суд приговорил мужчину к тринадцати годам колонии строгого режима

показывают руки судьи очень близко ее ногти коротко подстрижены и на среднем пальце левой руки колечко с тремя маленькими камешками в руках судья держит ту красную папку которую мы уже видели издалека сейчас мы можем прочитать золотыми заглавными буквами написанное на папке слово ПРИГОВОР и увидеть золотой российский герб над этим словом в левой руке между указательным и средним пальцем зажата темная шариковая ручка судейская мантия идеально вычищена и выглажена позолоченные пуговицы блестят мы видим вышитый черными нитями рисунок на груди мантии изображающий переплетение стеблей или змей или веревок или судьбы

голос корреспондентки за кадром

и обязал выплатить семье погибшей восемьсот тысяч рублей за моральный вред.

снова показывают убийцу в клетке мы видим его довольно близко он стоит спиной к нам вполоборота и чешет правое плечо левой рукой вдали за ним мы видим густые раскидистые ветви папоротника

голос корреспондентки за кадром

Подсудимый заявил, что не считает приговор справедливым,

показывают зал суда мы видим трех человек мы видим дочь учительницы мы видим ее со спины вполоборота мы видим ее бледную часть скулы мы видим какая она тоненькая мы видим что она ссутулилась мы чувствуем ее полную беззащитность мы видим слева от нее в клетке убийцу мы видим его тоже со спины мы тоже видим его часть скулы мы видим что его руки сложены за спиной а у дочери руки сложены впереди убийца не сутулится наоборот он выпрямился мы видим судью на которую направлен взгляд дочери учительницы и взгляд убийцы судья стоит за длинным столом похожим на высокий гроб мы видим у судьи в руках красную папку мы не видим лица судьи оно скрыто расплывчатым пятном мы видим белые руки судьи мы видим красный российский герб над судьей мы видим российский флаг стоящий у стены справа от судьи на равном расстоянии между судьей и убийцей позолоченный наконечник флагштока похож на острие копья флаг наклонен в сторону убийцы

голос корреспондентки за кадром

так как судили его женщины.

показывают как убийца опускает голову

4

Она вспыльчивая,
но быстро отходит,
добрая,
отзывчивая,
всегда реагировала на несправедливость,
старалась вступиться,
оказать помощь другим людям.

Спиртное употребляла только по выходным или праздникам.

Супруг ее умер в 2013 году
очень тяжело переживала смерть мужа.

отзывчивая,
инициативная.

Выпивала алкоголь
по праздникам,
в состоянии опьянения вела себя нормально.

выглядела опрятно,
всегда с макияжем,
часто в новом платье,

была трезвой.

имела привычку
курить в подъезде.

импульсивна,
могла начать конфликт,
наговорить что-то,
но потом
приходила извиняться,
если была неправа.

очень хороший человек
люблю свою профессию
хочу найти женское счастье
рост 163 см вес 60 кг фигура обычная

запись ведется в темное и постепенно переходящее в светлое время суток

С 07:00 часов
по асфальтированной дороге,
расположенной вдоль проезжей части дороги <адрес>,
по пешеходному переходу
ходят люди,
по виду, комплекции, одежде данные люди
мужского,
женского пола
и дети;
по проезжей части дороги передвигаются автомобили.

09.11.2016 года в период с 08:29 часов
до 00:33 часов 10.11.2016 года
на абонентский номер Долиной Н. А.
происходят попытки вызова,
направляются смс-сообщения,
адрес базовой станции абонента определяется г. Хабаровск, <адрес>.
В период с 00:33 часов 10.11.2016 года
до 09.01.2017 года
при попытке вызова
на абонентский номер Долиной Н. А.
адрес базовой станции
не определяется.

через арку между домами <адрес>,
затем налево по тротуару вдоль домов №№ по <адрес> г. Хабаровска
до пересечения с <адрес> г. Хабаровска.
Далее от адрес г. Хабаровск,
<адрес> г. Хабаровск,
<адрес>, направо,
после этого переходила проезжую часть <адрес> г. Хабаровска,
после чего поворачивала налево
и шла прямо вдоль ГСК 240,
двух частных домов,
далее, после окончания тротуара
шла по обочине проезжей части.
Далее, вдоль проезжей части,
с левой стороны от частных домов расположена дорога,
ведущая к заброшенному (недостроенному) кирпичному пятиэтажному зданию
с расположенными рядом сторожевыми вагончиками.
Далее, пройдя мимо заброшенного здания
прямо в сторону <адрес> г. Хабаровска
переходила проезжую часть <адрес> г. Хабаровска
и шла вдоль <адрес> г. Хабаровска,

после чего переходила проезжую часть переулка Казачий г. Хабаровска,
затем, повернув направо,
подходила к зданию МБОУ СОШ №,
расположенной по адресу г. Хабаровску, <адрес>.

я прошла этот путь за учительницу
в гугл-карте
летом
на карте лето
я шла в школу
мимо бежали дети
собаки
проходили взрослые люди
было раннее утро
чтобы придти в школу
надо идти к Амуру
на дне которого наверное и лежит ее тело
потому что судя по фотографиям убийцы в одноклассниках
он любил ездить на рыбалку
много фотографий у реки
но на одной фотографии он сидит у себя дома
за компьютером
2014 год
учительница еще жива
вокруг него тьма
ночь
только это маленькое пятно света
кто его фотографировал
возможно та женщина которая с ним жила
а может быть его сын
и во тьме вопрос
а если бы ты знала знал что сейчас фотографируешь убийцу
потому что убийца убийца уже до того когда он убьет

и невидимая во тьме
кровь будущего убийства
протекает сквозь пол
протекает сквозь потолок
в квартиру учительницы

ЮЛЯ КИСИНА

ИЗ КНИГИ «ЧУДЕСА ИСТРЕБЛЕНИЯ»

ОПЛОДОТВОРЕНИЕ МЕРТВЕЦА

Мертвое тело омыли в молоке женщин общины, в которой жил почивший. Его завернули в тростниковую ткань и уложили на бамбуковые носилки. Ткань должна быть белой – это символ готовности человека вступить в иной мир. Белый – цвет зрелости. В давние времена монахи красили скалы вокруг монастырей мелом.

Перед погребением тело почившего крепко-накрепко привязали к носилкам, чтобы оно не выпало во время церемонии жонглирования. Пришли члены Белого Братства. В похоронах участвовали только мужчины и иностранцы. Тело на носилках понесли через город, нараспев повторяя сорок четыре имени смерти. После каждого девятого имени смерти процессия останавливалась и начинала трясти и переворачивать тело, подбрасывая его и проклиная, чтобы ему не позавидовал демон, раскрывающий двери в загробный мир.

Это проделывали девять раз – по числу высших человеческих радостей: радости пищи, радости любви, радости соприкосновения с миром зверей, радости созерцания красоты, радости приятной беседы и так далее. Наконец, мертвеца стали обносить по заранее условленному маршруту по трем важным храмам.

В эти выходные в город приехало множество паломников и туристов и проехать было невозможно. К тому же по пути к первому храму перевернулся автобус и собралась большая толпа зевак, так что Белым Братьям приходилось звонить в колокольчики и трубить в рожки. Наконец процессия дошла до первого храма. Здесь покойника вновь омыли молоком, на сей раз смешав его с коровьим, и умастили медом. Следующим был Храм Священного Отвращения, где на него по традиции мочился старейший брахман города.

В храме Священного Логоса умершему отрезали язык, как символ того, что он обрел абсолютное знание и общается теперь посредством души, а потому язык ему больше не нужен. Язык сожгли в золотой чаше у изображения Змеи.

В Храме Маджхурапратаманахарам умершего уже ожидали родственники. Здесь они могли с ним проститься, и здесь же произошел главный ритуал – Оплодотворение Смерти.

Умершего разматывают, и с ним соединяется слепой монах, после чего его оборачивают в чистую ткань. С этой минуты он называется «беременный мертвый». Теперь космический круговорот завершен. Гости воздают почести и приносят пожертвования и дары будущему «ребенку мертвеца».

Наконец, процессия отправилась к священной реке, и носилки были поставлены у стены, так, что мертвец оказался в позе «стоящего стража». Братья читали мантры. Ведь всей душой умерший желает стать одним из солдат, защищающих мир мертвых от мира живых. И вот, он стоял в ожидании так называемого «страшного» брахмана, который опаздывал.

Когда наконец на своем мотоцикле приехал этот брахман, перед ним поставили корзину с 24 ножами, олицетворяющими 24 смертельных ослушания. Брахман начал метать ножи в деревянные изображения речной жабы у головы почившего. По традиции, если тело не пошелохнулось во время этой процедуры, то его начинают разматывать, готовя к сожжению. Если тело зашевелилось или издало крик, то оно еще не готово, и Братья помогут ему отправиться в мир немоты, крепко обвязав его горло веревкой. Но все эти правила относятся только к погребению мужчин.

И вот умерший закричал. Вначале он только сипел, а потом стал стонать все громче и громче. Испуганные Братья бросились врассыпную. И только один из них не растерялся и быстрым движением перерезал ему горло. А когда последний луч солнца коснулся городских крыш, зазвучал рог, и шестеро мальчиков младше тринадцати лет поднесли свои факелы к погребальному костру.

ДУША КУРИЦЫ

Стоял яркий день, какие бывают зимой в Южном Вьетнаме – градусов тридцать. В этот день я решила больше не есть мяса и собралась идти на базар за овощами. Во дворе отеля, в ресторане которого подавали змей и черт знает что, кудахтали куры, каркали вороны и кричали чайки. И вообще воздух полнился именно птичьими звуками. Но не думай я о птицах, должно быть, я бы и не услышала эти звуки. Я пыталась понять, как это они отталкиваются от земли и повисают в воздухе. Размышляя об этом, я даже становилась на цыпочки и подпрыгивала. О птичьем уме мне стало известно из наблюдений за воронами – нескольких я прикормила у себя на балконе в Берлине. А потом я видела фильм о птице, рассматривающей себя в зеркале. Это был эксперимент: птице запачкали крыло, и она пыталась оттереть пятно, осознавая, что в зеркале – ее отражение.

Мои друзья, у которых я жила прошлой зимой, завели себе кур в качестве домашних животных. Эти бройлерные куры гнездились в войлочных шляпах, несли яйца под старыми французскими комодами и научились не заходить за красные линии, которыми были расчерчены каменные полы колониальной виллы. Одна курица даже отзывалась на свое имя. Звали ее Миранда.

Эта Миранда расклевала всех зверей вокруг, а меня любила клевать в жженую рану на ноге, уже покрывшуюся древесной коркой.

Сейчас, слушая все это кудахтанье, я как раз думала, а не завести ли себе редкого петуха. Говорят, на Суматре живут черные куры. Все у них черное, даже гребешки, даже кости, даже скорлупа их яиц. Заведу себе русского хохлатого или голландского боевого. Я вспомнила, как очень давно кто-то сказал: «Куры и петухи – школа живописи!» С тех пор я знала, куры возникают мазками, каплями, полосками и точками, а из черной глубины – красной киноварью. Так оно и было в моем представлении: желатин и масло – Веласкес! Особенно Веласкес! Путешествие за три моря. Привезли много золота и пряностей, выстроили Эскориал, впустили туда петухов – Гойя! Золотые воротники, желтые крылья, гребешки – Рубенс! Супрематические черно-белые остроугольные куры – Малевич!

Схватив авоську, я спустилась во двор, и в глаза мне ударил свет. Возникла реальность. Курица как эстетический объект исчезла, превратившись в лужу крови. По двору скакали два пластиковых мешка – один с живыми, и второй – с мертвыми курицами. Мешки скачут. Вокруг летают перья. На земле стоит кастрюля. Передо мной была плоскость ножа, сосредоточенное лицо крестьянки, судороги. Женщина боролась с обезглавленной курицей, насев на нее всем телом, ощипав и сунув в мешок. Тогда я решила, что базар подождет, подошла ближе и спросила:

– Можно посмотреть?

– Городская?

Крестьянка улыбнулась и схватила из мешка новую жертву. Это была великолепная чернушка с ярким гребешком, длинными ногами и сияющими перламутровыми перьями. Такая красота могла бы затмить любой королевский двор.

Крепко держа насмерть перепуганную птицу, женщина пояснила:

– Резать быстро. Чик-чик здесь.

И ловким движением руки перерезала горло этой чернушки. Из раны брызнула кровь. Тело курицы под руками ее убийцы увеличилось, забилось, как огромное сердце, и расцвело оглушительно яркой чернотой. Крестьянка, оседлав это обезглавленное тело, держала его несколько минут, пока импульсы не затихли и тело не сдалось.

– Вкусный суп. Приходи ням-ням.

Тут же она стала ощипывать птицу. Получалось это у нее легко, и в руках ее оставались пышные букеты.

В подарок я получила пучок радужных перьев. Они были обжигающе горячими; должно быть, в агонии у птицы поднялась температура. Теперь ни о каком базаре не могло быть и речи.

Я вернулась к себе в конуру, села в луч света и долго смотрела на эти перья. Теперь со двора не доносилось ни единого звука. Когда перья остыли, лиловый и зеленый блеск исчезли, и живопись ушла вместе с покидающей землю душой, а из всех цветов остался только черный.

ДЕРЕВО ЖЕЛАНИЙ

Они устремляются в храм, волоча за собой детей, путаясь в шелковых тканях, падают, встают и снова бегут по узким улицам города прокаженных. В этих пестрых лабиринтах они могут поскользнуться на коровьих лепешках или человеческих испражнениях и опрокинуть чьи-нибудь бидоны с молоком. Тогда молоко льется на помои и смешивается с грязной водой и мочой.

В темной толпе гудками пробивают себе дорогу мотоциклы. Скулят колченогие собаки, гигантские коровы распугивают толпу драгоценными своими рогами. К верхним окнам поднимается воздух, полный запахов бензина, пота и человеческих ветров. Последние, резко воспламеняясь, висят волшебными огнями, но тут же растворяются в углекислоте, не долетев до верхних окон, к которым прилипли ушами и носами слепые старухи, чьи руки почернели от работы и солнца. В городе поют шпористые петухи. Их держат в гигантских серебряных клетках, тренируя в прыжках для смертельных боев. В храмах начинают трезвонить колокола. Полицейские проверяют паспорта у прихожан, бьют их дубинками, больно лупят по спинам, которые раскалываются как спелые арбузы.

Я протискиваюсь за ограждение, разорвав одежду и поранив ногу колючей проволокой. Только что за моей спиной за углом от храма в большой колониальный дом ударила чугунная гиря строительного маятника. Внутри обрушиваются перекрытия, передняя стена пала, и через ее открытую пасть летят тучи пыли.

В храмовой лавке, где торгуют молоком ласточек, сердцами жаворонков и всякой дребеденью для жертвоприношений, к ногам моим выплескивают искристые помои с тем, что уже отрыгнуло божество. В храме поют, вопят и уже сношаются.

Толпа толкает меня в алтарь. Здесь монахи натираются молоком и медом, прихожанки присосались к большим и маленьким лингамам, и их дрючат военные в зеленоватых форменных рубашках. Две распятые обезьяны вяло болтаются на деревянных крестах. Они уже мертвы, и мозг их высосан ясновидящими. Плачут младенцы. На заднем дворе кто-то рожает. Глоссолалии, кудахтанье и боевые крики петухов сливаются в общий гул. В экстазе я не чувствую боли и с удивлением смотрю на обрубок своей руки, в который вцепилась старуха с базедовой болезнью. Мне только что отсекли руку, но мне не больно! Я задыхаюсь от всемогущества. Загорелись атомные стволы. Пахнет ладаном. Я замечаю под ногами клубок белых глистов и еле сдерживаю рвоту. Преодолев себя, я заворачиваю глисты в пальмовые листья и прячу в целлофановый пакет, чтобы потом посадить их в саду и вырастить волшебное дерево, которое исполняет все желания.

ПОКОРМИТЬ КАМЕНЬ

– Я хочу покормить камень, – сказала она и вошла в глинобитный сарай. Я оглянулась вокруг. На земле в жухлой траве лежало множество камней. Тот камень, который она собиралась покормить, – был ли он особым?

Вскоре она вернулась весьма довольная, ведя на веревке старую лошадь, жестами указала мне, что пришло время дойки, и привязала ее между двух деревьев. Лошадь стояла покорно. У нее вокруг морды летали мухи. Когда женщина закончила доить лошадь, она ушла и вылила молоко в кусты. Зачем?

– Я должна была покормить кузнечика.

– Какого кузнечика?

– Того, что отвечает за дождь.

Потом она попросила у меня доллар. Я протянула ей доллар, и она сунула его в рот, долго жевала и вскоре вернула его мне, весь в слюне.

– Что это?

– Помолилась, – со счастливой улыбкой сказала она и пошла к реке. Я последовала за ней. Под ногами лопались сухие листья, вверх и вниз по стволам текли гигантские муравьи, из-под корней разлетались ящерицы, а воздух был приперчен летающими тварями. Дорожка, по которой мы шли, была каменистой.

– Столько камней! Который из них священный?

У меня было множество вопросов. Я все не решалась спросить, откуда она знает французский? Все индейцы этого племени говорили только по-французски, да еще и с аристократическим выговором. Когда сюда дошли французы – было неясно. Да и спроси я это у индейцев – они бы плечами пожали. Не ведали они ничего об этих французах. Но я все-таки решила продолжать свою экспедицию.

Через несколько дней женщины сказали мне, что собираются на войну. Мужчин в этом племени не было, их истребляли как низших и нечистых существ. Но по традиции всегда оставляли в живых только одного. Этот единственный мужчина был заперт в деревянной клетке, где испражнения сгребались в угол и высыхали. Женщины пользовались этим несчастным по очереди только для зачатия, избивая его и издеваясь над ним, если у него не было эрекции. Но я ни разу не видела этого своими глазами. С ним никогда не разговаривали, да он только и умел, что мычать. Зато я видела, как день и ночь он мечется в клетке. Даже в самую страшную жару они не прикрывали его от солнца. Раз в день ему приносили деревянную кадку с водой, а вечером бросали сквозь прутья клетки остатки сырого мяса.

Я была свидетелем того, как женщины закопали живьем мальчика сразу после его рождения. Ребенок быстро задохнулся под песком. Мать его через два дня после родов уже взялась за работу – как и другие женщины она искала в лесу съестное, охотилась и танцевала у костра. По ее без-

мятежному равнодушному лицу было трудно представить себе, что только что она потеряла ребенка.

Через два дня после большой охоты на диких котов женщины позвали меня курить трубки с каким-то то дурманящим веществом. Меня тут же сморило. Когда я проснулась, я услышала знакомый голос.

– Надо покормить камень.

На сей раз я тоже вошла в кусты. Женщина раскрыла платок, в котором лежала еда для камня – толченые жуки, смешанные с соком какого-то растения, и стала пихать ее под лопух, приговаривая:

– Катамаран. Постгуманизм. Я – собака фейсбука. Права мертвецов. Права животных. Права детей. Права женщин. Право на счастье. Конституция СССР это есть декларация независимости США. Жоржет.

Молитва показалась мне странной, и, когда она встала с колен, я спросила ее о значении этих слов.

– Так мы вызываем дождь. Мы унаследовали это заклинание от наших далеких предков. Смысл его нам неведом, но камень любит эти слова. Когда я произношу их, я чувствую, как надвигаются тучи, полные, как вымя кобылы.

В этот момент женщина посмотрела на потемневшее небо, и мне на лоб упала первая капля.

КОНЕЦ ЛЮБВИ

Мой самолет только вчера приземлился в Мехико, и мне не терпелось добраться до моря. На автобусной станции в Оахаке мне сказали, что в Пуэрто-Эскондидо взвинтили цены и что, если я хочу избежать интернета, я могу найти пристанище где-то в районе Пуэрто-Анхель. Автобус высадил меня посреди вихря на пыльном перекрестке. Два пьяных индейца, лениво переговариваясь, сидели под единственным навесом, спасаясь от полуденного солнца. Я спросила, как выйти на пляж, и они указали мне направление. Я шла как в киселе. Ноги неверно нащупывали почву, ветер сбивал с ног, и после многочасовой тряски в автобусе кружилась голова. Вихрь был тут везде, горячий и неистовый. Дорога шла между низкими глинобитными домами, и селение казалось вымершим, но через несколько минут на желтую улицу высыпали школьники. Поправив на спине рюкзак, я пошла вперед, упрямо глядя перед собой. Школьники принялись улюлюкать мне вслед, хохотать и кривляться, но, не добившись от меня ни малейшей реакции, растворились в пыли. Где-то на полпути меня нагнал мотоциклист и жестами предложил довезти до лагуны.

В этой деревне я оказалась ровно через день после того, как был назначен Официальный Конец Любви: 13 марта. Эта дата выскочила у меня в календаре и была записана моим почерком: Мексика. Солнце. Конец любви.

И после того, как я это прочитала, я уже больше не чувствовала вообще никакой любви.

Уже издалека стало видно зеленое море и белые дюны. Такой синевы я еще никогда в жизни не видела, разве что в живописи Чонтвари. Вихрь был тут везде. От песка воздух был плотным, как вощеная бумага, и не пропускал прямых лучей солнца. Казалось, от ветра все волны вывернули свои юбки шелковым исподом наружу. На белом песке лежали белые лодки. Мотоциклист уехал, а я осталась стоять на дороге, проходившей над пустынным пляжем, прямо у зарослей гигантских кактусов. Оттуда мне навстречу вышел старик и спросил, нужна ли мне гостиница. Я кивнула. Старик указал мне на холм. Там стояла большая кабанья с крышей из пальмовых листьев. Здесь не было ни телефона, ни интернета. Не было даже электричества, а магазина и подавно. Старик принес из глубины дюны чистое белье и ключ.

– Грингас холодные, а мексиканцы – горячие, – сказал он. Потом ударил себя в хилую грудь и добавил, что он «кайенте», то есть горячий.

– Сколько тебе лет? Муж есть? Дети есть?

Я кивнула.

– Где муж?

– Уехал на три дня, – соврала я, чтобы он отстал.

Но старик не унимался и поинтересовался, занимаюсь ли я со своим марито сексом.

– А сколько детей?

– Пятеро, – опять соврала я.

Он был удовлетворен. Потом он спросил, пользуемся ли мы презервативами, и на прощанье сказал, что его жена очень толстая.

Иногда я вспоминала о том, что нахожусь уже по ту сторону любви. Меня это поражало. Раньше мне было жалко лишиться этого мучительного чувства. Оно было важней, чем сам человек. А теперь вообще ничего не было. Все происходило здесь и сейчас: центр вихря, дюны и кактусы.

Я спустилась на пляж и обнаружила себя внутри гигантского натюрморта с голой скалой. Скала эта утопала в синем сиропе. Отсюда были видны розовые горы, а над водой носились и дрались птицы: пеликаны винтом уходили в упругую водяную гладь, чайки срезали воздух неровными слоями, а у берега топтались грифы в красных резиновых шапочках и черные орлы.

Внезапно птицы притихли, и между лодок на стерильный песок выползла змея с желтыми полосками вдоль спины. Я слышала от местных индейцев, что, когда змеи умирают, они приползают в пространство между сушей и водой, как человеческие души, которые забредают в чистилище. Следующим, что попалось мне на глаза – был комок ярко-зеленых перьев, а рядом – кадавр щенка. Но еще минута, и под крики и карканье шкура была унесена высоко в небо.

Неожиданно из-за лодок появилось множество собак – скелеты с набрякшим выменем. Лебезя хвостами, они бежали ко мне, но, не добежав, начали ссориться и подняли визг. Потом из-за дюны появилась старуха с плоским лицом и принялась объяснять мне, что после захода солнца гулять опасно.

Я поднялась по склону к себе в кабанью. Здесь было темно и прохладно. Над полотняным навесом висели россыпи летучих мышей. Я попыталась читать, пока незаметно для себя не уснула.

Ночью меня разбудила возня на веранде, и я подумала, что это собаки. Раскрыв дверь безо всякой осторожности, я увидела в своем гамаке низкорослого толстого индейца со спутанными, как у демона, волосами. Разбуженный, он вскочил на ноги. В руке у него покачивался морской фонарь. Жестами я показала ему, что он может оставаться спать в гамаке, и ушла в дом. Надеясь, что больше ничего не случится, я заснула, ни на секунду не вспомнив об официальном конце любви.

Когда я проснулась, мое тело болело так, будто меня били всю ночь. На самом деле, я была облеплено ковром из бабочек, пауков и тараканов. Вот почему я не мерзла! Но стоило мне шевельнуться, как они вспорхнули к потолку.

Утром на веранде ночного гостя и след простыл. Я вскипятила себе чаю и спустилась на пляж между чахлыми кустами. Вихрь никуда не уходил. Он крутил песчаные столбы то там, то сям, поднимая их от земли, как эфемерные вазы. От песка хотелось спрятаться в воде, но она была беспокойной как огонь. Броситься в это море все равно, что броситься в костер.

Неожиданно я вспомнила о календаре, и меня потрясла сама мысль о том, что никакой любви нет, будто ее никогда и не было, и что этот эпизод моей жизни никак не был связан с предыдущим.

ЯБЛОЧНЫЙ СИДР

В храме все ходили с зеркалами. Каждый прихожанин приносил с собой карманное зеркальце и, ловя лучи, исходящие из витражей, пускал солнечных зайчиков в лицо мадонне, отчего оно ярко светилось в дрожащей полутьме. Прямо под алтарем совокуплялась пара собак. Самка была большой и лохматой, а самец – маленьким и щуплым, тем не менее казалось, что член у него очень длинный. Пока собаки совокуплялись, настоятель рассказывал анекдот, но запнулся на середине, потому что забыл, чем все завершилось, и кто-то из прихожан пояснил, что анекдоты имеют свойство замерзать посредине, если их рассказывают в храмах.

Когда собаки закончили свое дело, они никак не могли разойтись, и настоятель попросил их не беспокоить. После того, как он окропил их святой водой, они расклеились и выбежали из храма. Я тоже вышла на улицу.

Стояла пышная золотая осень. Медовый сентябрьский свет струился с небес, и крестьяне несли на базар тяжелые корзины, полные овощей. Я пошла в сторону от городского центра и незаметно для себя оказалась на окраине. Сразу же за последним домом начинался лес. Откуда-то доносился рев, лай и грохот. Лес был желтым, багряным и удивительно прозрачным. Остро пахло яблочным сидром, и я пошла на шум. И чем гуще становился лес, тем острей становился запах. Миновав нагромождение скал, я вышла к озеру. Здесь и стоял тарарам. Зато от озера шел пряный пар, а по бере-

гам его толпились звери, как в волшебной картине о Ноевом Ковчеге. Лоси, раскинув гимнастические рога, пили из озера. Рядом топтались олени, бобры, лисицы и медведи. Все они удваивались в озере, на розовой от листьев поверхности которого плавало множество осенних плодов. Это и был яблочный сидр – настоящий, рожденный самой природой. Отойдя от озера всего на пару шагов, животные пьянели и уже шли нетвердой походкой, трубя в рога, лая и вереща от опьянения. Хмель косил медведей, которые рыча валили деревья, вырывая их с корнем. Лисы кусали волков, зубры таранили оленей, тут же падавших замертво, и трубно вопили лоси.

Я тоже решила выпить из озера и, поскольку рядом не было пологого берега, нашла полый длинный камыш, который смог бы служить мне трубочкой. Теперь через эту трубку я принялась пить осенний коктейль, пока голова моя не затуманилась. Вскоре мне показалось, что я нахожусь в храме. У каждого из прихожан в руке было зеркало. Я пошарила в кармане и тоже нашла зеркало, поймала им луч и запустила в лицо лисице, служившей священником. На руках у нее был поросенок, который пил молоко из ее груди. Рядом лежала собака и тяжело дышала. Рот ее был раскрыт, и я увидела, что на зубах у нее брекеты для исправления прикуса.

ПУТЕШЕСТВИЕ

Мои родители собираются отправиться в долгое путешествие, в путешествие, из которого никогда не возвращаются. Они начинают прощаться и наставлять меня, раздаривают книги – библиотеку, которая и составляет все их имущество. Еще у них есть китайский ковер и часы времен Наполеона. Это они собираются оставить мне в наследство. Ни часы, ни ковер мне не нужны. Часы на витых янтарных колоннах – это тяжелый бронзовый предмет с острыми углами. Разумеется, часы не работают. Это не важно.

– Почему тебе не нужен ковер?

– Когда вы собираетесь отправляться?

– Куда? – на минуту отец забыл о том, что он собирается на кладбище.

– Сам знаешь, куда.

– На кладбище?

– Да.

– Скоро, – неопределенно говорит он. – В начале я, потом – мама.

– У вас еще есть время раздать вещи. Вам не о чем беспокоиться.

Разумеется, они никогда не читали «Систему вещей» Бодрийяра и не в курсе, что культурные ценности превращаются в такой же прах, как и мы. Мне нет надобности объяснять отцу, что после того, как он умрет, часы я продам. Я уже знаю, где. Это антикварный аукцион у нас на углу. Кому нужны все эти старые громоздкие вещи? Уж точно не мне. У меня нет никакого дома и никогда не будет. К тому же, если бы и был, я ни за что бы не поставила там эти часы. Это просто неприлично. Я получу за них полторы тысячи евро. Потом они будут стоять в доме у какого-нибудь арабского служащего. Их тут

очень много, этих служащих. Интересно, что он даже не узнает, что это часы наполеоновского времени. Это ему все равно. Итак, я унаследую от своих родителей ковер и часы. А потом, когда я съем ковер и часы, что потом? Разумеется, я буду работать. Работать?

Фокус называется Улитка и состоит в том, чтобы где угодно и при любых обстоятельствах почувствовать себя дома, поскольку в тот момент, когда ты закрываешь глаза – ты всегда дома. Еще одна догма заключается в том, что не ты путешествуешь по миру, а мир поворачивается к тебе разными боками и путешествует вокруг тебя. Поэтому на зеленых вокзалах следует погрузиться в самую толстую толщу собственных подвесных пещер.

Потом прибываешь в город семи вод.

ГЕОРГИЙ ОСИПОВ

РУКА

Владелец дачи, известный музыковед, выпестовавший целую плеяду себе подобных сусликов, рассуждал о синергии рокенрольных стихий, сверкая перстнем на пальце руки, которой он мял газету в туалете коммуналки, мял что-то чертежное в уборной общежития, а затем, когда одна взрослая тётя уговорила его воцерковиться и опроститься, переехав в деревню, он ею только крестился, потому что мять было нечего.

По вечерам они слушали по радио «Россию вчера, сегодня, завтра» и «Трубный зов».

Молились вместе снаружи. Молиться ходили на один конец огорода, за надобностью на другой, за которым маячило кольцевое шоссе.

Однажды утром застывшая в молитвенной позе взрослая тётя-филолог, когда он потрогал ее сквозь плед за плечо, бесшумно повалилась лицом в пустую грядку…

Вечерний звон, вечерний звон, – подумал Самойлов, – как много дум наводят Свонз.

Интересно, узнает ли он меня после стольких лет сытости, и полезет ли на рожон?

Клавишная «Ямаха» на видном месте и пара дорогих (от Сергей Иваныча, не иначе) ракеток поверх большого постера Кьюр должны были намекать на разряд по теннису у хозяина и гнесинку по классу ф-но у хозяйки, похожей на Ханну Шигуллу с подмосковного конкурса двойников.

Пиздеж, конечно. В духе газетной биографии Гарина и Зои в «Гиперболоиде».

Он снова проследил за жестом докладчика. Рука была прежней, но перстень не тот.

Возможно, что это и вовсе был совсем другой человек.

СЛОВА НА САЛФЕТКЕ

Булочная «Борхес» – фермерское молоко свежей получки, дождливое утро, кончился дождь, и взмокший зонтик между ног кажется железною палкой вдвое тяжелей того, с которым выходил из подъезда десять минут назад. Или не десять?

Если человек желает узнать сколько времени, он ищет глазами часы.

Sedutto in quel cafe…

И не находит.

Пьет кофе, прикинув самостоятельно, что должно быть четверть одиннадцатого – впереди сорок пять минут урока трезвости.

Утра, – уточняет он, спохватившись, потому что погода за стеклом от пола до потолка не похожа на ту, что бывает в начале дня в чужом городе.

Определив время, он тут же замечает у себя над головой прямо напротив своего столика циферблат со стрелками.

Сперва он его не заметил, потому что его не устраивало число, которое указывали стрелки.

Для точности – десять ноль девять.

Впрочем зачем «указывали», если воз и ныне там, вот оно – то же самое, возможно со вчерашнего дня, когда его в этом месте еще и не было.

Электронная, отнюдь не фермерская «музыка» зависает на бессмысленной, как ему сперва кажется, фразе, однако, уже через полминуты он понимает, что и это неспроста – зрение его обостряется, сохраняя синхронный синтезатору темп, взгляд делается цепким, словно у гангстера, ожидающего подельников во французском фильме, которые должны, нет, попросту обязаны появиться с разных концов улицы, будто бы не знакомые друг другу, но знакомые зрителю по фамилиям актеров.

Прямо перед входом в пирожковую стоит машина – за рулем никого, а на панели, где обычно (в этом он не уверен), на присоске крепится навигатор (он не уверен, что на присоске, но пусть будет), к нему спиной стоит полупрозрачная кукла-кошечка, которая качает головой и балует лапками в точности в такт и в унисон этой бессмысленной электронной фразе, похожей на кусок допотопного диско-шлягера на русском языке.

«Котенок-гимнаст» – заряжается от солнца. Которого, кстати, пока нет. Чего ж ты тогда, Котя, серенький хвосток, дергаешься?

Он где-то видел такой-же сувенир, только тот тогда не шевелился. Скорее всего, на витрине.

По циферблату бесшумно пролегает трещина от одиннадцати к пяти вечера.

В подземном переходе в центре большого города раздается самый настоящий взрыв.

Чьи-то глаза смотрят на чьи-то раздавленные часы из киоска, где, за неделю до взрыва, пока он любовался кошечкой, рядом с ним какой-то молодящийся абсолютно лысый субъект в бордовом пиджаке и зеленых брюках мучительно долго выбирал себе поддельные недорогие часы, чью марку он, бормоча, называл «Константин Вершюрэн».

СОБАКА КОЛОМБО

У Когана был брат. Скорей всего по материнской линии – темно-серый клеш, болонья цвета «асфальт после дождя», длинное костлявое лицо, волевой

подбородок в обрамлении отливающих желтизною волос ниже воротника на тонком свитере под горло, который, будучи коричневым, казался красным как на пижонах в кино.

Здесь взгляд смотрящего снова падает вниз и завершает портрет парой остроносых туфель на низком каблуке, тех самых, которые, как знаменитое фото «битлы с розами», штампуют для славянских фраеров какие-то «грузины». Рукопожатие крепкое. Не пьян, но водкою парит. Точнее «міцняком». Глаза скептика, но не циника, и, по-моему, совсем без юмора. На этом, пожалуй, и всё – потому что мы с братом пересеклись единственный раз в жизни – в тесном «калидоре». Я уходил, а он пришел. У Мартингов, соседей по первому этажу, истерическим лаем зашелся Пушок – старый болоночий кобель, чувствительный к появлению пьяного.

Брат Когана не сидел, но, кажется, отслужив, он забухал да так и не смог обновить свой гардероб сообразно новой моде. Он был холост и честно добывал drinking money, вкалывая на непрестижном заводе. Имени его никто не упоминал.

Отец Когана – токарь наивысшего разряда, несмотря на фамилию и отчество, которое соседи тактично меняли на «николаевича», пахал в почтовом ящике, получая на руки шестьсот чистыми в месяц плюс премия, висел на доске почета, где его отчество, на радость теоретикам заговора, было указано с точностью оборонного предприятия. Его дед Арон, по преданию, питаясь редькой с квасом, прожил сто три года, отдав Б-гу душу перед самой войной.

Батя Когана вытачивал сыну удивительные штуковины из цельнометаллических брусков – в частности точные копии старинных орудий, из которых, как он уверял, можно стрелять миниатюрными копиями ядер, если только раздобыть настоящего пороху, потому что банальные спичечные головки по копейке за коробок для такой изящной конструкции не годятся. Они только завоняют собой комнату, а ядро не вылетит. Спички – это для сцыкунов. Сцыкуны не сцыкуны, а мы, конечно, опробовали и этот дешевый вариант, дешевый как «школьная» магнитофонная лента тип-три.

Как-то незаметно Коган охладел к артиллерии, и, будучи двумя годами старше меня, очень продвинулся по спортивной линии, демонстрируя мне «крокодила» на обеденном столе, а где-то ближе к новому году, тому, когда граждан вместо Лёни зачем-то поздравлял Косыгин, родители преподнесли подростку стационарный маг с каким-то астрологическим названием, наговорив в мыльницу массу оптимистических пожеланий. Токарь-передовик взял в жену девушку с южного поселка, явно переоценив качество её родни.

Что касается брата – имени его никто не упоминал, это факт. По крайней мере, при мне, но он, тем не менее, регулярно появлялся как не очень желанный гость, причем, работая в две смены, он делал визиты либо рано утром, либо в слякотных сумерках – в размокших остроносых корочках, обшарканных калошах клешей и в таких же мокрых носках под ними. Дальше прихожей его не пускали.

Скажу больше – и Коган-младший к нему на южный наведывался. Потому что к магнитофону полагаются записи, а где их взять? И брат, между прочим, таки отдал ему целых две своих доармейских бобины, якобы безвозмездно.

К двенадцати годам, прожитым мною на свете, я мог по пальцам перечислить количество магнитофонных записей, подслушанных мною не у кого-то под окном, а в помещении, на правах гостя, ради которого эксплуатируют дорогую, купленную в рассрочку аппаратуру.

Поэтому я очень обрадовался, когда именно в такие, как вышеупомянутые, сумерки у меня зазвонил телефон, и я узнал, что Коган вернулся с южного не с пустыми руками, а с добычей. Это был, не помню точно, то ли субботний вечер, то ли воскресный день, когда взрослые ходят в кино на дорогие вечерние сеансы.

В тяжелом и немодном пальто нараспашку, которое было мне не коротко, а велико, я вышел из подъезда, с жадностью вдыхая цинковый воздух вместо беломора, который смолили нон-стоп мои бабка и дед.

Я машинально, не глядя под ноги, одолел спуск из пяти ступенек, ведущий во двор, на которых по праздникам, как на пьедестале, отдыхали дворовые чемпионы по литроболу.

Эти пять ступенек показались мне вечностью, однако оставив их за спиной, я снова остановился, как поезд на полустанке вблизи от вокзала, уступая путь чему-то гремучему и тяжелому, а оно – внеурочное и чужеродное, всё никак не показывалось, и злокачественная тишина лишь усугубляла досаду, переходящую в панику.

От подъезда, где жили Коганы, меня отделяла какая-то полусотня шагов – мы измеряли это расстояние в более раннем возрасте. Так тесно живут у нас в радяньской Украине люди.

«А до смерти четыре шага», – проворковал откуда-то с того света голос Бернеса, которого кремлевские старцы не давали забыть даже тем, кому такие подробности совсем ни к чему. Я выдохнул и, затаив дыхание, потопал дальше.

Родителей действительно дома не было, только бабушка – Клавдия Лукьяновна – слушала в кухне радиоточку, какой-то спектакль, пьесу из народной жизни.

На Когане был синий шерстяной тренировочный костюм. В нем он напоминал юного физрука-акселерата.

С минуту он держался торжественно, а потом очень быстро принялся боксировать с невидимым соперником, перемежая поединок акробатическими прыжками, умудряясь при этом не задевать мебель. Карате в ту пору мы представляли довольно смутно, хотя даже я зачем-то набивал ребро ладони об спинку нищенской никелированной кровати, убожества которой почему-то совсем не стыдились мои старики, привычные к военному аскетизму, все чаще принимавшему форму юродства.

Магнитофон, отметил я, успел переместиться с письменного стола у окон на тумбочку под торшером в дальнем углу, и с улицы узнать о его сущест-

вовании стало уже нельзя. Вероятно, чтоб не спиздили, а может и просто так – для «экибаны». Ведь публикация в «Науке и жизни» на эту тему увлекла многих – «подсадила» тогда еще не говорили, наркоманский жаргон был понятен единицам.

Закончив представление, Коган уселся на диван-кровать, а я в кресло, и мы без лишних слов приступили к прослушиванию.

Сюрприз обнаружился уже в самом начале ленты. Брат оказался антисоветчиком и, подобно мне, заядлым слушателем «Голоса Америки». Более того, он, простой советский работяга, не жалея места на ленте, которая тоже стоит денег, вместо музыки записывал серьезные передачи, в том числе и политические.

В данный момент в жилище передовика производства, да что там – ударника коммунистического труда – гремел аналитический обзор «События и размышления», который лично я ни разу не смог дослушать до конца, предпочитая компактные комментарии Анатолия Максимовича Гольдберга.

Воистину «ну-ка, в сторонку, шейки и битлы». Жаль, конечно.

Коган поник, он скорей всего ни разу не слышал передач оттуда – при зарплате в шестьсот рублей поводов для недовольства советской властью, сами понимаете. Он вообще не подозревал о существовании антисоветского радиовещания, и решил, что братец, воплощая один из своих хулиганских капризов, просто его разыграл.

Я не стал выводить приятеля из неведения, пока ему не станет скучно самому. Так и получилось – минут через десять он начал подматывать катушки, норовя отыскать обещанную братом поп-музыку и не находя ее.

Как любое времяпрепровождение обманутых людей, со стороны такое занятие выглядело скучно и глупо, но нас никто не видел, рядом никого не было. Разве что с улицы, но оттуда мало что можно было разглядеть сквозь занавески, и кусты шиповника давно выросли выше подоконника.

Именно эти пустяковые подробности вертелись у меня в голове, покуда Коган мотал, когда на последней трети второй стороны вдруг начали происходить какие-то вещи.

Сперва – нарастая, а не затихая – откуда-то донесся глухой грохот брошенных в подвал бутылок (темно-зеленых, а не прозрачных, мне показалась важной эта деталь, не знаю почему). Словно мы находимся не под землей с точки зрения обычной науки, а над нею, на поверхности, и слышим этот нарастающий грохот сквозь вату в ушах, не знаю, как объяснить это состояние дальше.

Наконец его оборвала резкая барабанная дробь, и хриплый негроидный голос по-гитлеровски свирепо и отрывисто, с шепелявым дефектом речи, пролаял фразу, последними звуками которой были протяжные «ма-ан».

Коган не знал кто это, хотя с ним в одном классе учились два будущих лабуха, один из них в дальнейшем очень приличный гитарист, что-то вроде местного Махавишну.

Я догадывался – ничего не зная наверняка, по детской привычке отгадывая кроссворд с помощью косвенных улик.

Мне было известно название, точнее одно слово из трех, я видел их на фото и слышал по радио этот специфический вокал – другие, правда, песни. Но эта интонация, этот саунд! Названия полностью запомнить я не мог, оно было чересчур длинным для запоминания, помехи слишком сильны, а дикторы объявляли его слишком по-своему, по-американски.

Спортивный Коган не блистал лингвистической эрудицией. Он призадумался, ведь слушать группу без названия – это кошачий концерт кота в мешке, как будто над тобой кто-то издевается, нарочно его скрывая… Коган хлопнул себя по коленям в спортивках и сентенциозно произнес: «Кажется, я понял, что это за группа, это группа „мэн“, – и тут же перевел без словаря. – Человек».

Примерно с такою же легкостью другой сосед Вадюша, продавая мне фотки ансамблей, пояснял: а это группа Ху – Кто.

Как будто они в разное время и в разных местах, но синхронно, сговорившись, говорят одному человеку – мне – единственное известное им иностранное слово из трех букв. Каждый своё – мэн и ху.

Я не стал его разубеждать. Ведь мне и самому было неизвестно полное имя. Поэтому я погрузился в любимое состояние полусна, тщательно запоминая структуру и оттенки драгоценных песен.

Дальнейшее походило и на сон, и на пробуждение, смотря с какой стороны посмотреть и откуда заглянуть. Я встрепенулся, услышав то, что давно мечтал послушать, там где не ожидал.

То ли из глубин подземелья, то ли на лестнице, ведущей вниз – из башни в темницу, – послышались тяжелые нечеловеческие шаги кого-то с непонятным количеством конечностей в обуви невообразимого фасона, хотя это вполне мог быть и братец Когана в допотопном, точнее не скажешь, шузняке, оставляющем влажные следы не совсем человеческих ступней.

Груда брошенных туда бутылочных осколков стала горстью битого стекла в сжимающемся кулаке. Я услышал хруст, похожий на скрежет тормозов – столь редкий для наших улиц, скажем прямо, звук, потому что тормоза – дорогое удовольствие, их следует беречь, вот откуда трупики собак и кошек вдоль бордюра.

Коган не препятствовал прослушиванию «Сузи Кью» целиком, оно оказалось прервано естественным путем, когда просто закончилась пленка, и мы решили перейти к следующей катушке.

И вот что на ней оказалось – помимо других, но в том же объеме, выпусков «Событий и размышлений» в конце второй стороны были дописаны три точно такие же композиции Криденсов, и даже «Сузи Кью» обрывалась чуть ли не на том же самом месте.

Коган был разочарован, а я, напротив, доволен вполне. Мне померещилось, что в двух параллельных мирах (хотя их могло быть и больше), с незначительным различием между собой, обитают два брата Когана, а стало

быть и каждого из нас может быть вдвое больше, а это, согласитесь, лучше, чем совсем не быть, когда наша жизнь так скудна и однотипна.

Таким образом мною была частично разрешена загадка двух экземпляров, которые брат, если не ошибаюсь, вскоре потребовал обратно. И дальнейшая судьба их неведома, равно как и личность одного из двойников, в смысле – кто же за ними приходил. Ведь никто никогда не поминал его по имени.

Около семи родители вернулись из кино, дружно обозвав двухсерийный «Солярис» ахинеей. Единственный ребенок доложил о нашем эксперименте.

Оказалось, что родители Когана рассчитывали посмотреть на большом экране «тот солярис, где космонавта играет лановой».

Я бы тоже глянул ту постановку пару раз, но ее уже года три как не показывают, и скорей всего больше не покажут, чтобы не затмевать новое, длинное и нудное говнецо, с которого зритель уходит пачками.

«Великовозрастный идиот морочит головы малолетним балбесам», – брезгливо прокомментировала мать Когана, пока родитель возился у плиты. Бабушки в кухне уже не было. Сурово, но справедливо. Я оделся и ушел.

Ну а сейчас, я думаю, пора запустить в повествование и второстепенных персонажей, тех, что устали толпиться в когановской прихожей в ожидании своего появления.

Коган женился на девице из мединститута и, взяв фамилию жены, уехал «к северным оленям» за длинным рублем.

Когда умерла старая сплетница и стукачка из «пентагона», тетя Катя Попова (по кличке Маска из-за обилия косметики на громадном лице), кто-то из органов, в духе гласности, сообщил, что она писала доносы на «гражданина Егорова», изобличая его неарийское происхождение.

А ей оттуда якобы отвечали, что она ошиблась адресом: здесь товарищ, не гестапо, на дворе перестройка и всё такое прочее.

Многие ныне покойные люди были убеждены, что Маска отравила своего мужа, бухарика по прозвищу Дядя Лё.

Коган-старший умер неожиданно рано, тихо повредившись умом после инсульта, и его было мучительно жаль.

Вдова пережила его лет на девять. Хоронили ее со священником, катафалк (той же марки, что обычные маршрутки) был белого цвета. Гроб стоял на кухонных табуретах возле канализационного люка, об который я в детстве больно ударился головой.

Наблюдая за панихидой через форточку, я дивился тому, какой короткой и плоской выглядит снежная горка, с которой мы когда-то съезжали на санках.

Скорбящих было мало. Постаревший гитарист-виртуоз стоял, опираясь на палочку.

Квартира опустела, и вскоре ее место, подобно церкви в гоголевском «Вие», окончательно затерялось в коммерческом однообразии первых этажей. И никто не упоминает имена тех, кто в ней когда-то проживали.

Но хруст зеленого стекла, похожий на скрежет тормозов или протесты расстающегося с жизнью организма, слышится-видится мне и доныне, если я ставлю диск группы с длинным названием.

Мне только неясно, что за рука сжимает осколки в горсти, не боясь порезаться. Либо на ней надета перчатка из чертовой кожи, либо она сама из железа.

О БРАКАХ НЕБЕСНЫХ (De Conjugiis in Coelo)

Луна на небе яркая, отсвечивает плавником акулы за кормой парома, что за ночь для воспоминаний!

Такими ночами человек охотно пускается в мысленный поиск своих и чужих пращуров, а иногда они сами, без приглашения, являются к нему сами…

Сегодня мне бы хотелось припомнить известные мне примеры однополых гражданских браков, заключенных, разумеется, не по страсти, а по интересам, в нашей советской стране.

Все были в кого-то когда-то влюблены – боец в командира, рабочий в бригадира, тренируемый в тренера и так далее.

Покупающий в продающего.

В шумных и многолюдных очередях или при покупке с глазу на глаз чего-либо дефицитного мне доводилось наблюдать пары не менее поэтичные, чем Высоцкий и Влади, Монтан и Синьоре, Климов и Шепитько, Магомаев и Синявская, бесполые как само наше слово гордое «товарищ».

Порою эти счастливцы по простому асфальту передвигались с грацией фигуристов – ни дать ни взять Роднина и Уланов, но в траекториях этих пируэтов прослеживалось и нечто печальное.

Готовность пожертвовать собой считалась хорошим качеством, которого надо вырабатывать побольше. Рискованные упражнения укрепляли хладнокровие, чтобы перспектива покалечиться и умереть не отпугивала потенциальных героев.

Любители прыжков с парашютом доживали до пенсии, жизнь тех, кто предпочитал прыжок из окна, обрывалась значительно раньше.

Впрочем, у братьев Войтовичей не было проблем с пенсией, оба получали ее чуть ли не с двадцати с лишним лет.

Старший – картежник Витольд – был похож на режиссера в кожаной куртке, говорил медленно и скупо. Младший – фотограф Марат – порою был неотличим от Николая Гриценко и даже от Винсента Прайса. Был артистичен и знал это, говорил на разные голоса, сопровождая речь обильной жестикуляцией.

Дети НКВДэшника – они были типичной «четой» в моем понимании – принимали одни и те же лекарства, соревнуясь в объеме доз, угощали друг друга таблетками и, по-своему, как мне кажется, бывали счастливы.

Они отправились в мир иной так же, как появились на свет.

Сначала выпрыгнул старший, а за ним – не сразу, по прошествии месяцев, равных годовой разнице в возрасте, последовал Марат.

Вам наверняка знакомы наваждения такого рода – воскресный полдень, буйство зелени и солнечного света, из подъезда выходят двое – вылитые Сонни энд Шер, а то и поднимай выше – Сенчина и Чеханков, модные, лучезарные, помесь хиппи с манекенщицей, но… но – если сделанное в этот момент фото проявить особым способом, вы обнаружите на нем венки и крышку гроба.

ОДИНОЧЕСТВО

Товарищ Осипов?

– Так точно!

– С вами будет говорить Геннадий.

– Соединяйте!

– Алло, Гриша?!

– С вашего позволения – Гарик.

– Извините, конечно же, Гарик, конечно же наше всё.

– Ничего страшного – меня в детстве так полдвора называло.

– Как?

– Гришей. Григорий Пресс и так далее.

– Гарик, как вы смотрите, чтобы выступить с эстрадно-симфоническим оркестром одной ближневосточной страны?

– Я только за. Надеюсь, демократической?

– Разумеется.

– Я только за… только что же я под него… что ж я с ними буду петь?

– Да то же самое, что и всегда. Что нам поете – Северного, Челентано!..

– А я Челентано, кстати, пою кот наплакал – он чересчур ярок сам по себе. В особенности ранний, а поздний весь досадное говно. Зажился, запелся…

– Понятно. Так вы согласны?

– Да и Северного замусолили так, что… хотелось бы что-нибудь посолиднее. А кто будет дирижировать?

– Пойте, что хотите. Мне уже давно представляется большое междисциплинарное ревю «Мыслеформы Графа Хортицы»…

– Силантьева нет, Кондрашина тоже нет. Кто будет дирижировать, Геннадий?

– Хотя бы тот же Зубин Мета. Как вы смотрите на Зубина Мету?..

– И Силантьева нету, и Кондрашин уже там… все, как говорил Шаповалов, поуезжали.

– Вы и Шаповалова знали? Вы уникальный человек, сэр. Так как насчет Зубина Меты? И вообще, Гриша-гаричек, какая тебе разница, кто будет палочкой махать, когда люди ради тебя слетаются!

– Разницы никакой. Единственно, что и мне, Генаша, в ответ на такую заботу, и для тебя хочется ж сделать что-нибудь масштабное, шо-будь такое хорошее, чтобы ты оценил и запомнил.

– Приятно слышать.

– Гена, у меня есть лишние пять пар трусиков. Они стираные и, по-моему, импортные, тех лет, а ты стройнее меня, я ж тебя помню… Шо значит «девчачьи»?! Геннадий Батькович, вы в своем уме – нормальные мэновые подштанники, как в андроповских постельных сценах… как «не надо»? Не гони лошадок, Гендос – водителю подаришь. Чувихам, которые играют активную роль в жизни других чувих – ты же свой человек в шоубизе… Гентик. Какие «грязные», ты совсем или чуть-чуть?!!!

Хорошо. Тогда начнем с начала – мы в этом году закатали слишком много банок, часть из них нам не съесть, тем более, если мне снова запретили бухать, часть мне точно не съесть, и я боюсь, что они повздуваются и ебанут.

Геныч, ты можешь попробовать. Мы откроем, отрежем, чтобы ты сам имел шанс разжевать и решить. Это минимум шесть трехлитровых бутылей. Отдавать не надо.

Ясно. Уровень не твой… слушай, Гена, а давай я тебе яхту дешево продам. «Дешево» в данном случае не «мыслеформа», кстати. Винтажная модель. Шестьдесят шестой год. Подарок деда-полковника.

Я клянчил слесарный набор за шесть колов, а он всучил мне «катер» за рубль с чем-то, безобразно картавя на последней букве, старый жмот под маской аскета.

Как оказалось, в Пинске у него жили две дочери от первого брака, и он, втайне от падчерицы и бабки, регулярно пересылает им солидный сармак через одного белорусского козла, который преподает в машиностроительном.

Две дочери в Пинске. Чтоб они сгорели, как белка и стрелка.

ЧУК И ГЕК

Разбавленное пиво казалось холодней, потому что оно было слабее и жиже. Пасмурное утро переходило в пасмурный воскресный день, похожий на середину рабочей недели.

По фибровой крыше павильона колотили крупные капли, но дождя не было, были расшатанные нервы. Солнце выглянуло после трех, когда компания собутыльников выросла до девяти человек, а пока нас было только трое – Урна, я и Белоусов.

Буфетчица была единственной женщиной на всю округу, но в окошке был виден один её торс. В полусотне метров циркулировали самцы с пластинками и дефицитными книгами в портфелях взрослой модели, доставшихся от родителей. Возвращаться к ним никто не хотел.

Дело было в парке возле старого цирка, где, по слухам, какой-то скульптор работает над памятником Дзержинскому.

Урна вел себя очень настойчиво. Уговаривая меня «хотя бы *пивнуть»,* он, гад, буквально подпрыгивал на задних лапах в расчете на дежурную «пару рублей» у меня в кармане.

Услышав «х. с тобой – пойдем», Урна метнулся вперед, как собака, у которой, если она поворачивала голову, было лицо взрослого мужчины.

Конечности Белоусова – изящные руки терапевта – дрожали, выглядывая из манжет поношенной замшевой куртки. Он горбился и выглядел совсем как Питер Селлерс. Или Богумил Кобеля, потому что Селлерса я тогда знал только по картинкам, по кадрам из фильма Magic Christian, где он похож на Сальвадора Дали – так полагали шибко грамотные.

Белоусов выглядел так почти всегда, за что и получил прозвище – «человек с ордером на квартиру»

Урна моментально оценил шансы перехода с пива на крепленое и стал соболезновать Белоусову в связи с его плачевным состоянием. Тот бормотал невнятно про «вышли из кабака… занимался вольной борьбой…. переебали трубой… синяк на полспины…».

Урна, пожиратель липовых больничных, знал минимум трех врачей: Папу Шульца, «старика Якова» и еще одного еврея, который жил как раз напротив кабака, где вчера вечером «переебали» трубой Белоусова.

У еврея была механическая кукла «бухающий доктор», и Урна, влюбленный в игрушки, мечтал ею завладеть.

Из-за черной щетины белки белоусовских глаз вспыхивали по-кавказски, по-сицилийски. Урна таращил свои, как Брайен Джонс, незаметно передразнивая собеседника.

Тот не замечал, страдальчески поглядывая туда, где должен был идти дождь, на зеркально-гладкие лужи, в которых отражалось *болоньевое* небо.

«Странное дело, – раздумывал я. – Им нет тридцати, а они общаются как старик со старухой, хотя знакомы друг с другом от силы лет двенадцать». С тех пор, как родителей расселили по многоэтажкам в районе Узловой.

Ведь они кажутся мне старше своих лет не потому, что мне на десять лет меньше, а потому что им самим в тягость этот переходный возраст, когда модничать уже невмочь, а свалиться под забором не позволяет репутация.

Семидесятый год забальзамировал Урну с Белоусом, совпав с юбилеем вечно живого номер один. Отсюда старомодный битловский горшочек одного и замша на другом, вкупе с детским огрублением интонации малышей, играющих в папу и папу.

Надолго ли? Руки дрожат натурально, но пружина раскручивается, и невидимый ключик в спине манекена скоро замрет.

До двухсотлетия Ильича не доживет ни один из нас

Из всей той троицы-однодневки до ста двадцати, когда Ленин был не так популярен, дотянул только я.

Растирая запястья рук, словно освобожденный от наручников частный детектив, я мысленно кладу их на пивной столик, чья дата исчезновения мне точно неизвестна.

ЧЕТВЕРТЫЙ

Олимпийский июль подходил к концу, и Высоцкий уже умер. После трех недель подменного угара в кабаке резко снизился парнус, ходить туда стало неинтересно – тем более, впереди оставалось от силы десять дней работы.

Когда мы с Кущом подошли к «Зеркальному карпу», вблизи пивной уже пасся Носов, поэтому сразу было решено проникнуть в павильон.

Зеркальные стены, как обычно, создавали иллюзию лишних кубометров, и, как зимой, стекло покрывала испарина. Немногочисленные патроны таращились на своих двойников, а те на них.

Нам предстояло убить полярный знойный день, а часы показывали всего двенадцать. Возможно, они остановились в полночь, из солидарности с тем, чьи песни нам активно заказывали пару дней подряд, а потом – как обрезало.

После двух бокалов мы молча, скрипнув калиткой, перебрались на общую крышу гаражей, подальше от деревянной параши, откуда несло в сторону проспекта.

Вскоре у нас за спиной вырос Носов со своим неизбежным «чувяяк, я вас категорически приветствую», заимствованным у старшего поколения лабухов, как бытовой сифилис через газировку.

Пришлось дать ему на портвейн. После глупого спора о значении Битлз мы, все трое, начали заговариваться и очнулись уже по пути в частный сектор, где у Носа жил знакомый мент с «Юпитером» и полкой бобин со старым материалом.

У деклассированных бухариков почему-то всегда есть такой сентиментальный знакомый, и кто из них «фауст», а кто – «мефистофель», понять исключительно сложно.

«Мент» протянул мне общую тетрадь-кат**а**лог. В ней было «дэвъяносто шість аркушів» и ни одним больше или меньше.

Я машинально стал вчитываться в список песен Элвиса с переводом названий на русский. Два из них запомнились на всю жизнь: «Всё шевелится» и «Моя грязная любовь».

А дураки в поисках смыслов продолжали мусолить «Регтайм» в переводе Аксенова.

Нос отцепился от нас только возле райотдела. Следом за ним слинял и Кущ, сбрехав, что его ждет чувиха.

Вместо молитв в голове зачем-то прыгали аккорды и слова итальянских песен, какая-то румынщина типа «ворэй сапэрэ». Хотя до восьми оставалось целых шесть часов, а исполнять их предстояло после десяти, потому что такое не звучит без бабок.

В последствии я несколько раз возвращался туда и смотрел на крыльцо поверх забора. Коттедж не подавал признаков жизни.

СУФЛЕР

В пивбаре «Зеркальный карп» (с выходом на крыши гаражей за тремя девятиэтажками) собирать бокалы буфетчице помогал худой педоватый синяк в зеленом свитере и *техасах* клеш.

В нем было нечто от Караченцова и А. Хочинского – я имею в виду пластику.

Но сходство не кончалось ею одной. Убирая посуду, синяк напевал – словно актер, играющий роль алкаша-волонтера в перестроечном фильме, до которых было еще далеко.

Причем пел он одно и то же – припев лирического шлягера какой-то чувихи, скорее всего из Прибалтики, где были такие слова:

а в переулке узеньком
который год подряд
дает уроки музыки
маэстро листопад.

Сермягу он раздражал. Азизяна нервировал. Я пытался представить себе этого человека подростком времен «Весны на Заречной улице», но клеш на стариковских собачьих ногах мешал мне это сделать.

Было жарко. Асфальт присасывался к подметкам, как упырь к спящему.

– Шура, а как бы исполнил ее ты? – спросил Азизяна Сермяга в поисках хохмы.

– Элементарно, – ответил Азизян, но сразу смолк, сосредотачиваясь.

Прошло две минуты и его ротик диснеевского утенка растянулся в улыбке, как резинка на двух пальцах:

а в переулке узеньком
уже который раз
дает уроки музыки
маэстро-пидорас, –

надменно произнес Азизян, словно читая мои мысли.

Сермяга трижды хлопнул в ладоши.

• СТАРЫЙ ТЕАТР •

ГЕРАРД РЕВЕ

КОМИССАР ФЕННЕДИ

Драматический дебют

Интерес к театру появился у Герарда Реве еще в детстве. В 1930 году семилетний мальчик сочинил тексты для кукольного театра и коротенькие сценки. «В этих сценах появляется волшебник. Театр тогда много значил для меня! Потом интерес к нему исчез совершенно. Коммунизм – враждебная искусству среда», – говорил Реве.

Однако интерес к театру вернется. В 1954 году в Лондоне Реве проходит курс Британской драматической лиги[1]. В 1962 году, сидя на раскладном диване, рядом с ухмыляющейся головой манекена, искусственной елкой под стеклянной колпаком, японской бумажной рыбкой и табличкой с надписью «Keep smiling!», он рассказывал:

«В 1954 году я смог поехать в Лондон – получил стипендию. Нужно было выбирать что изучать, и театр показался меньшим из зол. У меня действительно не было ни малейшего интереса! Но я все-таки решил пойти на эти курсы, и через несколько дней меня захватило. Совершенно случайное стечение обстоятельств».

Будучи редактором журнала «Тирада», Реве в 1959 года начинает писать посвященные театру критические статьи, занимается теоретическим анализом пьес, предъявляя строжайшие требования. Чтобы пьеса была успешной, полагает Реве, она должна соответствовать определенным (аристотелевским) законам. Одно из его высказываний на этот счет:

«Множественные действия допускаются только в том случае, если существует одно основное действие, а другие являются тенями или отражениями, или если ряд приблизительно эквивалентных действий можно легко перенести под один знаменатель. (Отец устанавливает рождественскую елку, Мать печет пирог, Сестра делает уроки, Сын клеит модель самолета: Домашнее счастье)».

По заданию муниципалитета Амстердама Реве пишет трагедию «Морландский дом» при содействии Хана Бенца ван ден Берга[2]. Пьеса не была ни опубликована, ни поставлена, но, тем не менее, Реве получил за нее пре-

---

1 Британская театральная ассоциация, первоначально известная как Британская драматическая лига, была учреждена в 1919 году и распущена в 1990 из-за финансовых затруднений.

2 Henri (Han) Bentz van den Berg (1917–1976) – актер и режиссер.

мию Ван дер Виса размером около 2000 гульденов[3]. Реве пишет: «Эта пьеса – недурная попытка. Не полный хлам, но и недостаточно выразительна».

Драматургия по-прежнему интересует его. 13 апреля 1962 года под руководством Тона Лутца в Роттердамском театре состоялась «всемирная премьера» «Комиссара Феннеди» – трагедии, которую Реве написал всего за шесть недель. Реве предпочел бы, чтобы ее сыграла хорошая любительская труппа, но она была поставлена актерами роттердамского театра.

Драматургический опыт, хотя и весьма ограниченный, театральные курсы, законченные восемь лет назад в Лондоне, различные спектакли, которые Реве посещает в качестве театрального критика, его лекции о перспективах драматурга, безграничное восхищение Ибсеном и О'Нилом и эссе о театре для «Тирады» – всего этого оказывается недостаточно для того, чтобы написать пьесу, достойную постановки, – по крайней мере, по мнению большинства критиков. Реакция публики также была довольно вялой. «Де Волкскрант» пишет:

«Писатель присутствовал на премьере, но после весьма умеренных аплодисментов на сцену не вышел. Последние две картины, в которых дело слишком уж быстро идет к развязке, вызвали смех у студенческой аудитории».

За несколько лет до премьеры собственной пьесы Реве присутствовал на спектакле по пьесе Мулиша «Танхельм»[4]. Мулиш пишет об этом: «В антракте мы оба вышли помочиться. Я считаю этот момент пересечением наших жизненных путей. Стоя рядом с моим писсуаром, мрачный, с членом в руке, он покачал головой и сказал, что не видит в моей пьесе ничего особенного».

---

3 Премия Ван дер Виса существовала в 1939–2008 годах. Она присуждалась раз в три года авторам лучших театральных работ, которые были поставлены или опубликованы в Нидерландах.

4 Танхельм Антверпенский (ум. 1115) – фламандский религиозный деятель начала XII века, осужденный как еретик и бродячий проповедник.

Такова была непосредственная реакция Реве, в своей рецензии также давшего пьесе весьма низкую оценку: «Я проскучал почти всё представление „Танхельма“». Реакция Мулиша на «Комиссара Феннеди» оказалась не лучше. Через десять лет после спектакля Мулиш отозвался о нем так: «Проблемы юга Соединенных Штатов, переработанные для сцены слабоумным последователем Хейерманса»[5].

Проблемы южных штатов. Отчего Реве заинтересовался этой темой, столь далеко отстоящей от проблем его собственной страны? Сказалось ли тут его восхищение пьесами О'Нила и Теннесси Уильямса? Вполне возможно. Сам Реве говорит, что «хотел таким образом отстраниться от Нидерландов». Во всяком случае не потому, что так проще представить проблему расовой дискриминации. Расовая проблема – лишь кажущаяся главная тема «Комиссара Феннеди». Подобно Ибсену, Реве ставит во главу угла вопрос справедливости и несправедливости: «Проблема негров не играет здесь существенной роли; это проблема каждого человека, который разрывается между абстрактным законом и гуманностью, не в силах сделать выбор между ними; а когда он этот выбор делает, оказывается поздно. Проблема негров, кстати, как давно известно, есть проблема белых. Но человек, который бьется над этой проблемой и защищает права негров, то есть Феннеди, делает это не из любви к неграм – он их ненавидит, из чего и проистекает драматическая двойственность, делающая его человеком. Основная тема моей пьесы – проблема закона и несправедливости. Она меня очень интересует. Я считаю, что проблема права, самооправдания, оправдания собственной жизни – для меня проблема, даже более важная, чем любовь», – говорил Реве.

Мы можем согласиться с одним из критиков, что драма заключается в конфликтной ситуации между отцом, матерью и сыном. Вот почему Реве было бы лучше сосредоточиться на «злобе Феннеди и ее последствиях для жены и сына».

Феннеди считает себя «неудачником», поскольку не завершил юридическое обучение из-за, как он утверждает, принудительного брака. Он считает, что за это ответственны его жена и нежеланный сын, и его безграничная ненависть направлена на них. Здесь явно просматривается связь с дебютным романом Реве «Вечера», в особенности это касается подавленных амбиций главного героя.

В «Вечерах» также описываются отношения между отцом, матерью и сыном, но в романе фигура сына противопоставлена родителям, а в «Комиссаре Феннеди» фигура отца – матери и сыну. Феннеди – католик, сотрудник полиции: «Я выбрал „Кеннеди“ в качестве типичного ирландско-католичес-

5 Herman Heijermans (1864–1924) – писатель, один из главных представителей натурализма в нидерландской литературе. Излюбленной темой Хейерманса является гибель мелкой буржуазии под напором крупного капитала. Здесь Мулиш намекает на риторический, морализаторский характер пьесы Реве, на ограниченность темы и обработку формы в ущерб содержанию.

кого имени, но, когда Кеннеди сделался президентом, я переделал имя в Феннеди», – признавался Реве. Исходя из принципа: пред Богом и Законом все равны, Феннеди защищает и негров. Из-за этого принципа он навлекает на себя ненависть местного населения, а его сын подвергается насмешкам и презрительным замечаниям со стороны одноклассников: «Привет, папский дружок черномазых Феннеди. Что, облаток много жрешь, такие зубы гнилые?» И: «Ты с этим Феннеди поосторожнее, крошка. Эти паписты, они ведь как кролики размножаются. Они резинками не пользуются».

Герои «Феннеди», как и «Вечеров», подверглись критике: «…мелодрама, лишенная людей из плоти и крови», «Характер главного героя подан очень хорошо, но остальные персонажи остались довольно схематичными». И даже: «кощунство и святотатство».

Критики на этом не останавливаются: некоторые находят, что в пьесе слишком много маловероятных ситуаций и чрезмерное количество мотивов: «Расовая дискриминация, семейная трагедия, неосуществленные амбиции, ненависть отца к сыну и сына к отцу, сексуальные аберрации, голос совести убежденного католика, неверно примененная христианская символика…»

В основном, критики упирают на то, что Реве подает «тривиальную психологическую драму под видом триллера» и стал жертвой собственного замысла: «У вас обязательно должен быть железобетонный каркас, и вы должны в него встраиваться». И этот замысел навлекает на него критику, подобную следующей:

«Таким образом, пьеса „Комиссар Феннеди“ сделалась настолько крепким сооружением, что остается на сцене подобно колоде». И «именно чрезмерное стремление автора собрать технически отлаженный кусок драмы помешало ему достичь цели. В результате получилось вполне респектабельное произведение, в котором зритель, однако, постоянно наблюдает, как рука создателя пьесы дергает за ниточки своих марионеток, с неимоверным трудом пытаясь придать им жалкое подобие жизни».

При чтении пьесы, появившейся в печати в 1962 году, «у читателя еще имеется некоторое пространство для фантазии, на сцене же реальность представлена весьма посредственно…», – пишет один из критиков. В этом вина режиссера, но в первую очередь это ошибка автора. С самого начала он оставил режиссеру и актерам слишком мало места для их собственной интерпретации и отлично об этом знал».

Именно скрупулезная приверженность сомнительным сценическим теориям, по-видимому, не позволила ему отрешиться от них, когда он писал свою трагедию. В своих теоретических размышлениях Реве объяснял, что театр подчиняется четырнадцати законам, и хотел, чтобы эти законы распространились также и на «Феннеди», по крайней мере, по словам Мулиша:

«Однажды при встрече я спросил его, как дела, и он сказал, что пьеса уже соответствует тринадцати законам. Когда же он добрался до четырнадцатого, пьеса была поставлена».

Как и любая пьеса, эта драма также «подчиняется законам, независимым от времени и вкуса» – с такой мыслью Реве выступает против историко-материалистических представлений о театре: «Точка зрения доморощенных философов, согласно которой искусство является продуктом общественных отношений, обсуждению не подлежит».

Реве рисует конфликт между сценическими фигурами как нормативный для каждой трагедии в любой период. Это также относится к «типизации» сценических фигур, которая может служить объяснением отсутствия «людей из плоти и крови» в «Комиссаре Феннеди»:

«Люди на сцене возвращены к своему элементарному существованию, потому что драматург не шаржирует характеры персонажей, как часто полагают, или не приписывает им неправдоподобно преувеличенных или сильных эмоций, а напротив, удаляет всё случайное».

Некоторые теоретические высказывания Реве плохо согласуются с «Комиссаром Феннеди». Драма, в отличие от романа, выстоит или провалится в зависимости от структуры. Хотя применимо обратное: «Язык не имеет значения в пьесе! Я пришел к выводу, что театр и литература не имеют ничего, абсолютно ничего общего друг с другом». Многих критиков это удивляет, потому что «Комиссар Феннеди» гораздо меньше опирается на действие, нежели на язык: «Ван хет Реве создает как можно меньше видимого, люди у него говорят о том, что произошло или произойдет, но ничего не происходит».

Позднее, оглядываясь на этот период, Реве заметил: «Я много лет занимался теорией театра и знаю о ней немало, но, по-видимому, написать годную пьесу не в состоянии».

Однако встречались и позитивные отзывы. Авторы откликов на «Комиссара Феннеди» не верили, что Реве откажется от драматургии. Напротив, многие делали вывод, что он будет и впредь работать для театра. Он так и не оправдал их ожиданий, хотя и заявил однажды в интервью, что работает над трагедией и когда-нибудь напишет комедию. Как бы то ни было, Реве заработал репутацию замечательного переводчика Олби, Пинтера и Биэна. Пьеса «Кто боится Вирджинии Вулф?» в Нидерландах своим огромным успехом отчасти обязана именно переводу Реве, театральные рецензенты единодушно согласны с этим.

Клаус Бекман, Миа Мейер

Действующие лица:

ДЖОРДЖ Феннеди – лейтенант полиции Садвилла, затем и. о. начальника полиции.
БАРКЕР – однокашник Феннеди, заместитель государственного обвинителя Садвилла.
СИНТИЯ Феннеди – жена Феннеди.
РОЙ Феннеди – сын Джорджа и Синтии Феннеди.
ШИП – бургомистр Садвилла.
ЛАРРИ и БОББИ – служащие химчистки.
ПАТРИК – инспектор полиции.
ТОРТО и ПЕТРИД – начальник караула и полицейский; оба работают в тюрьме.
ХОПКИНС – капрал полиции.

Действие происходит в течение нескольких дней в городке Садвилл, на юге Соединенных Штатов Америки, летом 1932 года.

Музыкальное сопровождение:

Промежутки между открытием и закрытием занавеса должны сопровождаться несложными джазовыми композициями в стиле Диксиленд или Новый Орлеан. От первого, медленного и протяжного трека совершается постепенный переход к более быстрым и заканчивается в высшей степени тревожным перед началом третьей картины третьего действия.
Антракт: После пятой картины второго действия.

ПРОЛОГ

На актере, читающем Пролог, черная маска, изображающая лицо негра, однако руки, подбородок и шея должны быть белыми, а волосы – светлыми. Слышен медленный барабанный бой. Звук становится глуше и едва различим во время чтения пролога.

О, поздно петь другую песнь на воле:
Мутнеет воздух, тьма и тень застлали небо –
Оно черным-черно, черней лица,
Внушающего людям отвращенье.
Взгляните, как стремятся в гнезда птицы,
Как ждут, дрожа, топорщат в страхе перья.
Они молчат, объяты тишиной,
В которой будет слышен плач, покуда
Не взвоет ветер, гром не загрохочет.
Успею свой совет пропеть речитативом:
Несите вещи в дом, да поспешите,
Прибейте намертво гвоздями всё, что вскоре

Сопротивляться будет ярости природы.
Скорее! Поглядите! Что за тьма!
Смотрите! Что за буря!

Барабанный бой усиливается, несколько секунд гремит в полную силу и затем замирает. Прожектор, освещающий Чтеца, гаснет.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Старомодно обставленный кабинет в доме Феннеди. В конце сцены, справа, большое распахнутое окно. По сторонам от него – солидные книжные шкафы с толстыми сводами законов и справочниками по юриспруденции. Левая стена пуста. В ней две двери. Вдоль правой стены – высокие книжные полки с дешевыми книжками, брошюрами, стопками периодики и т. д.

Справа – шкафчик с запирающейся дверцей. Рядом с ним, примерно в центре – громадное старомодное бюро, стоящее параллельно стене. Между бюро и стеной – гигантский вертящийся стул с кожаными сиденьем, подлокотниками и спинкой. Он пуст. На бюро – массивная печатная машинка, бумаги, блокноты и т. д., всё разложено довольно аккуратно, но в то же время занимает всю поверхность, так что работать невозможно. Напротив бюро – столик; вместе они образуют букву «Т». Два дешевых деревянных стула: один перед столиком, другой – за ним. Столик пуст. Над тем местом, где соприкасаются бюро и столик, с потолка свисает на шнуре зеленый стеклянный абажур в форме чашечки цветка. Примерно в центре потолка – неподвижный вентилятор. Обстановка и убранство должны быть простыми и незатейливыми, а не натуралистическими, чтобы их с небольшими модификациями в расстановке и освещении можно было использовать в следующих сценах.

Джордж Феннеди сидит в нарукавниках за столом. Физически он в расцвете лет. Непреклонное, свирепое лицо, которое, тем не менее, удивительным образом может преобразиться в мягкое и покорное. Он выпил. Выглядит усталым и раздраженным.

Баркер стоит перед раскрытым окном и смотрит в небо. Он худощавее, спокойнее и в буквальном и переносном смысле трезвее Феннеди. Выглядит менее уставшим. Феннеди ощутимо страдает от жары, но Баркер всё еще в куртке: рубашка его застегнута доверху, а галстук сидит безупречно.

Сполохи отдаленной беззвучной грозы то и дело озаряют верхушки деревьев, виднеющихся за стеной в зарешеченных окнах здания тюрьмы. Время – около полуночи.

БАРКЕР (*указывая на окно*): Ни малейшего ветерка не чувствую. И дождиком еще не брызнуло, ни капли. Думаю, мимо пройдет.

ФЕННЕДИ: Господи, ну и жарища! (*Пауза.*) Слушай, Баркер, запусти-ка эту штуковину. (*Указывает на вентилятор.*) Ты там рядом с выключателем.
БАРКЕР (*тянется к выключателю, но останавливается на полпути*): А ты ведь говорил, он сломан?
ФЕННЕДИ: Да, верно. Сдох.
БАРКЕР: У тебя есть чего попить холодного?
ФЕННЕДИ (*вздыхает, облизывается*): В такую погоду пить опасно.
БАРКЕР: Серьезно? Я думал, что в такую погоду нужно как раз много пить.
ФЕННЕДИ (*глядя перед собой*): Это такая погода, которая человека на что угодно может сподвигнуть – на убийство в приступе бешенства, на мокрое дело. Нож должен вонзиться в грудную клетку, топор должен упасть на череп: веревка, дрожа, должна затянуться на горле дамы, молодой ли, старухи. Сколько будет их сегодня ночью, тех, что ощутят, как алкоголь в их теле обратился в кипящую пену на губах, как у бешеного пса или лунатика…
БАРКЕР: Я не про ром или виски. Я просто имел в виду что-нибудь прохладное, банку сока или чего-нибудь такого из холодильника.
ФЕННЕДИ (*глядя на вентилятор*): И этот сдох.
БАРКЕР: Холодильник? Чушь какая. Он в полном порядке.
ФЕННЕДИ: Ладно, тихо, тихо. Холодильник в самом деле функционирует к общему полному удовлетворению. Мне просто неохота идти вниз и опять выслушивать всю эту воркотню. У меня башка сейчас лопнет.
БАРКЕР: Мне пойти?
ФЕННЕДИ (*встает*): Да ладно. У меня тут где-то вода со льдом, с полудня. (*Идет к шкафу, отпирает его ключом, вынимает большой графин виски, два стакана и большой глиняный кувшин, обернутый шерстяным платком; ощупывает непокрытое горлышко.*) Вполне прохладное. Чистого? Покрепче? Или послабее? (*Только сейчас они явственно глядят друг другу в глаза.*)
БАРКЕР: Не слишком крепкого.
ФЕННЕДИ: Не слишком крепкого. (*Наливает виски в стакан Баркера.*)
БАРКЕР: И сам малость притормози.
ФЕННЕДИ: Прошу прощения?
БАРКЕР: Ты опять слишком много пьешь.
ФЕННЕДИ (*наливает воды в стакан Баркера, затем себе виски*): Я тут у себя дома. (*Внезапно:*) Господи боже ты мой… а ты знаешь, что это правда, то, что я только что сказал? Как ты думаешь, что я сегодня буду праздновать, спустя двадцать лет?
БАРКЕР: Понятия не имею. Надеюсь, я не забыл про чей-нибудь день рождения?
ФЕННЕДИ: Этот дом сегодня сделался моей собственностью. Вся эта прогнившая конструкция с видом на живодерню, тюрьму и гору разбитых автомобилей теперь мое законное и неотъемлемое имущество. Последний взнос уплачен.
БАРКЕР: Поздравляю.

ФЕННЕДИ (*иронически*): Премного благодарен. (*Пауза.*) Решение человеческой судьбы. Теперь становится весьма маловероятно, что я когда-нибудь отсюда уеду.
БАРКЕР: Болтаешь. Ты ведь совершенно не хочешь отсюда уезжать.
ФЕННЕДИ: Нет. Тут ты прав. Люблю эту страну, этот край. (*С отвращением машет рукой, словно заметил мелкого паразита.*) Нужно только уметь представить, что здесь нет людей – этих копошащихся повсюду насекомых и личинок… (*Наливает себе воды. Протягивает стакан Баркеру, поднимает свой стакан.*) За то, чтобы мы еще долго были избавлены друг от друга.
БАРКЕР: Аминь. Твое здоровье (*выпивают.*)
ФЕННЕДИ: Как давно мы уже знаем друг друга, Баркер?
БАРКЕР: Э-э… погоди… двадцать два года, Джордж.
ФЕННЕДИ: Надо же! Отпразднуем же незамедлительно двадцать второй день рождения нашей верной и тесной дружбы, которая нас не обременяет. (*Пауза.*) А в сущности, почему ты здесь?.. Зачем тебе мое общество?
БАРКЕР: Джордж, я тебя умоляю. Я не отвечаю на такие вопросы, ты же знаешь.
ФЕННЕДИ: Зачем некоему уважаемому заместителю государственного обвинителя с академическим званием искать общества студента-двоечника, который помогает прокуратуре в составлении протокола, а? Но бывают люди, желающие подняться повыше благодаря обществу неудачников.
БАРКЕР: Ты занудствуешь, Джордж. Никогда я не видел, чтобы ты составлял протокол, и никакой ты не неудачник. И о том, что ты двоечник, и речи быть не может. В Диллингтоне у тебя была самая светлая голова на всем курсе. Ты добровольно бросил учебу, потому что задумал жениться.
ФЕННЕДИ: Да покроет господь тьмою день сей! Да, теперь они учатся себе спокойно, стипендии у них, и пособия, и черт в ступе, и даже если девиц обрюхатили и приходится их содержать. Жениться? Вот это уже не нужно. Никто у тебя в наше время ничего не требует.
БАРКЕР: Я не совсем понимаю, кого ты сейчас хочешь обвинить и за что. Тебя ведь никто не принуждал жениться на Сильвии. Ты же бросил учебу не потому, что тебя от нее тошнило?
ФЕННЕДИ: Нет, тогда еще нет, это правда.
БАРКЕР: Ну и нечего тогда орать, если всё по-прежнему.
ФЕННЕДИ: Нам *пришлось* жениться, ты это знаешь не хуже моего. Мне нужно было зарабатывать. Вот с тех пор я валяю тут дурака, ни степени, ни диплома, двадцать лет кряду.
БАРКЕР: Дурака валяешь? Да у тебя регулярно были повышения, ты теперь лейтенант полиции.
ФЕННЕДИ: Да, лейтенант полиции. И это с… с каких времен? После двадцати лет преданного рабства.
БАРКЕР (*раздраженно*): Твои знания и способности тут все признали.
ФЕННЕДИ: И с удовольствием ими пользуются! Скажешь тоже. Кто же не хочет получить совета Феннеди в юридическом вопросе. Поскольку он здоро-

во в этом сечет, и поскольку он не имеет права ни цента попросить за совет! (*Пауза.*) Как ты думаешь, почему я втрое дольше других должен был ждать повышения? Потому что не мог предъявить клочок бумаги с закорючками на плохой латыни, в отличие от первого попавшегося молокососа, который бог знает где, – насколько я понимаю, в Уайтфилдском университете – разок сыграл в хоккей.

БАРКЕР: Ну, началось. Ты в самом деле думаешь, что твое незаконченное образование имеет какое-то отношение к делу? Ну погляди вокруг! Возьми кого угодно – да хоть бургомистра Шипа. Если он полгода в средней школе отсидел, уже немало.

ФЕННЕДИ: Бургомистр Шип! Прелестный пример! Теперь целый день тошнить будет.

БАРКЕР: Я могу тебе десятки примеров привести, которые, возможно, будут поприятнее. Тогда тебе придется осознать, что твоя карьера имеет чертовски мало общего с образованием.

ФЕННЕДИ: Да? А с чем тогда имеет, а? Ну-ка, поведай!

БАРКЕР (*после некоторого колебания*): С этой твоей пророческой, нетерпимой манерой, с этими высказываниями насчет всех и каждого, о том, что хорошо и что плохо. Ты так точно знаешь, что правильно, а что нет. Ты так невероятно хорошо знаешь, как всё в этом мире должно быть устроено… в то время как… (*Тише:*) В то время как ты слеп как крот в отношении собственной жизни.

ФЕННЕДИ: Слеп, вот как! Слеп, говоришь? Но та прекрасная дама, высеченная из гранита, которая стояла на лестнице нашего юридического факультета с весами в вытянутой руке – разве не было у нее повязки на глазах? Слеп, как она, вот так я слеп! Нет, она никого не раздражает, пока продолжает стоять, дружелюбно улыбаясь, у входа в здание суда. (*Пауза.*) То-то они вытаращились бы, если бы она слезла с пьедестала и, размахивая мечом направо и налево, пошла бы по нашим городам и улицам! Господи, вот они перепугались бы!

БАРКЕР: Полагаю, что ты малость влюблен в каменную даму, но сомневаюсь, что ты серьезно ею увлечен. В любом случае ты не очень хорошо ее понимаешь.

ФЕННЕДИ: А?

БАРКЕР: Госпожа Юстиция и впрямь прикрывает башку платком. Но она не слепа.

ФЕННЕДИ: А я, стало быть, слеп, да? (*Щедро наливает себе.*) Тебе тоже?

БАРКЕР: Нет, спасибо. (*Пауза; прислушивается.*) Кто-то сюда поднимается.

КАРТИНА ВТОРАЯ

ГОЛОС СИНТИИ: Рой! Рой! Ты наверху?

ФЕННЕДИ: Ну что ей опять надо?

Синтия выходит из первой левой двери. У нее приятная наружность; она выглядит моложавой для своих тридцати девяти лет. На ней простое темное платье. Брак с Феннеди для нее – нелегкое испытание, но, тем не менее, несмотря на то, что ей, вероятно, не раз приходилось подчиняться его принуждению и тирании, по природе она вовсе не рабыня, гнущая спину от непосильных трудов. Ее страстная, безоговорочная любовь к сыну вовсе не делает ее сентиментальной, и как бы убедительно ни выражала она эмоции, ее нужно изображать смелой, мужественной, решительной и здравомыслящей. Ее сын – единственная радость в жизни и единственная надежда, но в ее поведении это выражается гораздо больше в сдержанной – хотя порой и экзальтированной – манере, нежели в жалобах. У зрителя она вызывает почтительный страх и очень мало сострадания.

СИНТИЯ (*Баркеру, делающему несколько шагов в ее направлении*): О, это ты, Баркер.
БАРКЕР: Привет, Синтия.
СИНТИЯ: Рой тут? (*Смотрит на Феннеди, потом снова на Баркера.*) Я задремала, пока сидела и ждала внизу. Внезапно проснулась и слышу… этот… шум…
БАРКЕР: Джордж тут лекцию читал.
СИНТИЯ: Я думала, что Рой, может быть, пришел домой, а я не слышала, и что он здесь… с кем-то ссорится.
ФЕННЕДИ: Нет, к сожалению, не тот случай. Кстати, где он, твой ненаглядный сыночек?
СИНТИЯ: Ты так говоришь, будто он не твой сын.
ФЕННЕДИ: Об этом легко забыть, глядя, как он вцепился в мать, что твой клещ. Где он?
СИНТИЯ: На вечеринке в школе.
ФЕННЕДИ: Школьная вечеринка, школьная вечеринка. Что за вечеринка такая?
СИНТИЯ: Вечеринка, танцы, у них в школе. Ты же видел программу и приглашение.
ФЕННЕДИ: Возможно, я не уделил этому надлежащего внимания. Возможно, меня больше интересовала его школьная ведомость, чем его школьная вечеринка. Где эта ведомость?
СИНТИЯ (*после двухсекундной паузы*): Ведомости… в этом году позже, чем обычно.
ФЕННЕДИ (*презрительно смеется*): В самом деле? (*Пауза.*) И чем же он платит, чтобы на вечеринку-то пойти? Я думал, что он больше не получает денег на развлечения.
СИНТИЯ: Он немного сэкономил на карманных расходах.
ФЕННЕДИ (*саркастически*): Сэкономил, а? (*Пауза.*) Сегодня вечером может всё промотать. Больше ему деньги не понадобятся. (*Пауза.*) Школьная вечеринка. А сейчас который час, на самом-то деле?
БАРКЕР: Час ночи.

СИНТИЯ (*скрывая беспокойство*): Возможно, он уже давно пришел домой и сразу же отправился наверх, в постель.
БАРКЕР: Я не слышал, чтобы кто-то поднимался по лестнице.
СИНТИЯ (*раскрывает вторую дверь слева, кричит наверх*): Рой? Рой? Ты дома? Нет, он не дома.
ФЕННЕДИ: Давай иди опять вниз. Давай иди опять, сиди и жди под свист чайника, со свежесмолотым кофе, засыпанным в фильтр, с включенным ночником в углу. Заботливая мамочка, которая в ожидании постепенно начинает клевать носом. Вот на это ты готова для твоего потрясающего и исключительного сыночка?
СИНТИЯ (*со смутной, торжествующей улыбкой*): Да. (*Смотрит на кончики пальцев.*) Как я могу не быть готова на это для единственной живой души, которая для меня…
ФЕННЕДИ: Хватит ломать комедию! (*Синтия явственно не реагирует на этот выпад.*) Побыстрее, пожалуйста. (*Синтия выходит в первую дверь слева.*)
БАРКЕР: Откуда у тебя, при всей твоей честности и порядочности, такая слепая, безрассудная злоба по отношению к людям, которые не совершили ничего дурного? (*Феннеди встает.*)
ФЕННЕДИ Что ты имеешь в виду?
БАРКЕР: Разве твой брак с Сильвией – это ее вина? (*Пауза.*) Разве это она помешала тебе получить образование?
ФЕННЕДИ: Я этого никогда не говорил.
БАРКЕР: Но ты ведешь себя, словно это именно так и было. И Рой – он-то в чем виноват, а? Он же не сам у нее в животе угнездился, верно?
ФЕННЕДИ (*начинает терять самообладание*): Я… не желаю… чтобы тут… в этом доме, где я всё еще хозяин, чтобы здесь упоминалось имя моего сына!..
БАРКЕР: Валяй. Сегодня без воплей не обойдется, как я погляжу. (*Феннеди вновь усаживается.*)
ФЕННЕДИ: Кроме того, вопрос исчерпан. Послезавтра он отчаливает. Навсегда.
БАРКЕР: Что ты говоришь? Послезавтра? В понедельник? И куда же?
ФЕННЕДИ: В исправительную школу в Луисвилле.
БАРКЕР: Мать честная… ты точно слепой. Как ты мог такое сотворить? Ты… ты отдал его под стражу?
ФЕННЕДИ: Нет. Он в понедельник поедет самостоятельно. Один. Поездом.
БАРКЕР: Стало быть, то намерение ты в конце концов исполнил. Исправительная школа в Луисвилле… это самая серьезная из всех существующих… Но туда попадают только мальчики, у которых уже пара приговоров за плечами…
ФЕННЕДИ: А он туда отправится без всяких приговоров… Кто бы мог подумать, а? Нет, от офицера полиции скорее ожидаешь, что он всех на уши поставит, чтобы удержать сына на свободе, что он возместит весь ущерб, причиненный по пьяни, за каждую разбитую машину сполна отстегнет – только чтобы любой ценой избежать исправительной школы. Я достаточно долго

был таким придурком. Но теперь с этим покончено. Я не собираюсь больше ни за что платить. Тоже мне, нашли дойную корову! Мое имя и должность в полиции! Они знали, что я всегда беспрекословно соглашусь на их просьбу, даже если они делают из разбитого сортирного окна старинное зеркало, банку из-под варенья превращают в хрустальный кубок…

БАРКЕР: Да, такое решение куда менее затратно.

ФЕННЕДИ: О, ты думаешь, что я выбрал государственную школу потому, что мне это ничего не будет стоить? Ошибаешься. Была договоренность, что я буду возмещать каждый цент, который потратит на него школа.

БАРКЕР: Да, должен сказать, ты многим ради него пожертвовал.

ФЕННЕДИ: Он никогда ни в чем не нуждался.

БАРКЕР: Ты сам-то в это веришь?

ФЕННЕДИ: Да. Во всё для него вкладывали: лучшие и самые дорогие школы. Репетиторы, курсы. И что это дало?

БАРКЕР: Но чем ты руководствовался, Джордж? (*Пауза.*) Ты когда-нибудь в глубине души желал, надеялся, что он пойдет дальше тебя?

ФЕННЕДИ: Прекрати это сентиментальное нытье. У него было в десять, в двадцать раз больше шансов, чем у меня.

БАРКЕР: И он должен был это знать! Не думаю, что ты хоть раз упустил возможность втоптать его в грязь, выставить дураком, унизить. Ему приходится расплачиваться за эту единственную неосторожную ночь.

ФЕННЕДИ (*после короткой паузы*): Это его цепляние за мать у меня всегда вызывает расстройство желудка.

БАРКЕР: А кто еще когда-нибудь о нем заботился?

ФЕННЕДИ: Нет, я не самка, которая день-деньской с обожанием своего детеныша вылизывает. (*Пауза.*) Я потратил на него состояние.

БАРКЕР: Это штраф за твою ненависть.

ФЕННЕДИ: Я сделал всё возможное, чтобы он учился и мог чего-то добиться. Но его изо всех школ выгоняли. Пьянство, бесчинства и хулиганские выходки с сынками из так называемых высших кругов. Машины расшибал в лепешку. Одежду – куда лучше и дороже чем то, что я когда-либо надевал – в драках раздирал в клочья. И хамло к тому же. (*Пауза.*) Мой отец работал как вол – я имею в виду, когда не пил как лошадь. Никогда не замечал, чтобы его волновало, выучил я там что или нет. Когда он бросил мать – среди бела дня, на людной торговой улице – я пошел за ним, потому что внезапно в толпе потерял из виду их обоих, и его заметил первым. Не думаю, что он сильно был обрадован моим появлением, но покорился судьбе. Но совершенно не заботился обо мне – ни цента я от него в помощь не получил. Пришлось самому продираться через среднюю школу и первый курс университета, подрабатывал вечерами и ночами… С тринадцати лет сам о себе заботился…

БАРКЕР: Одному богу известно, может, и для Роя так было бы лучше… Если бы ты просто сделал ноги, бросил Сильвию, как говорится, или еще чего-нибудь сделал…

ФЕННЕДИ: Еще чего-нибудь сделал? Разрешил вычиститься, ты хочешь сказать? Намекаешь на то, что я католик? Потому что мы не позволяем какому-нибудь коновалу вязальной спицей делов накосить?
БАРКЕР: Не так уж и мало тех, которые позволяют. (*Торопливо:*) Но я вовсе не это имел в виду. Я не о твоей вере, и давай не будет ее впутывать. (*Пауза.*) Если бы ты был не таким честным, может быть, тебе не пришлось бы превращать свою жизнь и жизнь других в бессмысленное страдание. (*Пауза.*) Это решение насчет Роя, касательно школы, оно окончательное и бесповоротное?
ФЕННЕДИ: Да. И пусть не рассказывают, что я не дал ему последнего честного шанса. Я ему объяснил, что его летняя ведомость должна быть в порядке. И что, если еще раз он напьется, кончено дело.
БАРКЕР: И он обещал…
ФЕННЕДИ: Парочку гнусных комментариев в мой адрес, да. А через пару недель еще бóльшая хрень случилась, какой еще не бывало.
БАРКЕР: А летняя ведомость…?
ФЕННЕДИ: Я ее не видел. Он, или его мамаша, наверняка ее запрятали. Да меня, вообще говоря, это больше не интересует.
БАРКЕР: И тебя также не интересует, какие разговоры пойдут?
ФЕННЕДИ: Нет. Вот уж это меньше всего.
БАРКЕР: Тогда почему ты всегда так заводишься?
ФЕННЕДИ: Потому что ты слишком часто перенимаешь у них те же самые разговорчики и чепуху. Что, не так? (*пауза*) Как они меня называют, а? (*Встает.*) Ты что, заодно с этой сволотой? (*хватает Баркера*) Как они меня называют, а? Не знаешь? А ну, давай, говори!
БАРКЕР: Пусти! (*Феннеди отпускает его.*) Лучше налей мне еще. (*Феннеди наливает трясущимися руками.*)
ФЕННЕДИ (*овладев собой*): Ну, как они меня называют? (*Саркастически смеется.*)
БАРКЕР: Феннеди-дружок-черномазых. И, похоже, тебя это довольно-таки задевает.
ФЕННЕДИ: Феннеди-дружок-черномазых. (*Пауза.*) Было бы смешно, кабы не было так глупо. Феннеди-дружок-черномазых. Я не дружок черномазых. Видеть их не могу, терпеть их не могу, у меня от них мурашки по коже! Не хотел бы видеть их у себя дома, по возможности. Предпочитаю не садиться рядом с ними в поезде или каком ином транспорте. В бар не сунусь, где они сидят, гогоча и квакая. Вот такой я дружок ниггеров.
БАРКЕР: Никогда не видал такой ходячей загадки, как ты.
ФЕННЕДИ: Всё должно быть очень просто, хм, иначе это будет выше твоего понимания? (*Пауза; Феннеди выглядит утомленным.*) Я двадцать лет работал и жил. И всё это время я только и видел, как набирает силу, растет и зреет несправедливость, словно ядовитый разбухающий плод. Но не только это: нет, несправедливость легализируется и возводится в закон. И никто, даже если у него глаза с корову величиной, не видит мести, бури из посеян-

ного ветра, которая когда-нибудь обрушится на эту страну. Почему никто не хочет этого видеть?

БАРКЕР (*скучающим тоном, вздыхает*): Тебе приходится иметь дело с обществом и людьми, какие они есть. Чего стоят все эти либеральные старые девы-буквоедки в их жалких конторах в Нью-Йорке и Вашингтоне, которые ни сном ни духом не ведают о том, что здесь происходит, но своему слуге-негру выделяют три свободных дня в неделю и позволяют ему обчистить свой дом?

ФЕННЕДИ: Я двадцать лет думал, но не смог найти фундамента.

БАРКЕР: Фундамент, фундамент… Какой еще фундамент?

ФЕННЕДИ: Фундамент, на котором могла бы основываться вся несправедливость в этой стране. Я смог бы это принять, если бы ты доказал мне, что это правильно, что только временно всё это маскируется под несправедливость, но может в любой момент сбросить маску.

БАРКЕР: Потрясающие слова: справедливость, несправедливость. Но дальше-то что они означают? Что ты просто не хочешь понимать, как много хорошего можешь сделать – как раз в интересах этого негра – не из некоего абстрактного человеколюбия, но из самого обыкновенного здравого смысла.

ФЕННЕДИ: Здравого смысла? Проведение одного за другим законов, противоречащих Конституции – это триумф здравого смысла? Потому что всегда найдется какой-нибудь непутевый судья, который объявит их действующими и начнет применять, невзирая на протесты? В прежние времена тоже существовала несправедливость, но, по крайней мере, без законов и правил, создававших видимость справедливости.

БАРКЕР: Но и крови в то время проливалось куда больше, чем сейчас.

ФЕННЕДИ: Речь не об этом!

БАРКЕР: Да, речь не об этом. О чем же тогда? Чего стоят эти твои холодные абстрактные идеи? Какому негру они помогли? Хочешь пример? Когда ты отказался содействовать проведению постановления, запрещающего неграм появляться в субботу вечером на приморском бульваре и пристани, какая польза была от твоего сопротивления? Тебе нужны три трупа в неделю? Кто тебе спасибо скажет, если когда-нибудь это постановление отменят? Мать негра, может быть, которой притащили домой ее зарезанное дитя, или та, что обнимает избитого до смерти сына?

ФЕННЕДИ: Речь не об этом!

БАРКЕР: О чем же тогда?

ФЕННЕДИ: Несправедливость, которая совершается ради предотвращения насилия, остается несправедливостью.

БАРКЕР: Теория! Она заключается лишь в том, что ты отметаешь ответственность, что не пачкаешь рук, но никому и ничему не помогаешь. Оглядись, посмотри на всех этих людей на ответственных должностях, на всех тех, которых ты соизволяешь презирать, но которые, каждый день заново, ищут путь, решение, благодаря которому можно было бы предотвратить худшее.

ФЕННЕДИ: Уж не собираешься ли ты снова привести в пример бургомистра Шипа?

БАРКЕР: Хорошо, в крайнем случае возьмем бургомистра Шипа. Уж он-то точно не самый худший.
ФЕННЕДИ: Не самый худший! Да он их у себя дома принимает.

Вдали слышен звук автомобильных клаксонов.

БАРКЕР: Что? Негров?
ФЕННЕДИ (*смеется*): Нет, не негров. (*Постепенно распаляется.*) Когда па́рит, как перед грозой, и звезды сошлись удачно (*указывает вверх*), если револьвер находится во втором квадранте от кнута и кинжала, и луна в небе достаточно красная, можешь их ожидать к вечеру. Тогда в облаке пыли приближается ряд в шесть, семь, десять автомобилей.
БАРКЕР: Ты имеешь в виду какой-нибудь налет? Налет Клана?
ФЕННЕДИ: Сидящие в машине распалены; они жаждут. Крыши машин откинуты. Громко играют радио. Та-та-та-та-та-та-та. Они обо всем позаботились. У них с собой дамы, чтобы вскоре затушить огонь похоти, зажженный факелами жестокости. (*Пауза.*) Они едут с такой скоростью, что на два штрафа хватит, если не проколют шины, но ни того, ни другого никогда не случается. Процент алкоголя в их пульсирующих жилах не измеряется ни в каком полицейском участке. И никто их не останавливает.
БАРКЕР: Неправда. Шип всегда принимает меры. Его немедленно извещают, когда они надвигаются. И уж он их останавливает. Безоружный!
ФЕННЕДИ: Герой! Он их поощрительно по плечу похлопывает. Манит их за собой, домой к себе тащит. Что привело вас в наш город, господа? – спрашивает он. Есть ли тут черномазые, которые что-нибудь натворили, и которых теперь нужно вразумить, спрашивают они. Улыбка Шипа исполнена понимания. Ребята, не заводитесь вы насчет этого, говорит он. Кстати, тут у нас в обезьяннике вообще черномазых нет, по крайней мере таких, кто заслуживал бы вашего внимания. Два негритоса, которые поцапались между собой, и один, который слегка перебрал, вот и всё. Бросьте, парни, без глупостей. Мы тут вполне сами управимся, без вашей помощи. Валяйте домой, большое вам, разумеется, спасибо, всего доброго, до свидания. И они опять садятся в машины, и очень бы им хотелось какому-нибудь черному на обочине поддать пинка бампером, но этим глупым ниггерам хватает ума не высовываться. Машины с ревом уезжают, и Шип машет им вслед. Господи, помилуй следующий город!
БАРКЕР: А чего бы ты тогда хотел? Насилия? Хочешь видеть, как укрощают парочку резвых коноводов, или это были отборные молодчики Аль Капоне?
ФЕННЕДИ: Резвые коноводы. Ты отлично знаешь, что это самая тухлая, самая вонючая пена из сточной канавы. Ты отлично знаешь, что этим, в автомобилях, по сто лет можно дать за мошенничество, вымогательство, издевательства и изнасилования.
БАРКЕР: Хочешь насилием преградить им доступ в город? (*Пауза.*) Шип действует осмотрительно и храбро. Ни одного выстрела, ни одного изби-

того полицейского, ни одного поврежденного автомобиля, ни одного злого слова, ни одной оплеухи, ни одного волоска на ниггеровой голове не задето. И наш славный город в новостях не упоминается.
ФЕННЕДИ: Он принимает их у себя дома.
БАРКЕР (*раздраженно*): Достал. А ты бы как поступил?
ФЕННЕДИ: О, я преспокойно впустил бы их в город. Я не стал бы штрафовать их за превышение скорости. Я не стал бы брать у них кровь.
БАРКЕР: Нет? А что бы ты стал делать?
ФЕННЕДИ: Рассадил бы на крыше и в окошках тюрьмы десяток надежных людей, недурно умеющих обращаться с ружьем. А когда появятся кровавые рыцари, при первом ударе в ворота или первом выстреле – скомандовал бы: «Огонь! Огонь! Огонь! Огонь!» (*Дрожит.*)
БАРКЕР: Крови хочешь. И что ты с этого будешь иметь?
ФЕННЕДИ (*тихо*): Справедливость. (*Долгая пауза; смотрит в пустоту. Уголки рта резко опустились, но в глазах выражение, как у влюбленного или того, кому открылась божественная истина; дышит глубоко и тяжело.*) Нет ничего, ничего нет во всем этом многолюдном и дышащем мире, а то, что существует, на самом деле… нет, ничего… кроме справедливости. (*Тон меняется, быстрее:*) Но справедливость не привлекательна и не милосердна. Пусть так не думают. Все люди родились одинаковыми…
БАРКЕР (*саркастически*): Да, все равны, богатые, бедные, большие, маленькие, черные, белые, коричневые, старые, молодые, все равны. И твой собственный сын не более чем первый попавшийся бездельник. Так ведь?
ФЕННЕДИ (*не реагирует*): Ах, это не вечная истина. Нет. (*Пауза.*) Нечистоплотные, зловонные негры – наша ровня. Это тайна. Это тайна Божия. Это правда. Увы всем тем, кто не желает преклонить колени перед истиной и справедливостью. Месть, ужасная месть падет на эту страну, на наши дома, наши дворы, наш скот. Десница Господня будет карать. Она сойдет, аки огонь пожирающий. Язву, чуму, дождь огненный прольет Он на землю… (*Приходит в себя, смущается, почесывает затылок:*) Э-э… налей-ка мне еще.
БАРКЕР (*похлопывает его по плечу*): Ну, перебесился малость, а? (*Наливает Феннеди полный стакан.*)
ФЕННЕДИ (*в какой-то момент готов взорваться от ярости из-за уничижительного поведения Баркера, затем глуповато улыбаясь, как неразумный школьник*): Жара, просто с ума от нее сходишь.
БАРКЕР: В театре ты бы скоренько карьеру сделал. (*Пауза.*) Говори иными языками[6], извлекай пользу из своего кабинета, но, собираясь на улицу, подержи голову под краном.
ФЕННЕДИ: И делай карьеру, да.
БАРКЕР: А теперь, как я вижу, кризис миновал, и я хотел бы поговорить кое о чем, для чего, собственно, и явился вечером.
ФЕННЕДИ: Что?

6 Ср.: Коринф. 1:18.

БАРКЕР: Сперва давай-ка сядь спокойно. Не шуми и слушай меня, и не вопи, если это не будет категорически необходимо. Мне нужно кое с чем с тобой поделиться.
ФЕННЕДИ (*ошеломленный, садится*): Господи Иисусе, у тебя в кармане известие о смерти?
БАРКЕР: Можешь ты в конце концов спокойно меня выслушать!
ФЕННЕДИ: Если только ты не будешь опять проповеди читать.
БАРКЕР: Нет, не проповедь.
ФЕННЕДИ: Ну давай тогда, нечего вокруг да около ходить.
БАРКЕР: Я пришел, чтобы прощупать тебя в отношении некой определенной позиции. Функции.
ФЕННЕДИ: А?
БАРКЕР: Ты знаешь, что вакансия и. о. начальника полиции уже несколько месяцев открыта?
ФЕННЕДИ: И? (*изображает полное равнодушие, на самом деле настораживается.*)
БАРКЕРУ: У меня утром была насчет этого беседа. Я ходил к бургомистру Шипу.
ФЕННЕДИ (*сочувственно*): Опять этот полоумный идиот. Но хорошо, что он половину заседания спит; в это время, по крайней мере, мы избавлены от его бахвальства.
БАРКЕР: Говорят, что он серьезно страдает бессонницей.
ФЕННЕДИ: Очень печально такое слышать.
БАРКЕР (*решительно, несколько раздраженный вызывающим тоном Феннеди*): Джордж Феннеди, ты слушаешь?
ФЕННЕДИ: Господи ты боже мой, тут дело серьезное. Да?
БАРКЕР: Бургомистр Шип хочет назначить тебя и. о. начальника полиции.
ФЕННЕДИ: Так. (*Пауза.*)
БАРКЕР: Я сижу в комиссии по назначению на штатную должность, как тебе известно.
ФЕННЕДИ: Потому что не могут найти никого получше.
БАРКЕР: А твоя кандидатура несколько раз уже обсуждалась.
ФЕННЕДИ: Как любезно и скромно с твоей стороны так долго молчать о том, что ты меня выдвигал!
БАРКЕР: Против твоей кандидатуры было много возражений.
ФЕННЕДИ: Да неужели? Какие такие возражения?
БАРКЕР: По большей части несущественные. Шип между прочим сказал: Этот Феннеди, он порядком за воротник закладывает, а?
ФЕННЕДИ: Имеет право так говорить. Если к его ноздрям зажженную спичку поднести, стадион на воздух взлетит. (*Пауза.*) И что ты на это сказал? Ладно, правда ваша, господин бургомистр! Но что мужик может поделать: он пьет, чтобы забыться.
БАРКЕР: Я тебя не защищал.
ФЕННЕДИ: Да я и не ожидал.

БАРКЕР: Я сразу в наступление перешел. Я сказал: эти россказни насчет Феннеди весьма преувеличены. И к тому же нельзя сказать, что вы ведь сами – трезвенник?
ФЕННЕДИ (*менее напряженно, уже несколько забавляясь*): Недурно. И тогда что? Что он на это сказал?
БАРКЕР: Нет, тут ты прав, сказал он, но я по крайней мере дома сижу. Не выставляю свой позор напоказ. Велю к мачте себя привязывать, когда выпивохи-пловцы песню заводят.
ФЕННЕДИ: Он, похоже, не может упустить возможности намекнуть на то, что у него якобы классическое образование. (*пауза*) Его отец разбогател на продаже просроченных рыбных консервов неграм и на двух подпольных борделях, хотя доказать это не удалось. И первое тоже нет, самое большее – вонь.
БАРКЕР: Ну ладно, барьер взят.
ФЕННЕДИ: А потом на мягких лапках подкралась вера.
БАРКЕР: Об этом ни словом не упоминается.
ФЕННЕДИ: Это сильно. Да, для виду им, конечно, приходится назначить на важные посты полтора католика. Или, по крайней мере, притворяться, что они это всерьез обдумывают. (*Иронически цитирует:*) Религиозные убеждения кандидата ни в коем случае учитываться не могут. Да, конечно. Еще что?

Вдали слабо грохочет гром. Феннеди выглядывает в окно.

БАРКЕР: Тогда он сказал: Феннеди порой высказывает весьма сильные либеральные убеждения.
ФЕННЕДИ: Ха! Не либеральнее, чем в Конституции, в которую он мог бы и заглянуть в дождливый полдень.
БАРКЕР: По всему видно, что он в принципе за твое назначение. Он, к примеру, сказал: «Послушайте, в отношении Феннеди я в одной вещи абсолютно уверен: в его неподкупности. Его никогда не подкупишь».
ФЕННЕДИ (*не может полностью скрыть, что польщен*): Бывают все-таки у этого слабоумного припадки здравомыслия.

Снова слабый грохот. Легкий порыв ветра шевелит оконную занавеску. Луну и звезды заволокли облака, здания больше не видно.

БАРКЕР: Я могу сразу рассказать. Дело улажено. Шип хочет побеседовать с тобой – завтра или послезавтра. Согласишься? Ты ведь знал, что насчет этого места еще решения не было. Наверняка ты об этом задумывался.
ФЕННЕДИ: Еще бы я об этом не задумывался!
БАРКЕР: Зарплата у тебя будет примерно вдвое больше.
ФЕННЕДИ (*презрительно*): Зарплата! (*Пауза.*) Чью мне задницу для этого лизать? Я не собираюсь называть прямым кривое или чистым и свежим то, что воняет, хоть святых во выноси.
БАРКЕР: Тебя никто и не просит.

ФЕННЕДИ (*наполовину сам с собой*): Такое повышение не помешает, возможности такие будут, что –
БАРКЕР: Разумеется… куда меньше будешь себя ограничивать –
ФЕННЕДИ: Ты имеешь в виду деньги, а? (*Пауза.*) Деньги. Если я этот пост приму, то только из-за денег. То-то ты удивишься, а? Но я другое имею в виду. Это будет означать, что у меня появится больше времени. Я стану откладывать половину зарплаты и потом, всякий раз, как выпадет возможность взять отпуск за свой счет, буду брать…
БАРКЕР: Еще бы, и он тебе положен. Ты сможешь время от времени стряхивать с себя пыль этого города…
ФЕННЕДИ: Я не это имею в виду. Никуда я не поеду. Возьмусь опять за учебу… книги выпишу… я получу образование, ей-богу, я это сделаю! Поэтому я приму этот пост, клянусь, Богом живым клянусь… Да, я приму его… я это сделаю… (*Пауза.*)

Ослепительная вспышка молнии, за ней следует грохот грома. Окно широко распахивается, занавеска взлетает вверх. Феннеди вздрагивает. Баркер с довольным смехом захлопывает окно, борясь с ветром.

БАРКЕР: Наконец-то ветерок! Наконец-то посвежело!
Начинается сильный дождь.
ФЕННЕДИ (*саркастически*): Жизнь – это борьба. (*Напевает про себя, неподвижно глядя в никуда.*)
Живут на матери-земле невзгоды и напасти,
Но встретилась красотка мне, вот привалило счастье!
Всего шестнадцать лет,
Свежа как майский цвет.
Сказал я ей: девица,
Пойдем со мной любиться.
Приди ко мне в объятья.
И кое-что тебе, мой свет,
Сумею показать я.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Шаги вверх по лестнице. Из первой левой двери выходит Синтия. В течение нескольких секунд кажется сбитой с толку. Затем полностью берет себя в руки.

ФЕННЕДИ: Что такое?
СИНТИЯ: Хочу подключить телефон внизу.
ФЕННЕДИ: Кому ты собираешься звонить в глухую полночь?
СИНТИЯ: В школу.
ФЕННЕДИ: А отсюда не можешь? Что? Звонить в школу? Зачем в два ночи консьержа из постели вытаскивать? Праздник уже давно кончился. Но по-

сле праздника самое веселье только начинается, верно? Телефонную будку расколотить, машину перевернуть, пару витрин выдавить. Если так мало времени остается, нужно его с толком провести.
СИНТИЯ (*Баркеру*): Погода ужасная.
ФЕННЕДИ: Ничего, не растает.
СИНТИЯ: Или он все-таки уже лег… и меня не слышал меня… (*Раскрывает вторую дверь слева, кричит:*) Рой! Рой! Ты уже лег? Рой! (*Собирается было пойти вниз; хлопает входная дверь.*)
ФЕННЕДИ: Тебя внизу ждут.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ГОЛОС РОЯ: Да, мам. (*Тяжелые, усталые шаги вверх по лестнице.*)
СИНТИЯ (*несколько растеряна, затем овладевает собой*): Ты еще немного побудешь внизу, Рой? Я иду. (*Но Рой поднимается, слышны шаги. Синтия осознает, что поздно пытаться избежать встречи Роя с отцом. Рой выходит из первой левой двери. Он пьян. Его смокинг запачкан. Довольно привлекательный юноша с четкими чертами лица и жадным, капризным ртом. На лице застенчивость, страх и бахвальство. Держится агрессивно, как человек, уверенный в том, что его вечно обделяют. Мальчишеское в нем должно сочетаться с ядовитой пылкостью взрослого.*)

Рой и Феннеди глядят друг на друга.

ФЕННЕДИ (*отводя глаза, избегая взгляда сына*): Вот я в который раз оказался таким наивным придурком, поверил в твои россказни и обещания. Ты опять думаешь, что круто выступил, а? А ты всего лишь слабак и подонок.
РОЙ (*саркастически; несмотря на опьянение, вполне четко артикулирует*): Но это же прекрасно! Это же создает великолепный контраст! Я – против такого потрясающего, благородного, достойного восхищения отца… Только так становится видно, какой ты потрясающий…
СИНТИЯ (*прикасается к нему*): Ступай наверх, Рой, быстро. Давай, скорее –
ФЕННЕДИ (*подходит*): Прекрати это мерзкое облизывание. Глаза бы мои не смотрели, и эти полтора дня, что он всё еще здесь, тоже.

Рой отрывается от матери и с грозным видом подступает к отцу. Баркер нерешительно встает между ними.

РОЙ (*обращаясь к Феннеди*): Попробуй только меня тронуть… Я тогда –
ФЕННЕДИ: Что ты тогда? Ты тогда ничего, никогда в жизни ты ничего не сделаешь и ничего не достигнешь.
РОЙ: Нет, хм, никогда? Нет, конечно, если вот этот своего добьется. Давай молись дальше: Господи, сделай так, чтобы мой сын никогда ничего не до-

бился. Ибо я должен оставаться его великим, восхитительным, потрясающим отцом. Я –
СИНТИЯ: Я хочу, чтобы ты пошел наверх, сынок.
ФЕННЕДИ: По крайней мере, придет конец всем невзгодам, которые ты из года в год навлекал на этот дом. Мне еще эти полтора дня продержаться.
РОЙ: И тогда ты, наконец, от меня избавишься.
ФЕННЕДИ (*менее резко, поскольку разговор берет его за душу*): Да.
РОЙ: Раз и навсегда.
ФЕННЕДИ: Да, навсегда.
РОЙ: Пока я не вернусь.
ФЕННЕДИ: Наверняка в краденой машине? (*Резче, чтобы приглушить сердечную боль:*) Я… я полицию вызову, чтобы она тебя назад забрала… снова за решетку упрятала… тебе там самое место…
СИНТИЯ: Хватит, довольно.
ФЕННЕДИ (*громче*): Самое тебе там место… за решеткой. Там ты и дни свои закончишь.
РОЙ: Пожалуй, почему бы и нет? (*Немного протрезвев:*) А разве это не то, чего тебе хочешь, о чем ты просто мечтаешь? А отчего же не на электрическом стуле? Ты же ведь придешь полюбоваться, нет?
ФЕННЕДИ (*меняется в лице; осознает катастрофическую трагедию своих отношений с сыном; неловко поводит рукой перед собой, словно хочет ухватить что-то, в чем отчаянно нуждается*): Нет. Если… еще возможно, если всё еще по-другому… я… (*Пауза.*)
СИНТИЯ: Что ты хотел сказать?
ФЕННЕДИ: Сынок…
РОЙ: Атас! Он расчувствовался!
СИНТИЯ: Рой!
ФЕННЕДИ (*кричит*): Убирайся! Убирайся прочь! Убирайся прочь!
БАРКЕР: Я пойду.
ФЕННЕДИ: Как? Ах да. Я… я тебя отвезу.
БАРКЕР: Нет, не нужно.
ФЕННЕДИ: Да ладно. (*Выходят в первую дверь слева.*)

Короткая пауза.

СИНТИЯ: Отчего у тебя такой вид? Что ты натворил?
РОЙ: Какая вечеринка была!..
СИНТИЯ: Лицо у тебя… Ты опять дрался…
РОЙ: Дрался? Да, это… да, было дело.
РОЙ: Ты что, уже не помнишь? Ты… тебя дразнили, и ты ответил? Они тебя провоцировали?
ФЕННЕДИ: Пытались. (*Имитирует:*) Эй, а вот и Феннеди, наш католический дружок черномазых.

СИНТИЯ: Почему они пристают к тебе из-за образа мыслей твоего отца? Какое ты имеешь ко всему этому отношение? Ты в чем костюм перепачкал? (*Ощупывает его пиджак, что-то соскребает.*) Грязь, бурая земля. Снимай давай, и жилет тоже. Быстро. И скорей ложись спать. (*Рой со скучающим видом устало снимает пиджак и жилет.*) Брюки положи на перила. В понедельник отнесу всё в химчистку. Ты не мог поаккуратнее обходиться с новым костюмом?
РОЙ: Да ладно тебе причитать. (*Пауза.*) Привет, папский дружок черномазых Феннеди. Что, облаток много жрешь, такие зубы гнилые?
СИНТИЯ: Сынок, у тебя великолепные зубы.
РОЙ: Девицы – эти хуже всех.
СИНТИЯ (*встревоженно и ревниво*): Какие… девушки?
РОЙ: Когда хочешь с ними на вечерок договориться…
СИНТИЯ: Вот с этим лучше бы тебе подождать. Все эти поздние шатания, ничего хорошего от них не жди… (*Пауза.*) И что тогда девушки тебе говорят?
РОЙ: Ничего они не говорят.
СИНТИЯ: И что? Что им говорить-то.
РОЙ: Но если я приглашаю одну сходить со мной куда-нибудь вечерком, а рядом случайно оказывается какой-нибудь парень из моего класса, ему стоит только сказать: ты с этим Феннеди поосторожнее, крошка. Эти паписты, они ведь как кролики размножаются. Они резинками не пользуются.
СИНТИЯ: Не понимаю, что они имеют в виду.
РОЙ (*ухмыляясь*): Я тоже нет. Но в любом случае свидания не получается. (*Рассматривает свои ладони.*)
СИНТИЯ: Ты руки исцарапал? (*Рой отрицательно качает головой.*) Ты упал? Ладно, поторапливайся. Сейчас отец вернется.
РОЙ: Я… его… горло ему, глотку… придушу…
СИНТИЯ: Можешь ты успокоиться? (*Озабоченно осматривает пиджак, перекинутый через ее руку.*) И пуговицы одной нет. Совсем оторвалась. Не знаю, смогу ли другую такую найти. Что это у тебя там тяжелое в кармане? (*Вытаскивает из кармана белую дамскую туфельку.*) Это еще что такое?
Рой глядит, сперва ошарашенно, затем его лицо искажает ужас.
Ты… ты ведь ничего дурного не натворил?..
РОЙ: А?.. (*Туповато и рассеянно трясет головой.*)
СИНТИЯ: В любом случае отцу не показывай. А теперь быстро наверх.
РОЙ: Мама…
СИНТИЯ: Да…
Испуганно прижимается к ней, но она владеет собой и лишь слегка его обнимает.
РОЙ: Мама, защити меня. Ты должна меня защитить.
СИНТИЯ (*глубоко тронута, но огромным усилием воли остается спокойной и овладевает собой*): Я не могу остановить то, что должно случиться… я не могу этому помешать. (*Пауза.*) Ты должен уехать отсюда. (*Пауза.*) Я не могу этому помешать. (*Рой внезапно отрывается от нее и исчезает через вторую дверь слева, шаги наверх по лестнице. Синтия продолжает стоять. Туфелька в одной руке, пиджак и жилет в другой; глядит на пиджак.*) Новый смокинг.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Офис бургомистра Шипа, следующий день. Частично могут быть использованы предыдущие декорации: бюро и стол, которые сейчас почти пусты – остались только пресс-папье, корзинка для корреспонденции и т. д. Стол и бюро теперь расположены несколько иначе. Из окна – вид на солнечный холмистый пейзаж. Телефон – другого цвета и формы и немного сдвинут по сравнению с предыдущей сценой. Из-за другого освещения книги выглядят иначе, нежели в предыдущей сцене, и их нельзя узнать.

Шип сидит за бюро. Он худощав, приятной внешности, держится с достоинством. Обветренное, морщинистое лицо. Производит впечатление человека мужественного, мудрого и порядочного, но в то же время склонного к конформизму и глуповатой толерантности.

Звонит телефон. Шип снимает трубку.

ШИП: Шип слушает. (*Пауза.*) Кто? О, это ты, Ясперс. (*Пауза.*) Слушай. Я тут сижу, думаю, не передать ли дело сразу в руки Феннеди. То есть, конечно, если он назначение примет. (*Пауза.*) Да. Ожидаю его с минуты на минуту. Надеюсь, он тут быстренько всё прояснит. (*Стук в дверь.*) Энергичный парень. (*снова стук в дверь*) Погоди, кажется, вот и он. Да, входите! Думаю, что это он. Я тебе перезвоню через полчаса, хорошо? (*Открывается дверь, входит Баркер, за ним Феннеди.*) Ну, до скорого. (*Кладет трубку.*) Проходите, проходите. (*Встает, пожимает им руки.*) Как дела, Феннеди? Надеюсь, вы не осерчали на меня за то, что я попросил вас зайти… в этот день, день Господа.
ФЕННЕДИ: Что до меня, это не в счет. Я не фундаменталист.
ШИП (*тактично, испуганный тем, что заговорили о религии, – вопрос, который он ни в коем случае не хотел бы затрагивать*): О, я в таких вещах не особо разбираюсь… я имею в виду, я не интересуюсь… Баркер, ты ведь всё это дело вел, верно?
БАРКЕР: Да, верно. Позволите нам…? (*Оглядывается на стулья.*)
ШИП: Да, разумеется, присаживайтесь. Я сойду со своего трона. (*Выходит из-за бюро.*) Присядем к столу. (*Все усаживаются.*) Хотелось бы чего-нибудь выпить, но тут этого нельзя, увы. Но, может быть, вы оба не откажетесь от кофе? (*Внезапно зевает.*)
БАРКЕР: О нет, за меня не беспокойтесь.
ШИП (*с большим усилием подавляя желание еще раз зевнуть*): Не хотите кофе? А оно бы неплохо, кстати, когда в сон клонит. Мне уже в половине пятого утра насчет дела позвонили. А я и без того сплю неважно. (*Пауза.*) Феннеди, такое дело: сперва я хотел вас пригласить на разговор только завтра, но дело внезапно приняло быстрый оборот. Место заместителя начальника полиции очень долго оставалось вакантным. Ваше назначение на этот пост – я буду краток и четок – согласовано и обговорено. Мне нужно только подпись поставить, и всё.
ФЕННЕДИ (*иронически*): Большая ответственность.

ШИП (*не уверен, имеет ли Феннеди в виду подпись или свою задачу в будущей должности*): Вы имеете в виду…
БАРКЕР (*торопливо*): Феннеди принимает задачу, которую собирается взять на себя, со всей ответственностью.
ШИП: О, мне это нравится. (*Пауза.*) Феннеди, для начала желаю сказать одну вещь: я верю в вас. Я поддерживал вашу кандидатуру, потому что, потому что…
ФЕННЕДИ: Все друзья на своих желанных постах.
ШИП: Что вы говорите? Что вы этим хотите сказать –
БАРКЕР (*быстро, бросая незаметный для Шипа обвиняющий взгляд на Феннеди*): Феннеди хочет бороться с продвижением дружков и коррупцией. Прежде всего в области закона о продаже алкоголя.
ШИП (*ему требуется несколько секунд, чтобы справиться с подозрением*): Я всегда был сторонником решительных действий, невзирая на личности… если это необходимо. (*Задумчиво:*) Но нужно приступать к делу хладнокровно, шаг за шагом, не спеша. (*Пауза.*) Хорошо, на том и порешили. Я готов подписать ваше назначение.
ФЕННЕДИ: Была не была.
ШИП: Но теперь о причине, по которой я пригласил вас сюда. Комиссар Ясперс сегодня уезжает в отпуск. В нормальных обстоятельствах это была бы не помеха, даже при том, что пост замначальника полиции свободен. Но теперь, когда внезапно всплыло это ужасное дело… (*Качает головой.*)
ФЕННЕДИ: Распиленная сиротка.
ШИП (*шокирован*): Нет, боюсь, что на этот счет я шуток не приемлю… Наверно, я слишком стар, слишком старомоден…
БАРКЕР: Феннеди уже углубился в наиглавнейшие аспекты дела.
ШИП (*к Феннеди*): О, вы в курсе насчет фактов? (*смотрит в бумаги, которые взял со своего бюро*) Семнадцать лет, Фоллисберг Андреа. Тело было найдено недалеко от дороги, на пустыре за Деревом Мертвеца…
ФЕННЕДИ: Подходящее название, прямо скажем.
ШИП: Смерть наступила в результате асфиксии, иными словами удушения. В полночь или что-то около того, но насчет этого господа эксперты пускай дерутся…
БАРКЕР: Изнасилование?
ШИП: Пока неизвестно.
БАРКЕР: Улики есть какие-нибудь?
ШИП: Пока что я не располагаю дальнейшими деталями. Мне сразу же сообщат, как только будет известно больше. (*Пауза.*) Феннеди, я вам хочу предложить следующее: если вы примете назначение, пройдет еще несколько недель, пока не будут выполнены некоторые необходимые формальности. Я знаю, что это несколько необычно, но я хочу, чтобы вы уже сейчас, здесь, stante pede[7] (*Феннеди глядит презрительно при использовании латинского термина*) приняли пост и приступили к расследованию. Ну?

7 Немедленно (*лат.*).

ФЕННЕДИ: Комиссар Ясперс может уезжать в отпуск.
ШИП: Вам станут немедленно начислять зарплату в соответствии с вашей новой функцией, я прослежу за тем, чтобы при вашем официальном назначении было учтено, что вы вступили в должность сегодня. (*Феннеди машет рукой.*) Так вы, стало быть, согласны?
ФЕННЕДИ (*после очень короткой паузы*): Я принимаю пост и беру на себя руководство расследованием.
ШИП: Замечательно. Позвольте мне первому пожелать вам счастья на новом посту. (*Встает, пожимает Феннеди руку.*) Конечно, лучше всего было бы за это выпить, но, принимая во внимание, какой это день, и обстоятельства… не слишком уместно.
ФЕННЕДИ: Будет и на нашей улице праздник.
ШИП (*кивает, уже думая о другом*): Прежде чем затронуть некоторые практические вещи, сперва нечто… нечто принципиальное.
ФЕННЕДИ (*чуть-чуть насмешливо*): Конечно.
ШИП: Феннеди, я знаю ваш характер, или, во всяком случае, полагаю, что немного знаю. Я испытываю огромное уважение к вашим нерушимым принципам, вашему безоговорочному мнению относительно права…
ФЕННЕДИ: Это уж поистине хвалебная песнь.
ШИП (*серьезно, отечески, с большим нажимом*): Но я ожидаю, что вы рано или поздно столкнетесь с ситуациями, которые будет невозможно, так сказать, решить при помощи простой арифметики. Поистине, мне не нужно углубляться в проблемы, которые ставит перед нами совместная жизнь различных групп населения.
ФЕННЕДИ: Сказано прекрасно и сильно.
ШИП (*скрывая раздражение из-за манеры Феннеди*): Вам предстоит еще столкнуться с неожиданными вещами, где мудрость значит больше, нежели закон.
ФЕННЕДИ: И Конституция?
ШИП: Я не настаиваю, чтобы соглашались со мною по всем вопросам.
ФЕННЕДИ: Я только одно мерило знаю. (*Издевательски:*) Неодинаковые весы, неодинаковая мера, то и другое – мерзость пред Господом[8].
ШИП (*по-прежнему терпеливо*): Право, тут я возражений выдвинуть не могу. Перед Богом все равны. Я буду мудрее, я не стану оспаривать. Но я сомневаюсь, будет ли в дальнейшем толк от этого прекрасного принципа. (*Пауза.*) Вы будете облечены полномочиями, и вы будете эти полномочия осуществлять согласно вашей наивысшей чести и наиглубочайшей совести – глупо предполагать, что я тут что-то захочу изменить. Но я хочу подчеркнуть одно: если вы внезапно столкнетесь с проблемой, когда либо рыбку съесть, либо на мель сесть…
ФЕННЕДИ: Тогда ешь рыбку.
ШИП: Я этого не говорил. Я только хотел попросить: в таком случае, ради бога, посоветуйтесь со мной. Я же ведь не источник всяческой мудрости в западном полушарии. И еще меньше я хотел бы пытаться предписывать

8 Пр. 20:10.

вам, что делать, но… но… Феннеди, не раздумывая приходите ко мне, если у вас возникнут какие-то проблемы. (*Отечески-добродушно:*) Я, в конце концов, появился на свет двадцатью годами раньше вас.

БАРКЕР (*желая поддержать этот добродушный тон, к Феннеди*): Ты еще молокосос.

Шип задумывается, и по его выражению лица заметно, что ему трудно сказать то, что лежит у него на сердце.

ШИП: Феннеди, у вас ведь были некие сомнения относительно этого назначения? Я хочу сказать: об этом говорили уже несколько месяцев, и было бы только естественно, если бы – (*Серьезно, после краткой заминки:*) Я должен обсудить с вами кое-что очень серьезное. Не знаю, как мне к этому подступиться, не задев вас, возможно, не очень приятным образом… но всё же…

ФЕННЕДИ: Пой, ласточка, пой.

ШИП: Боюсь, что песня будет не особо радостная. (*Собравшись с духом:*) Это касается… вашего сына.

ФЕННЕДИ: Обсуждение сего предмета я считаю бессмысленным.

ШИП: Прошу вас позволить мне затронуть его. Я буду краток.

ФЕННЕДИ (*со злобой*): Ну?

ШИП: Я понимаю, что вы хотели бы избежать пересудов, сопряженных с вашим назначением, понимаю, что поведение вашего сына будет подрывать ваш грядущий авторитет в этом городе… и я ваше решение в этом вопросе могу… могу… уважаю…

ФЕННЕДИ (*со злобой*): Вы только что сказали, что полагаете, что знаете мой характер. Я думаю, что тут имеет место досадное недоразумение. Вы имеете сказать, что я принял решение касательно моего сына, чтобы обезопасить свое назначение?

ШИП: Э-э… по правде говоря… да.

ФЕННЕДИ: О повышении мне было ничего не известно до вчерашнего вечера. Мое решение касательно сына было принято задолго до этого. И с повышением никак не связано.

ШИП: Прошу прощения. (*Пауза.*) Но в таком случае я еще меньше понимаю, отчего вы так серьезно настроены на принятие столь жесткого решения.

ФЕННЕДИ: Право принимать решение принадлежит мне, не правда ли?

ШИП: Разумеется. Но я вот чего не понимаю: почему в эту исправительную школу в Луисвилле? Это практически самое строгое учреждение в нашем штате. В самом деле нет другого выхода? У меня есть связи, и даже очень хорошие связи, во флоте, они там точно смогут что-то сделать по поводу трудоустройства, если я им направлю просьбу…

ФЕННЕДИ (*цинично*): Заведующий исправительной школой в Луисвилле тоже моряк. И мой сын отбывает завтра. Считаю вопрос исчерпанным.

ШИП: Надеюсь, вы и впредь не станете сердиться на меня. (*Пауза.*) Я от чистого сердца. (*Пауза.*) Я уже почти двадцать лет ничего не слышал о своем сыне, кроме того, что время от времени узнаю от других. (*Пауза.*) У него всё хорошо, да… семья. Дети… он живет в… в… (*дальше бормочет неразборчиво*).

БАРКЕР: Полагаю, что мы тут закончили.
ШИП: Погодите немного. (*Берет трубку.*) Звоню Ясперсу. (*Набирает номер.*) Да, это Шип. Могу я… ах, это Ясперс. Ты, верно, где-то наверху телефон занимал, да? Ну, старина, можешь в отпуск ехать. (*Пауза.*) Да, он согласился. Да. Соберешь всё в одно досье для него? Еще какие-нибудь детали есть? Что? О. Да, если это какой-нибудь бродяга, которого случайно туда занесло… да, я понимаю, тогда будет сложнее. Да. (*Пауза.*) Что? (*Пауза.*) О, только – (*Пауза.*) Другую ищут, да, точно. Отличное доказательство, если они найдут ее у преступника, это точно… (*Пауза.*) так что ты это знаешь, отправляйся спокойно в отпуск, и… ну, ни о чем не беспокойся… поезжай и выкини всё это дело из головы… развейся малость… тебе это нужно. *Bon voyage!* (*Кладет трубку.*) (*Баркеру и Феннеди:*) Задушена, в любом случае это установлено. Но ни малейшего намека на изнасилование или хотя бы посягательство, по крайней мере, если верить патологам. (*Пауза.*) Трусливое убийство. Бог знает где преступник сейчас, возможно, за сто миль отсюда. А может, и поблизости, в кафе, или спокойненько себе дома, читает последние новости и премило из стакана посасывает… (*Качает головой, затем торопливо обращается к Феннеди:*) Досье теперь в вашем распоряжении, ваш кабинет в главной конторе полиции подготовлен, но, полагаю, вы, если понадобится, первые дни и дома можете поработать, у вас в конце концов есть телефон, так что… (*Задумывается.*) Если я сейчас попрошу прокуратуру поручить Баркеру доставку в суд и обвинительный акт… то вы сможете работать одновременно… и вам не придется так сразу начинать сотрудничество с незнакомыми людьми… Как вы оба насчет этого? Вы друг друга знаете, вы знаете, чего друг от друга ожидать…
БАРКЕР: Превосходно, я считаю. (*Смотрит на Феннеди.*)
ФЕННЕДИ (*кивает*): Приступим!
ШИП: Тогда для начала заверните к Ясперсу, пока он не уехал. Как знать, может, он вам расскажет что-нибудь, чего еще нет в досье.
ФЕННЕДИ: Розыскная работа по старинке… раскидывать сети… устраивать ловушки… это… меня это возбуждает. Я чувствую себя… я сегодня потрясающе себя чувствую. Моложе… нет, чушь, не моложе, лучше сказать, новее, переродившимся, словно вышел из ледяной, с пузырьками, ванны. (*Встает.*)
ШИП: Все чувствуют себя в форме и бодрыми. Эта непогода нас всех освежила.
ФЕННЕДИ: Ах, я так заряжен энергией, только что искры не летят. Мы это дело распутаем. Уже сколько лет назад… когда я получил свое первое дело, мелкая кража, ничтожное преступленьице, но острота, но возбуждение!.. Боже мой, то самое мгновение, когда все показания вдруг всё проясняют, как последнее недостающее слово в головоломке, внезапное наитие, такое, что заорать хочется… (*Короткая пауза; его настроение начинает меняться, сперва почти незаметно, затем более отчетливо.*) Мы его найдем и скрутим. (*Задумчиво:*) Бог ему в помощь, этому типу. Зачем он этакое сотворил?

БАРКЕР: Если тут только одним типом обошлось. Как знать, может, их было двое, трое, хотели компанией поразвлечься, сперва побаловаться, потом всерьез… а тут люди, пришлось ее вопли приглушить, один запаниковал да и прикончил ее, и с другими ноги сделал…
ШИП: Если это какой-нибудь психопат, который жертву до того в глаза не видел, тоже делу не поможет.
БАРКЕР: Тогда придется держать под подозрением половину населения.
ШИП (*ухмыльнувшись*): Да, недурно подмечено.
ФЕННЕДИ: Тогда сеть упадет… дичь там, разъяренная от страха. Бледное, узкое, дрожащее лицо… кто знает, как молод еще… Захочешь его отпустить… подумаешь о его семье… Думаешь, а если бы это был твой собственный сын… Господи, захочешь его защитить, спрятать, помочь спастись… знакомо ли кому-нибудь подобное чувство?
ШИП: Кому оно не знакомо, тот скверный человек.
БАРКЕР: Глупец тот, что позволяет им одержать победу.
ФЕННЕДИ: За дело! Нельзя девушек душить! Это запрещено! Я рад, что мне досталось это дело, бургомистр.
ШИП (*встает*): От всего сердца надеюсь, что вы быстро с ним справитесь. (*Задумчиво:*) Но, умоляю, не спешите с арестом. Чрезмерная торопливость и усердие нередко приводят к осложнениям и неприятностям, требование покрыть убытки и так далее и тому подобное…
ФЕННЕДИ: Если уж мы стреляем, то сразу в яблочко, верно, Баркер? Вперед! Спускайте собак! Пускайте их по следу! Трубите в рог!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Кухня-столовая в цокольном этаже. Следующий день, чуть после полудня. Рой готов к отъезду. Его багаж стоит недалеко от двери в коридор. Синтия смотрит на него. Ее поза выдает печаль и тревогу за сына, но она по-прежнему владеет эмоциями.

СИНТИЯ: Как приедешь, сразу же напиши мне – немедленно, как только приедешь.
РОЙ: Не думаю, что у меня для этого будет много времени. (*Пауза.*) Я, может быть, и вовсе туда не поеду.
СИНТИЯ (*с ужасом*): Но… ты должен ехать. Он может тебя выследить, он… Ты несовершеннолетний. Что тебе еще остается, кроме как ехать…? Постарайся смириться, продержись пару недель, веди себя хорошо, а потом, может быть…
РОЙ: Может быть что?
СИНТИЯ: Может быть, он передумает, пожалеет о своем решении…
РОЙ (*саркастически*): Ага, сейчас.

СИНТИЯ: Но ты же поедешь? Обещаешь? (*Рой с равнодушным видом кивает.*) Ты напишешь сразу? У тебя же в любом случае найдется возможность хотя бы пару слов черкнуть ни клочке бумаги, неважно что, и сунуть в конверт?
РОЙ: Ну и что мне тогда написать? Что я отчалил в полдень, и тем временем вечер наступил?
СИНТИЯ: У тебя есть почтовые марки? Бумага и конверты есть, нет? (*Вспоминает:*) Да, я положила их в чемодан, в синий, они лежат сверху. Ты напишешь сразу?
РОЙ: Да, да. Хватит ныть уже.
Вдалеке слышится свисток паровоза.
СИНТИЯ: Это электричка в полвосьмого. У тебя еще полчаса. Тебе уже нужно уходить?
РОЙ: Не нужно идти со мной на станцию. Не нужно меня сажать в поезд, давать на лапу кондуктору, который присмотрит, чтобы я на нужной станции вышел…
СИНТИЯ: Ты предпочитаешь, чтобы я не ходила с тобой на станцию? Возможно… нет, хорошо… я не пойду. Еще кофе хочешь?
РОЙ: Нет. (*Некоторое время несколько рискованным образом сжимает чашку.*)
СИНТИЯ: Я еще налью… нет, тоже больше не хочу. Оставь в покое эту чашку. Поставь ее. (*Пауза.*) Если бы ты в субботу вечером в таком состоянии не вернулся, я, возможно, смогла бы всё обернуть к лучшему. Потому что он сегодня в неплохом настроении… повышение… и это крупное дело, которым он теперь занимается… та девушка… девушка, которую убили под Деревом Мертвеца… Оставь же, наконец, в покое эту чашку. Ты слушаешь?
РОЙ: Э-э… Да, я слушаю.
СИНТИЯ: Таким, каким ты в субботнюю ночь явился домой, совершенно пьяный… я тебя еще никогда не видела… и вещи, которые ты говорил. Такое ему нелегко будет забыть. И потом он еще –
РОЙ: Что он потом еще?
СИНТИЯ: Он потом опять заговорил о школьной ведомости. (*Пауза.*) Ты мне на днях говорил, что была возможность… что можно было бы отметки… по крайней мере некоторые из них, которые ты… Поставь эту чашку. Ты ее сейчас уронишь.
РОЙ: Что это ты вдруг? Когда я это на прошлой неделе предложил, ты такую бурю подняла. Это низость, это трусость, это грязный обман…
СИНТИЯ (*задумчиво*): Это так и есть. (*Пауза.*) Вообще говоря, это больше смысла не имеет.
РОЙ (*ухмыляясь*): Прошу. (*Подает ей сложенный лист бумаги.*)
СИНТИЯ: Что это?
РОЙ: Полюбуйся.
СИНТИЯ (*развернув бумагу*): Геометрия. Семь. Но… сначала было четыре. Алгебра… Восемь. Но здесь же было… пять? Грамматика. Шесть. Было… кажется, два. Кто это сделал?
РОЙ: Мастерская работа, правда?

СИНТИЯ (*озабоченно*): Что за друзья у тебя, которые на такое вот способны?.. (*Продолжительная пауза.*) Если я ему… покажу эту ведомость… и если ты с этого момента станешь действительно усердно работать, так, чтобы в следующей ведомости эти цифры были настоящими… потому что не надо тебе лгать и обманывать… ты можешь очень хорошо учиться, я знаю. И если не станешь опять приходить так поздно ночью… если не будешь общаться с такого рода друзьями… Какой же вид у тебя был в субботу вечером! Мне пришлось нести смокинг в прачечную, такой он был грязный и заляпанный. Что же ты натворил? (*Рой пожимает плечами.*) Вчера отец всё время был поблизости, так что я не заводила разговор. Но откуда у тебя эта туфля?
РОЙ: Туфля? (*Его охватывает неясное беспокойство; воспоминания о субботней ночи еще нечетки; однако кое-что, очень смутно, начинает до него доходить.*)
СИНТИЯ: Ты принес с собой белую дамскую туфлю, в кармане пиджака. (*Открывает ящик комода.*) Если это какая-то шутка, которую ты вытворил на балу, то ты с девушкой скверно обошелся. Я позабочусь о том, чтобы она получила ее назад. (*Поворачивается с туфлей в руке. При виде туфли последняя пелена спадает с глаз Роя; лицо цепенеет от ужаса.*)
РОЙ: Нет… нет… (*Крепко сжав, ломает чашку.*)
СИНТИЯ: Ну вот видишь. (*Пауза.*) Ты порезался.
РОЙ: Дай сюда. (*Выхватывает туфлю из ее руки.*)

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Шаги. Входят Феннеди и Баркер. У них в руках папки. Феннеди в особенности в великолепном, энергичном настроении. Синтия быстро прячет ведомость в карман платья. Рой засовывает туфлю в карман.

БАРКЕР: Здравствуй, Синтия. Привет, Рой.
ФЕННЕДИ (*замечает багаж; проникается печальной атмосферой; огорчается*): Господи, да. Он уезжает. (*Садится; смущен, но вида почти не подает.*) (*Пауза.*)
СИНТИЯ: Меня все на улице останавливают. (*Короткая пауза.*)
БАРКЕР (*осторожно*): Ты не мог бы передумать? Это не стыдно, взять решение назад.
ФЕННЕДИ (*после короткой паузы*): Нет.
СИНТИЯ: Пришла его ведомость.
ФЕННЕДИ: И? (*Синтия протягивает ему бумагу; он разглядывает ее; на лице сперва удивление, затем оно приветливо расслабляется.*) Но это… совсем не так дурно… совсем нет… (*Лицо начинает снова напрягаться.*) А почему она датирована десятью днями позже?
СИНТИЯ: Какая… теперь разница? Они выписывают не в один день, а датируют, разумеется, одним и тем же днем.
ФЕННЕДИ: Возможно. (*Синтия протягивает руку за бумагой.*) Погоди-ка. (*Подходит к выключателю, включает свет.*)

СИНТИЯ: Зачем это? Ясный день на дворе.
ФЕННЕДИ: Жаль, что бумага везде, где хорошие отметки, куда тоньше, чем в других местах. (*Синтии:*) И ты, наверно, будешь настаивать, что ничего об этом не знала, а? (*Рою:*) Слава тебе господи, что я не поддался слабости. Мошенник. Фальсификатор. Пошлый аферист, не лучше того, кто в сумраке ярмарки платит свинцовым долларом или обманывает в лавке старушку. Слава богу, что мне не придется тебя больше видеть. Больше не стану с тобой морочиться. Я это делал до последнего. (*пауза, во время которой его ярость нарастает*) Вчера я написал письмо заведующему исправительной школой.
СИНТИЯ (*тихо*): Что… ты написал…?
ФЕННЕДИ (*не обращает на нее внимания; обращаясь к Рою*): Я написал, что ему при малейшем проявлении наглости или неповиновении надлежит действовать беспощадно… что он должен в клочья хлестать…
СИНТИЯ (*Рою, который собирается шагнуть вперед*): Молчи, сынок, не делай хуже, чем есть –
РОЙ (*до сих пор по крайней мере он оставался бесстрастным, чем еще больше уязвил отца; теперь же он излучает такую же ненависть, как в субботу, но теперь она смешана с отчаянием и страхом; невольно ощупывает в кармане туфлю*): Погодите, комиссар Феннеди, вы еще увидите, куда последний удар придется.
ФЕННЕДИ: Э-э? (*Рой уходит с багажом, Синтия хочет идти за ним.*) (*Синтии:*) Оставайся здесь!
СИНТИЯ (*у двери*): Напишешь мне, как приедешь, ты ведь сразу же мне напишешь…
ФЕННЕДИ: Здесь оставайся, я сказал!
БАРКЕР: Оставь ты ее…
ФЕННЕДИ: Он и без нее отлично доберется до станции и в поезд сядет.

Синтия возвращается, садится, неподвижно смотрит перед собой.

СИНТИЯ: Я… мне страшно.
ФЕННЕДИ: Лучше кофе сделай. Ты же хочешь кофе, Баркер, или как?
БАРКЕР: Для меня варить не надо.
ФЕННЕДИ (*Синтии*): Сделай кофе. (*Баркеру:*) Тяжелое утро.
БАРКЕР: Что да, то да.
ФЕННЕДИ (*рвет ведомость в клочья*): Особо далеко мы не продвинулись. (*Разбирает папки на столе.*) Здесь у нас все собранные данные. Куча слов, но мало чего можно вынести. Ты всё видел?
БАРКЕР: Примерно всё, да. А остальное ты мне рассказал.
ФЕННЕДИ (*раскрывает и закрывает папки, чтобы просмотреть сведения или показать их*): Данные о привычках жертвы. В них ни единой наводки. Обычная хихикающая девица. Потом обзор того, что она делала в течение двух последних часов перед смертью. Заявление того, кто последним видел ее

в живых. (*Пожимает плечами.*) Не высказывала никаких определенных планов или намерений. После этого ее ни с кем больше не видели. Проверяют пока ее переписку.
БАРКЕР: Единственный ребенок, да?
ФЕННЕДИ: Да.
БАРКЕР: Дружок есть, жених? Какая-нибудь разорванная любовная связь? Ссора? (*Феннеди качает головой.*) Нет, ничего в этом роде не встречалось.
Синтия встает; она знает, что должна сварить кофе, но двигается как осоловелая, как лунатичка.
ФЕННЕДИ: Вот еще снимки. (*Баркер берет один из них.*)
БАРКЕР: Очень даже симпатичная девушка.
СИНТИЯ: Это…?
БАРКЕР: Да, это она.
СИНТИЯ: Бедная девочка.
БАРКЕР (*убирает другое фото, сделанное полицейскими, из пределов ее досягаемости*): Нет, это фотографии, которые полиция сделала на месте. Тебе их лучше не видеть.
Феннеди раздражен, но продолжает изучать бумаги.
СИНТИЯ: Они уже напали на след преступника?
БАРКЕР: Нет пока.
СИНТИЯ: Всё еще нет? Ведь три дня прошло.
БАРКЕР: Ну… раз, два… нет, еще двух дней не прошло. (*Пауза.*) Той ночью был сильный ливень, как ты помнишь. Нам это совсем не на руку: большинство следов, если они, по крайней мере, были, смыло дождем.
СИНТИЯ: Дождь?
БАРКЕР: Это было в субботу вечером, под проливным дождем.
СИНТИЯ: О, это тогда случилось… (*Она еще совершенно ни о чем не подозревает.*)
БАРКЕР: Под деревом, куда дождь не попал, или немного накапало, есть слабые отпечатки ног, но это всё. А еще пуговица, но относится ли она както к делу…
СИНТИЯ: Пуговица? (*По-прежнему ничего не подозревает.*)
БАРКЕР: Да, поблизости от места найдена пуговица. Не от ее одежды, это точно. Но там столько людей бывает, гуляют, пикники устраивают…
СИНТИЯ (*у нее появляется весьма смутное, еще совершенно бессознательное подозрение*): Что может сделать полиция с такой пуговицей?
БАРКЕР: Терпеливо работать, шанс один на тысячу. Разыскать, от чего она, опросить портных, ремонтные мастерские и так далее. Если она от покупного костюма, мы далеко не продвинемся.
СИНТИЯ: И это всё. что они нашли?
ФЕННЕДИ: Окажи любезность, не вмешивайся. Позаботься о кофе.
БАРКЕР: Мы скорее кое-что потеряли, нежели нашли. (*Пауза.*) Девушку обнаружили наполовину разутой. На ней была всего одна туфля, белая туфелька. Где вторая?.. Синтия, что с тобой?

СИНТИЯ (*громадным усилием воли обретая самообладание; полушепотом*): Что… о Господи… какой ужас…
ФЕННЕДИ (*потеряв терпение*): Баркер, идем наверх. В мой кабинет.
БАРКЕР: Хорошо. (*Снова собирают папки; Феннеди пропускает Баркера вперед; только когда они уже у двери, к Синтии возвращается дар речи.*)
СИНТИЯ (*обращаясь к Феннеди*): Рой… там… может получать письма?
ФЕННЕДИ: Нет. Первые двадцать дней нет. (*Феннеди и Баркер уходят.*)

Синтия стоит неподвижно. Смотрит в зал. Бесцельно подбирает клочки разорванной ведомости. Слышен шум поезда. Она вновь роняет клочки. Поезд проезжает мимо. Далекий свисток. Она раскрывает рот, словно хочет закричать, но остается немой.

ЗАНАВЕС

Конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Помещение химчистки, в тот же день, несколько позже. Параллельно правой стене – прилавок, который можно составить из бюро и стола из предыдущей сцены. Позади, слева, витрина и стеклянная дверь на улицу. В центре, в глубине, стойки с костюмами, платьями и т. д. Из двух служащих Ларри самый старший и самый наглый; Бобби хотелось бы сровняться с ним и утереть ему нос. Оба стоят за прилавком.

ЛАРРИ (*напевает, приплясывает*): Поеду в Коттон-сити, поеду в Коттон-сити, поеду вечерком я в Коттон-сити. (*Делает боксерские выпады в сторону Бобби.*)
БОББИ (*опасается его ударов, но держится самоуверенно*): Эй ты, поостынь, а то по шее получишь.
ЛАРРИ (*шутливо тычет его в живот*): Сегодня вечером, в четверть девятого, большое соревнование – Черный Коврик – Сахарный Тростник! Это будет что-то! (*Задумывается.*) Лучше, чем на прошлой неделе, когда Перри был против Дюжего Новичка! Какая осечка! Просто надувательство! Только я уселся, черт возьми, только зад свой примостил и лампы над рингом зажглись, как всё уже кончилось! Сказали, что Перри нечисто ударил. Так развопились все! Судья был один старый хрен, к тому же еще и горбатый, сдается мне. И ничего он не видел.
БОББИ (*переводит дух после тычка*): С горбом у тебя, естественно, глаз на спине быть не может.
ЛАРРИ: Тебе бы так, а, четыре доллара в задницу за место, да еще и не в первом ряду! Но нынче вечером мы кое-что получше посмотрим! Они оба будь

здоров, что Черный Коврик, что Сахарный Тростник. Эй, клиент идет. (*Смотрит на стеклянную дверь, где на травленом стекле вырисовывается силуэт Синтии.*) Это дама! Давай… давай опять подурачимся?
БОББИ: А? Да, да!

КАРТИНА ВТОРАЯ

Входит Синтия. Звонит дверной колокольчик. Отрешенная, она не обращает внимания ни на что, кроме своей цели. Ларри и Бобби, пригнувшись, прячутся за прилавком. С каждым словом они высовываются всё больше: сперва появляются головы, затем, постепенно, туловища.

ЛАРРИ: Здравствуйте.
БОББИ: Сударыня.
ЛАРРИ: Сударыня.
БОББИ: Чем.
ЛАРРИ: Можем.
БОББИ: Вам.
ЛАРРИ: Служить?
СИНТИЯ (*ее это не забавляет, к огромному разочарованию обоих служащих*): Сегодня утром я (*ищет в сумочке*) принесла вам смокинг, отпарить…
ЛАРРИ: Утром? Но тогда он не может быть уже готов, мадамочка.
БОББИ: Так быстро дела не делаются.
ЛАРРИ: Нет…
СИНТИЯ: Я… я не это имела в виду… это… этот смокинг (*находит номерок*) принадлежит другому, это постоялец, которому сегодня внезапно нужно уезжать, вот я и хотела ему отдать.
БОББИ: Какая ужасная жалость!
СИНТИЯ: Разумеется, я вознагражу вас за труды… о, вот он висит, кажется… (*Направляется к нему.*)
БОББИ: Дайте мне номерок, сударыня. (*Забирает номерок, манерно, вприпрыжку подбегает к перекладине; берет смокинг, сравнивает номер на бирке и билетике.*) Ну, вообще-то говоря, хорошая чистка ему не повредила бы. (*Возвращается со смокингом.*)
ЛАРРИ (*отбирает у него смокинг*): Да, не мешало бы его обработать. Эй, у него к тому же еще и пуговица оторвана.
СИНТИЯ (*торопливо вынимает деньги*): Сожалею, что не могу оставить его здесь.
БОББИ: Да, это очень жаль, сударыня! (*Ларри видит деньги, знаком велит Бобби вести себя нормально, но тот его не понимает.*)
ЛАРРИ: Рады были служить. (*Вновь передает смокинг Бобби.*)
БОББИ: Вам завернуть, или здесь наденете, сударыня? (*Чуть ли не лопается от сдавленного смеха; вновь тщетные знаки Ларри.*)
СИНТИЯ: Прошу. (*Передает Ларри пять долларов, Бобби это замечает.*)

ЛАРРИ (*изображая хорошего мальчика*): Право, не стоит, сударыня. (*Бобби, громко:*) Заверни-ка аккуратненько для сударыни.
БОББИ: Словил кой-чего, а?
ЛАРРИ (*отвешивает ему добродушную оплеуху*): Как и ты. (*Молниеносно показывает деньги, в ответ на вопросительный взгляд Бобби поднимает пять пальцев и, намекая на Синтию, постукивает себя по лбу. Все эти действия ускользают от Синтии, частично из-за ее забот, частично из-за ее состояния.*)
БОББИ (*быстро и умело делая сверток*): Вот, любо-дорого глядеть. Так хорошо, сударыня?

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Звенит дверной звонок; входит сыщик Патрик, Бобби передает Синтии сверток.

ПАТРИК: Добрый день, госпожа Феннеди!..
СИНТИЯ (*растерянно, с отсутствующим видом*): Э-э…
ПАТРИК: Как поживаете?
СИНТИЯ (*с трудом*): О, э-э… хорошо… благодарю вас…
ПАТРИК: Госпожа Феннеди, поздравляю!
СИНТИЯ (*нервно вскидывает голову*): Спасибо… С чем?
ПАТРИК: С повышением вашего супруга, конечно же. Да, добрые вести не лежат на месте. От всего сердца поздравляю вас обоих.
СИНТИЯ: Да… спасибо… большое спасибо. (*Берет пакет под мышку.*) Всего доброго. (*Уходит.*)
ЛАРРИ: До свиданья, сударыня! Спасибо!
ПАТРИК (*немного удивлен, но ничего не подозревает*): Вот, тоже спешит…
БОББИ: На ногу проворна, с людьми приветлива. (*Он и Ларри еле сдерживают смех. Валяют дурака.*) Чем можем служить, Вашество?
ПАТРИК: Полегче на поворотах. Где-то я твою рожу уже видел, кажется. Уж не во время ли той поножовщины в баре «Плантация», а? (*Предъявляет полицейское удостоверение.*)
БОББИ: Я не виноват!
ПАТРИК: Где хозяин?
ЛАРРИ: Нету его.
ПАТРИК: Когда вернется?
БОББИ: Уж коли он на выходные с города уехал, до вторника назад не жди.
ЛАРРИ (*глядя в потолок*): Водка, лодка и молодка, водка, лодка… (*Озабоченно качает головой.*)
ПАТРИК (*не двигаясь с места, небрежно осматривает ряды с одеждой*): Кто был здесь с утра воскресенья?
БОББИ (*с готовностью, диктуемой страхом*): Мы оба, по очереди.
ЛАРРИ: Мы присматриваем за магазином хозяина.
ПАТРИК: В этом ничего дурного нет, если хозяин за кассой приглядывает. Сколько народу со вчерашнего утра заходило? Сколько костюмов на чистку?

ЛАРРИ: Посмотрим. (*Листает книгу заказов.*) Штук девяносто, а то и все сто.
ПАТРИК: Только мужские костюмы?
ЛАРРИ: А, вот вы о чем. (*Снова смотрит.*) Штук сорок, я бы сказал.
ПАТРИК: Сорок мужских костюмов?
ЛАРРИ: Ну да.
ПАТРИК: А был там такой черный, или только пиджак, но тоже черный?
ЛАРРИ: Мы это никогда не записываем.
ПАТРИК: Что мы никогда не записываем?
ЛАРРИ: Какой цвет. Мы только листочек с номером выдаем, и на бирочке тот же номер пишем.
БОББИ: Черный костюм или только черный пиджак. А что с ним такое?
ПАТРИК: Испачканный в грязи. Может быть порван или поврежден. (*Служащие задумываются, потом качают головами.*) И никто вам не поручал заменить потерянную или оторванную пуговицу? (*Достает пуговицу.*) Вот такую? Ну как?
ЛАРРИ (*до него доходит*): Вот те ну. Это же пуговица, как…
ПАТРИК: Как что?
ЛАРРИ (*овладев собой, держится как обычно*): Странная пуговица. Старомодная. Теперь такие не часто встретишь.
ПАТРИК: От костюма какого рода она может быть?
БОББИ (*важно*): Шикарный, темный. Вечерний костюм, я бы сказал. Например… (*Ларри в высшей степени озабоченно жестикулирует, показывая, чтобы тот не болтал; Патрик этого не замечает, но жесты не вразумляют и Бобби.*)
ЛАРРИ (*хочет завладеть разговором, чтобы повернуть внимание Патрика в иное направление*): Это, например, может быть…
БОББИ: Это очень даже может быть от смокинга. (*Ларри беззвучно, но весьма действенно наступает ему на ногу.*) Ай! Смотри, куда ступаешь!
ЛАРРИ: А не стой у меня на дороге. (*Патрику, вновь разглядывая пуговицу.*) Таких костюмов, к которым такая пуговица могла бы подойти, мы тут уже вечность целую не видали.
ПАТРИК: Что тут в какие игры играете, а?
БОББИ: Что вы, сударь, вовсе никакие не игры. Мы от всей души желаем помочь. (*Невзирая на свой малодушный страх, с любопытством.*) А насчет чего это всё вообще, сударь?
ПАТРИК (*лаконично, но отчетливо*): Убийство.
БОББИ Ооо! Убийство! (*Патрик отвешивает ему подзатыльник.*)
ПАТРИК Ты давай потише, да? Если вы думаете, что со мной можно шутки шутить… (*Решительно.*) Хозяин завтра будет?
ЛАРРИ: Да, завтра он снова тут.
ПАТРИК (*прячет пуговицу*): До скорого тогда. (*Уходит, насвистывая.*)
БОББИ: Убийство! (*Пауза.*) Ты чего меня так мерзко пинал? (*Ощупывает ногу.*)
ЛАРРИ: Чтобы ты чего лишнего не сболтнул.
БОББИ: Да насчет чего? Я же ему ничего такого обидного не сказал? (*Обвиняюще:*) Черт, ну и горазд же ты лягаться. Половину костей переломал.

ЛАРРИ: Береженого бог бережет. С тобой никогда не знаешь, какую чушь ты можешь ляпнуть. Потому как пядей у тебя во лбу маловато.
БОББИ: Да ты о чем это вообще?
ЛАРРИ: О чем этот мусор говорил?
БОББИ: О… о каком-то черном пиджаке. Ну и?
ЛАРРИ: Или костюме.
БОББИ: Или костюме, да.
ЛАРРИ: Кто черный костюм сюда принес?
БОББИ: А я почем знаю?
ЛАРРИ: Грязью запачканный?
БОББИ: Грязью запачканный…
ЛАРРИ (*теперь с бóльшим нажимом*): И кто мне в руку пять зеленых пихнул, чтобы его назад заполучить?
БОББИ: Но ты же не имеешь в виду –
ЛАРРИ: На этом костюме все пуговицы были целы, или, может, одной не хватало?
БОББИ: Мать честная, твоя правда! (*Пауза.*) Но почему ты ничего не сказал?
ЛАРРИ: Ты когда-нибудь встречал легавого, который тебе бабки давал бы за то, что ты ему рассказал?
БОББИ: Нет. Но если язык за зубами держать, тоже бабками не разживешься, верно?
ЛАРРИ: Ты думаешь? (*Пауза.*) Тут зависит только от того, насколько ей это важно.
БОББИ: Кому? Бабе этой? Ты ведь даже не знаешь, кто это!
ЛАРРИ: Не знаю? Это госпожа Феннеди.
БОББИ: Феннеди, Феннеди. В этом городе сотни Феннеди.
ЛАРРИ: Скажешь тоже. Но есть только один, чья жена хочет спрятать грязный костюм с оторванной пуговицей. (*Пауза.*) Есть только один Феннеди, шибко важный чин в полиции, или только что стал. Как я до этого додумался, не знаю, наверно, утром какое-нибудь сообщение в газете видел, застряло в башке… Но это он, полицейский. Это точно, потому что тот шпик ее знает.
БОББИ: Ну а теперь ты чего хочешь? Если она жена полицейского, то вряд ли у нее найдется чего-то общее с делом, по которому легавый приходил…
ЛАРРИ (*задумчиво*): Нет, я бы не сказал. Но странные дела на этом шарике творятся, парень. И в голову не пришло бы, кабы она себя так по-дурацки не повела. Наплела тут про жильца, которому типа съехать невтерпеж! Нельзя, что ли, ему по почте костюм выслать? С чего бы это ей силком мне пятерку впихивать, чтобы этот костюм назад заполучить: больше, чем вся чистка бы обошлась – пять долларов!
БОББИ: Из которых я, между прочим, еще ни цента не видел. Или, может, это слишком вкусные чаевые, чтобы честно ими поделиться?
ЛАРРИ: И чего она в штаны напустила, когда этот легавый вошел? Кого она прикрывает?
БОББИ: Муженька своего? Этого полицейского, большую шишку?

ЛАРРИ: Может быть, конечно. (*пауза*) Но, сдается мне, что всё не так просто. Он бы свою жену не стал сюда посылать. Он бы сразу же сам сюда заявился. Нет, тут кто-то другой, кто-то, кого она любит больше, чем надо бы.
БОББИ: Любовное гнёздышко, ты думаешь?
ЛАРРИ: Не исключено. Дай-ка мне телефонную книгу. (*Бобби протягивает ему книгу.*) Посмотрим сперва на этих Феннеди. У крупной полицейской шишки есть телефон, а далеко не у каждого Феннеди он имеется. (*Листает, проводит пальцем по колонке.*)
БОББИ: Что ты собираешься делать? Позвонишь ей?
ЛАРРИ (*читает*): Феннеди, Дж. С., лейтенант полиции. Смотри-ка, и верно, рядом с тюрьмой живет. (*задумывается*) Эта тупая сука тут замешана, зуб даю. И очень возможно, что она – жена этого самого Феннеди.
БОББИ: Сдается мне, что всё это вилами на воде писано.
ЛАРРИ: А что я теряю? Рискую не больше, чем на пять центов за телефонный звонок. (*Пауза; записывает данные на клочке бумаги, который сует себе в карман.*) Нет, думаю, позвоню сегодня вечером из Коттон-сити. Посмотрим, что скажет. Я ей скажу, что нашел подходящую пуговку для костюма, но что пуговка, похоже, выйдет дорогая. Посмотрим. (*Распаляется, исполненный самоуверенности.*) Может быть, ей захочется встретиться со мной в парке. (*Пауза.*) Может быть, на следующей неделе я тебя угощу соревнованием в Коттон-сити и недурственным обедом.
БОББИ: Твоя щедрость не знает границ.
ЛАРРИ: Вот, возьми пятерку. (*Сует ему деньги.*) Отдаю тебе свои подкупные, это должно принести мне удачу. Как знать, может, я на следующей неделе въеду в Коттон-сити на своем новеньком автомобиле! Йо-хо-хо!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Кухня-столовая, полдень следующего дня. Входят Баркер и Феннеди. Они вернулись с похорон убитой девушки. Снимают цилиндры, перчатки и т. д. Феннеди приносит почтовую посылку, которую подобрал в коридоре. Вполглаза глядит на него, расстегивая и снимая одежду.

ФЕННЕДИ: Эти средневековые костюмы, в них задохнуться можно. (*Опять рассматривает посылку*:) Наверное, учебники. (*Собирается вскрыть посылку, смотрит на Баркера, откладывает посылку.*)
БАРКЕР: У этой девчурки были прекрасные и достойные похороны. Сколько народу там было в общем счете? Я думаю, несколько сотен. Сотен пять, как думаешь?
ФЕННЕДИ: Возможно. (*Пауза.*) Я не любитель соболезнований и слёз толпы. На славный пожар или хорошую оперу они точно такими же толпами потекли бы.

БАРКЕР: Да, я тоже не большой этого любитель. (*Пауза.*) Чем чудовищнее и необъяснимее смерть ребенка, тем больше утешения, похоже, черпают люди из публичных соболезнований. Ох, наверняка там были люди, которые стояли у этой могилы, искренне сопереживая.
ФЕННЕДИ: Со всеми их слезами и соплями под носом они всё же не были так уж сильно растроганы, это не мешало им шипеть мне вслед: «Не очень-то ты спешишь с этим черножопым, а, Феннеди? Опять, небось, отпустишь черного по-быстрому, а? Да, тебе это легко, если сам дружок черномазых и дочери у тебя нет».
БАРКЕР: Господи боже мой! То есть уже известно, что мы Сагиттариуса под арестом держим. А ведь мы сделали всё, чтобы это не просочилось.
ФЕННЕДИ: Ага, попробуй-ка в этом городе хоть что-нибудь удержать в тайне. (*Пауза.*) По-моему, этого негра уже достаточно долго тут мурыжат. Какие есть против него улики? Ничего, кроме заявления бабы, которая рассказывает, что видела, как пьяный негр сидел на обочине примерно за час до установленного времени смерти.
БАРКЕР: На очной ставке она сказала, что это может быть он.
ФЕННЕДИ: Может быть он! Это означает, что он им *не* был. Кроме того, если такого свидетеля хорошенько прижать, то оказывается, что, по их мнению, все негры похожи друг на друга, что твои коровы… И тебе когда-нибудь попадался случай, в котором не фигурировали бы полдюжины старых перечниц, видевших какого-нибудь подозрительного негра, который глядел на них угрожающе, громко рычал, скрючив пальцы, как когти! И так далее, и так далее…
БАРКЕР: Всё хорошо и прекрасно, но именно поэтому ты не можешь верить любым показаниям. Ты должен в них хорошенько разобраться.
ФЕННЕДИ: Эти показания в любом случае рассыпаются, как карточный домик.
БАРКЕР: Он сам еще рта не раскрывал.
ФЕННЕДИ: Придурок кучерявый. Да и что ему рассказывать? Ну, был он поблизости от места убийства, хорошо. Лучше спроси: а кто не был? Десятки человек, это установлено. Валялся и дрых в канаве, насосался так, что пальцем шевельнуть не мог.
БАРКЕР: А вдруг он что-то видел?
ФЕННЕДИ: Залитыми-то зенками? Завтра утром я его отпущу, если только ты не выпишешь ордер на продление ареста. Выпишешь? Возьмешь на себя?
БАРКЕР: Для указа прокуратуры слишком слабые основания.
ФЕННЕДИ: То есть ты сдаешься. Значит завтра, спустя сорок восемь часов после задержания, он должен быть освобожден.
БАРКЕР: Ты бы лучше с этим не спешил.
ФЕННЕДИ: И как в таком случае это может быть оправдано?
ФЕННЕДИ: Для общественного мнения в любом случае хорошо, если у нас будет кто-то под арестом. И вообще, разве он не виновен в нарушении общественного порядка в нетрезвом виде? Что еще против него есть, чтобы лишних пару дней его под замком продержать?

ФЕННЕДИ: Тогда мне нужно будет получить от тебя приказ на задержание, с возбуждением дела о нахождении в нетрезвом виде.
БАРКЕР: О господи, да это формальности. Это ведь ежедневная практика, когда задерживают на денек пьянчугу или вандала, а потом снова отпускают, без всей этой волокиты, просто чтобы малость припугнуть. Так и в этом случае тоже вполне может быть? Отчего бы тебе его не подержать его под замком? А там, глядишь, и новые показания появятся.
ФЕННЕДИ: Против него?
БАРКЕР: Нет, показания, которые наведут нас на верный след.
ФЕННЕДИ: Показания против этого Сагиттариуса в любом случае лишены силы. Никакие данные не сходятся. Форма и размер его подошв не совпадают с отпечатками ног. Пуговица не может принадлежать ему по той простой причине, что он на себе ее не имел: на нем был свитер и рабочие штаны, которые он веревкой на брюхе подвязывает. Ни царапины – ни на лице, ни на руках, ни пятнышка грязи в местах, где он мог сидеть. Завтра я его отпускаю.
БАРКЕР: Не надо! Подержи его еще немного и только тогда отпусти, когда схватят преступника: тогда он сразу будет реабилитирован. Если ты его уже сейчас отпустишь, будут все шансы, что на него набросится народ, жаждущий справедливости.
ФЕННЕДИ: Народ, жаждущий справедливости. (*Пауза.*) Я никого не держу без распоряжения или обвинения.
БАРКЕР: Да что это меняет. Этот черный – пьянчуга, бездельник!
ФЕННЕДИ: Нет, я этого не сделаю. (*Пауза.*)
БАРКЕР (*раздражается*): Хорошо, отлично! Будь опять мудрее, проницательнее и благороднее и чище, чем все на свете! Отпусти его, негритоса, по мне так хоть сегодня! Пусть идет домой, без охраны или наблюдения, а ты ложись себе спокойно спать! Разве ты будешь виноват в том, что его забьют до смерти у двери собственного дома? (*Пауза.*) Ты видел эти физиономии на кладбище?
ФЕННЕДИ: Глаз от них не мог отвести. У меня было ощущение, что это зоосад, галерея крупных кошачьих.
БАРКЕР: В городе что-то назревает, кстати, в целом районе. Они ищут развлечения, оживления. Не давай им ни малейшего шанса. Попридержи этого негра, Джордж: ради его собственной безопасности.
ФЕННЕДИ: Без распоряжения? (*Он уже немного склоняется к тому, чтобы обдумать предложение Баркера.*) И как надолго?
БАРКЕР: Какая этому раздолбаю разница: ну, поест-попьет еще пару дней за государственный счет? У него ни жены, ни детей, ни работы, ни профессии. Что это, скажи на милость, изменит?
ФЕННЕДИ: Всё изменит, если не будет обвинения. (*Надолго задумывается, начинает распаковывать посылку.*) Может быть, ты в этом случае и прав. Будет… да… в самом деле, в его собственных интересах будет, если он еще денек посидит в камере. (*Пауза.*) Сделаю, как ты говоришь. (*Пауза; потирает лоб и глаза.*) Сон мне был сегодня. Очень странный. Ты придаешь им значение, Баркер?

БАРКЕР: Чему?
ФЕННЕДИ: Снам.
БАРКЕР: Я в эти предметы не сильно углубляюсь.
ФЕННЕДИ (*медленно*): Мне снилось… и во сне… я видел лицо убийцы… да, точно, я видел его очень четко… не слишком старое лицо, нет… еще молодое… (*Пауза.*)
БАРКЕР: Черное, белое?
ФЕННЕДИ: Странно, теперь уже не могу сказать… темно было, мне кажется, но черное или нет… нет, кажется, нет… (*Короткая пауза.*) Но знаешь, что удивительно?.. Я его узнал… очень знакомое лицо…
БАРКЕР (*скептически*): Наверняка какой-нибудь из твоих врагов в муниципальном совете.
ФЕННЕДИ (*шарит рукой перед собой*): И тогда, когда я уже почти знал, когда хотел раскрыть рот, чтобы назвать имя… тогда лицо отпрянуло… как будто дымка, туман всё затянул… и я проснулся. Я взмок, словно от сильной горячки… (*Звонит телефон.*) Кажется, межгород. (*Берет трубку.*) Феннеди. Из… Луисвилла? Да, я слушаю. (*Баркеру:*) Луисвилл. Что бы это могло быть?
БАРКЕР: Исправительная школа?..
ФЕННЕДИ: Да, Феннеди у аппарата. Да, Феннеди собственной персоной. Я жду… нет, не кладу… (*пауза*) Алло. Да, господин Флагман, как поживаете… Что? Когда? Э-э… вчера, одночасовым поездом… (*слушает*) Но отчего же вы не позвонили раньше? Нет, мы ничего не слышали. Да, конечно, тогда я сразу вам позвоню. (*слушает*) Издать приказ о розыске?.. да, я не знаю, возможно, это не слишком преждевременно… хотя… я должен подумать… Да, разумеется… я вам позвоню, как только что-нибудь узнаю… Конечно, спасибо, господин… господин э-э… э-э… (*Собеседник уже прервал разговор; Феннеди кладет трубку.*)
БАРКЕР: Это из исправительной школы?
ФЕННЕДИ: Да.
БАРКЕР: Что… э-э…
ФЕННЕДИ: Он не приехал. (*Пауза.*)
БАРКЕР: Что могло случиться…
ФЕННЕДИ (*пытается заглушить беспокойство гневом*): Вышел где-то по дороге… Болтается где-нибудь… и, возможно, не так уж и далеко отсюда. (*Удовлетворенный этим предположением, которое вписывается в определенные переживания последнего дня.*) Есть у меня подозрения. Кумекаю малость. Прячется, наверняка где-то за городом. (*Снова сопоставляет какие-то данные.*) Но его мать знает, где он! Теперь я понимаю, почему она со вчерашнего дня так таинственно и скрытно себя ведет. Вчера вечером ей кто-то звонил. Когда я ее прямо спросил, кто это, услыхал в ответ дурацкую историю насчет прачечной, белья какого-то пропавшего, по поводу которого она пожаловалась, и его нашли. Звонят тебе из прачечной из-за пропавшего белья в девять вечера? И если я хорошо понял, то звонили из-за города, я имею в виду, как звонок прозвучал, но я особо внимания не обращал, так что с уверенностью сказать не могу. (*короткая пауза*) Но если тебе

поставщик звонит, ты что, бледнеешь как простыня, трясешься, как осиновый лист? (*Пауза.*) И вчера ночью ушла куда-то одна. Я слишком поздно заметил, чтобы пойти за ней.
БАРКЕР (*после некоторого размышления*): Как долго ее не было?
ФЕННЕДИ: Часу не прошло. За это время можно доехать на такси до уединенного условленного места, там кого-то встретить, передать ему деньги и одежду и вернуться назад.
БАРКЕР: Не могу в это поверить. (*Прислушивается.*) Кто-то идет.
БАРКЕР: Синтия! (*Баркеру:*) Не проболтайся.

КАРТИНА ПЯТАЯ

Входит Синтия.

БАРКЕР: Здравствуй, Синтия.
ФЕННЕДИ: Где ты была?
СИНТИЯ: Так, за покупками ходила.
ФЕННЕДИ: Какими покупками?
СИНТИЯ: За всякими.
ФЕННЕДИ: За всякими покупками, а?.. Если ты можешь быть сообщницей сына по подделке документов, отчего бы тебе не отвезти ему передачку и деньги?..
СИНТИЯ: Я не понимаю, что ты имеешь в виду…
БАРКЕР: Синтия, тут звонили…
СИНТИЯ: Звонили…
ФЕННЕДИ (*Баркеру*): Закрой рот! (*Синтии:*) Где ты была сегодня ночью с полпервого до полвторого?
СИНТИЯ (*вздрагивает, но быстро оправляется от страха*): Мне нужно было выйти. Я скверно себя чувствовала, хотелось на воздух… Я не могла спать. Я устала от всего…
ФЕННЕДИ: И куда же ты ходила?
СИНТИЯ: В… в парк, в Лебяжий парк. Там я… прогулялась.
ФЕННЕДИ: Ты не была где-нибудь за городом, в уединенном месте, в одном из заброшенных хуторов… чтобы снабдить сына всем необходимым?..
СИНТИЯ: О чем ты? Как я могла бы? Рой ведь в Луисвилле!
БАРКЕР: Она ничего не знает, Джордж.
СИНТИЯ: О чем?
БАРКЕР: Рой не доехал до Луисвилла.
СИНТИЯ: О… Боже…

Звонит телефон.

ФЕННЕДИ: Возможно, какие-то новости. (*Снимает трубку; он почти управился с посылкой.*) Алло. Феннеди слушает. Что вы хотели –? Госпожу Феннеди?

(*С угрозой глядит на нее, медленно, неохотно передает ей трубку; затем смотрит на нее, снедаемый сомнениями и недоверием; Синтия медлит несколько секунд перед тем, как поднести к уху трубку.*)
СИНТИЯ: Госпожа Феннеди слушает. Да. (*Пауза.*) Да. (*Пауза.*) Да. (*Пауза.*) Я… да. (*Медленно кладет трубку на аппарат.*)
ФЕННЕДИ: И кто же это был? Может быть, директор прачечной собственной персоной, чтобы еще раз принести извинения?..
СИНТИЯ (*вопрос доходит до нее, и по сравнению с ее страхом за Роя он кажется ей несущественным*): Рой не приехал… в Луисвилл?
БАРКЕР: Нет. Поэтому они и звонили, из школы.
СИНТИЯ: И больше они ничего не знают?
БАРКЕР: Нет, больше они ничего не знают.
ФЕННЕДИ: Милая комедия, не часто увидишь. Я чуть было не клюнул. Ты ничего не знаешь, а? Правда, когда ты только что притворилась испуганной, я опять засомневался. До телефонного разговора. Отвечай! Кто это был? Может быть, опять прачечная?
СИНТИЯ (*не напуганная вопросом, который кажется ей ничтожным по сравнению с фактом, что на нее давят, а Рой исчез*): Да, из прачечной. Он нашел список потерянного.
ФЕННЕДИ: Мне что, за тобой слежку установить?
БАРКЕР: За твоей собственной женой!
СИНТИЯ: Я не знаю, где Рой.
БАРКЕР: Она правду говорит.
ФЕННЕДИ: Он неподалеку отсюда, я тебя уверяю. Меня не удивит, если две эти кражи автомобилей, одна вчера вечером, вторая – рано утром, обе на краю города – его рук дело. (*Синтии:*) Больше мне сказки не рассказывай. (*Пауза.*) Я его выслежу. (*Пауза.*) Нет, не сейчас. Пусть идет навстречу своей судьбе. (*Пауза.*) Но если он осмелится появиться тут, я его посажу в «черный воронок», затолкаю в поезд в наручниках и отправлю назад в Луисвилл. Но под охраной… И если я замечу, что ты его прикрываешь…
СИНТИЯ: Господи, если бы я могла…

Между тем Феннеди торопливо и почти не глядя снимает обертку посылки, достает продолговатую картонную коробку. Открывает ее, удивленно разглядывает содержимое. Вытаскивает из коробки довольно большой, обугленный сверху деревянный крест. На верхушке креста прикреплен белый капюшон Ку-клукс-клана. Рассматривает предмет. Молчание. Снова заглядывает в коробку. На пол падает листок бумаги.

БАРКЕР (*поднимает листок*): Письмо. (*Передает его Феннеди.*)
ФЕННЕДИ (*читает вслух*):
Феннеди с деревянной башкой
Знает, что это за крест такой.
Дружок черномазых, католик и жид
Пусть каждый за жизнь свою дрожит.

Души и насилуй, черный, сейчас,
Пока не наступит расплаты час.
Дружок черномазых, пылающий крест
Увидишь у дома под пламени треск.

БАРКЕР: Мальчишки хулиганят.
ФЕННЕДИ: Думаешь?
БАРКЕР: Не та собака кусает, что лает.
ФЕННЕДИ (*саркастически*): Нет, это я знаю. Не так страшен черт, как его малюют. Однако не хочу, чтобы этот черт меня в своем котле сварил. (*изучает упаковку, коробку и т.* д.)
БАРКЕР: Уж не адрес ли отправителя ищешь?
ФЕННЕДИ: Написано от руки. (*Рассматривает стишок; затем изучает почтовый штемпель:*) Отправлено отсюда, из города, вчера днем. (*Смотрит внимательнее:*) О, это небольшой филиал. Если поспешим, может быть, что-нибудь у тамошнего служащего узнаем, если не было давки и он еще помнит посылку.
БАРКЕР: Ты за тенью гонишься. Десять против одного, что это работа какого-нибудь придурка, или школоты, и клан тут ни при чем. Клан стишков не рассылает.
ФЕННЕДИ: Никогда с уликами не согласен, а? Но с этой-то?
БАРКЕР: Ищи, если есть желание. Никого не волнует.
ФЕННЕДИ: Серьезно ли это или просто грязная шутка, чтобы меня позлить, я в этом разберусь. Подобные вещи бывают почти всегда непостижимы… Но попадись они мне… Сразу пойду в филиал, нет, сперва в экспертное бюро. (*Собирает обертку и прочее.*) Ты со мной?
БАРКЕР: Да ради бога. (*С сомнением:*) В этой одежде?
ФЕННЕДИ: Какая разница? Мы по большей части сидим в машине. (*выходит перед Баркером, оба уходят*)
СИНТИЯ (*подходит к серванту или буфету. Прислоняется к нему. Трогает ящик. Снова выходит на середину. Смотрит в зал. Сцена пронизана сильным напряжением, но жесты, движения глаз и голос Синтии должны ясно показывать, что она из всех сил пытается подавить эмоции: движутся только пальцы, глаза почти постоянно опущены – ни в коем случае не устремлены вверх, а монолог произносится хриплым шепотом, особенно его начало*): Матерь Божья. Прости мне мои грехи. (*Пауза.*) Я не знаю, где он. (*Пауза. Поворачивается, снова подходит к серванту или буфету, словно внезапно что-то вспоминает. Открывает ящик, вынимает длинный острый нож. Поворачивается не полностью к центру, но останавливается примерно на полпути.*) Мария, святая Матерь Божья. (*Очень короткая пауза.*) Веди мою руку. Благослови его. Благослови этот нож. Даруй мне силы, Матерь Бо– (*эмоции захлестывают ее, но прежде, чем она может выразить это пластикой, упав на колени, нож падает*)

ЗАНАВЕС

Антракт

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Бедно обставленная контора в городской тюрьме. На грубом деревянном столе большая, старая пишущая машинка. Торто заканчивает печатать текст. Сложение и облик у него грубые, он гораздо старше Петрида, сидящего на стуле недалеко от стола. Петрид высокий и худощавый – не слишком худой – и очень привлекательный: такие искушенные красавчики нередко бывают жестоки. Избалованный и самонадеянный, но с неотразимым, мальчишеским шармом. Он поигрывает, хотя не слишком напоказ, тонким и гибким ротанговым прутом. Его ни за что нельзя изображать извращенцем или дегенератом, напротив, он должен производить весьма здоровое впечатление: и смотреть на него, и слушать его голос должно быть приятно. Оба, Торто и Петрид, оснащены атрибутами власти и грубой силы: портупея, кожаные штаны, сапоги и т. д., которые подчеркивают красоту Петрида, но Торто делают только непривлекательней и грубее. Петрид время от времени кокетливо сдвигает на макушку форменную кепку. Они пьют виски, наливая из припрятанной бутылки. Вокруг стоят невинные лимонадные бутылочки.

ТОРТО (*вынимает лист из машинки*): Не стану делать его длиннее. (*Рассматривает лист.*) Нет, мне еще надо… погоди… (*Снова вставляет лист в машинку, сражается с копиркой и копиями.*)
ПЕТРИД: Шеф, знаете, что меня поражает: что вы печатаете двумя пальцами.
ТОРТО: Я восемью или десятью пальцами никогда не учился. Мог, конечно, легко научиться. Однако говорят, что учиться обременительно, если уже давно привык двумя пальцами печатать. (*пауза*) А ты, Петрид, совсем печатать не умеешь.
ПЕТРИД: Ваша правда, шеф.
ТОРТО (*читает*): Я, Алоизис Сагиттариус, сорока одного года…
ПЕТРИД: Откуда эти черножопые всегда такие дурацкие имена берут, не понимаю. Звучит как из книжки по ботанике, или про бабочек. Сагиттариус. Я думал, что это каким-то боком к предсказаниям относится или что.
ТОРТО: Вполне возможно. Что до меня, он может сам себе карты раскинуть. То-то напугается. (*короткая пауза*) Но как его зовут, Сагиттариус или Черножопус Антрацитус Углежогус…
ПЕТРИД: Гореть ему, это верно, шеф.
ТОРТО (*читает дальше*): сорока одного года, разнорабочий… Слышь, Петрид, а ведь славно же, разнорабочий? (*Склоняется над машинкой, читает, при необходимости передвигая лист.*)
ПЕТРИД: Это всегда хорошо.
ТОРТО (*читает*): Проживающий в Садвилле, Лоу Каунти Вест, 23, улица Попрошаек, второй этаж.
ПЕТРИД: Звонить тринадцать раз, прищепку на нос и смотреть куда ступаешь.
ТОРТО (*читает*): В ночь с субботы двадцать пятого июня на воскресенье двадцать шестого июня тысяча девятьсот тридцать второго года, в полночь или

около полуночи, я находился на участке или возле него, под названием Дерево Мертвеца.
ПЕТРИД: Однако, шеф… Этот Сагиттариус же не написал бы такое сам, всеми этими словами?
ТОРТО: Э? Нет, конечно, поэтому я за него и пишу. Он сам бы вообще ничего писать не стал. Он всеми святыми клянется, что ничего такого не делал.
ПЕТРИД: Верные ваши слова, шеф.
ТОРТО: Значит, так. (*Читает:*) Я увидел там белую даму женского пола.
ПЕТРИД: Шеф…
ТОРТО: Да?
ПЕТРИД: Дама ведь всегда женского пола?
ТОРТО: А я что, возражаю? А, да, вижу, что ты имеешь в виду. А что тогда нужно написать?
ПЕТРИД: Или «дама», или «лицо женского пола». Напишите просто «дама».
ТОРТО: Я не могу ничего менять. Тогда придется всё заново. Почему нужно именно так? Ты сам только что говорил, что не нужно, чтобы красиво и прилично.
ПЕТРИД: И тут ваша правда, шеф. Очень хорошо. Читайте дальше, пожалуйста. Становится интересно.
ТОРТО: Я заговорил с вышеупомянутой белой дамой.
ПЕТРИД: Сукин сын! Я бы им всем эти дела пооторвал.
ТОРТО: Она стала сопротивляться.
ПЕТРИД: Но шеф!..
ТОРТО: Ну что опять?
ПЕТРИД: Вы переходите от того, как он с ней заговорил сразу к «она стала сопротивляться». Я имею в виду –
ТОРТО: Господе Исусе, ну это же совершенно понятно. Мы тут не на… не на конгрессе языковедов.
ПЕТРИД: Разумеется, нет, шеф, но я только хочу сказать: сначала идет: «Я с ней заговорил». А потом сразу: «Она стала сопротивляться». Это как вообще?
ТОРТО: Мне, так-перетак, опять всё переделывать. (*Пауза.*) Как это, черт возьми, понятнее подать? Так сразу станет ясно, что для них «заговорить» и «пристать» – это одно и то же.
ПЕТРИД: Со-вер-шен-но верно.
ТОРТО (*читает*): Я схватил ее, имея целью принудить к телесному соитию.
ПЕТРИД: Как вы это, однако, хладнокровно умеете описать, как вот тут, шеф! Это всё обычные слова, это каждый видит, но как вы тут их записали, в точности как надо: как пламенем охваченный.
ТОРТО (*читает*): Поскольку она продолжала сопротивляться и звала на помощь…
ПЕТРИД: Господи боже мой. Черная горилла.
ТОРТО (*читает*): Я схватил ее за горло и задушил. (*Пауза.*) (*Читает:*) Когда я увидел, что она не подает признаков жизни, я хотел припрятать ее тело и потащил в направлении водосточной канавы.
ПЕТРИД: Но у него не всё пошло гладко. Боже всемогущий…

ТОРТО: Я услыхал шум, оставил свои попытки и убежал. Я поднял туфлю, упавшую с ее ноги, и куда-то ее закинул, больше не помню куда.
ПЕТРИД: Ах, шеф, как вы всё это продумали, насчет туфли и прочего…
ТОРТО (*читает*): Я признаюсь, что виновен в нападении на вышеупомянутую белую даму и в убийстве оной, фото каковой дамы были мне предъявлены и которые я узнал, и которая, как было мне сказано, является Фоллисберг, Андреа, не замужем, 17 лет, не работающей, проживающей в Садвилле. (*Заканчивает читать:*) Так, теперь ему нужно только подписать: С моих слов записано верно. Дата, подпись: Алоизис Сагиттариус.
ПЕТРИД: Десагиттируют его.
ТОРТО: Времени у нас еще предостаточно. Попробуем завтра вечером получить его подпись.
ПЕТРИД: Это так называемая целевая дата.
ТОРТО: Завтра вечером мальчики должны получить от меня сообщение. Им нужен день или около того, чтобы подготовить акцию. (*Пауза.*) Очень мне охота пойти навестить его.
ПЕТРИД: Хорошая идея, шеф. (*Кривляясь:*) Мы из клуба ваших поклонников, за автографом.
ТОРТО (*хмыкает*): Еще решит, что стал знаменитым поп-певцом.
ПЕТРИД (*любуясь собой*): Вы же не думаете, шеф, что он вот так возьмет и подпишет, или?..
ТОРТО: Может, подпишет. Может и нет.
ПЕТРИД (*задумчиво*): Сразу не подпишет.
ТОРТО: Может быть, он достаточно тщеславен и захочет сперва пару песенок нам исполнить.
ПЕТРИД: Да…
ТОРТО: До завтрашнего вечера еще куча времени. У нас целый день, целый вечер и целая ночь, если понадобится, и завтра еще целый день. Может петь, пока не осипнет.
ПЕТРИД: Пока мы такт отбиваем! (*Встает, берет прут и бьет себе по бедру.*) Ай! (*Потирает больное место, хватает воздух с искаженным лицом и стиснутыми зубами.*) Отличный материал!

ЗАНАВЕС

Конец второго действия

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Химчистка, утро среды.

БОББИ: И ты только сейчас мне рассказываешь! Вчера я ни единого долбаного словечка из тебя выдавить не мог, утром тоже нет… и даже о матче ни сло-

ва… Я себе подумал, ошибся он, насчет имени-адреса той бабы, но не хочет, чтобы это всплыло… так я подумал. Хорошенький план, но со звонком это натурально ничем не кончилось, так я себе подумал.
ЛАРРИЯ: Просто я не такой болтливый, как ты. Я умею язык за зубами держать.
БОББИ: Да, похоже на то. Но почему мне нельзя было ничего знать?
ЛАРРИ: Кто ничего не знает, тот и не проболтается.
БОББИ: Но теперь же ты мне рассказываешь. На то у тебя причина должна быть. Скажешь, нет? Для чего-то я же тебе нужен.
ЛАРРИ: Кто знает.
БОББИ: То есть ты ей позвонил в понедельник вечером. Из Коттон-сити. Сразу после матча.
ЛАРРИ: Да.
БОББИ: Я бы сказал, это чертовская удача, что это та самая госпожа Феннеди, которая тебе нужна.
ЛАРРИ: Нет… я с самого начала был уверен в своем деле. Что-то мне в глубине души говорило, что это именно она. И я знал, что на колени ее поставлю. (*Пауза.*) И я это сделаю. Я сразу с ней по делу, когда она начала делать вид, что не понимает, о чем я… просто хорошенько поднажал… Но это, наверно, из-за матча, который я упустил.
БОББИ: Это был потрясный матч, ты говорил.
ЛАРРИ (*задумавшись, вспоминая пережитое, снова отчасти возбуждаясь*): Это был отличный матч. Как сейчас вижу, как они стоят в меловом баке и ножками перебирают и переглядываются, и я себе подумал: ничего сказать не могу. Но когда это началось… мать, мать! Спервa Сахарный Тростник слева выскакивает, э, и я думаю, это для виду, потому что сейчас он ему выдаст по первое число, ан нет, гляди-ка! Все в зале думают, что насквозь его видят, но что происходит? Он просто притворялся, что сделает, сечешь, и вот этого никто не ожидал! Этот Черный Коврик, вот он плюху получил! Я сразу подумал: плакали мои монеты, это уже было просмотрено в первую минуту, представь себе! Но нет! Он, конечно, на ладан дышит, этот Черный Коврик, но это просто чтобы отдышаться. Судья отсчитывает: семь… восемь, девять… Он встает, снова отшатывается, и тут начинается, я тебе скажу! Первый раунд: ничья. Второй раунд: ничья. Я думаю: тогда по пунктам будут засчитывать, это, конечно, тоже здорово может быть, хотя… но сразу же после гонга он уже подныривает, он скачет…
БОББИ: Кто?
ЛАРРИ: Черный Коврик! Он просто его перед собой уделывает. Слышь, вообще, это было, будто он коврик выколачивает, ей-богу… Перед тем как его в угол загнать, он его уже повалил. Считать уже смысла не имело, сразу было видно. Это было что-то. Я пожалел, что не взял место в первом ряду.
БОББИ: И тогда тебе сразу же захотелось разобраться с этой госпожой Феннеди, а? Ты не подумал, что она такая крепкая штучка может оказаться?
ЛАРРИ: В первый раз была тихая, как мышка.

БОББИ: А вчера вечером с тобой всё могло скверно кончиться. Кабы не был ты такой юркий, лежал бы уже в мертвецкой.
ЛАРРИ: Да ничего уж такого ужасного и не было. Любительская работа. Хотя тот нож был неслабый. Ты за дверью присматриваешь?
БОББИ: Да. (*Ларри достает нож.*) Лезвийце основательное.
ЛАРРИ: Сука чокнутая.
БОББИ: Однако я в следующий раз буду поосторожнее. Кто ее знает, что она еще притащит.
ЛАРРИ: Я тоже не пальцем деланный. (*Убирает нож.*) Я себе кой-чего приобрел, чтобы предусмотреть все сюрпризы. (*Достает из-под прилавка какой-то предмет, завернутый в дождевик; разворачивает и показывает новенький револьвер.*)
БОББИ: Господи Исусе, что ты хочешь с ним делать? (*Преисполненный почтительного страха и восхищения перед оружием.*) Я бы на твоем месте был поосторожнее. Если опять дойдет до потасовки, он выпалит в твое же брюхо.
ЛАРРИ: Если ты в следующий раз пойдешь со мной, можешь иметь эту штучку при себе.
БОББИ: Что? Я? С тобой? Не думаю.
ЛАРРИ: Тебе и делать ничего не надо будет. Только быть поблизости и смотреть, чтобы не возникло осложнений.
БОББИ: Мне ничего не надо будет делать, э? И мне определенно ничего ловить не надо, э?
ЛАРРИ: Тебе не обязательно работать даром.
БОББИ: Даром только птички поют. Итак, что получаю я?
ЛАРРИ: Уж не поскуплюсь.
БОББИ: А сколько ты с нее запросил? Тысячу долларов, ты сказал?
ЛАРРИ (*мешкает*): Э-э… да, тысячу долларов.
БОББИ: Не так уж и много. Я больше запросил. И ты уже от нее двести получил, э? Так что ты должен еще восемь сотен иметь.
ЛАРРИ: Если пойдешь со мной вечером, получишь половину. Четыре сотни.
БОББИ: С каких это пор полтыщи это четыре сотни? Ты хочешь сказать, пять сотен! Делим по-честному!
ЛАРРИ: Ты что-то уж больно лихой.
БОББИ: Я не пыльным мешком треснутый, если ты это имеешь в виду. Пять сотен?
ЛАРРИ: Ладно тогда, пять сотен. Если идешь со мной и делаешь в точности то, что я скажу.
БОББИ: Тогда дай мне сперва небольшой задаток.
ЛАРРИ: Что?
БОББИ: Половину двух сотен, которые ты уже получил.
ЛАРРИ: Подобной жадности я в жизни не видывал. Кто весь план придумал, а? Кто заметил, что тут есть чем поживиться, а? Кто эту бабенку раскусил? Ты же не будешь тут рассказывать, что это ты что-то заметил, или как? Ты точно так же, как и я, слышал, что легавый сказал, и смокинг этот прямо

под сопаткой у тебя был, и весь так кровищей был заляпан, и всё равно ты ничего не заметил.
БОББИ: Если ты предпочитаешь идти один, чтобы тебя на вилы поддели… Нет, думаю, я тебе понадоблюсь. Было бы куда лучше, если я эту сучку скручу, чем оставлю ее в твоих лапах, которые у тебя от нервов трясутся. Давай гони мне эту сотню.
ЛАРРИ (*в ярости*): Трясутся, говоришь, а?
БОББИ: Попридержи коней. Ты без меня не справишься. Будешь раскошеливаться или что?
ЛАРРИ: Держи. (*Дает ему деньги.*)
БОББИ: Премного благодарен. На какое время договорились? Опять на полпервого? Между двенадцатью и часом духи бродят.
ЛАРРИ: Я ей утром звонил из телефонной будки. Говорит, в этот раз так поздно не сможет. Так что условились на полдесятого.
БОББИ: Снова в парке? Не шухерно?
ЛАРРИ: Верняк. Там никого, и слышно, если кто будет подходить… (*Пауза.*) Вот интересно, а если она опять какую глупость себе в голову забрала… Я ей сегодня днем еще позвоню, нагоню на нее страху!..

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ВТОРАЯ

Кухня-столовая, полдень того же дня. Входят Баркер и Синтия. Баркер держит в руке шляпу, не зная, куда ее положить. Синтия забирает у него шляпу.

БАРКЕР: Неважно выглядишь, Синтия. Ты должна пытаться быть сильной. То, что от Роя нет новостей, еще не говорит о том, что с ним что-то случилось. Отсутствие новостей – хорошая новость… это верно сказано… Может быть, он в армию записался, или на корабль нанялся, или просто нашел себе работенку…
СИНТИЯ: Никто не знает, что ты здесь, или как?
БАРКЕР: Нет, Джордж в главной конторе. Сильно занят.
СИНТИЯ: А есть ли вероятность, что он всё-таки сюда зайдет?
БАРКЕР: Нет, точно нет. Но что я могу для тебя сделать? Я несколько испугался, когда ты позвонила и попросила немедленно прийти. Ты звучала так, как будто кто-то умирает.
СИНТИЯ: Ты точно уверен, что сюда не придут? Не то придется немножко проехаться за город.
БАРКЕР: Нам никто не помешает. Джордж с головой ушел в работу. И уже давно занимается не только этим убийством. Тут что-то назревает, во всем районе. Мы с разных сторон получили предупреждения, телефонные звонки, что готовится какая-то акция. Миль за десять отсюда видели, как кто-то тащил большой деревянный крест, обернутый в тряпки, пропитанные керо-

сином… Джордж и бургомистр Шип непрерывно обсуждают… Все немножко вздернуты. Но… Господи боже мой, что же ты такая бледная… рассказывай… в чем дело…
СИНТИЯ: Баркер… меня шантажируют.
БАРКЕР: Что? Шантажируют? Тебя? Ты с ума сошла? Кто может тебя шантажировать?.. (*Пауза.*) Это ведь не прошлое, о котором Джордж не знает?
СИНТИЯ: Нет ничего в прошлом, о чем он не знает.
БАРКЕР (*помедлив, в высшей степени тактично*): Синтия, тебе не нужно мне в деталях рассказывать, если у тебя что-то такое… связь я имею в виду или что-то в этом роде… кстати, я ни в коем случаю не стал бы тебя осуждать, не такая уж прекрасная жизнь у тебя была – (*Пауза.*) Но кто пытается шантажировать *тебя*? Поверь, я его сцапаю, клянусь. (*Пауза.*) Но ты же не была настолько глупа, чтобы заплатить?
СИНТИЯ: Двести долларов. Всё, что смогла собрать.
БАРКЕР: Но ты записала номера банкнот?
СИНТИЯ: Нет.
БАРКЕР: Вот это ты сглупила. Я хочу сказать, жаль. Синтия, ты, право, можешь не рассказывать мне всё, скажи только… в самых общих чертах… о чем речь. Я уверен, что ты позволила себя напугать из-за сущей ерунды.
СИНТИЯ: Баркер, но ты ведь поможешь мне? Ты обещаешь?
БАРКЕР: Что за вопрос. Разумеется, я тебе помогу. Но у тебя такой вид, словно тебе завтра на плаху. Не может это быть настолько серьезно.
СИНТИЯ: Правда куда серьезнее, чем ты предполагаешь. Ты мне поможешь?
БАРКЕР: Мое обещание, мое слово – этого ведь достаточно. А теперь вперед, давай, рассказывай.
СИНТИЯ (*с трудом*): Это было днем в понедельник, в химчистке… (*Пауза.*)
БАРКЕР (*с доброжелательным пониманием*): Да, ты ходила за покупками в городе. И тогда ты кого-то встретила, и он попросил тебя пойти с ним…
СИНТИЯ: Нет! Нет!
БАРКЕР: Но что же тогда?
СИНТИЯ: Ты ведь помнишь субботу, поздний вечер, когда ты был у нас? Тогда еще был дождь.
БАРКЕР: Как не помнить. Для Джорджа это был решающий вечер.
СИНТИЯ: Я не о Джордже. Ты помнишь, в каком виде Рой пришел домой?
БАРКЕР: Конечно. Пьяный в хлам. (*Соображая:*) О, он в ту ночь еще что-нибудь отмочил? Причинил убытки, и с тебя денег хотят слупить? Для этого нанимай адвоката. Не позволяй загнать себя в ловушку и ничего не подписывай. Хочешь, чтобы я этим для тебя занялся? (*Она не реагирует, и из этого он делает вывод, что его описание более-менее верно. С облегчением:*) Эй, я-то думал, что тут дело серьезнее обстоит.
СИНТИЯ: Но ради всего святого, послушай же! Слушай, если не хочешь, чтобы я с ума сошла! Ты помнишь, как Рой выглядел?
БАРКЕР: Довольно помятым, да. Я бы сказал, побывал в переделке.
СИНТИЯ: Ты помнишь его одежду… Его лицо?

БАРКЕР: Он побывал под дождем и выглядел весьма запачканным, как я уже и сказал. Но ты это к чему? Ты только что говорила о магазине, в который заходила… в химчистку, ты сказала. Она тут при чем?
СИНТИЯ: Тот вечер, та ночь… это была ночь убийства.
БАРКЕР: Да, я знаю. Синтия, пожалуйста, не говори загадками и обрывками. К чему ты это завела про химчистку?
СИНТИЯ: Потому что я отнесла туда смокинг Роя. Он был запачкан. И пуговица оторвана…
БАРКЕР: Пуговица оторвана… (*Его реакция еще совершенно нейтральная; полубессознательно он начинает, однако, ассоциировать упомянутую пуговицу с другой; у него еще нет ни малейшего подозрения.*)
СИНТИЯ: Когда я услыхала в химчистке разговор о найденной пуговице… и что полиция пытается выяснить, откуда эта пуговица, я решила как можно быстрее забрать смокинг назад. Я пошла в мастерскую и спросила смокинг. Его еще не чистили, поскольку я принесла его всего несколько часов назад. Когда его мне завернули, вошел сыщик Патрик. Зачем он заходил, я не знала, но в тот же вечер мне позвонили из химчистки…
БАРКЕР (*ему всё это кажется глупым, но он терпеливо слушает*): О, это был тот самый телефонный разговор, который имел в виду Джордж?
СИНТИЯ (*кивает*): Служащий сказал по телефону, что у него, возможно, имеется пуговица для смокинга, но это очень дорогая пуговица…
БАРКЕР: Но что это за дурацкий детективный роман?.. Что застряло у тебя в мозгах, в голове твоей глупой?..
СИНТИЯ: Я потом еще слышала, как вы обсуждали другие частности. Черная одежда, возможно, вечерний костюм. Запачканный грязью, пуговица оторвана, старомодная пуговица…
БАРКЕР: Да, но как ты дошла до… связать это всё… тебя преследуют навязчивые видения, кошмары…
СИНТИЯ: Лицо в царапинах!
БАРКЕР: Он прежде никогда не приходил с расцарапанным лицом?
СИНТИЯ (*медленно*): Да, но еще никогда с белой женской туфлей в кармане! (*Пауза.*) Она всё еще у него! Он оставил ее у себя! Забрал с собой!
БАРКЕР: Он… (*Сидит, раздавленный, затаив дыхание, широко раскрытыми глазами смотрит перед собой. Заметно, что его обуревают мысли. Он остается беззвучным и неподвижным. Прислушивается к словам Синтии, но собственные размышления, отчаянно ищущие выхода, с бешеной скоростью сменяют друг друга.*)
СИНТИЯ (*внешне невозмутима*): Это наказание. Я грешила. (*Пауза. Голос не жалобный. Выражение лица ровное, словно она описывает нечто очень далекое от нее. На Баркера не смотрит. Тот малопонятными, отклоняющими жестами пытается дать ей понять, чтобы она не мешала его отчаянным попыткам думать и не начала обсуждать вещи, не имеющие отношения к ужасной проблеме, представшей перед ним.*) Я знала уже тогда, как только мы поженились. Тогда я знала, что он начал ненавидеть меня за то, что я по-

мешала его карьере. Но еще больше он потом ненавидел ребенка, которого рассматривал как источник всех его несчастий. (*Пауза.*) О, уже тогда находились люди, уже в те годы, они советовали мне вырваться, они говорили, что я должна уйти от него, с ребенком, как можно дальше… и предлагали мне всяческую помощь… я этого не сделала… Я осталась… почему? Потому что тогда питала еще какую-то надежду? Думаю, что я тогда… еще любила его… (*Пауза.*) Но я видела, как растет его ненависть, по мере того как подрастал ребенок… непримиримая ненависть, исполненная низости, ненависть, которая задушила всё, что еще оставалось в нем хорошего и благородного… Но я думала, я надеялась… по-прежнему продолжала надеяться, что эта ненависть не останется навсегда, но уменьшится и исчезнет, наконец, когда ребенок вырастет и он узнает в сыне себя… Напрасные, напрасные надежды… Но я также решила, что второго ребенка не будет. Поскольку я думала: одного ребенка, Роя, я всегда смогу защитить от его ненависти, смогу присматривать за ним и оберегать его. Но не больше. Видишь, я так думала… дура я была… и я начала грешить, чтобы больше не зачинать… детские души… я убивала… В грехе, по собственной доброй воле я это делала… А теперь приходит расплата… наказание… теперь и его у меня отнимают, я вижу… Нет! Нет! (*Негромко:*) Святая Богородица, смилуйся!..

БАРКЕР: Джордж что-нибудь знает, подозревает?

СИНТИЯ: Нет, он никогда ничего про это не знал, никогда ничего не знал про мои посещения всяческих безработных докторов…

БАРКЕР: Что? Я не то имею в виду. Знает он про ту субботу, про… про туфлю?

СИНТИЯ: Нет, он ничего не знает.

БАРКЕР: Уже кое-что. Одному богу известно, что он со своей дурной башкой еще мог бы натворить. Мы должны… сохранять спокойствие. Когда ты это рассказала, меня словно волной смыло, словно почва из-под ног ушла… Если мы свой здравый смысл не растеряем… (*Рассуждает с сильнейшим усилием:*) Может ли всё оказаться иначе, нежели мы думаем? (*Пауза.*) Рой тебе рассказал, что натворил?

СИНТИЯ: Нет…

БАРКЕР: Помоги мне думать дальше. Дай мне знать, если я скажу что-то безрассудное, лишенное смысла… У меня голова лопается… Давай допустим, что он был с той девушкой, они повздорили, что он слишком крепко ее схватил, что, в сущности, это был просто несчастный случай… Это может быть. Такое случается. Девичьи шейки ведь тонкие, как у птички… порой мужчина в ярости хочет хорошенько встряхнуть жену, но не знает, как мало для этого нужно сил. Когда его большие пальцы ложатся на роковое местечко… и когда глаза застилает черная пелена, он держит в своих руках обмякшее, безжизненное тело… (*Снова оставляя надежду.*) Нет… не надейся, что судебная комиссия поверит в такое. И кому бы не хотелось увидеть падения комиссара Джорджа Феннеди?.. (*Пауза.*) Дело усложняется тем, что мы не знаем, где он… ничего не можем предпринять для того, чтобы, на-

пример, он исчез из страны… (*Длинная пауза.*) Дальше думать, дальше. Мы должны сохранять спокойствие. Совершенное спокойствие. Нет ли какой-нибудь другой возможности? (*Пауза.*) Разве… совершенно невероятно, что он невиновен? Что эту туфлю он где-то нашел и подобрал?..
СИНТИЯ: Возможно ли это, Баркер… возможно ли?..
БАРКЕР: Погоди, спокойно, пожалуйста, давай попробуем думать спокойно…
БАРКЕР: Но пуговица…
БАРКЕР: Мы должны… мы должны собрать всё наше мужество. Нужно посмотреть правде в глаза, какой бы она ни была… Смокинг здесь?
СИНТИЯ: Да.
БАРКЕР: Какой у Роя размер обуви?
СИНТИЯ: А что… Девятый.
БАРКЕР: Кожаные подошвы?
СИНТИЯ: Кожаные подошвы?..
БАРКЕР: Какие на нем были туфли в ту ночь?
СИНТИЯ: Его черные, черные лакированные полуботинки. Они еще здесь.
БАРКЕР: Кожаные подошвы?
СИНТИЯ: Да, кожаные подошвы.
БАРКЕР: Принеси их. И смокинг. И еще мне нужен сантиметр. Быстро, принеси всё, что я говорю. Мне нужно позвонить.
СИНТИЯ: Кому?
БАРКЕР: Хватит болтать. Предоставь это мне. (*Достает записную книжку и карандаш, держат их наготове, набирая номер, Синтия уходит.*) Это Баркер. Главного патологоанатома, пожалуйста. Спасибо. Да, я подожду. (*Пауза.*) Что? Его нет? Да, тоже хорошо, тогда давайте его. (*Пауза.*) Здравствуйте, это Баркер. Я хотел бы еще узнать… точные размеры отпечатков ноги у Дерева Мертвеца, и из чего предположительно изготовлена подошва. Все детали, будьте любезны. Да! Секундочку! И приложите также описание пуговицы, ладно? Диаметр, толщина. Цвет, количество отверстий. Что? Но ведь у вас есть снимки? Нет? (*Пауза.*) Нет, нет. Но я тоже кое-что разыскиваю… вполне возможно, что это ложный след, но на всякий случай… поищите данные, пожалуйста… я подожду. Что вы сказали? Что?! Больше не нужны? Почему не нужны? Что вы имеете в виду? Что? (*Пауза; недоверчиво, с изумлением:*) Но как это возможно – полное – (*Пауза.*) Составлен и подписан… Господи… (*Пауза; время от времени кивает; смотрит перед собой, пытаясь переварить полученную им новость; борется с тяжким сомнением; собеседник снова пробуждает его от мрачных раздумий:*) Э-э… на чем я остановился? Я брожу по городу. Да, разумеется, зайду! Да! До скорой встречи! (*Медленно и задумчиво кладет трубку; некоторое время стоит без движения; лицо напряженное, жесткое и серьезное; затем делает движение, из которого явствует, что он принял услышанное к сведению, и выражение хмурого сомнения исчезает с его лица:*) Синтия! Синтия! (*Выходит Синтия с ботинками и смокингом; Баркер выхватывает их и швыряет на пол.*) Глупая девчонка! Глупая Синтия! Ни за что ни про что напугала меня! Арестованный сознался! Вот так

новость! Негр сделал это! Дело закрыто! (*Отечески обнимает ее, некоторое время бережно держит в объятиях.*) Детка, детка! (*Похлопывает ее по спине; Синтия со слезами в глазах садится.*) А ты хотела позволить спокойно себя шантажировать! (*Смеется.*) Теперь расскажи мне всю историю. Теперь это просто забавно. Кто этот служащий из магазина? Сыщику Патрику он ничего рассказать не мог, тогда это было бы зафиксировано в досье. Но между тем он облегчил твой карман на двести долларов.

СИНТИЯ: Да.

БАРКЕР: Где? Когда?

СИНТИЯ: В Лебяжьем парке. Он заставил меня договориться о встрече в понедельник вечером, в тот же самый день, когда позвонил. Потребовал две тысячи долларов.

БАРКЕР: Какая храбрость! Так, значит, ты поэтому ходила в парк той ночью. Но Джордж тебе не поверил. А потом…

СИНТИЯ: Он назначил новую встречу, на следующую ночь.

БАРКЕР: И ты опять туда отправилась… Джордж за тобой не увязался?

СИНТИЯ: Я сначала просто пошла в постель. Притворилась, что сплю…

БАРКЕР: Но разве он так крепко спит, чтобы не заметить, что ты встала с постели?

СИНТИЯ: Его спальня в другом конце коридора.

БАРКЕР (*тактично*): Ах, во оно что… То есть он не заметил?

СИНТИЯ: Нет… Да и я по коридору не пошла… я вылезла через окно над кухонным навесом, а потом спустилась по плющу, это не высоко…

БАРКЕР: Браво! Но тогда, в парке, там ты без боя взяла да и отдала двести долларов…

СИНТИЯ: Я прихватила с собой нож.

БАРКЕР: Так-так, дальше!

СИНТИЯ: Я хотела ударить его, но он оказался ловчее и сильнее меня. Он отнял нож.

БАРКЕР: Просто фильм о Диком Западе. Дальше…

СИНТИЯ: А дальше ничего. Сегодня вечером я снова должна встретиться с ним в парке. Он опять хотел назначить в полночь, но я побоялась, что Джордж заметит, так что мы договорились пораньше, на половину десятого. Я сказала Джорджу, что пойду в кино, немного отвлечься…

БАРКЕР: Ну и кино у тебя!.. И сегодня вечером, стало быть, он ожидает остальных денег. Ты собиралась пойти? Но где же ты раздобыла эти деньги?

СИНТИЯ: Вот поэтому я попросила тебя прийти сюда. Хотела попросить о помощи… одолжить денег где-нибудь… в крайнем случае под залог этого дома, он выплачен, и это наша собственность…

БАРКЕР: Очень ловкий ход, но без подписи Джорджа ничего не получится.

СИНТИЯ: Мне в любом случае больше не нужно туда идти.

БАРКЕР: Не нужно идти! Рассказать тебе, что нужно сделать? Ты пойдешь! Но ты пойдешь не одна! (*Звонит телефон.*) Мне взять?

СИНТИЯ: Нет, это мне. Джорджу днем сюда не звонят.

БАРКЕР: Эй! Если это тот тип, притворись, что перепугана до смерти. Он не должен ничего заметить! Я его повешу, крысу грязную! Сними трубку!
СИНТИЯ (*снимает трубку*): Госпожа Феннеди. (*Кивает Баркеру:*) Да. Я приду. Да, точно. (*Кладет трубку.*)
БАРКЕР: Это… он?
СИНТИЯ: Да. Он… опять меня напугал… Хотя причины уже больше нет…
БАРКЕР: Что он сказал? Наверняка опять пытался страху на тебя нагнать?
СИНТИЯ: Да. Если у меня вечером не будет при себе денег, он известит полицию, так он сказал. У него кончилось терпение.
БАРКЕР (*улыбнувшись*): Терпение ему еще понадобится, если он из-за решетки будет наблюдать, как день сменяется ночью… Послушай! Ты пойдешь туда, как будто ничего не изменилось. Наполни конверт хорошенькими кусочками резаной газеты. Сразу ему не давай, нет, поканючь сперва немножко, это будет более убедительно, и то, что я подслушаю, будет первоклассным доказательством. Я пойду за тобой. Спрячусь неподалеку. И я этого шантажистика хорошенько припугну! В течение двадцати четырех часов деньги назад, или угодит за решетку по меньшей мере на год! Пусть выбирает! (*Пауза.*) Теперь ты увидишь, как и со вторым делом разберемся. Ты за Роя переживаешь? Увидишь, что он в течение суток опять объявится, целый и невредимый, или даст знать о себе! (*Бурно и несколько слишком словоохотливо, как бывает с людьми, у которых внезапно свалилась с плеч тяжкая ноша и страх.*) Давай-ка здесь сейчас выпьем! Жизнью клянусь, так рано днем я не пью, но мы по стаканчику заслужили! Детка, как я рад, что ты мне позвонила! Кто знает, что ты могла бы натворить от отчаяния! Вперед, Синтия, стаканы! За здоровье разорившегося шантажиста!

ЗАНАВЕС

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Кабинет Феннеди, тот же вечер, гораздо позднее. Присутствуют: Феннеди, Шип, Торто и Петрид. У всех револьверы. Кроме того, у Феннеди и Петрида карабины. Шип и Феннеди чрезвычайно взвинчены и напряжены. Снаружи, вокруг тюрьмы, крики и улюлюканье, вначале еще слабые и единичные, постепенно звучащие всё более грозно.

ШИП: Я созвал тридцать четыре человека из полицейского резерва, приказав собраться тут. Это было уже час назад. Где их носит?
ФЕННЕДИ: А приказ уже поступил? А до них он дошел?
ШИП: Должен был. Он поступил, как любой другой приказ, по обычным каналам.
ФЕННЕДИ (*горько*): По обычным каналам. (*Указывает на окно.*) Вот это всё не в последние два часа нарисовалось. Это уже задолго до того намечалось и готовилось. Я уверен, что они получили помощь и информацию от наших людей. Где Баркер?

ШИП: Я не так давно звонил ему домой. Там сказали, что он ушел – сейчас посмотрим – где-то уже пару часов назад за дверь вышел.
ФЕННЕДИ: Сюда пошел? Он бы здесь уже двадцать раз был.
ШИП: Может статься, где-то еще что-то происходит, он получил об этом сообщение и сразу же туда направился…
ФЕННЕДИ: И нам ничего не сообщил?
ШИП (*беспомощно пожимает плечами*): Мы вчетвером тут мало чего можем сделать.
ФЕННЕДИ: Да позвоните вы, Христа ради, в Федеральную бригаду! Позвоните в Коттон-сити! Сколько раз можно повторять! Сколько можно ждать?
ШИП: Я бы всё-таки сохранял спокойствие, и пусть дело будет в руках наших людей, лучше чем в руках этих негодяев-янки. Весь этот шум ничего не значит. Тюрьма достаточно хорошо укомплектована. Ради этого хулиганья на улице я федеральную бригаду вызывать не буду. (*Пауза.*) Но вообще-то довольно странно, что мы до сих пор не получили никаких сообщений. Позвоню в тюрьму, это вас успокоит, Феннеди. Там как минимум человек пятнадцать, и хорошо вооруженных.
ФЕННЕДИ: Да, если они там.
ШИП: Что случилось с этим аппаратом, Феннеди?
ФЕННЕДИ (*берет у него трубку; с облегчением*): О, он сломан. Он внизу подключен. Хотя… здесь нам звонок тоже слышно, он достаточно громкий… (*Переключает телефон; Шип снова берет трубку.*) Теперь кнопку нажмите.
ШИП: О. Да. (*нажимает кнопку; набирает номер; слушает*) Ничего не слышу.
ФЕННЕДИ: Да что такое, черт возьми?
ШИП: Совершенно звука нет.
ФЕННЕДИ (*внезапно встревоженный, выхватывает у него трубку, бьет по рычажку, торопливо дергает выключатель и т. д.*): Молчит! (*Секундная пауза.*) Обрезан! (*Медленно озирается. Улюлюканье снаружи становится чуть громче.*)
ШИП: Возможно, повреждение на линии.
ФЕННЕДИ: Повреждение на линии! Ха! Эй, вы там! (*Торто и Петрид подходят. Обращаясь к Торто:*) Немедленно ступай в тюрьму. Если там всё в порядке, сразу же иди сюда. Если там солдат недостаточно или ситуация критическая, оставайся там, но нам сообщи. (*Раздумывает.*) Это окно видишь? (*Указывает на ближайшее окно тюрьмы.*) Дай сюда, в это окно, какой-нибудь сигнал светом, карманным фонариком, свечой, клочок бумаги подожги, неважно что, без разницы, лишь бы свет был. Тогда мы тоже сразу подойдем. Понятно? (*Звонок в дверь.*)
ТОРТО: Слушаюсь, господин комиссар.
ФЕННЕДИ: Как будешь выходить, посмотри, кто у дверей. Никого не впускай, кого не знаешь. Сначала в глазок посмотри.
ТОРТО: Так точно, господин комиссар. (*Торто уходит.*)
ФЕННЕДИ: Так, дальше что. (*Петриду:*) Ты тоже идешь…
ПЕТРИД: В тюрьму.
ФЕННЕДИ (*колеблется*): Да… нет, не в тюрьму.

ПЕТРИД: Не в тюрьму?
ФЕННЕДИ: В тюрьму, но сначала попробуй дозвониться, неважно куда, в магазин, в кафе, в дом какой-нибудь… Я тебе – (*умолкает*).

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Входит Хопкинс. Его мундир порван. Вид расстроенный.

ХОПКИНС (*отдает честь*): Докладывает бригадир Хопкинс, господин лейтенант. Я имею в виду господин комиссар, пардон.
ФЕННЕДИ: Давайте не будем тратить на это время. Что до меня, так хоть сержантом зовите. Так, значит, вы явились, Хопкинс. Что вы имеете сообщить?
ХОПКИНС: Господин лейтенант, то есть я хочу сказать, комиссар… тюрьма полностью оцеплена! Там сотни и сотни… я еще никогда прежде столько народу в городе не видел. Они меня заметили, но я сумел незаметно проскользнуть между всех этих автомобилей, когда направлялся сюда. К Фенненди идешь, ага, говорили они. Сначала хотели на меня наброситься. Я сказал, я старый человек. Разумеется, я мог бы револьвер вытащить… но среди пятидесяти, шестидесяти человек…
ШИП: Очень разумно, что ты не стал этого делать.
ФЕННЕДИ: Дальше. Что дальше было?
ХОПКИНС (*пристыженный, смущенный*): Мне пришлось позволить разоружить себя. Тогда они меня пропустили.
ФЕННЕДИ: Сколько их? Много чужих, из-за города?
ХОПКИНС: Вы имеете в виду, тех, что приехали в новеньких отрытых автомобилях? Да, их там немало. Но большинство – здешние, городские. Сотни и сотни. Нехорошо выглядит это, совсем нехорошо выглядит. Меня это наводит на мысль о… о тысяча девятьсот двадцать первом. Август тысяча девятьсот двадцать первого, почти одиннадцать лет назад…

Петрид с ленцой подходит к окну, облокотившись, высовывается наружу, время от времени машет знакомым внизу, стараясь держаться так, чтобы никто не заметил его из кабинета.

ФЕННЕДИ: Но ты в любом случае получил приказ явиться сюда. Когда ты его получил?
ХОПКИНС: Совсем я никакого приказа не получал. Сижу в саду, курю себе трубку, потом слышу, далеко-далеко, в центре, все эти радостные вопли и клаксоны. Эти автомобили все уже раньше проезжали, вечером. Сижу, слушаю. Я еще очень хорошо слышу, хотя уж больше не молоденький…
ФЕННЕДИ: Да, давай, дальше…
ХОПКИНС: Выглядываю на улицу. Нигде никого… Я на угол… Весь квартал как вымерший… Такое что-то в воздухе носится… как перед грозой. И тогда я подумал… я вдруг подумал…

ФЕННЕДИ: Да, хорошо, а потом…
ХОПКИНС: Я подумал: мне нужно туда, мне нужно в центр, я должен явиться. Я подумал: они всех созвали, а меня нет, потому что я старый человек. Мне пятьдесят девять, господин комиссар. На следующий год на пенсию.
ФЕННЕДИ: Ты вовсе не старый. (*Пауза.*) А потом? Что ты еще видел?
ХОПКИНС: Главная контора была закрыта. Никого не было. Поэтому я сюда пришел. (*Феннеди и Шип переглядываются.*)
ФЕННЕДИ: Где Торто?
ХОПКИНС: Выходил, когда я пришел.
ШИП: Он в тюрьму пошел. Вы же это ему поручили?
ФЕННЕДИ: Да я сам знаю. Но он давно уже должен был вернуться или подать знак из окна. Вероятно, он назад не решился…
ШИП: Он не трус. Торто – славный парень.
ФЕННЕДИ: Такое не о каждом можно сказать. Но где же сигнал?
ШИП: Должно быть, кто-то за окном наблюдает.
ФЕННЕДИ: Нужно что-то серьезное сделать.
ШИП: Да. Я иду вниз. Может, увижу кого, кому смогу подать знак из окна, чтобы предупредить как можно больше наших.
ФЕННЕДИ (*отчасти теряя самообладание*): Знак из окна! Знак от бургомистра Шипа населению этого города! Давай, высуни свою баранью башку из окна и блей: Беее! Беее!
ШИП: Феннеди, если бы я не принимал во внимание ваш характер и сложные обстоятельства в данный момент – (*Трясет головой, пожимает плечами, выходит в первую дверь слева.*)
ПЕТРИД (*проходит в комнату*): Так мне не ходить никуда, господин комиссар?
ФЕННЕДИ: Тебе? (*Задумывается, глядит на Хопкинса:*) Э-э… нет, оставайся у окна и следи там за сигналом, Торто должен подать знак, когда мы ему понадобимся.
ПЕТРИД: Так точно, господин комиссар. (*Вновь занимает место у окна.*)
ХОПКИНС: Господин комиссар…
ФЕННЕДИ: Да?.. (*Теперь они стоят примерно в центре сцены.*)
ХОПКИНС: Я хотел вам сразу рассказать… но… (*Озирается, но Петрид свесился из окна.*) Я только что видел… вашего сына, господин комиссар…
ФЕННЕДИ (*у него перехватывает дыхание*): Что? Моего сына… Где? Когда?
ХОПКИНС: Только что, снаружи. Здесь, неподалеку. Он вышел из машины.
ФЕННЕДИ: Из машины? Какой машины? С кем?
ХОПКИНС: Он был один. Машина остановилась. Он была разбита спереди. Одной фары нет, и крылья помяты…
ФЕННЕДИ: Как он выглядел?
ХОПКИНС: Хм…
ФЕННЕДИ: Пьяный.
ХОПКИНС: Вот вы это сказали… да… пьяный. Пьяный! (*Трясет головой.*)
ФЕННЕДИ: Но ты видел его, ты его узнал? Ты точно знаешь, что это был он?

ХОПКИНС: С вашего позволения, господин комиссар, как я могу не узнать вашего сына? Я его вот с такого (*показывает крошечное расстояние от пола*) знаю…
ФЕННЕДИ: Да, да. Куда он пошел?
ХОПКИНС: Я не знаю, господин комиссар. Его окружили люди. Они кричали, ругались…
ФЕННЕДИ: В *его* адрес? Что они кричали?

(*Голос Шипа снизу:*)

ГОЛОС ШИПА: Люди, расходитесь по домам! Идите домой! (*И т. д.*)
ХОПКИНС: Да, господин комиссар, они все кричали…
ФЕННЕДИ: Ну? Папистский пожиратель облаток! Дружок черномазых! Так, да? (*Хватает его за грудки.*) Так, да?
ХОПКИНС: Что-то такое, да. Ой, больно!
ФЕННЕДИ: Извини. (*Отпускает его.*) И потом?..
ХОПКИНС: Сначала показалось, что они хотят его схватить. Он закричал… он всякое кричал…
ФЕННЕДИ: Что? Что он кричал?
ХОПКИНС: Вздор, господин комиссар, всякий вздор, с вашего позволения.
ФЕННЕДИ: Да хватит тебе уже про мое позволение! Что он кричал?!..
ХОПКИНС: Он кричал, не переставая: «Сожгите тогда *меня*! Это *я* сделал! *Меня* сожгите! Это *я* сделал». С него пот ручьями лет, щетина трехдневная, лицо горит, казалось, он ума лишился, просто на ногах не стоял, я бы сказал, с вашего поз… (*осекается*).
ФЕННЕДИ: И потом, потом?
ХОПКИНС: Я подумал: надо бы мне вмешаться… но потом они его опять отпустили, и он пошел себе. Ясное дело, потому что пьяный был. Побрел, пошатываясь, вон туда, но далеко не ушел. Хотите, чтобы я его отыскал и домой привел? Это будет не слишком сложно, потому что теперь он мало на что годен. А я с молодежью управляться умею, пусть я это и сам говорю.
ФЕННЕДИ (*поразмыслив*): Нет, тут на карту поставлены вещи поважнее. Ты не боишься снова на улицу?
ХОПКИНС: Вы же только что сказали, что я…
ФЕННЕДИ: Иди-ка поживей…
ХОПКИНС: Слушаюсь, господин комиссар…
ФЕННЕДИ: Смотри, как можно быстрее пройди через толпу. Иди в магазин, в кафе, в частный дом, неважно куда, лишь бы там телефон был. Скажи, что тебе нужно позвонить. Облай их, если начнут возникать. И звони. Звони в Коттон-сити, Бюро федеральной бригады Коттон-сити…
ХОПКИНС: Слушаюсь, господин комиссар. А номер какой?
ФЕННЕДИ: Да, где-то он есть у меня, но… Господи… (*Хватается за голову:*) Не знаю, где он… да и неважно. Позвони телефонистке по межгороду и скажи, что тебе нужен Коттон-сити. Бюро федеральной бригады. Срочный раз-

говор, неотложный в крайнем случае. Угрожай ей тысячей чертей, если будет мешкать. Когда соединят с бюро, сразу же представься, скажи имя, ранг и местонахождение. Скажи, что звонишь от имени Феннеди из Садвилла, и. о. комиссара Феннеди, и что мне нужна как минимум сотня людей подкрепления, по вызову. Ты можешь им вполне объяснить, почему. (*С горечью:*) Возможно, и пришлют тридцать шесть человек. Ты всё понял? Ты куда позвонишь?
ХОПКИНС (*нервничая*): Коттон-сити… Конфедерированная бригада…
ФЕННЕДИ: Идиот! Бюро федеральной бригады! Повтори!
ХОПКИНС: Бюро Федеральной бригады.
ФЕННЕДИ: Пошевеливайся! Эй, погоди!.. Тебе дать гражданскую одежду? Хочешь дождевик сверху на мундир?
ХОПКИНС: Я свой мундир ни от кого не прячу. (*Направляется к двери.*)
ФЕННЕДИ: И потом немедленно назад.
ХОПКИНС: Слушаюсь, господин комиссар. (*Отдает честь; уходит.*)

Феннеди расхаживает по комнате, затем встречается глазами с Петридом; Петрид подходит на несколько шагов ближе.

ПЕТРИД: Классная это штука, такой карабин, вы как думаете, господин комиссар? (*Нежно прижимает к себе карабин.*)
ФЕННЕДИ (*тронут опрятным, свежим видом молодого человека*): Обращаться с ним умеешь?
ПЕТРИД: А то, господин комиссар.
ФЕННЕДИ (*глядит на него с восхищением*): Отлично. Тебе бы, конечно, хотелось провести этот вечер с девушками, а?
ПЕТРИД (*улыбается откровенно и обаятельно*): Я и так отлично развлекаюсь.
ФЕННЕДИ: Ты только что там подружке махал, внизу?
ПЕТРИД: Мы в сентябре поженимся…
ФЕННЕДИ: Так…
ПЕТРИД: По крайней мере, если я получу повышение.
ФЕННЕДИ: Ах вот как… Ну, мы посмотрим…
ПЕТРИД: Большое спасибо, господин комиссар. (*Долго смотрят друг на друга.*)

КАРТИНА ПЯТАЯ

Входит Шип. Вид у него отчаявшийся. Петрид возвращается к окну. Полусидя, кокетливо опирается на раму.

ШИП: Ну что делать с этим народом! Никто не слушает!
ФЕННЕДИ: Как это возможно. (*Подходит к шкафу; открывает его.*)
ШИП: Не надо! Никакого алкоголя! Ради бога, никакого алкоголя нынче вечером.

ФЕННЕДИ: Может быть, предложить вам бутылочку шипучки? (*Достает графин, стаканы и т. д. грубыми, резкими жестами; весьма щедро наливает себе и выпивает. Громко:*) Петрид! Хочешь виски, парень?
ПЕТРИД: Сударь… Господин комиссар, возможно, вы сочтете это ребячеством, но я никогда не пью на службе.
ФЕННЕДИ: Похвально, мой мальчик. (*Делает огромный глоток.*)
ШИП: Я бы не возражал против кофе. Ваша жена дома, Феннеди?
ФЕННЕДИ: В кинематографе!
ПЕТРИД (*холодно констатирует*): Они камни из дороги выламывают. (*сразу же за этим снизу раздается звук бьющегося стекла*)
ФЕННЕДИ: Я заметил. Веселенькая история.
ШИП (*намекая на Петрида*): Пусть уберет карабин. Это только раздражает толпу. (*Подходит к Петриду, оттаскивает его от окна; окно прикрывается; Петрид снимает карабин; в стекло влетает камень; Шипа это страшно пугает, Петриду, напротив, кажется весьма забавным.*)
ФЕННЕДИ (*Шипу*): Не пугайтесь. Они не в вас метили. Выключите свет. (*Снова выпивает.*)
ШИП: Где… этот… а? (*Озирается, по ошибке включает вентилятор, тот стонет, хрюкает, начинает вертеться.*)
ФЕННЕДИ (*в отчаянии приходит в страшное возбуждение*): Он опять! Опять за свое! Хватает же нервов! (*Выключает свет.*)

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Входит Синтия.

СИНТИЯ (*она в смятении, выглядит помятой и словно в трансе, пытаясь овладеть собой, говорит нечто совершенно неважное или ни к месту*): Бежала, как могла…
ФЕННЕДИ: Вот она, отрада наша. (*Пауза.*) И как фильм?
СИНТИЯ: Фильм? А, фильм. Ничего не запомнила. Почему здесь так темно? Кто разбил окно внизу?
ФЕННЕДИ: Халиф багдадский. (*Улюлюканье на улице опять делается громче.*)
СИНТИЯ: Чего хотят все эти люди? Почему здесь так темно?
ШИП: Они хотят этого негра Сагиттариуса.
СИНТИЯ: Который эту девушку… Но это невозможно, этого нельзя –
ФЕННЕДИ: Убивать девушек? Нет, этого определенно нельзя. (*Выпивает.*)
СИНТИЯ (*замечает разбитое окно, подходит поближе к нему*): Это окно … тоже разбито?
ФЕННЕДИ: Еще вопросы? Интересно тебе знать, что твой сын снова в городе?
СИНТИЯ: Рой… Где… где он? (*пауза. Указывает на улицу*) Он же не… не среди всех этих людей…
ФЕННЕДИ: Меня бы это не удивило.
ШИП (*обращаясь к Феннеди*): Я не знал, что ваш сын –

ФЕННЕДИ (*рычит, указывая на Шипа*): Сделай кофе достопочтеннейшему господину бургомистру! Чтобы не заснул!..
ШИП: Нет, мне не нужно кофе. Оставьте, госпожа Феннеди.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Входит запыхавшийся Хопкинс.

ФЕННЕДИ: Как ты сюда пробрался?
ХОПКИНС: Через разбитое окно внизу, если позволите, господин комиссар, это было достаточно легко.
ФЕННЕДИ: Давай, рассказывай. Ты звонил в Коттон-сити?

Только теперь обнаруживаются последствия быстрого бега; старик слегка задыхается; Феннеди протягивает ему стакан виски; Хопкинс торопливо опрокидывает его, закашливается.

ХОПКИНС: Отличная штука.
ФЕННЕДИ: Рассказывай!
ХОПКИНС (*сначала запинаясь, потом более связно*): Сперва… пробраться не мог… Потом… нашел дырочку… стал между людей проныривать… пробрался через толпу… Потом рванул со всех ног, чтобы телефон где найти… но все лавки позакрывали, никто не впускает, как я в двери ни барабань… повсюду жалюзи опустили. Кафе тоже закрыты наглухо…
ФЕННЕДИ: Впервые за всю историю соблюли время закрытия. Ну, дальше давай…
ХОПКИНС: Тогда я добрался до полицейской будки номер семь и забежал в нее…
ФЕННЕДИ: Она не была закрыта? Удивительно. И оттуда ты позвонил в Коттон-сити?
ХОПКИНС: Да они хотели дать мне позвонить, господин комиссар…
ФЕННЕДИ (*угрожающе*): Но…
ХОПКИНС: Не смогли! Что-то было не в порядке с телефонной станцией. С городской центральной.
ШИП: Ну вот видите, было же повреждение!
ФЕННЕДИ (*протяжно*): Насколько они все были пьяны?
ХОПКИНС: Ну… да… но дело было не в этом, они все были сама любезность, и я сказал, разумеется, что это по *вашему* приказу должен звонить в Коттон-сити.
ФЕННЕДИ: Вот этого, пожалуй, говорить не стоило.
ХОПКИНС: Но вы ведь это сами сказали, господин комиссар…
ФЕННЕДИ: Ты сделал всё, что от тебя требовалось, Хопкинс. (*Хмуро:*) Что-то не в порядке с телефонной станцией.

ХОПКИНС: И тогда я еще услышал… что шерифа Баркера нашли, в… в Лебяжьем парке…
ФЕННЕДИ: Что? В Лебяжьем парке? Баркера?..
ХОПКИНС: Да, в парке. Мертвого. Застреленного.
(*Феннеди невидяще глядит перед собой; крестится*)
СИНТИЯ: Это невозможно! Его же только… в плечо… Это невозможно!..
ФЕННЕДИ: Всё возможно. (*пауза; тихо*) Баркер… (*Шипу:*) Первый плод урожая, который ты посеял, мелкая гадина… (*Потом уже не сердясь на Шипа:*) Баркер… Господи…

Синтия, словно оглушенная, подходит ближе к окну. Снаружи – колеблющееся красноватое зарево. Петрид глядит на него с застывшим лицом. Синтия издает сперва почти беззвучный, сдавленный стон, указывает наружу, застывает, словно в параличе, затем испускает дикий крик.

СИНТИЯ: Крест! Горящий крест!
Другие спешат к ней.
ФЕННЕДИ: Сколько нас здесь мужчин? Четверо… Один… два карабина… Три револьвера… Внизу у меня еще один револьвер для тебя, Хопкинс, и патроны.
ХОПКИНС: Так точно, господин комиссар.
ФЕННЕДИ: Отсюда мы можем держать под прицелом дверь тюрьмы.
ШИП: Не стрелять! Оставьте всё на гарнизон!

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Входит Рой, пинком распахнув дверь. Он сильно пьян. Глаза лихорадочно блестят. Его не сразу замечают. Синтия видит его первой.

СИНТИЯ (*идет к нему, но застывает на некотором расстоянии; ее облегчение и счастье, что он дома и, как она думает, в безопасности, слишком сильны, и она не в силах обнять его или еще как-то выразить свои чувства; делает лишь слабый жест*): Ты… дома. (*Феннеди и Рой, стоящий примерно в центре сцены, глядят друг на друга*) Благодарю тебя, пресвятая Богородица –
РОЙ (*саркастически, провоцируя Феннеди*): Мать, взгляни на сына своего. (*Смеется; Феннеди отвешивает ему оплеуху, так что Рой отшатывается назад к бюро, благодаря чему удерживается на ногах; лицо его искажено ненавистью; руки блуждают по поверхности бюро в поисках тяжелого предмета; тишина; все глядят на него; шум снаружи уменьшается, нарастает, снова уменьшается.*) Из-за чего они там на улице такой шум подняли? Им ведь я нужен. Ведь это же я сделал? Да, я. Я тихонечко сжал ей горлышко… чтобы больше никогда из него не вылетали грубые ругательства…
ШИП: Сам не знает, что несет.
ФЕННЕДИ: Завтра он возвращается в Луисвилл. В тюремной машине, в наручниках.

РОЙ (*Шипу*): Я отлично знаю, что говорю. (*пауза*) (*Феннеди*) Я не поеду в Луисвилл. Я поеду в настоящую тюрьму, в камеру смертников… в настоящую камеру. Ведь ты этого всегда так хотел? (*в изнеможении сползает на пол, спиной к бюро.*)
СИНТИЯ: Ему нужно в постель.
ПЕТРИД (*констатирует*): Напирают на ворота.
ФЕННЕДИ (*Хопкинсу*): Пойду принесу тебе револьвер. (*Уходит. Синтия становится на колени рядом с Роем.*)
СИНТИЯ: Его нужно срочно отнести на кровать. Убрать его из этой комнаты. Скорее, помогите мне. (*Шип неуклюже помогает ей поднять Роя на ноги.*)
ШИП Ой, тяжелый. (*Петрид с любопытством подходит ближе.*) Сначала он должен прийти в себя. Плесните ему воды в лицо. (*Синтия приносит воды; Шип выхватывает у нее стакан и выплескивает воду в лицо Рою; тот не реагирует.*) По щекам ему пару раз хлопните. (*Шип и Синтия приподнимают Роя; Петрид держит Роя за волосы, запрокидывает ему голову и старательно и сильно бьет его по лицу. Рой приходит в себя и смотрит на Петрида.*)
РОЙ: Привет, красавчик…

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Рой встает. Входит Феннеди. Петрид возвращается к окну.

ФЕННЕДИ (*Хопкинсу:*) Вот тебе револьвер. (*Отдает ему револьвер и патроны. Рой подходит к Феннеди.*)
РОЙ (*Феннеди*): Слушай, старик, вот что я еще хотел сказать…
ФЕННЕДИ: Поди прочь!
РОЙ: Остынь, спокойно. Я хотел как раз сообщить тебе очень важную информацию. Не разыскиваешь ли ты белую… белую туфлю… белую туфлю… И знай теперь…
СИНТИЯ (*к остальным*): Не слушайте его. Он несет вздор… вздор… он совершенно не знает, что говорит…
ПЕТРИД (*констатирует*): Ворота открываются.
ШИП: Они рвутся внутрь!
ХОПКИНС (*парализован ужасом*): Как в тысяча девятьсот двадцать первом.
ПЕТРИД: Бегут по галереям.
ФЕННЕДИ (*кричит*): Стреляйте же, черт побери. Стреляйте! Стреляйте! (*Порывается подойти к окну, но Петрид, Шип и Хопкинс удерживают его; Феннеди сопротивляется изо всех сил, как отчаявшийся зверь, попавший в капкан.*)
ШИП: Его выводят… Что… что у них в руках?
ПЕТРИД (*широко раскрыв глаза, зачарованный*): Канистра… с бензином.
ФЕННЕДИ (*борется как безумный*): отпустите меня… ради бога… мерзкие трусы… я… я сам тогда… (*Обессиливает. Всё еще сопротивляясь, оказывается лицом к лицу с Роем. Останавливается, чтобы перевести дыхание. Внезапно видит, что Рой достал из кармана белую туфлю и держит ее с выражени-

ем холодного триумфа. Феннеди застывает, словно парализованный. Хопкинс и Шип ослабляют хватку. Шум снаружи прекращается, переходя в зловещее молчание. Лицо Феннеди искажается ужасом. Хриплый, словно предсмертный стон вырывается из его горла. Рой подходит ближе. Феннеди отшатывается.)
СИНТИЯ: Нет! Нет! Он лжет! (*Имея в виду негра на улице.*) Он признался! Это он сделал! Негр виновен!
ПЕТРИД (*у окна*): Он уже горит. (*Слышится ужасный, душераздирающий крик; рыжеватое зарево, гораздо ярче, чем на кресте; снова радостные крики.*)
ФЕННЕДИ: Баркер! Баркер! (*Сирена полицейского патруля.*)
ХОПКИНС: Федеральная полиция! Кто-то им позвонил! Что им здесь понадобилось?..
РОЙ: Это я их предупредил! Они приехали за мной! (*Смеется.*)

ЭПИЛОГ

Приглушенный свет. Занавес открыт. Полицейская сирена звучит громче, затихает, начинает играть флейта, выводя быстрые, диссонансные рулады. В центре на краю сцены появляется фигура Чтеца эпилога. Звук флейты делается тише, темп замедляется. Вступает гитара – вначале только несколькими тихими аккордами. Свет направлен на Чтеца. На нем – белая маска, закрывающая лицо на три четверти, с ничего не выражающими чертами. Подбородок, рот, глаза, волосы и руки – черные; это определенно негр. Гитара совершенно перекрывает звук флейты; та смолкает. Текст сопровождают аккорды, оттеняя строчки, но не заглушая их. Чтец говорит медленно, четко артикулируя, даже несколько нараспев.

Так гибнет лето в буйстве туч и ветра,
Так осенью всё умереть должно,
Так гибнем мы. Так в дереве упавшем,
Утратившем листву свою и ветви,
Корней лишенном, угасает жизнь.
Так умершие будут позабыты.
Исчезнут имена, тела истлеют,
И если вдруг разверзнется могила
Спустя семь лет – кто опознает труп?
Старик, юнец, герой иль страстотерпец,
Бесславно ль сгинул, превратился ль в угли,
На поле битвы пал, в своей постели умер?
Лишь череп улыбается беззубо
Иль зубы скалит он, лишенный губ.
Теперь же расходитесь: не толпитесь
На остановке: смерть на встречу едет
И в свой черед с собою заберет.
Спокойно спите: сон придет. Всевечный сон.

Гитара смолкает, гремит барабанная дробь: спервa очень громко, затем звук затухает, смолкает. Занавес.

Перевод с нидерландского Ольги Гришиной

• КОЛЛЕКЦИЯ •

ДЖОН ГРИГСБИ ГАЙГЕР

ЖИЗНЬ БРАЙОНА ГАЙСИНА

Джон Клиффорд Брайан Гайсин родился 19 января 1916 года в Теплоу-хаусе, канадском военном госпитале в Теплоу, Бакингемшир, Великобритания. Восемь месяцев спустя его отец Леонард Гайсин погиб в битве на Сомме, одном из самых ужасных и бессмысленных сражений Великой войны. В общей сложности Леонард Гайсин провел всего пятнадцать дней с маленьким сыном. «Он видел меня лишь раз, прежде чем я обрел зрение. А я не видел его никогда», – рассказывал Гайсин в автобиографическом эссе «Семейный альбом».

Когда в 1914 году разразилась война, Леонард Гайсин был призван лейтенантом в 32-ой Манитобский кавалерийский полк, затем его произвели в капитаны 8-го батальона канадских экспедиционных войск. Он познакомился со своей будущей женой Стеллой Маргарет Мартин, когда его полк был расквартирован в Оттаве. Она была секретаршей Кастелла Хопкинса, американца, который работал над составлением первой Канадской энциклопедии, а позднее стал редактором «Ежегодного обозрения канадских событий». Когда Леонард впервые подошел к ней, застенчивая Стелла представилась «Труженицей Тилли», – персонажем популярного комикса. Двадцатиоднолетняя уроженка Дезеронто в провинции Онтарио Стелла была младшей из тринадцати детей, которых строго воспитали родители-католики. Она выучилась машинописи в аббатстве Лоретто, школе для девочек при женском католическом монастыре в Торонто. Леонард и Стелла заключили брак в январе 1915 года в Дезеронто. Никто из его семьи не присутствовал и, несмотря на поспешные приготовления к переходу протестанта Гайсина в католичество, ее родных было немного.

Когда весной батальон Леонарда передислоцировали в Европу, беременная Стелла отправилась вслед за ним в Англию. Она остановилась у родственников в Лондоне. Леонарду Гайсину дали увольнительную на время родов. Восемь дней спустя он вернулся в свой батальон. В июне 1916 года его опять отпустили – на этот раз на крещение младенца. Война, которая, как полагали, продлится не больше четырех месяцев, затянулась на два года. Незадолго до смерти Леонард Гайсин получил звание майора. Его объявили без вести пропавшим и, поскольку тело не было найдено, Стелла держалась за жалкую надежду на то, что муж жив. Брайону велели повторять молитвы о папе, и впоследствии он стал добавлять «где бы он ни был». На одной из сохранившихся фотографий Леонард с одноклассниками ката-

ется на лодке по Норфолкским озерам летом 1902 года. Под своим изображением Леонард написал: «Тот, кого я знаю хуже всех». По мнению Брайона, это была подходящая эпитафия.

Когда война близилась к концу, Стелла Гайсин получила канадский паспорт и вернулась к родителям в Онтарио. Там Брайон вступил в «гигантские джунгли моей собственной Америки, моей земли обетованной». Каждая скромная экскурсия в сад за домом его бабушки и дедушки становилась приключением. Независимость его характера проявилась рано. Летом он прятался от матери на поляне, заросшей золотарниками, зная, что она не подойдет к источнику пыльцы, способной вызвать удушье.

11 ноября 1918 года, в день перемирия, Стелла Гайсин решила вернуться в Европу и даже отправиться в Польшу на поиски мужа. Она делилась фантазиями с Брайоном: «Возможно, папа не умер. Он потерял память после взрыва. Забыл свое имя в больнице. Он человек с одним только номером в польском лагере для военнопленных».

Брайон рано повзрослел и сохранил ясное воспоминание о том, как в конце лета 1919 года в Литлхемптоне читал матери свое стихотворение: «Моряки, канаты и запах смолы / Когда я спущу свой корабль на воду / Кто скажет / Сколько мне плыть / Чтобы к чаю / Домой вернуться?». Ему еще не было четырех, а мать уже уверовала, что он поэт. Вернувшись наконец в Канаду, они первым делом посетили тетю Кит в Канзас-Сити, Миссури, затем отправились в Эдмонтон, где жила другая сестра его матери.

Гайсин описал свою юность, проведенную в Эдмонтоне, столице провинции Альберта, как «ссылку». Он приехал, когда ему было пять лет, и оставил Эдмонтон и свою мать в шестнадцать. Десятилетие, проведенное в канадских прериях, не могло пройти бесследно. Воспоминания о западе появлялись в его ранних сюрреалистических пейзажах с железнодорожными путями, тянущимися через плоские пустынные равнины, и в изображениях гротескных фигур в меховых одеждах. Воспоминания о канадских прериях можно найти и в его поздних иллюзионистских пустынных пейзажах. Еще важнее воспоминания, запечатленные в лучшем романе Гайсина «Процесс», который имеет форму фрагментированной автобиографии. Глава, посвященная детству, многозначительно названа «Она».

Эдмонтон, каким его видел юный Брайон, был послевоенным городом, где хищные вдовы охотились на мужчин, а «подходящие для брака ветераны сбивались в стаи для самозащиты». Следующим мужем Стеллы стал подполковник Уильям Герберт Хьюджил. Брак заключили 18 февраля 1925 года, и союз не выглядел многообещающим. Хьюджил был пятидесятилетним холостяком на 18 лет старше Стеллы, членом масонского братства и нераскаявшимся пресвитерианином. «Дядя Билл», как называл отчима Брайон, возглавлял местную страховую компанию, и, когда 4 августа 1914 года объявили войну, завербовался на службу и ликвидировал свой бизнес в предчувствии славных сражений. Он поступил в армию в чине майора, присоединившись к 31-му Альбертскому батальону.

Вернувшись в Эдмонтон после войны, Хьюджил создал новое агентство по продаже недвижимости и страхованию, но врожденное ощущение своевременности, три года спасавшее его от немецких пуль, на этот раз подвело. Население Эдмонтона после войны быстро росло, но сократилось до 2200 человек в 1921 году, когда бум на рынке недвижимости завершился.

Через 12 лет брак был аннулирован в судебном порядке «по причине недоразвитости либо нарушения функции детородных органов». Возможно, и к лучшему. Стелла и Хьюджил почти все это время провели порознь; впрочем, невзирая на недуг Хьюджила, союз породил сводную сестру Брайона, болезненную девочку, умершую в младенчестве. Брайон вырос в двухэтажной квартире в трех кварталах от Джаспер-авеню, в скромнейшем доме на непримечательной улице. Позднее они с матерью перебрались на южную окраину города, возле Уайт-авеню. Жили она на содержании незамужней сестры Стеллы.

Клэр Мартин, учительница, не только зарабатывала им на жизнь, но и строго следила за порядком. Порой ее практичную натуру выводила из себя присущая родственникам мечтательность. А Гайсина в детстве раздражало то, что он находится в зависимости от женщин. Позднее это раздражение перерастет в полноценную мизогинию, хотя сам он оспаривал это определение. «Не называйте меня женоненавистником… заурядным женоненавистником, – парировал он в интервью Терри Уилсону. – Я грандиозный мизантроп. Человек – скверное животное». Аллен Гинзберг был одним из немногих знакомых Гайсина, встречавшихся со Стеллой. Он разыскал мать Брайона в начале 60-х, когда приехал в Ванкувер на фестиваль поэзии. Обнаружил, что Стелла живет в полном одиночестве, но все равно восторженно отзывается о сыне. Гинзберг рассказывал ей о Париже, Танжере и дружбе Брайона с Уильямом Берроузом. Он заключил, что она простодушная, мелкобуржуазная особа и что Гайсин стыдится своего происхождения. Мэрион Конрой Уилсон, подруга Стеллы, которая познакомилась с ней в 1930-е годы и считала своей наставницей, вспоминала ее по-другому – как прекрасно образованную женщину, которая казалась канадцам настоящей англичанкой. Брайон сформулировал это грубее, заметив, что у матери были «псевдоаристократические претензии».

Стелла реализовывала эти претензии, насколько ей позволяли ограниченные средства. Она интересовалась садоводством, поэзией, музыкой, искусством и в 30-е годы дополняла свою вдовью пенсию, подрабатывая за 40 центов в час чтицей в Эдмонтонской публичной библиотеке. Она также активно участвовала в деятельности Либеральной партии и Католической Женской Лиги. «Мы все были феминистками задолго до того, как появилось это слово, – вспоминала Мэрион Уилсон. – Стелла была такой же – она верила в женщин и в их умение творить».

Но одно Стелле не удалось – сделать настоящего мужчину из своего сына. Эту обязанность она возложила на У. Г. Найтингейла, основателя и директора «Уэствард Хоу» – школы для мальчиков с суровым режимом

в подражание английской частной школе, или, как выражался Найтингейл, «английской системе надзора». В центре программы было изучение Писания. Весной мальчики играли в крикет, осенью – в регби.

Несмотря на то, что в души учащихся внедрялась христианская этика, решение матери Гайсина отдать девятилетнего сына в частную англиканскую школу скандализировало местную католическую общину. Группа ирландских католиков-хулиганов, называемая бандой Дэйвса, объявила Брайону священную войну. Еще больше ему не повезло оттого, что, несмотря на превосходное зрение, ему прописали очки и он получил кличку «четырехглазый».

И все же материнское беспокойство было существенно сглажено уверенностью, что в «Уэствард Хоу» учащиеся получают академическое образование по предметам, которые обеспечат им жизненный успех: латынь, английский, французский, грамматика, литература, арифметика и история. Брайон вспоминал свои школьные годы в ином ключе. Юный гомосексуал, он впервые мастурбировал в одиннадцать лет, разглядывая греческие скульптуры в изданиях популярной библиотеки классиков, влюбился в молодого учителя по имени Томас Уизден и в кое-кого из одноклассников.

Единственный католический приходящий ученик в англиканском интернате, он невзлюбил эту школу. Шестьдесят с лишним лет спустя старые одноклассники вспоминали, что он был необычным, и мистер Найтингейл (по кличке «Моисей») вскоре прозвал мальчика «Троцким». Подлинное образование Гайсин получил в долине реки Норт-Саскачеван. Там по ночам он мог бегать голышом и купаться в холодном бурном потоке, «обожая себя, обожая природу, богов!»

В пятнадцать лет он оказался в католической школе Св. Иосифа и был там единственным атеистом. Джерард Амиронджен, который позднее станет спикером законодательного собрания Альберты, вспоминал его как человека, «куда более интеллектуального, чем прочие одноклассники. У нас были очень интересные дискуссии, яростные споры. Я всегда был крепок в католической вере и не мог понять, как можно сделаться атеистом, хотя с тех пор я со многими атеистами познакомился».

Гайсин сдал выпускные экзамены, когда ему было только шестнадцать. Надеясь перевести литературные увлечения в надежное русло, Стелла убедила его подать на курс библиотечной науки в Университет Альберты. Ее мечта осталась невоплощенной, поскольку правила университета не позволяли поступать до 17 лет. Опасаясь, что год безделья не пойдет сыну на пользу и памятуя об экономических неурядицах 1932 года, Стелла решила, что лучшее решение – два года в английской частной школе. Она нашла такую школу – Даунсайд, к юго-западу от Бристоля, управляемую бенедиктинцами, готовыми взять Брайона за 50 фунтов в семестр. Репутация Даунсайда, как «Итона католических частных школ», подстегивала решение Стеллы, хотя она была опечалена неизбежной разлукой и сожалела, что ей не удастся оказаться рядом и увидеть, как сын впитывает новый опыт. Но Стелла понимала, что не может забираться глубже в его жизнь, не искалечив ее.

Она также сознавала направление интересов своего сына, особенно его литературные увлечения.

Скотные дворы Северного Эдмонтона были последним впечатлением от места его ссылки. У Брайона были бумаги, подтверждающие, что два товарных вагона скота будут отправлены на восток под его присмотром. Путешествие выглядело скорее суровым испытанием, чем приключением, но он благополучно добрался до Монреаля, откуда его мать организовала плавание третьим классом до Саутгемптона на «Императрице Британии».

Гайсин описывает директора Даунсайда, преподобного Зигеберта Траффорда, как незаурядного человека в черном бенедиктинском облачении, «из которого высовывалась головка без подбородка с огромным, похожим на клюв, носом, которым он трубил, точно дикий гусь…» Поначалу преподобный Зигеберт счел, что Брайон взрослее своих ровесников, но потом решил, что тот адаптировался к духу и настроению школы.

Четыре корпуса школы – Кэверел, Барлоу, Робертс и Смайти – были названы в честь богатых покровителей-католиков. Гайсин был мальчиком из Кэверела. Оценки по арифметике, алгебре и геометрии наглядно демонстрировали, что он безнадежен в математике, хотя по всем этим предметам он дотянул до выпускного стандарта. Он успевал по английской литературе – с упором на Чосере и Шекспире – и английской и европейской истории, в этих предметах он разбирался «значительно выше обычного уровня». Преподобный Зигеберт считал, что у мальчика имеются «несомненные способности» и будет очень жаль, если он не использует их в полном объеме, изучая историю в Оксфорде. Из переписки с матерью Брайона был сделан вывод, что «сложности с финансированием» окажутся преградой для поступления в университет, и директор пообещал сделать всё, что в его силах.

В шестнадцать лет Брайон сбросил детский жирок и отказался от ненавистных и ненужных очков. На фотографиях он выглядит красивым юношей. Он легко заводил друзей. Для многих учеников лучшим временем были каникулы за пределами интерната. Эти перерывы создавали проблемы для Брайона, который не мог уехать домой. Мать желала, чтобы он получил какой-нибудь трудовой опыт и пыталась найти для него временную работу через друга, Бернарда Ньюдигейта, издателя, которому сообщила, что Брайон «сердцем и душой предан литературе». Ньюдигейт написал, что ничего не может предложить, и посоветовал обратиться к Джей Си Сквайру, издателю «Лондон Меркьюри», но из этого тоже ничего не вышло.

Вместо этого Брайон провел рождество 1932 года у бабушки с дедушкой в Лондоне. Стелла была довольна, что Джон Гайсин заботится о Брайоне, но была испугана интересом мальчика к «континентальным кузенам» – семье Джона в Цюрихе, которую Брайон хотел навестить во время летних каникул 1933 года.

В конце концов, решение пришло из Даунсайда, когда Блачеры, одноклассники Брайона, пригласили его провести часть лета в Хавиленд-холле, семейном поместье на острове Гернси. Он согласился, несмотря на мате-

ринские увещевания, что «не должен без разбору принимать приглашения, на которые не способен ответить». На самом деле позднее у Гайсина появится обыкновение именно так и поступать.

В последние недели летних школьных каникул Гайсин оказался среди мальчиков, которым некуда было деваться. Они проводили время с живущими в школе монахами и директорским мастиффом. Гайсин был особенно привязан к преподавателю рисования, отцу Ван Целлеру, выпускнику Даунсайда, который когда-то был в Париже подмастерьем Луи Маркусси, полуабстракциониста 20-х годов. Хойвард Ван Целлер оказал «огромное влияние» на Гайсина и поощрял его интерес к искусству. Ван Целлер нередко вступал в конфликт с аббатом, который современное искусство терпеть не мог. Гайсин проводил много времени в студии. Он рассказывал матери: «Мы говорили о художниках, живописи, книгах и прочем. В то время я хотел стать художником-абстракционистом».

На второй год обучения Гайсин был назначен редактором школьного журнала «Ворон», он сменил Джона Поупа-Хеннесси, который впоследствии станет директором музея Виктории и Альберта. В анонимной редакционной статье он отрицал теоретические потуги социализма и фашизма, утверждая, что «нелепая ошибка многих теорий состоит в уверенности, будто личность существует во имя государства, а не государство существует лишь ради пользы и безопасности личности». В то же время в статье делались оговорки относительно статус кво, «парламентской системы, которая требует технических знаний от группы людей, избранных за их обаяние при открытии благотворительных базаров или умение закладывать камни в фундамент». Нигде, между тем, нет намека на «антимилитаристские» редакторские тенденции, о которых позднее рассказывал Гайсин.

Гайсин также участвовал в дебатах Абингдонского Общества в Даунсайде. На заседании 29 октября 1933 года шел спор о современности. Князь Лев Сапега отдавал дань феодальной эпохе, «когда мужчины были мужчинами». Гайсин, напротив, предстал современным молодым человеком, который, как говорилось в «Вороне», «несмотря на свою слегка американскую интонацию, выступал с изяществом и выдержкой, ставшими образцом для прочих ораторов. Он кратко сравнил сегодняшние неудобства с более значительными неудобствами прошлых веков и справедливо отметил, что в наше время в искусстве и литературе происходит ренессанс». Интерес Гайсина к современной литературе возрос, когда он вступил в Литературное общество. Многие встречи общества были посвящены популярным писателям-юмористам, а в номере «Ворона» за апрель 1934 года говорится, что «возможно, несправедливо будет включить в этот цикл доклад, который прочитал мистер Гайсин о поэзии модернизма, хотя именно таким образом он был воспринят частью аудитории; тем не менее, отдельные члены Общества уловили поэтическое вдохновение в некоторых произведениях, которые он читал».

Гайсин покинул Даунсайд в июле 1934 года, но, поскольку он плохо знал латынь, он не мог надеяться на оксфордскую стипендию. Он, между

тем, впитал некоторый «космополитизм», который замечал в других мальчиках. Освободившись от ограничений интерната, Гайсин решил жить согласно собственному, уникальному ритму. Теперь ему было восемнадцать, и через несколько месяцев он отправился в Париж. Он уже никогда не вернется в Эдмонтон из того, что назовет «славным приключением». Его решение ранило Стеллу, и порой она чувствовала себя покинутой. Хотя мать и сын переписывались и изредка встречались (однажды Стелла приезжала в Париж, когда Брайон жил в Бит-отеле), Брайон чувствовал себя виноватым. Но подруга Стеллы, Марион Уилсон, понимала его. Брайон был художником, а «в те времена быть художником в глуши Эдмонтона было совсем не сладко. Это был маленький, консервативный городок». Для Гайсина «настоящий мир был там, в Европе, он ждал меня, Меня».

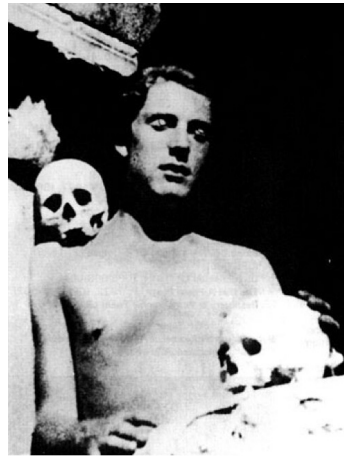
* * *

В середине тридцатых Париж был городом великих возможностей для молодого человека, избравшего творческий путь. Призраки 20-х по-прежнему бродили по его кафе, Гертруда Стайн и Натали Барни правили бал в своих салонах. Гайсин записался в Сорбонну на курс для вольнослушателей, *La Civilisation Française*. Посещал он его редко, но благодаря этому смог получить студенческое удостоверение и стипендию – 15 долларов в месяц. Он поселился в мансарде в доме 17 по рю Сомерар.

Первым салоном, который он посетил, стал салон Натали Барни, которая принимала по пятницам и, сидя во главе большого стола, угощала гостей чаем, весьма аппетитным печеньем и пирожными. Еще раньше Гайсин дважды встречал на званых ужинах Гертруду Стайн, и, как заметила в письме Алиса Б. Токлас, «знал, кто она такая». Ночью он оказался участником совсем другой истории. Гайсин поддался своим инстинктам и потом рассказывал, что таксист-белогвардеец был первым мужчиной, который его соблазнил. Он стал завсегдатаем «Селекта»: днем это было литературное кафе, но по вечерам, как пишет Гайсин в «Семейном альбоме», «Селект превращался в нелепую «Клетку для чудиков»… Пидоры и безумные трансвеститы со всех уголков Европы пробирались сюда, красовались, выпендривались, закатывали сцены, трещали, как попугаи. Члены королевских семей и уличные головорезы терлись плечами и, понятное дело, не только ими. Однажды я задержался допоздна и по самую задницу попал в дичайший переплет. После этой гнусной истории мне уже нечего было скрывать».

Через Мари-Берту Оренш, в ту пору жену Макса Эрнста, Гайсин свел знакомство с сюрреалистами. Андре Бретон опубликовал первый сюрреалистический манифест десять лет назад, и движение проникло в Париже повсюду. Гайсину, которому еще не было и двадцати, предложили представить свои работы на открывавшейся 13 декабря 1935 года групповой выставке сюрреалистических рисунков в галерее *Aux Quatre Chemins*. Кроме Гайсина, в выставке участвовали 23 художника, в том числе Леонор Фини, Макс Эрнст, Сальвадор Дали, Рене Магритт и Пабло Пикассо. Этот шанс, колос-

сальный для юного художника, был безнадежно утрачен. В день открытия Гайсин пошел в галерею и увидел, что поэт Поль Элюар снимает его картины со стен. Элюар сообщил ему, что его исключили по распоряжению Бретона. Бретон, римский папа сюрреализма, славился своими отлучениями, но Гайсину это деспотическое изгнание, случившееся в столь нежном возрасте, показалось проклятием. Годами спустя он списывал свои неудачи на инцидент с Бретоном и разрабатывал конспирологические теории о могущественных силах, пытающихся установить контроль над миром искусства. Он давал различные объяснения своего исключения, самые правдоподобные включали «несубординацию» или недостаточное почтение по отношению к Бретону. Андре Бретон объявил, что 28 января, в день казни Людовика XVI, будет отмечаться день сюрреалистической революции, и распорядился изготовить плакаты, прославляющие новый праздник. Гайсин нарисовал огромную телячью голову в парике, торчащую на пустынном пляже. Он намеревался изобразить отрубленную голову короля, но черты весьма напоминали Бретона. Гайсин подозревал, что и его гомосексуальность тоже сыграла свою роль.



В 1936 году Гайсин принял предложение друга погостить и отправился в Грецию. В рассказе, написанном в это время, Гайсин сообщал, что «чуть не стал в Греции божеством». И в самом деле он был похож на греческую статую, которыми так восхищался в детстве, – превратился в красивого двадцатилетнего юношу с атлетической фигурой. Он утверждал, что в Греции приключился его первый гетеросексуальный роман – с женщиной, которая затем стала важной фигурой в культурных кругах Афин. Однако Элани Арголаки отрицала, что в их отношениях было что-то, помимо пылкой дружбы, и утверждала, что всегда была в курсе его «подлинных наклонностей».

Через некоторое время Гайсин устал от своих приключений с греками и стал говорить, что хочет вернуться в Париж. Однако он заразился сифилисом, и ему пришлось остаться в Греции еще на два года, чтобы завершить курс лечения. Позднее, в одной из своих женоненавистнических тирад, он обвинил бывшую любовницу в том, что она заразила его, но в конечном счете признался, что человек, у которого он жил, уговорил его переспать со своим приятелем «в качестве одолжения». Как выяснилось, всё это подстроил «Грек», решивший оставить Брайона в Афинах любым путем. Теперь ему делали уколы два раза в день. Дополнительное лечение дало возможность выучить греческий, хотя у него параллельно выработалось «отвращение к аборигенам». Когда Гайсин наконец-то сбежал, он пустился в путе-

шествие – Париж, Лозанна, Алжир и Лиссабон, где встречался с друзьями из Даунсайда. Он продолжал рисовать и всюду, где возможно, налаживал связи с «княжеским кругом» титулованных аристократов, которые коллекционировали «маргинальных персонажей», образцом которых и был Гайсин, «из-за их красоты, популярности или просто ради сплетен».

Летом 1938 года в кафе на Левом берегу Сены Гайсин встретил молодую американскую писательницу Джейн Боулз. Она познакомила его с мужем – Полом, учеником Аарона Копленда и уже состоявшимся композитором, хотя ему было всего 28. Как и Джейн, Пол Боулз был немедленно очарован Гайсиным, который появился с привлекательным компаньоном – юным американцем по имени Денэм Фаутс, которого Трумэн Капоте, Кристофер Ишервуд и Гор Видал позднее обессмертят в своих сочинениях. Фаутс курил опиум, нюхал кокаин и был завсегдатаем, как тогда было принято говорить, «общества кафе», среди его приятелей был принц (позднее король) Павел Греческий. У него также была репутация, согласно Ишервуду, «самой дорогой мужской проститутки на свете».

Когда Гайсину было 23, он в конце концов получил возможность выставиться в галерее *Aux Quatre Chemins* в Париже. Это уже было не групповое шоу, а персональная выставка, открывшаяся 19 мая 1939 года. Рецензия в «Поэтри уорлд» отмечала влияние сюрреализма, хотя автор указывал, что теперь предпочитает несюрреалистические формы живописи. Автором рецензии был друг Гайсина Николас Калас, писавший: «…в работах художника, которому еще нет 25-и, важно отмечать не неизбежные влияния или технический потенциал, а ощущение зрителя, что художнику есть что сказать». Калас отметил «сильную личность», которую демонстрируют работы, и объявил Гайсина «самым многообещающим художником своего поколения», но с оговоркой, «что остается увидеть – и это бесконечное испытание для любого художника – как эта сила будет укрепляться».

В день, когда Британия и Франция объявили войну Германии, 3 сентября 1939 года, Гайсин находился в отеле в Уши, прибрежном районе Лозанны. Увлеченный «ослепительным другом», Джованни Станьи, единственным занятием которого было «знать всех», Гайсин «встретил великое множество людей и посетил немало предвоенных вечеринок во взятом напрокат фраке». Благодаря Станьи Гайсин получил мимолетный доступ в этот изысканный мир. Опыт английской частной школы сослужил ему хорошую службу в этом обществе – он обожал аристократию. Десятилетия спустя он все еще вспоминал болтовню с доном Хуаном Испанским о королевском медовом месяце в канадских Скалистых горах или о том, как он встретил семейство Ротшильдов или старого Ага-хана. Он даже слышал интимный разговор о Гитлере за ужином.

В какой-то момент швейцарские власти сообщили Гайсину, что, возможно, он подлежит призыву на военную службу, если останется в стране. Во Франции проходила мобилизация, так что Гайсин направился в Лиссабон. В рассказе о неделе, проведенной в Португалии, он описал велико-

светскую жизнь и пребывание с бразильцем голубых кровей в шикарном отеле «Авиз». Согласно другому рассказу, он жил в «десятисортной» ночлежке для моряков с Косто Гримани, «красивейшим греческим матросом». В конечном счете, он получил в американском консульстве транзитную визу, пересек Атлантику и прибыл в Нью-Йорк.

* * *

Он прибыл в Нью-Йорк в июне 1940 года, в кармане у него были лишь 22 доллара и виза на пятнадцать дней, но ему потребовалось гораздо меньше времени, чтобы познакомиться «со всеми красивыми мальчиками и девочками, делающими кое-что со своими красивыми телами». Делающими кое-что за деньги, вероятно. Важным среди бесчисленных новых контактов был двадцатитрехлетний Джон Тревил Латуш, невысокий, плотный и скороспелый, получивший некоторое признание как либреттист, хотя он предпочитал именовать себя поэтом. Его песня «Баллада для американцев» была исполнена на национальном съезде Республиканской партии в 1939 году, а в 1940-м Латуш укреплял свою репутацию на бродвейской сцене благодаря «Хижине в небе», и именно с его помощью Гайсин нашел штрейкбрехерскую работу помощника по костюмам Ирен Шарафф на семи больших бродвейских мюзиклах 1940 года, в том числе «Глазах банджо» Эдди Кантора на стихи Латуша.

У Латуша в то время было много денег. Он ввел Гайсина не только на Бродвей и в нью-йоркские культурные круги, но и в «подпольный мир черной Америки», в который Гайсин всецело погрузился. Черная культура и темнокожие мужчины весьма его привлекали. Гайсин познакомился со всеми чернокожими художниками и в позднейших рассказах любил добавлять этим встречам изрядный уровень интимности.

Идиллия быстро закончилась: Гайсину пришлось покинуть страну, чтобы обратиться за иммиграционной американской визой. Дождавшись в Гаване, пока придет его очередь на въезд, Гайсин вернулся в Нью-Йорк. Полет от Гаваны до Майами вдохновил несколько воздушных пейзажей. В этих работах Гайсин склонялся к абстракции, использовал технику декалькомании, чтобы создавать воображаемые пейзажи, пренебрегая реальностью. Но «магическая роль» художника была не единственным поприщем, которое его привлекало. Он также писал прозу. «Этот странный взгляд» появился в журнале «Вью» и сюрреалистической секции антологии «Нью Роуд 1943». Позднее «Таун энд кантри» купил и опубликовал два «шаловливых псевдоавтобиографических рассказа с иллюстрациями автора». Рассказы были из рукописи, умело названной «Мемуары мифомана», но она была «досадно» отвергнута несколькими нью-йоркскими издателями. Разочарование Гайсина в беллетристике только укреплялось в ту пору, когда он овладел мастерством рассказчика. Через несколько лет он признался Уильяму Берроузу: «Я не хотел стать великим писателем. Я просто хотел быть ком-

мерческим писателем». Берроуз ответил сухо: «Нельзя писать бестселлеры, если иронизируешь».

В 1942 году Латуш присоединился к экспедиции в Бельгийское Конго, финансируемой бельгийским правительством и, как сообщала «Нью-Йорк Таймс» 8 августа 1956 года, провел 14 месяцев, «блуждая по районам, где не ступала нога белого человека». Учитывая особенности его приключений в Нью-Йорке, это было предприятие, для которого Латуш более чем подходил. Поскольку опекун находился за границей, а показ мюзиклов приближался к концу, Гайсин пустился в самостоятельное приключение – устроился работать сварщиком на верфь в Бейонне, Нью-Джерси. В следующий раз, когда Пол Боулз встретил Гайсина, он пришел к выводу, что тот «прекрасно освоил четвертую из своих национальностей». Гайсин утверждал, что основал на верфи ячейку троцкистской Социалистической Рабочей партии. Услышав это, Боулз не решился сообщить, что является сталинистом, поскольку фракции люто враждовали.

Полтора года Гайсин отработал на верфи, а затем, 4 марта 1944 года, его призвали на военную службу. В воинской анкете он назвал себя «художником». В лагере, расположенном в Аптоне, штат Нью-Йорк, он прошел курс молодого бойца армии США. С досады, отчасти оттого, что так и не стал американским гражданином, рядовой Гайсин предпринял еще одно «элегантное переключение страны, национальности и работы» и получил почетное увольнение из американской армии с тем, чтобы перейти на канадскую службу. Он попытался завербоваться в Канадский Королевский ВМФ и заручился для этого рекомендацией «старого приятеля моей матери» – достопочтенного Джеймса Маккинтона, министра в канадском правительстве. Как бы то ни было, Гайсин оказался в канадской армии, где он с успехом прошел ряд проверок. Его личное дело было оформлено в Лондоне, Онтарио, 24 ноября лейтенантом Р. А. О'Брайаном. В характеристике говорится, что «этот солдат вел очень необычную и необщепринятую жизнь». В документе описаны навыки и путешествия Гайсина, отмечено, что он овладел многими языками, включая французский, португальский, испанский, греческий, а также отчасти арабский и турецкий. О'Брайен пишет, что Гайсин сможет «найти приложение своему знанию языков в разведке и несомненно принесет пользу в службе такого рода…»

В канадской армии Гайсин страстно влюбился в робкого солдата по имени Текс Хенсон, которого счел «чрезвычайно роскошным», поскольку тот был первым чернокожим десантником. Гайсин выяснил, что Текс – правнук преподобного Джосайи Хенсона. (Гарриет Бичер Стоу записала историю жизни старого Хенсона, и на ее основе возникла «Хижина дяди Тома».). Получив увольнительную на две недели, Гайсин проводил время с Джоном Латушем в Нью-Йорке и встретил издателя, вдохновившего его написать книгу, «осуждающую отношения, именуемые «дядятомизмом»». Обстоятельства этого литературного дебюта примечательны. Гайсин был прикомандирован к шотландскому полку канадской армии. Его юбка привлекла внимание Ай-

лин Гаррет, владелицы издательства «Криэйтив Эйдж Пресс». Гаррет была медиумом и за несколько лет до этого прославилась тем, что точно восстановила детали крушения дирижабля R-101. Гаррет немедленно предложила Гайсину тысячу долларов аванса. Книга «Спокойной ночи, хозяин» писалась «в казармах прежде, чем выключали свет, в отелях, в поездах и тех библиотеках, куда можно было пробраться во время увольнительных». Гайсин и Гаррет продолжали общаться и после войны. Он был убежден, что она обладает подлинными магическими способностями, что внушило ему веру в проявления магической вселенной – потусторонние явления, порчу и силу внушения.

3 февраля 1945 года Гайсин получил звание младшего капрала и был определен инструктором в 13-й центр воинской подготовки. Два месяца спустя, признав его лингвистические способности, Гайсина направили в Ванкувер, в школу японского языка С-20 – подразделение канадского разведывательного корпуса. Гайсин нашел Ванкувер «идиллическим», а школу чудесно расположенной, «украшенной японскими садовниками в районе Грей-Поинт». Курс был нелегким, и кандидатов отбирали тщательно.

Целью С-20 была подготовка переводчиков, готовых содействовать секретным операциям в кратчайшие сроки. Для этого были отобраны первоклассные учителя под командованием подполковника Артура Маккензи. Уроженец Токио, Маккензи был сыном миссионера и до 19 лет жил в Японии. Архитектор Артур Эриксон вспоминает его как высококвалифицированного каллиграфа, преподававшего с исключительным рвением, а другую учительницу, миссис Э. Гриффит, «очаровательную японку редкостной красоты и изящества», как мастера изысканной каллиграфии. Курс был поровну разделен между письменной и устной работой, за ним следовало шестимесячное интенсивное изучение военной терминологии, допросов военнопленных, географии и военной доктрины, систематизации и тактики. Несколько слушателей пережили нервные приступы из-за чрезмерных нагрузок, и самого Гайсина дважды помещали в военный госпиталь Ванкувера. Там он и оказался 14 августа, когда японский император наконец-то решил капитулировать после ядерной бомбардировки двух городов.

Когда Р. А. О'Брайен составил последнюю характеристику для демобилизации Гайсина 25 сентября, в ней отмечалось, что успехи военнослужащего в «японском языке были по меньшей мере примечательными». Он рекомендовал властям оказать помощь в возвращении Гайсина к нормальной жизни, отмечая, что «любые расходы на его дальнейшее обучение окупятся сторицею». Подкрепляя рекомендацию, О'Брайен писал, что «полноценно рассказать об этом человеке в лаконичном документе не представляется возможным. Младший капрал Гайсин не подпадает ни под какие обыденные определения и потенциально даже более ценен, чем ныне демонстрируют его достижения…» Он добавлял, что Гайсин «недавно посетил университет Торонто, чтобы записаться на новый курс китайского языка. Он поразил профессора тем, что знает около тысячи китайских иероглифов, и был зачислен». На самом деле Гайсин не стал посещать этот курс, равно

как и не продолжил изучение восточных языков, которые его не интересовали. А вот азиатской каллиграфией он увлекся. Как художник, он обладал врожденным пониманием идей, стоящих за техниками ориентального искусства письма. Позднее появятся его каллиграфические абстракции и теория, что образы могут появляться из сочетания арабской и японской каллиграфии, выстроенной горизонтально и вертикально, но в ту пору для Гайсина текст еще не стал живописью. В этот период своей карьеры он находился под очарованием письменного слова.

Гайсин использовал демобилизационное пособие для возращения в Нью-Йорк и решил сконцентрироваться на литературе. Издательство «Криэйтив Эйдж Пресс» опубликовало «Спокойной ночи, хозяин» и сопроводительный текст «История рабовладения в Канаде», книга получила благожелательные рецензии, включая упоминание в «Нью-Йорк Таймс». Несмотря на это, большие надежды, которые Гайсин возлагал на «Хозяина», не сбылись. Он поселился в штате Нью-Йорк и стал работать над романом, сообщив приятелю: «если кто-нибудь решится его опубликовать, я прославлюсь». Роман так и не вышел. Затем Гайсин попытался повторить успех Джона Латуша, использовав свое знание эпохи рабства для мюзикла. Сочинил либретто и стихи, но – как он сообщил в письме фотографу и эссеисту Карлу Ван Вехтену – ему ответили, что мюзикл «на час короче, чем нужно, и слишком хрупок, чтобы его растягивать».

«История рабовладения в Канаде» помогла Гайсину получить в 1949 году Фулбрайтовскую стипендию, и он отправился во Францию, чтобы изучить правовые основания англо-американских законов о рабстве. Он получил письменные рекомендации от Карла Ван Вехтена и двух профессоров истории из Колумбийского университета, хотя преподаватель-гей, член жюри, признался ему: «Мы их дали, потому что нам понравилась твоя фотография». Гайсин надеялся попасть в Сорбонну, но только университет Бордо согласился рассматривать его исследование как материал для докторской диссертации.

Проведя зиму 1949–50 годов в книгохранилищах Бордо, Гайсин решил прекратить проект, хотя и упоминал, что готовит путешествие в Африку, на Невольничий берег, где, как он убеждал Ван Вехтена, «еще не побывал, насколько мне известно, ни один историк». В 34 года он плыл по воле волн и не знал, куда двигаться дальше. Его жизнь до этой поры была долгой подготовкой, но к чему, оставалось неясно.

* * *

Весной 1950 года Брайон Гайсин рисковал утратить репутацию многообещающего молодого стипендиата. Он мог стать серьезным и одаренным молодым человеком, а мог и неугомонным бездельником. За половину своей жизни он немало сделал, но по общепринятым меркам немногого достиг. Он был ученым без академической степени, многообещающим художником, более десяти лет не участвовавшим в выставках, он был писателем, попытки

которого опубликоваться не имели особого успеха. Несмотря на интеллектуальную изощренность, личное обаяние, высокопоставленных знакомых и радикальные творческие импульсы, карьеру он сделать не смог.

Гайсин временно возобновил скитания по парижским кафе и навестил Алису Б. Токлас, с которой отлично поладил. Встретился он и с Полом Боулзом. Пол и его жена Джейн только что воссоединились после возвращения Пола из Лондона, где его роман «Под покровом небес» был с восторгом встречен в литературных кругах. В США первый роман Боулза десять недель держался в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс». Успех Боулза ярко контрастировал с настроением Гайсина. Он чувствовал, что Гайсин в депрессии и решил, что Танжер может стать хорошим противоядием от этого недуга. Гайсина пригласили провести в Марокко одно лето, но он прожил там с небольшими перерывами двадцать три года.

Боулз полагал, что склонность Гайсина к странному и экзотичному привлечет его к марокканской жизни. Хотя Гайсин и пребывал в восторге от своего экзотического опыта, его погружение в арабский мир не было быстрым. Оказавшись в Мадриде в ноябре 50-го после шести месяцев, проведенных в Марокко, он написал Ван Вехтену о том облегчении, которое испытал, выбравшись «за пределы Африки, наконец-то! И очень вовремя к тому же…» Он сетовал, что ни разу в жизни так часто не болел. Безденежье, на которое он жаловался постоянно, требовало от Гайсина возвращения в Нью-Йорк или Париж. В какой-то момент он даже решил, что есть только один выход – вернуться в армию. И все же он одобрял Марокко, как «дикий запад духа». Он был очарован непривычной свободой нравов в Интерзоне Танжера, персонажами, обосновавшимися там – богема и *haute société* вперемешку, – а также марокканской магией. Приятель, художник Хамри, познакомил Гайсина с мусульманскими обычаями и нравами. Гайсин постепенно осваивал обыденные ритуалы и неизменные условности марокканской жизни.

Временно поселившись в доме Боулза в медине, Брайон жил на втором этаже в комнатах Джейн, которая осталась в Париже. Пол обосновался на четвертом. Отдельные входы позволяли каждому входить и выходить, не беспокоя соседа. Повара, которого они взяли, время от времени нанимала наследница «Вулворта» и «бедная богатая девочка» Барбара Хаттон, владевшая соседним дворцом. Боулз и Гайсин вскоре направились в Фес и Марракеш, первое путешествие в пустыню, которое заманило Брайона еще глубже в Марокко и Сахару. Он был потрясен, когда обнаружил там средневековый мир, где по-прежнему властвовали древние силы.

В начале 1951 года Боулз упомянул в разговоре с Гайсиным, что хотел бы обзавестись автомобилем и путешествовать куда вздумается. «Ну так купи, – сказал Брайон, – ты ведь можешь себе позволить». Подчиняясь влиянию Гайсина, через две недели Пол обзавелся «ягуаром»-кабриолетом. Брайон предложил прокатиться, чтобы испробовать машину, и цель была достигнута в первый же день, когда полностью экипированный водитель Темсамани врезался в телеграфный столб с такой силой, что тот расколол-

ся пополам. Последовало авантюрное путешествие, в ходе которого «ягуар» пришлось извлекать из зыбучих песков, он стал узником двухдневной песчаной бури и, если верить Темсамани, джинны поселились в его моторе.

Боулз позднее назвал Гайсина «идеальным компаньоном в путешествиях, более наблюдательным и сосредоточенным, чем я, и обо всем осведомленным». Вместе они странствовали сперва по югу Марокко, потом по алжирской Сахаре до Бешара, пробирались в недоступные места, к которым вели только тропы – пейзажи безмерной пустоты и жестокости, запечатленные в «Под покровом небес». Во время поездки Боулз работал над вторым романом «Пусть льет». Гайсин также написал цикл марокканских рассказов, но, несмотря на все его старания, ни один не был напечатан до 1984 года, когда сборник выпустило небольшое американское издательство «Инкблот».

Зимой 1952 года Гайсин вернулся в пустыню без Боулза, он странствовал по «зыбким нагим равнинам в бесконечном многообразии запустения». В Сахаре он обнаружил «прекрасную тропу… из ниоткуда в никуда». По этой тропе он будет путешествовать много раз в своих картинах, в своих книгах и в мечтах.

Его путешествие завершилось на средневековой площади Марракеша Джамаа-эль-Фна. Именно там, на этой большой площади, где горланили предсказатели, глотатели огня и заклинатели змей, водоносы с овечьими бурдюками и торговцы афродизиаками с притираниями для потенции, где грохотали барабаны и дудки, британская искательница приключений Фелисити Мейсон впервые увидела сидящего на террасе кафе Брайона Гайсина – симпатичного европейца со странными зелеными глазами и в твидовом пиджаке. В мемуарах «Поиски любви» (опубликованных под псевдонимом Энн Камминг), в которых она рассказывает о своих эротических приключениях, Мейсон описывает Гайсина так: «художник, поэт и самый интересный человек, которого я встречала в жизни. Я почувствовала странное родство, не имевшее ничего общего с сексом».

Когда к нему подошел приятель, он представил ее: «Это моя сестра. Она только что приехала».

Они провели вместе много времени, и Мейсон называла Гайсина самым мужественным гомосексуалом из своих знакомых. Как и Фелисити, ему нравились молодые гетеросексуальные парни, и возможность затащить натурала в постель неизменно его увлекала. Он шутил, что «с кем бы он ни переспал, Фелисити всегда его уводила». Ирония была в том, что, хотя Брайон был женоненавистником, именно женщины всегда ему помогали, и первой принесла себя в жертву его мать.

Вернувшись в Танжер, Гайсин снова взялся за кисть и стал писать пейзажи Сахары. Пол Боулз наблюдал за работой Брайона, после чего они приняли приглашение Альберта Ротшильда посетить Италию и провести несколько недель в его вилле на берегу озера Орта. Боулз интересовался техникой его живописи. Гайсин капал чернилами на лист бумаги, накрывал его другим листом и, понемногу смещая вправо и влево, создавал досто-

верные тени. Рисунки, которые пробуждали настроение пустыни, ее бесконечную красоту и постоянную угрозу, ее поэзию и тайну, были показаны в нескольких небольших залах в Марокко: в галерее под открытым небом «Брикабрак» на рю де Статю в Танжере, в библиотеке «Катакумбия» в Марракеше, позднее в Канарском музее. Пейзажи также выставлялись в Риме, Нью-Йорке и Лондоне.

На выставке в танжерском отеле «Рембрандт» в январе 1954 года Брайон Гайсин впервые встретил Уильяма С. Берроуза, который впоследствии станет его ближайшим другом и соавтором. Идеи Гайсина оказали на Берроуза серьезнейшее влияние. Они жили вместе в Париже, Нью-Йорке и Лондоне, писали книги и проводили эксперименты. Но подружились они уже после Танжера, а начало их знакомства оказалось малоприятным. Посмотрев выставку сахарских пейзажей, Берроуз не оценил их, и еще меньше ему понравился художник. «Рисовать он умеет, но смысла в этом нет, – решил Берроуз, – в лучшем случае, запомнят, что он изображал Сахару». И Гайсин не потрудился скрыть, что ему не нравится Берроуз, продемонстрировал холодное высокомерие и признался Боулзу: «Не хочу иметь ничего общего с наркоманами». Несколько месяцев спустя Берроуз столкнулся с Гайсиным в баре «Динс» в Танжере и тоже был встречен враждебно: «Брайон Гайсин был там и пытался меня игнорировать, но мне знакомы повадки этого унылого племени», – писал Берроуз Аллену Гинзбергу 24 июня 1954 года.

Гайсин теперь нашел новое поприще – на этот раз, пожалуй, самое невероятное – модного ресторатора. Идея возникла благодаря его интересу к музыке и магии. Боулз пригласил его на религиозный фестиваль муссем, где среди трансовой музыки экстатических братств звучали флейты, играющие странную, завораживающую «музычку», которая прежде не была ему знакома. Гайсин был потрясен дикими флейтами горного племени Аль-Сериф: «Тайной, охраняемой даже от них самих, было то, что они по-прежнему отправляли Ритуалы Пана под изношенным покровом ислама».

Гайсин решил, что хочет слушать эту музыку каждый день до конца своей жизни. Он занялся музыкально-магическим бизнесом в Марокко. В декабре 1954-го он открыл в Танжере ресторан, в котором выступали музыканты из деревни Джуджука. Ресторан «1001 ночь» располагался в дворце Менебхи в районе Марсан. «Танжерс газетт» назвала его «тем самым марокканским рестораном, который люди тщетно искали годами». «1001 ночь» быстро стал центром экспатской жизни в Танжере. Акварели Гайсина с алжирскими и марокканскими пустынными пейзажами украшали стены, слухи об исключительном качестве и разумных ценах быстро распространились. Когда Кристофер Ишервуд посетил ресторан в ноябре 1955 года, он был особенно впечатлен мальчиками, танцующими под флейты Пана. В дневнике он отметил «их небрежное изящество, неуловимые, но точные движения, нежно-насмешливую благодарность, когда даешь им деньги… Движения их бедер и соблазнительные игры с шарфами очень педерастические и в то же время естественно мужественные: в этом нет привкуса травести-шоу». Ре-

сторан «1001 ночь» стал сценой таких светских событий, как прием в мавританском стиле по случаю бракосочетания французской актрисы Коринн Кальве, игравшей в фильмах «Далекий край» и «Какова цена славы», и американского актера Джеффа Стоуна. Согласно репортажу в местной газете, невеста, «восхитительная в сияющих голубых кружевах», разрезала свадебный пирог изогнутым марракешским кинжалом под вспышки фотокамер.

«1001 ночь» обеспечил Гайсину пропуск в танжерское общество. Его марокканские деликатесы даже заслужили упоминания в знаменитой поваренной книге Алисы Б. Токлас вместе с рецептом пастилы с гашишем. Токлас, между тем, не знала, что представляет собой таинственный ингредиент «каннабис», и позднее протестовала: «конечно же, мне не было известно латинское название». Нет сомнений, что ее взбесил «вульгарный злобный абзац» в опубликованной 4 октября 1954 года рецензии в журнале «Тайм», намекавшей, что эффективный ингредиент этого рецепта «может представлять собой ключ к некоторым не самым суетным строкам Гертруды Стайн». Поскольку сомнения возрастали, издатель Токлас немедленно телеграфировал генеральному прокурору США с просьбой определить легальность рецепта пастилы с гашишем, и из переиздания книги он был удален. Токлас, между тем, была восхищена, что, благодаря ее «чудесному другу», она, сама о том не ведая, «провела лучший пиар-трюк года».

Когда приходил его ежемесячный денежный перевод, Берроуз появлялся в «1001 ночи». Ему нравилась кухня, но Гайсин производил на него впечатление персонажа, «который слова доброго ни разу ни о ком не сказал, хотя именно таким и должен быть владелец модного ночного заведения. Каждый посетитель хочет оказаться исключением, единственным человеком, который ему в самом деле нравится». Несмотря на популярность у состоятельных клиентов, финансовое положение ресторана ухудшилось после того, как в 1956-м году Марокко обрело независимость.

В последний раз, когда он ужинал в «1001 ночи», Берроуз стоял у дверей и ждал, пока кто-то расплатится, и тут заметил странную пару. Джон и Мэри Кук были первыми богатыми американскими хиппи, с которыми познакомился Гайсин: они носили одежду для путешествий по пустыне и сандалии, но были увешаны драгоценностями. Они принадлежали к числу первых последователей Л. Рона Хаббарда, основателя сайентологии. Джон Кук обрил голову и отпустил бородку. Пара приехала из Алжира и утверждала, что их

направила к Гайсину доска уиджа. Они платили наличными, пили только шампанское, устраивали пышные вечеринки в ресторане и в конце концов вложили в него деньги. Гайсин оказывал им всяческое покровительство, поскольку страстно нуждался в финансовой поддержке.

Куки со свитой перебрались в роскошную виллу, которую сняли на побережье возле столицы Алжира, и предложили Гайсину переехать к ним. Финансовые обстоятельства не позволяли ему ответить отказом. Кроме того, он испытывал определенное влечение к Джону Куку, которого разбил таинственный паралич, и согласился быть его «ногами», ухаживать за ним. В августе 1956-го Гайсин объявил, что «1001 ночь» закрывается на три месяца. В Алжире он обрил голову и отпустил бородку, подражая Куку, внимательно слушал его лекции по сайентологии и применял ее на практике, «прослушивая» посетителей. Он пускался в невероятные приключения с Куком, который делал ловушки для привидений из медной проволоки и вызывал потусторонние явления. Но между Гайсиным и Мэри Кук магии не было, он ссорился с нею и прозвал ее «Жуткая Мэри». В октябре «Танжерс газетт» сообщила, что «ресторан «1001 ночь» не откроется, если не найдется владелец, квалифицированный, чтобы продолжать управление в прежнем духе». Позднее Гайсин говорил, что «потерял бизнес из-за расписки, данной дружественной американской паре, которая хотела меня выручить». Вместо этого Мэри Кук помогла ему «убраться из ресторанного бизнеса». Она сообщила Брайону, что в его услугах «1001 ночь» больше не нуждается. Впервые в жизни Гайсин расплакался.

Он был убежден, что причина в чем-то куда более зловещем, нежели долги или неправильное управление рестораном. В одной из вентиляционных шахт ресторана нашли записку с проклятием. Надпись по-арабски образовывала сетку. Увидев записку, марокканцы, работавшие на кухне, в ужасе разбежались. Послание, адресованное джинну дыма, переводилось так: «Пусть масса Брахим [Брайон] покинет этот дом, как дым покидает огонь, и никогда не вернется…» Гайсин снова попытался открыть ресторан, но неудачно, поскольку поссорился с менеджером, Хамри, и тот забрал музыкантов. Сорокалетний Гайсин оказался на улице в единственной рубашке, но у него возникла заманчивая идея. «Я понял, что это был очень интересный типичный пример… каббалистического квадрата, и я начал его применять… в собственной живописи, когда вернулся в Париж в 1958 году».

* * *

В Париже осенью 1958 года Гайсин злоупотреблял гостеприимством княгини Русполи, светской дамы, которую знал по Танжеру, и однажды наткнулся на Берроуза на площади Сен-Мишель в Латинском квартале. К тому времени Гайсин решил, что с Берроузом стоит знаться, а Берроуз решил забыть, что этот человек, которого он назвал «параноидальной сучкой на колесах», четыре года относился к нему высокомерно. Берроуз нашел Гайсина «изуми-

тельным рассказчиком». Он говорил о греческих мифах, Куках и сайентологии, магической вселенной, диковинных проявлениях арабской культуры и, – что особенно занимало Берроуза, – Хасане-ибн-Саббахе, персидском проповеднике XI века и предводителе вдохновленных гашишем ассасинов. В честь последователей Хасана стали именовать политических убийц. Сам термин «ассасин» происходит от «гашишин», пожиратель гашиша. Адептов награждали за их деяния наркотическими посещениями тайного Сада Наслаждений в крепости Хасана-ибн-Саббаха Аламут. Гайсин поделился с Берроузом книгами на эту тему, и вскоре таинственные упоминания стали появляться в письмах Берроуза друзьям, таким, как Аллен Гинзберг, в сочетании с именем Гайсина: «…через все ваши небеса смотрите на безмолвные письма Брайона Гайсина Хасана Саббаха».

Берроуз подыскал Гайсину комнату в дешевом отеле в доме 9 по улице Жи-ле-Кёр. Краска облезала, телефонов не было, и, если кто-то намеревался принять ванну, приходилось доплачивать и предупреждать заранее, чтобы нагрели воду. Поскольку у гостиницы не имелось имени, Гайсин сначала назвал ее «Безымянный отель», но она получила известность, как Бит-отель. Джек Керуак и Гинзберг уже останавливались там, Берроуз и Грегори Корсо были в числе постоянных жильцов. Как впоследствии вспоминал Гайсин, «годы в Бит-отеле были полны экспериментов… это было правильное время, правильное место и правильные люди».

Следующие четыре года, проведенные в Бит-отеле, станут самым творчески насыщенным периодом в жизни Брайона Гайсина. Все, что он делал прежде, все его ранние опыты вдохновили его живопись и эксперименты, особенно «écritures», картины из слов. Эти каллиграфические абстрактные композиции были основаны на наложениях японского шрифта, читавшегося вертикально, и арабского письма, идущего справа налево, так что возникала решетка, магически преображавшая язык. Такие решетки, утверждал Гайсин, применяются для хранения человеческих знаний, от каббалистической магии до компьютерной математики. Берроуз восторженно сообщал в письме: «Я вижу в его картинах духовный пейзаж моих работ. Он делает в живописи то, что я пытаюсь делать в литературе. Он считает свои картины дырой в ткани так называемой «реальности», через которую изучает подлинность, существующую в космосе. Он проникает в картину и движется сквозь нее, его жизнь и рассудок стоят на кону, когда он рисует. Незачем и говорить, что ни один арт-дилер не интересуется его живописью». Гайсин влиял на Берроуза, но и раскрепощающее воздействие личности Берроуза на Гайсина было столь же значительным.

Магия беспрепятственно проникала из их творчества в повседневность. Фантазия подстегивалась гашишем, и паранормальные происшествия начали происходить регулярно и стремительно. У Берроуза была цепочка для ключей с маленьким стальным шариком на конце и, глядя на него, Гайсин объявил, что видит нечто. Берроуз стал вглядываться и обнаружил тот же образ – гроб на мусульманских похоронах. Затем Брайон попытался

экспериментировать с отражениями, иной раз вглядывался в зеркало часами, предполагая, что сможет разглядеть свои прежние инкарнации. Берроуз и Гайсин походили на призраков. Берроуз написал Аллену Гинзбергу, что «многие люди обсуждают мою растущую невидимость…». Роджер Кнёббер, молодой американец, живший в Бит-отеле, был свидетелем исчезновений. Он дважды видел, как исчезает Гайсин. Все обкуривались, Гайсин включал музыку из Джуджуки, потом подходил к занавеске в комнате и постепенно начинал сливаться с ней. «Брайон исчезал прямо у меня на глазах на десять, пятнадцать или двадцать минут, а потом возвращался… Уверяю тебя, это далеко не самая потрясающая история, которую ты услышишь о Брайоне Гайсине».

Гайсин оказался в центре странных событий, возвестивших новое направление в его и Берроуза творчестве. Работая в номере 25 в октябре 1959 года, Гайсин вырезáл паспарту для рисунка и пронзил бритвенным лезвием «Стенли» лежавшую внизу стопку газет. Собрал обрывки страниц и стал объединять тексты в произвольном порядке. Результаты оказались удивительными, напоминая о технике сюрреалистов – автоматическом письме Тристана Тцары, который сочинял стихотворения, извлекая слова из шляпы. Гайсин вспомнил, что за полгода до этого говорил Берроузу о необходимости напрямую применять в литературе технику живописи. Первые «нарезки» были составлены из материалов статей, опубликованных в лондонских газетах «Обсервер», «Дейли мейл» и нью-йоркской «Херальд Трибюн». Для Берроуза открытие имело неотложное и великое значение.

Гайсин и Берроуз посвятили в свое открытие других обитателей Бит-отеля, включая Грегори Корсо и южноафриканского поэта Синклера Бейлса. Вскоре все стали экспериментировать с новым методом, используя сначала газеты и журналы, а затем и книги. Когда в ноябре 1959 года журнал «Лайф» опубликовал насмешливый очерк о битниках, он тоже состоял из нарезок. Новые стихотворения-нарезки были созданы с использованием строк Шекспира и Рембо, журнальных статей о вирусе полиомиелита или заболеваниях животных в Африке. Плоды этих экспериментов появились в марте 1960 года в книге «Осталось несколько минут» – наполовину сборнике стихов, наполовину манифесте. Это был первый опыт сотрудничества Берроуза и Гайсина, в котором приняли участие Корсо и Бейлс. Гайсин написал заглавное стихотворение, сообщавшее: «…галлюцинирующий пришел объявить вам что ваши коммунальные услуги закрыты за снами следят мысли направлены секс прикрыт повсюду». Он призывал прочих «разрезáть» и «стереть слово».

Позднее в 1960 году Берроуз и Гайсин выпустили второй сборник нарезок «Дезинсектор!». В книгу также вошли «поэмы превращений», такие как «Джанк Нехорош Крошка» – слова, претерпевшие многочисленные мутации: «Нет Джанк Хорош Крошка». Берроуз создавал нарезки с впечатляющей скоростью. В «Каталоге архива Уильяма Берроуза» Барри Майлз описывает более шести тысяч страниц рукописей, появившихся в 1958–1964 годах, этот материал был использован в книге «Нова-экспресс» (1964).

Роман Берроуза «Билет, который лопнул» завершается каллиграфией Гайсина и фразой «Молчание говорить прощай».

Другие авторы – например, поэт Гарольд Норс – тоже использовали метод нарезок. Хотя Норс поселился в Бит-отеле уже после того, как эксперименты начались, он изобретательно распространял концепцию и уговаривал Гайсина писать и публиковать теоретические работы о нарезках. В «Отеле Нирвана» Норс описывает «бит-отель, где я нарезал свою жизнь». В «Мемуарах незаконного ангела» он пишет: «мы верили, что обрели новое видение и метод выражения нового измерения сознания». Новый метод захватил многих. Узнав о нем от Берроуза, Тимоти Лири решил, что «суть всего – нарезка. Режь слова. Режь картины. Выпари их до сути».

Некоторые – например, Гор Видал, – считали, что влияние Гайсина, «блистательного существа», укрепило репутацию Берроуза и «особенно его литературное «я»», другие придерживались мнения, что влияние Гайсина затормозило его карьеру. В письме Аллену Гинзбергу 21 июня 1960 года Берроуз призывал его резать стихотворения, убеждая, что «бояться нечего… Не думай об этом. Не теоретизируй. Попробуй». Гинзберг попробовал разрезать речи Хрущева и Кеннеди о кубинском ракетном кризисе и решил, что от этого был толк, поскольку родилась фраза «задача этих маневров – наступательное оружие». Но хотя Гинзберг признавал технический принцип нарезок, сама идея вызывала у него отторжение, даже возмущение, поскольку он считал, что его поэзия «зависит от бытия внутри языковой структуры».

Гинзберг обсуждал нарезки с Керуаком, который восхищался Берроузом-прозаиком. Керуак приводил фразу «Мотель… Мотель… Мотель… одиночество стонет над всем континентом как туманные горны над маслянистой водой спокойных рек…» из «Голого завтрака» как пример естественно произошедшего сбоя в структуре прозы Берроуза, но считал, что метод нарезок как таковой является «видом интеллектуального упражнения». Грегори Корсо также забросил эту технику после недолгого флирта с ней. Пол Боулз, получивший письмо-нарезку от Берроуза, также выразил сомнение в разумности такого подхода, на что Берроуз ответил: «в руках мастера он становится жизнеспособным приемом». Сопротивление окружающих, казалось, только укрепляет связь между Гайсиным и Берроузом, обнаружившим, что нарезки открывают тайные значения. Например, одна нарезка звучала так: «сырые нищие ветры ненависти и неудач выдули выстрел». Берроуз решил, что речь идет об уколе героина, однако Гайсин указал ему на подлинное значение – выстрел, который убил его жену Джоан. Используя эти возможности откровений, Берроуз начал применять метод нарезок к словам своих знакомых в расчете раскрыть их подлинные намерения. Заинтересованный изменениями, произошедшими с Берроузом, Гинзберг приехал в Париж в апреле 1961 года и сразу направился в Бит-отель, но Берроуз только что выписался и уехал в Танжер. Когда Гинзберг в конце концов встретился с Берроузом, он увидел, какое влияние оказал Брайон на характер его друга.

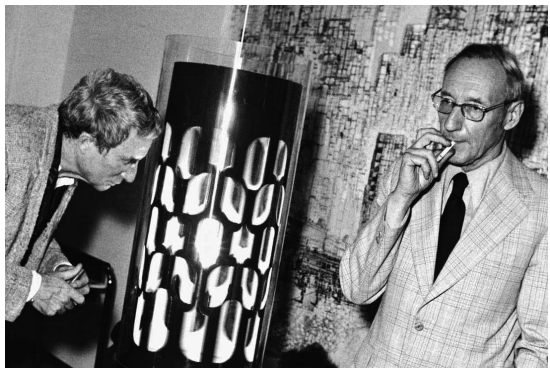
В феврале 1961 года Гайсин экспериментировал с псилоцибиновыми таблетками, посланными Берроузу гарвардским профессором Тимоти Лири. В письме Лири Гайсин описывал свой грибной опыт: «Быстро словил кайф, и сбивчивый кайф обломался так внезапно, что я решил, что ощущения закончились, но затем где-то на периферии зрения возникли восхитительные мелкие ощущения тайной осведомленности и продолжались несколько часов». Через несколько дней он принял пять таблеток и сделал несколько рисунков в блокноте. Он сообщил Лири, что показал их знакомому французу-психиатру, который без подсказки обнаружил в них «необычность». Лири ответил, что «интенсивность реакции при приеме умеренной дозы соответствует ожиданиям» и обещал прислать еще таблеток.

За интенсивные эксперименты в Бит-отеле Гайсину пришлось заплатить душевным равновесием. В 1961 году, когда он находился в Риме, его навестил Роджер Кнёббер, юный друг из Парижа. Гайсин хотел заняться сексом с Кнёббером. Они пошли на вечеринку, и оба люто напились джина. В какой-то момент Гайсин разозлился, решив, что объект его страсти флиртует с кем-то другим. Они вернулись в мансардную студию, где остановился Гайсин, и после бурного скандала Гайсин схватил мастихин и порезал молодому человеку лицо. Гайсина несколько лет преследовали воспоминания о «припадке безумия и ревности», он принес извинения Кнёбберу, однако с годами становился все более параноидальным, злым и раздраженным, считал, что чего-то недополучил в жизни. Похоже, временами атмосфера опьянения и диковинной магии обостряла эти дурные черты.

Ирония ситуации состояла в том, что Брайон Гайсин сам обрел творческую силу и ему наконец-то стали уделять внимание. Он продолжал работу над циклом каллиграфических картин, начатым в 1958 году, пользовался успехом у коллекционеров и удостоился внимания критиков. В рецензии на его персональную выставку в римской галерее «Трастевере», «Арт Интернешнл» превозносил Гайсина как «художника, который увлечен структурными проблемами ощущений и с большой беспристрастностью и любопытством изучает возможности чувственного обогащения». Самой важной выставкой в 1963 году стала групповая экспозиция *La lettre et le signe dans la peinture contemporaine* с Саем Твомбли, Марком Тоби и другими художниками в галерее Валери Шмидт в Париже. Гайсин разработал рукописный шрифт и обеими руками писал на полотне. Хотя «Арт войсез» сообщал, что полученные «тексты» приобрели «те же выразительные свойства, что и шедевры исламской каллиграфии», шрифт был бессмысленным и с тем же успехом мог оказаться символикой инопланетян.

Иэн Соммервиль, математик, выпускник Кембриджа и блистательный юный бойфренд Берроуза, помог Гайсину применить метод нарезок к аудиозаписи и фотографии. Берроуз и Гайсин постоянно использовали его технические и научные познания. Эксперименты с магнитофонными записями проводились в сложных обстоятельствах. Система электропроводки в доме 9 по улице Жи-ле-Кёр была столь чувствительна, что владелица, мадам Рашу, немедленно определяла, не подключил ли кто-то незаконную электроплитку. Чтобы тайком включить магнитофон, приходилось выключать весь свет в комнатах. Итоги экспериментов с аудиозаписями, кинофильмами, текстами и картинами были представлены в Институте Современного Искусства в Лондоне. В Париже Гайсин принимал участие в *Domaine Poétique* с Бернаром Хайдсиком и другими звуковыми поэтами. В 1961 году Би-Би-Си полностью записала стихотворение «Я есть то что я есть» для программы «Стихотворения перемещений Брайона Гайсина». «Я есть что я есть / То есть я что я есть / Есть я то что я есть / Что я есть что я есть…»

С помощью Иэна Соммервиля Гайсин также занимался разработкой устройства, которое, как он надеялся, объединит его творческие способности с приземленным расчетом заработать на жизнь. Он окрестил его первым художественным объектом, на который следует смотреть с закрытыми глазами, и считал, что изобретение принесет ему состояние. Идея возникла 21 декабря 1958 года, когда Гайсин ехал на автобусе в Марсель. Автобус мчался по дороге, вдоль которой росли деревья, сквозь них светило заходящее солнце, Брайон закрыл глаза и испытал трансцендентальную бурю цветных видений. Они резко оборвались, когда автобус миновал деревья. Поместив цилиндр с прорезями на диск граммофона, крутящийся со скоростью 78 оборотов, затем вставив внутрь лампочку, чтобы свет мелькал с точными промежутками каждую секунду, Соммервиль смог воспроизвести опыт Гайсина. Теория состояла в том, что, даже если глаза зрителя закрыты, имитация альфа-волн, попадая на оптический нерв, пробуждает видения, хотя, как Соммервиль написал в «Олимпии», «интенсивность эффекта зависит от личности, меланхоликов зачастую это раздражает, некоторые вообще ничего не видят». Гайсин расписал Машину сновидений каллиграфическими рисунками и подал патентную заявку на «процедуру и аппарат для производства художественных ощущений». Изобретение было продемонстрировано в декабре 1961 года на выставке *L'Objet* в музее декоративного искусства в Париже.

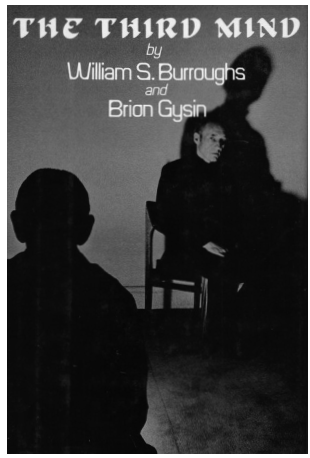


Гайсин был одержим Машиной сновидений, которую воспринимал и как важный художественный прорыв, и как схему быстрого обогащения. Он с энтузиазмом демонстрировал ее потенциальным спонсорам, среди которых были Элена Рубинштейн и Пегги Гуггенхайм. Какое-то время образец был выставлен в витрине парижского бутика Рубинштейн, но она ничего не заплатила, и, в конце концов, Гайсину пришлось его забрать. Корпорация «Филипс» отрядила сотрудника изучить ее рыночные возможности и вновь безрезультатно. И все же Гайсин был воодушевлен известностью, которую получила Машина. О своих художественных заслугах он восторженно сообщал в «Олимпии»: «Машина сновидений приведет к завершению периода кинетических изобретений в современной живописи и скульптуре» и с характерной недосказанностью намекал, что она способна «довести изменение сознания до того, что границы видимого мира будут разрушены».

Хотя Берроузу казалось, что жизнь в Бит-отеле будет продолжаться бесконечно, всё внезапно завершилось. Гайсин и Берроуз отправились в Нью-Йорк. Когда они вернулись, уже не было никого, кто бы предоставил им прежние комнаты, ибо мадам Рашу ушла на пенсию. Вспоминая годы, проведенные там, Берроуз писал в «Пляжном отеле»: «Это была магическая передышка, и, как все такие передышки, очень короткая». Гайсин описал дом 9 на Жи-ле-Кёр в романе 1986 года «Последний музей»: там отель перенесен в Калифорнию под названием «Бит-музей».

В конце 1964 года по приглашению светской дамы Лейлы Хедли, автора элегантных очерков о путешествиях, Брайон Гайсин отправился в Нью-Йорк ради маркетинга Машины сновидений. Уильям Берроуз решил присоединиться к нему. Хотя с помощью Хедли Гайсину удалось подыскать агента, он не добился успеха в маркетинге самой машины. Берроуз, который неизменно его поддерживал, всегда подозревал, что машина не принесет денег. Гайсин, между тем, обвинял тот самый заговор могущественных сил, чьи злобные происки он усматривал в своем изгнании из сюрреалистической группы. Недостаток поддержки со стороны американских корпораций объяснялся не столь зловеще: существовали опасения, что мерцание будет порождать не галлюцинации, а эпилептические припадки. В конце концов, Машина сновидений была выпущена небольшим арт-тиражом, а ее схемы были изданы другом Гайсина Дженезисом Пи-Орриджем.

В Нью-Йорке Берроуз и Гайсин занимались самым значительным совместным проектом. «Третий ум» должен был стать пояснительным трактатом к методу нарезок с обширным включением коллажей и графики. Идея названия пришла из «Пустошей» Т. С. Элиота – «кто третий, что следует с тобою неотступно?», заодно это и намек на рассказ исследователя Антарктики сэра Эрнеста Шеклтона, писавшего, что его истощенным спутникам казалось, будто у них на одного человека больше, чем было на самом деле. Берроуз также подразумевал «Думай и богатей» – руководство Наполеона Хилла, утверждавшего, что всякий раз, когда два ума объединяются, возни-



кает третий. Берроуз чувствовал, что «мы были в состоянии создать третий ум».

Джон Джорно, молодой экс-брокер с Уолл-стрит, поэт и «звезда» шестичасового киноэпоса Энди Уорхола «Сон», наблюдал за ходом работы и был поражен энергией, возникавшей между Гайсиным и Берроузом. Джорно познакомился с Гайсиным в феврале 1965 года на приеме в честь Берроуза. Они были пьяные или обкуренные, или и то, и другое сразу, и немедленно испытали сильное влечение друг к другу. Гайсин попросил Джорно позвонить ему в отель «Челси», и через несколько дней они стали любовниками. Вместе они отправлялись в бесчисленные кислотные трипы. Джорно чувствовал себя эмоционально и интеллектуально привязанным. Двадцативосьмилетний, он только начал писать стихи и воспринимал Гайсина как «великого учителя». Он видел, как Берроуз и Гайсин трудятся вместе, работают с нарезками, образами, магией объекта. Гайсин не забывал и о практическом применении магии. У него всегда имелся гашиш, а в отеле «Челси» он даже получил плитку по почте. Гашиш был так плохо упакован, что проел тонкую оберточную бумагу. Удивительно, но таможня запечатала конверт и переслала Гайсину.

«Третий ум» стал вершиной сотрудничества Берроуза и Гайсина. В книгу вошли всевозможные комбинации текстов, фотомонтажа и каллиграфии. Повсюду были решетки, и Гайсин изобрел красильный валик для симуляции зрительных ощущений, создаваемых Машиной сновидений. Издательство *Grove Press,* выпускавшее книги Берроуза, первоначально проявило интерес, но затем отказалось по коммерческим соображениям. Маленькие издательства не могли выпустить книгу, поскольку затраты на печать предстояли огромные. «Третий ум» был завершен в 1965 году, но опубликован лишь в 1976 во французском переводе, а в 1978 английское издание было выпущено издательством *Viking,* и в нем отсутствовали самые инновационные и стимулирующие части – многочисленные иллюстрации. Еще один великий замысел Гайсина пошел прахом. Это, говорил он, «одна из печальнейших историй в издательском деле».

Хотя они оставались друзьями, Берроуз больше не сотрудничал с Гайсиным. В сентябре 1965 они отправились в Лондон – Берроуз решил остаться, а Гайсин предпочел вернуться в Марокко. В каком-то смысле он поступил так, потому что потерпел поражение. Когда они познакомились в Париже в 1958 году, оба равно не могли претендовать на большую значимость. Можно даже сказать, что преимущество было у достижений Гайсина. Теперь, когда их сотрудничество завершилось, не возникало вопроса, на чьей стороне преимущество. Мир гораздо больше интересовался Берроузом.

* * *

Уединившись, Брайон Гайсин начал работу над «Процессом», романом, который поглотил большую часть из трех лет, проведенных в Марокко. Смерть матери в январе 1966-го и его собственный возраст – ему только что исполнилось пятьдесят – добавили элегическую, почти ностальгическую личную ноту в то, что было описанием увлечений и переживаний Гайсина – галлюцинаторную сахарскую одиссею чернокожего, курящего киф и изучающего рабовладение профессора, которого научили выдавать себя за мавра. «Процесс» начинается так: «Я в Сахаре, направляюсь на юг и с каждым днем путешествия все хуже понимаю, кто я, куда я еду и зачем».

Гайсин вернулся к привычному образу жизни в Танжере и по-прежнему, казалось, был воодушевлен городом. Ему нравилось впечатлять новоприбывших глубокими познаниями и бесчисленными историями. Одним из посетителей был Джон Джорно, приехавший в начале 1966 года. Джорно получил немало замечательных впечатлений, он часто навещал Пола и Джейн Боулз, которые жили в квартирах в том же доме, что и Брайон.

Гайсин и Джорно посетили множество марокканских фестивалей, и Джорно сопровождал Гайсина в поездках в Мекнес и Фес, где они осмотрели гробницы династии Маринидов, закинувшись ЛСД. Через некоторое время Джорно стало скучно: он недоумевал, отчего люди в здравом уме решают поселиться в такой стране. К тому же его отношения с Гайсиным испортились. Гайсин больше интересовался арабскими мужчинами, и ситуация стала невыносимой. Через полгода Джорно вернулся в Нью-Йорк, где вскоре стал влиятельным перформанс-поэтом и придумал «Набери-Стихотворение» в музее современного искусства. Он выпускал пластинки и гравюры, книги стихов и прозы, в том числе «Чтобы сиять, следует гореть».

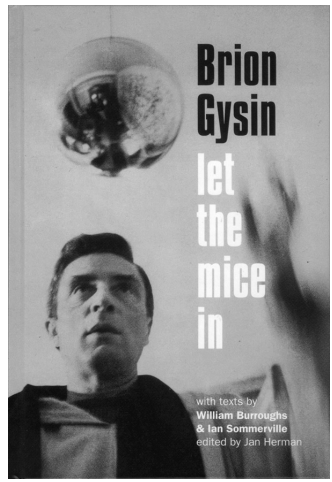
Важные посетители появились и в марте 1968 года, когда лондонский арт-дилер Роберт Фрейзер привез группу «Роллинг Стоунз». Они интересовались марокканской музыкой и объявились у Гайсина. Гайсин присоединился к рок-н-рольному цирку «Стоунз», и они двинулись в Марракеш. Гонялись по пустыне, завтракали в бывших французских колониальных гостиницах, Брайан Джонс трахался с татуированными берберками, груди которых были похожи на синие корзинки. В какой-то момент свита покинула Джонса, и тот призвал Гайсина на помощь. Брайон уложил его в постель и вызвал врача, опасаясь, что Джонс утонет в бассейне под окнами отеля. Джонс провел день в Джуджуке, затем некоторое время в Танжере, по много раз слушая записи местных музыкантов, сделанные Гайсиным. В Лондоне Джонс обработал пленки марокканских «межпланетных» звуков и выпустил альбом «Брайон Джонс представляет Флейты Пана». Гайсин написал текст для обложки.

В 1969 году издательство *Doubleday* выпустило «Процесс». Намного позже, когда книгу переиздадут, ее будут воспринимать как провидческую работу, андеграундную классику, «смешной, плутовской, провокационный полет на волшебном ковре», но первую публикацию ожидал вялый при-

ем. Брайон жаловался то на гнусные критические нападки, то утверждал (ошибочно), что вообще ни одной рецензии не было. В заметке, опубликованной в «Таймс Литерари Сапплмент» 26 марта 1970 года говорилось: «Он выжал какое-то количество ярких биографических и географических сведений из своих странствий, но, по большому счету, сочинил нудную, претенциозную, затянутую и никчемную книгу». Отторжение все же было лучше безразличия. У других рецензентов нашлись и добрые слова. «Бук уорлд» 17 августа 1969 года откликался так: «В книге немало великолепных страниц, и она бесконечно превосходит все когда-либо написанные романы о пустыне». Между тем, плохие продажи романа вогнали автора в депрессию. Паранойя стала еще сильнее, Гайсин рассуждал о «силах», которые хотят подавить или одолеть его.

Ситуация ухудшилась 13 июля, когда он пострадал в необычном дорожном происшествии, возвращаясь из ресторана «Пещеры Геркулеса» под Танжером на заднем сиденье мотоцикла, за рулем которого был Джон Хопкинс, молодой американский писатель. Гайсину очень нравился Хопкинс, которого он прозвал «горным мальчиком» в честь района Танжера, где жили богатые экспаты. Когда они покинули ресторан, Гайсин решил, что его сглазила проходившая мимо девушка. Когда они мчались назад в город, неожиданно налетел сильный ветер, мотоцикл занесло. Они задели старый грузовик, и Брайон покалечил правую ногу. Пришлось сделать операцию, и он потерять палец на ноге. Хопкинс оплатил медицинские счета, но вскоре получил письмо от Уильяма Берроуза, обвинившего его в том, что теперь Гайсин не может зарабатывать на жизнь, и требовавшего выплатить крупную компенсацию. Хопкинс встретился с Гайсиным, и тот напал на него, рыдая и размахивая перед его лицом стодолларовой купюрой с криком: «Это все, что у меня есть! Больше ничего не осталось!». Они решили вернуться в квартиру Гайсина и договориться, но, когда они оказались в лифте, Гайсин попытался избить Хопкинса костылями. В конце концов, они договорились на компенсации в 1500 долларов.

Деньги лишь слегка успокоили нервозность Брайона. Между тем, примечательные визитеры продолжали прибывать, и постепенно его самочувствие улучшалось. Среди посетителей был Тимоти Лири, а в сентябре 1969 приехал Жан Жене. Берроуз дал Жене рекомендательное письмо к Гайсину, и они быстро пришли друг от друга в восторг. Жене не читал ничего из написанного Гайсиным и не видел его картин. Он признал его не как писателя или художника, но как генератора идей. Они часто встречались и бурно спорили о политике и искусстве. Мохаммед Чукри впервые встретился с Гайсиным, когда был неграмотным официантом в Танжере в 1950-х. К 60-м Чукри стал талантливым молодым литератором и описал отношения Гайсина и Жене в книге «Жан Жене в Танжере». Жене участвовал в спорах на отвлеченные темы, но потом пристрастие к нембуталу вгоняло его в ступор. Гайсин тоже не особенно мог двигаться, пока в октябре с ноги не сняли гипс. Он снова смог ходить, но авария стала предвестием грядущей немощи.



В 1973 году Гайсин осуществил свое «окончательное возвращение» в Париж. Новая книга «Брайон Гайсин впусти мышей» с названием, позаимствованным из строчки Грегори Корсо, вышла в Соединенных штатах. Многие из вошедших в сборник текстов прежде публиковались в «Эвергрин Ревью» и «Олимпии», были в нем и некоторые «поэмы перемещений», в том числе «Я есть что я есть». Опубликованные в книге поэмы подражали решетчатой технике, важной в его живописи – блоки повторяющихся слов, создающие впечатление структуры ткани, если смотреть на страницу с расстояния вытянутой руки.

В том году Гайсин отправился вместе с приятелем, Лоренсом Ласиной, в паломничество в Аламут, разрушенную горную крепость Хасана-ибн-Саббаха в Иране. Владелец мифического райского сада и огромной библиотеки – возможно, величайшей в древнем мире – Хасан пользовался известностью, поскольку предоставлял своим последователям возможность взглянуть на рай, подсыпая изрядные дозы гашиша в их еду, а когда адепты просыпались на следующий день в казармах, он объявлял: «Если вы умрете, выполняя свой долг, вы вернетесь в рай». Современные исследователи оспаривают и существование сада, и библиотеки, никаких археологических свидетельств не обнаружено, но в Аламуте, глядя в бинокль на большое ущелье напротив развалин, Брайон заметил нечто. В «Коротком путешествии в Аламут» он пишет: «Яркий танцующий блик, который я поймал, крутился, точно капля воды на раскаленной плите. Когда моя рука перестала дрожать, то, что я рассмотрел, все равно походило на отражение в окне, залитом дождем. Что это, что это может быть? – продолжал я спрашивать себя. Я решил, что это Рай, Райский сад, отраженный в дождевой капле. Так что там на самом деле был сад…»

Побывав в раю, вскоре Брайон Гайсин очутился в его противоположности. В 1974 году ему диагностировали рак прямой кишки и несколько месяцев лечили кобальтом, но 17 октября сообщили, что процедуры оказались безрезультатными. В лондонской больнице «Ройал Фри» ему вырезали анус. У Брайона была отдельная палата, где он мог незаметно выкурить косяк-другой. Он пытался быть любезным с посетителями, но часто срывался и плакал. Когда ему сказали, что потребуется еще одна операция, он попытался покончить с собой. Позднее Гайсин говорил, что попытка была жалкая, поскольку Берроузу, если бы тот захотел, наверняка удалось бы совершить самоубийство, просто задержав дыхание. Гайсин писал о «мучениях, стыде и страдании» и мечтал о бегстве в бесконечную пустыню: «Я внезапно снова оказываюсь в ослепительной Сахаре – на хорошо знакомой тропе. Идеальный

путь… Голый и одинокий во всем этом слепящем блеске песка и солнца, я совершенно не боюсь. Никакого багажа. Так я пришел и так должен вернуться». Он принимал фортал – обезболивающее средство, чтобы возвращаться в пустыню, но медсестры заметили, что у него вырабатывается привыкание, и перестали давать ему это лекарство, положив конец галлюцинациям. Незадолго до шестидесятилетия, в апреле 1975-го, страдая от сильнейших приступов депрессии, которые ежедневно доводили его до слез, он вернулся в Париж, чтобы привести дела в порядок.

Вскоре после его возвращения Бернар Хайдсик организовал представление, в ходе которого Гайсин появился, точно призрак, в лучах софитов. Он произнес несколько слов, затем поставили его пленки и показали фильмы с нарезками. Джазовый музыкант Стив Лейси, познакомившийся с Гайсиным в 1973 году, был настоящим другом и всячески пытался ему помочь. Зная, что у Брайона не хватает денег, он поселил его в недорогом доме для художников, где тот провел год. Брайон любил говорить, что все мы «здесь, чтобы уйти», но после сражения с раком он понял, что придется уйти гораздо раньше, чем ему прежде хотелось. Депрессия слегка улеглась – после выхода «Третьего ума» в США, а затем Нова-конгресса.

Нова-конгресс, состоявшийся в Нью-Йорке в конце 1978 года, завершил союз между царствующим авангардом и зарождающимся панк-движением. Аллен Гинзберг, Патти Смит, Тимоти Лири, Фрэнк Заппа, Лори Андерсон и Брайон Гайсин приняли участие, а Берроуз был в центре внимания. Гайсина радовало воссоединение с Берроузом, общение со столь многими знаменитостями тещило его тщеславие, а появление на конгрессе открыло его творчество большой молодежной аудитории. Впрочем, появление Брайона на сцене было подпорчено криками поклонников гитариста «Роллинг Стоунз» Кита Ричардса, заявленного в рекламе мероприятия. Брайон звонил Киту и утверждал, что заручился его согласием. Много билетов было продано благодаря известности Ричардса, и, когда он не явился, кто-то в толпе стал неуправляемым. Нова-конгресс между тем доказал, что Гайсин по-прежнему занимается передовым искусством. Его стали навещать молодые поклонники, в том числе Игги Поп и Дэвид Боуи – последний решил

использовать метод нарезок для сочинения текстов песен. В мире искусства трудно предугадать, как и на кого повлияет твое изобретение. Рок-музыканты экспериментировали с нарезками чаще, чем писатели. Уильям Берроуз еще в 1966 году показал нарезки Полу Маккартни. Боуи начал резать слова песен в 1973, его ассамбляжи из фрагментов слов появились в альбоме *Low*. Годами позже он использовал компьютерную программу, чтобы копировать метод нарезок в альбоме 1995 года *Outside*.

Если судить по количеству сделанного, последовавшие годы оказались среди самых удачных в жизни Гайсина. Английский писатель Терри Уилсон записал с ним изнурительный цикл интервью, который в 1982 году был опубликован под названием «Здесь, чтобы уйти: планета R-101». Со Стивом Лейси он записал несколько альбомов, в частности *Song*s. Голос Гайсина звучит в записях *New Music Band* во главе с Рамунчо Маттой, сыном великого художника-сюрреалиста Роберто Матты, которого он знал в 1940-е.

Гайсин выступал в «Последней академии», организованной артистом и музыкантом Дженезисом Пи-Орриджем, желавшим продемонстрировать важность работ Берроуза и Гайсина. Статья в «Нью Мюзикл Экспресс» предсказывала, что «поэт, художник и изобретатель Брайон Гайсин вскоре получит запоздалое широкое признание».

Гайсин работал над новым романом, на этот раз основанном на том годе, который он провел в Бит-отеле. Отрывок «Бит-музей – Бардо отель» был опубликован его другом, писателем и редактором Удо Брегером, в посвященном Гайсину номере журнала «Софт Нид». Сам роман был опубликован в 1986 году, после смерти автора, под названием «Последний музей».

И все же Гайсин чувствовал, что вся эта деятельность была слишком скромной и запоздавшей. Его последние годы были омрачены всепроникающим одиночеством. Он чувствовал себя несчастным, был сокрушен тем, что у него почти не осталось верных старых друзей и с немногими из бывших любовников он сохранил дружеские отношения. Гайсин писал в дневнике: «Я очень негативен… нетерпим и зачастую худший враг самому себе». Он привлекал новых молодых друзей, «бесенят, разнообразных прилипал и подхалимов», по словам Стива Лейси, и, к его собственному удивлению, даже юных любовников. Один из них, Франсуа Бидо, с которым он провел всего одну ночь, посоветовал ему после этого в письме «научиться умереть как мудрец».

В конце концов, Брайон вернулся к живописи. Почти через десять лет он пришел в легендарный парижский художественный магазин, постоянным клиентом которого был в свое время. Его тут же узнали. Продавец отлучился на секунду и, вернувшись, сообщил, что мсье позабыл тут что-то в прошлый раз – свою палитру. Кит Харинг был среди молодых художников, попавших под влияние Гайсина, он считал его, наряду с Энди Уорхолом, «своего рода учителем» и «потрясающим гением», идеи которого изменили его жизнь. Харинг видел Берроуза и Гайсина на Нова-конгрессе и находился

под влиянием нарезок – идеи создавать искусство из произвольных элементов по воле случая. Он также был привязан к Гайсину на личном уровне, как к представителю существовавшего веками «братства» художников-геев и как к человеку, который «возможно, был чернокожим, но оказался белым». Еще один молодой художник, Джордж Кондо, путешествовал с Харингом в Париж и познакомился с Брайоном, который жил тогда в квартире с видом на Центр Помпиду. Кондо сказал, что Гайсин «создавал аутентичную восточную живопись в аутентичной западной манере».

Гайсин хотел закончить последнюю картину «Каллиграфия огня», гигантскую каллиграфическую работу в японском стиле макимоно или складной книги, которая читается справа налево на протяжении десяти полотен. Потребовалось полтора месяца работы. Он сказал Кондо, что это будет его последняя картина. Он тяжело дышал и кашлял из-за эмфиземы. Болезнь сделала его зависимым от кислородного баллона, с которым он не расставался, даже когда присутствовал на церемонии вручения французского ордена изящных искусств и литературы.

В конце 1985-го здоровье Гайсина ухудшилось. В новогодний день он записал в дневнике: «БГ 1916–1986, три двадцатки и десять». Кит Харинг пришел навестить его в больницу и был удручен его состоянием. Харинг решил, что он действительно выглядит как умирающий. В какой-то момент Гайсин достал ручку и бумагу и написал завещание: прямо на глазах у потрясенного Харинга завещал ему все свое имущество. Но позднее Гайсин изменил завещание: литературное наследие оставил Уильяму Берроузу, живопись – Парижскому музею современного искусства, а вещи разделил между друзьями. Тем вечером Харинг и Кондо решили, что они будут рисовать, чтобы спасти жизнь Брайона, и работали вместе всю ночь. На получившейся картине изображена рука, держащая буквы «БГ» и портрет Грейс Джонс, человек, едящий лягушек, и другие образы – все, что они видели за несколько дней. Это сработало, и на следующий день Брайон вышел из больницы. Но в июле 1986 года у него обнаружили рак легких, и врач сказал, что жить ему осталось недолго.

Эти последние дни в Париже летели быстро. Гайсин боялся смерти, сожалел, что он не вполне справился с некоторыми обстоятельствами своей жизни, но больше всего боялся, что работал впустую, не став полностью писателем или художником. Гайсин писал: «Я понял, в каком беспорядке была моя жизнь. Жизнь, полная приключений. Ведущая в никуда». Он позвал своего старого друга Берроуза, и тот тут же купил билет. Но так и не прилетел, ибо было слишком поздно. Брайон Гайсин умер 13 июля 1986 года. В некрологе, опубликованном в «Нью-Йорк Таймс», Роберт Палмер написал, что Гайсин «разбрасывал идеи такого масштаба, на которых обычный художник мог бы построить всю свою карьеру, – огромные глыбы идей так же обыденно, как локомотив разбрасывает искры».

Перевод Дмитрия Волчека

БРАЙОН ГАЙСИН

ВРЕМЯ И БРАТ ГРИФЕН

Школу, в которой я учился, окружал дух романтического периода неоготической архитектуры, расцветшей в эпоху, когда модно было возводить фальшивые руины. Спальни, классные комнаты, столовые, часовня и рекреация находились в увитых плющом зданиях, связанных с аббатством и монастырем вереницей длинных коридоров и сводчатых, гулких залов. Мне и сейчас кажется, что нужно было пройти больше мили от военного мемориала через Большой и Малый залы, мимо столовой с деревянным, расписанным гербами потолком, возносившимся над нашими головами на сорок с лишним футов, по тесной сводчатой галерее с зелеными витражами и вверх по высоким ступеням в монастырский храм. Полагаю, из храма можно было добраться по таким же аркадам в монастырь и кельи, но я не решался ступить дальше, чем на несколько ярдов, в на редкость неприятно пахнувшие залы за массивными дверями. Запах застоявшегося ладана в складках черных саржевых сутан становился нестерпимым.

Почти каждый день мы видели, как монахи входят в храм, но, находясь совсем близко, они существовали отдельно от нас. Мы знали только тех, кто преподавал в школе, но и они казались совершенно неузнаваемыми, когда, скрытые капюшонами, пели позади на сумрачных хорах. По воскресеньям школьники в бело-красных одеждах стояли перед этими хорами, и сопрано их голосов поднималось к самому нефу. Этот звук взмывал к резному камню и резному дереву и опускался к гулкой волне басов, доносившихся из-под темных монашеских капюшонов. Школа славилась грегорианскими песнопениями, этими неописуемыми переливами мужских голосов. Органистом был пригожий русский верзила, оставивший концерты ради монастыря. Брат Фома, руководивший хором, столь походил на кастрированного кота, что было неясно, где же в нем таится музыка. Эти два совсем не похожих друг на друга человека создавали мелодии, навсегда оставшиеся в моей памяти.

В огромные окна, нависавшие над той частью храма, где собирались мы, школьники, были вставлены зеленоватые стекла, погружавшие паству в полумрак, точно в подводной лодке; рассеять его не удавалось даже в самые ясные дни. Огромные столбы света из окон поперечного нефа, пробивающие дымку, время от времени выхватывали одного из мальчиков: в такие минуты он казался единственным певцом, а голос его сливался с остальными в вибрирующей колонне звука, потрясающей костяк всего храма. Басы

наплывали маслянистыми волнами, и мужские сопрано откликались эхом, блуждающим среди каменных колонн. В зеленом морском свете мы словно приникали к песчаному дну океана, исполненные невнятным отчаянием и печалью, пока орган не взрывался триумфальной токкатой, – тогда над нашими головами проносился отряд знаменосцев, встречая другую армию в полете. Шум их столкновения едва не обрушивал своды.

Монахов, вступавших в обитель, отбирали, думаю, и по их совместимости, и по духовному призванию. Было несколько условий. Многие послушники, обращавшиеся к настоятелю, были младшими отпрысками зажиточных семейств; хотя они давали обет бедности, перед постригом полагалось внести солидный вклад. Хотя монахи были бедны – по крайней мере, в теории, – сам монастырь был невероятно богат и заботился о капиталовложениях. Монахи жили в довольстве, их нищета была чисто номинальной. Религиозные обязанности были многочисленными и, несомненно, монотонными, и все же у обитателей монастыря оставалось достаточно времени на работу. Если монах хотел заняться каким-нибудь ремеслом, ему предоставляли самые лучшие инструменты и средства, оплачивавшиеся из средств общины. Интересы братии распространялись от пчеловодства и столярных работ до искусств и науки.

Монах-пчеловод убедил своих пчел создавать нежный, душистый мед цвета бледной яшмы с ароматом пряных гвоздик и яблоневого цвета. Он продавал этот мед школьникам по цене столь несусветной, что нам приходилось сомневаться в некоммерческой основе его скромного предприятия.

Ни одного из знакомых монахов я не любил, кроме преподавателя искусств, который также был скульптором. До поступления в монастырь он учился в Париже и теперь вечно конфликтовал с настоятелем, не терпевшим современного искусства. Брат Хьюберт был, боюсь, вероотступником; имелись свидетельства, что он читает киножурналы. Он любил свой каменный сад, потому что там можно было отдохнуть от однообразной компании монахов и заняться физическими упражнениями. Он нападал на огромную глыбу местного песчаника со столь яростным пылом, что в итоге появлялась крохотная мадонна или кривобокий младенец Иисус, хотя, отнесись он к материалу бережнее, можно было бы произвести на свет исполина. Я часто задавался вопросом, какие же приступы страсти пытается он подавить, обращая камень в пыль.

Однажды он получил заказ на барельеф и решительно принялся обрабатывать большую глыбу. Я не сомневался, что он охотно изваял бы что-то иное, но настоятель поставил условие, что он должен ограничиться религиозными сюжетами. По мере того, как рельеф являлся под ударами его резца, высокие скулы мадонны, большие глазницы, длинный локон и неловкий жест руки, обращенный к ребенку, становились все более знакомыми. Ее рот был широк и благодушен, очертания скул тверды и упрямы. Брат Хьюберт улыбался, выбивая латинскую надпись на камне. STELLA SACRAE SILVAE.

Когда настоятель увидел это произведение искусства, оно ему понравилось, но даже он, вероятно, обратил внимание на сходство с Гарбо, прежде чем перевести надпись: ЗВЕЗДА ГОЛЛИВУДА. Это было уже слишком. Брат Хьюберт потерял свою мастерскую, и я работал там один.

Примерно в то же время сгорела дотла обсерватория в монастырском саду. Первоначально ее построили для монаха, получившего разрешение изучать астрономию, и настоятель испытывал своего рода средневековую гордость, когда работа началась. Монастырю по традиции следует быть центром знаний, и, казалось, опытный астроном станет большим приобретением. Этому монаху, назовем его брат Грифен, предоставили мощный телескоп и другое оборудование, намекнув, что в ближайшее время ожидают от него эпохальных открытий.

Прошло несколько лет, ни одна новая планета не приплыла в поле зрения телескопа, но брат Грифен объяснил, что занят сложными вычислениями, требующими длительного времени, так что ему не мешали. Каждый день после службы он уходил по длинным дорожкам монастырского сада и запирался в беседке, превращенной в обсерваторию. Он появлялся лишь в храме и на трапезах, во время которых не разрешалось разговаривать, и таким образом избегал расспросов о том, успешно ли продвигаются его исследования. Прошло несколько лет, в течение которых с ним никто, кроме самого настоятеля, ни разу не обменялся словом. Как-то раз его призвали на конвокацию, чтобы он поделился с собравшимися монахами результатами своих многолетних наблюдений и вычислений.

В скором времени из монастыря в школу долетело потрясающее известие. Выяснилось, что брат Грифен с точностью определил, что день не состоит из двадцати четырех часов. Годами, веками, или, возможно, даже дольше, мир пребывал в заблуждении, что солнечный день можно точно разделить на двадцать четыре часа, 1440 минут или 86400 секунд. Это была колоссальная ошибка, и брат Грифен брался доказать свою правоту.

Слухи не донесли, какого же масштаба была эта ошибка. Некоторые впечатлительные и болтливые братья зашли столь далеко, что утверждали, что между результатами его вычислений и принятым солнечным днем существует серьезная разница. Другие говорили, что это относится к длинным летним дням и коротким зимним, но поскольку монахам приходилось вставать в середине ночи и собираться в храме, большой разницы для них не было. Настоятель решил, что великое открытие не стоит сообщать миру, пока его не изучат в Риме, поскольку оно может противоречить каким-то положениям доктрины. Возможно также, что сам настоятель слегка скептически к этому отнесся.

Брату Грифену сообщили, что вопрос следует рассмотреть на совете кардиналов, предупредив, что этому органу, возможно, потребуются годы для принятия решения. Он был слегка разочарован, поскольку помнил, что были вопросы, которые не решались десятками лет, и опасался, что ре-

шение могут не принять до его смерти. Брат Грифен еще в ранней юности осознал, что мир погряз в моральных ошибках, и именно поэтому покинул его. Теперь он был убежден, что и физический мир постоянно представляет братству ошибку в самом времени. Часы считали каждый вздох братьев, но считали неверно. Он предложил настоятелю исправить неточность хотя бы в мире школы и монастыря, находившемся под его попечением.

Отец-настоятель поспешил объяснить, что это невозможно до тех пор, пока не придут известия из Рима. С Временем должны разобраться церковные власти. Настоятель предположил, что, возможно, брат Грифен допустил небольшую ошибку в своих вычислениях и отослал его, предложив за нескольких месяцев сделать пересчет. Пересчитав, брат Грифен вернулся и сообщил, что ошибки не было. Он пытался разубедить настоятеля, объясняя, что по-прежнему можно делить день на двадцать четыре часа, но что день сам по себе был ошибкой, который вносит беспорядок в часы, минуты и секунды. Простое добавление – доля секунды то здесь, то там – исправит эту вековую ошибку. Настоятель оставался непреклонным. Он ничего не может поделать, пока не скажет свое слово Рим. Брат Грифен даже осмелился заподозрить, что настоятель подшучивает над ним. Он божился, что поправка не будет слишком сложной, но внести ее необходимо.

Настоятель, между тем, счел вопрос решенным, и, вызвав к себе одного из молодых монахов, велел ему усиленно заниматься математикой, чтобы впоследствии стать астрономом. Он благословил его, выразив надежду, что обсерваторию удастся передать в его руки, пока оборудование не устареет окончательно.

Только через некоторое время в монастыре заметили, что привычки брата Грифена изменились. Он считал дневную ошибку не слишком большой, но все же не желал с нею мириться. Он попросил другого монаха, увлекавшегося часовым делом, смастерить по его указаниям часы. Стрелки должны были совершать два полных оборота каждый день, но вращаться им следовало чуть быстрее, каждый час пропуская один участок. Эти часы будут сообщать правильное время: его время. Когда часы были готовы, он стал жить по времени, которое они показывали. Поначалу разница была столь незначительной, что он появлялся к трапезам и службам в то же время, что и все. Затем медленно, но неуклонно стал отделяться от своих товарищей: само время уносило его все дальше и дальше.

Сперва он приходил чуть раньше на некоторые церемонии, но все позднее и позднее на другие. Он появлялся так поздно, что, казалось, приходит уже к следующей службе, пока не настала пора, когда уже невозможно было понять, к какой именно службе он является. Вскоре поползли слухи, обрывки предположений долетали из-за требников, резкие слова доносились из благочестивых ртов. В любом случае, простые люди уважают сумасшедших и балуют безумцев, утверждая, что они благословенны, – произошло это и в монастырских стенах. Брат Грифен продолжал жить по своему вре-

мени. Порой оно подшучивало над ним – но разве не шутит оно над каждым из нас?

Когда братья спешили пропеть славу новому дню, начинавшемуся в полночь, они часто встречали брата Грифена, бредущего со свечой на ужин или завтрак. У них была вечерняя молитва, у него – заутреня. Его гимны было не отличить от антифонов. Годы шли, и время неизбежно притягивало его, точно какую-то возвращающуюся комету, назад на их орбиту, какое-то время его действия совпадали со схемой их жизни, но в один прекрасный день они замечали, что его опять смывает к полуночным трапезам и сну среди бела дня. Иногда он приходил и пел один в храме, как повелевали ему его часы, исполняя свои обязанности с особым тщанием.

Он изгибал огромными петлями прямую линию монастырской жизни. Он внушал ужас, словно пришелец с другой планеты; помню, как он в старости шаркал по ровным коридорам или медленно брел по усыпанным гравием дорожкам к обсерватории.

Несмотря на свою категорическую неразговорчивость, он прекрасно знал о существовании молодого монаха (теперь уже приближавшегося к зрелому возрасту), которому настоятель велел готовиться унаследовать обсерваторию. Он не сомневался, что этот молодой человек лишь теоретически знает звезды и жаждет завладеть телескопом, к которому брат Грифен не позволял ему прикасаться. Эта мысль наполнила его последние годы яростью и горечью.

Одним летним утром, через три часа после рассвета, брат Грифен брел по монастырским садам под руку со смертью. Но даже смерть не смогла поддержать его, когда он рухнул в храме аббатства, где монахи тянули свои латинские гимны. Он упал на каменный пол и умер. Астроном-конкурент помогал тем, кто нес его в келью. Этот последний акт благотворительности, осуществленный, в основном, потому, что он надеялся найти ключ от обсерватории под сутаной мертвого монаха, оказался ошибкой. Взглянув на сад, монах увидел столб дыма, поднимавшийся в летний воздух, и к тому времени, когда он добрался до обсерватории, от нее остался лишь остов обгоревшего металла. Брат Грифен перевернул телескоп так, чтобы, к тому времени, когда он доберется до храма, первые слабые лучи солнца прошли сквозь огромные увеличительные стекла, упали на его бумаги и подожгли их. Он опередил своего соперника.

1942

ЗАТОНУВШИЙ КОРАБЛЬ

Джулиан увидел ее в зеркале, когда накинул галстук и пропустил его под воротничок. Тильда помедлила, ее образ плавал в отражении темнеющей прихожей, прежде чем она решилась войти в его новую комнату, даже не сняв пальто, – точно чужая, подумал он.

– Мне нравится, как ты переставил мебель, – сказала она. – Так комната выглядит больше.

Он пытался поймать ее взгляд в зеркале и поднял бровь, завязывая галстук.

– Это из-за того, что я перегородил проходную дверь комодом? – намекнул он.

– Ты опять обороняешься, – заметила она холодно, понимая, что это его раздражает. – Не забудь, что Джоан придет сегодня к ужину, – добавила она прежде, чем он успел ответить.

– Одна?

– По крайней мере, не с Хью, если ты это имел в виду. Она живет с девушкой, с которой познакомилась на работе. Я и ее пригласила.

– Ну, они всегда были только твоими друзьями, – парировал он едко и тут же пожалел, что высказался столь прямолинейно. Он склонился, чтобы выдернуть вечно застревавший нижний ящик. На этот раз ящик вылетел, и всё из него высыпалось. Он беззвучно выругался.

Она не засмеялась. Склонилась, разглядывая ногти, под ночником у изголовья его кровати. Он подумал, что никогда не видел у нее такой самоуверенной позы.

– Проблема развода, – призналась она своим ногтям, – это не раздел имущества, а кому достанутся какие друзья.

Светлые волосы нависли над ее лицом, скрывая его.

– По крайней мере, им не придется жить в одном доме, – заметил он.

– Ты видишься с Хью?

– Я думал, что надо бы с ним поговорить.

– Ах, ты считаешь, что теперь у вас появилось нечто общее? Так ведь устроен мужской ум?

– Это ведь ты позвала Джоан. Женский ум, как видим, тоже.

– Ты со многими говорил – со многими друзьями? Все-таки я имею право знать. У нас так много… таких *хороших* друзей.

– Ты ведь рассказываешь мне, что тебе говорят люди? Ты тоже им должна что-то сказать, чтобы завести разговор. Или ты просто ходишь повсюду, как храбрая маленькая женщина с дрожащим подбородком?

– Ох, – она отбросила волосы таким знакомым жестом, – я уверена, очень многие порадуются за нас. Стая стервятников. Твоя мать первая. Остальные замечательно разделятся: одни будут уверены, что ты избавился от камня на шее, другие – что это я избавилась.

– Вот как, вот как, дорогая? – вопросил он злобно. – Разве ты не любишь меня по-прежнему, любовью до гроба?

Он почувствовал восторг оттого, что ему удалось нанести такой удар. Она и виду не показала, что он ее задел.

– Думаю, я от этого избавилась, – она ровно дышала. – Кажется, прекрасно от этого избавилась.

– Любовники никогда не станут друзьями, – ввернул он, словно что-то цитируя.

– Конечно, ты гадина, Джулиан, – продолжала она невзначай. – Я не сразу это поняла, но теперь я думаю, что ты гадина. – И сама того не желая, добавила: – Довольно симпатичная гадина.

Она спрыгнула с его кровати и посмотрела на него пристально, чуть склонив голову, точно никогда прежде не видела. Он почувствовал прилив ярости. Каким-то нечестным путем она добилась маленькой победы в этом разговоре, а такого он не мог позволить. Победителей тут быть не должно. Прежде чем он успел придумать ответ, она уже была у двери.

– Я до конца месяца, не позже, перееду к тете Бет, – заверила его Тильда.

– Только из-за проблемы с жильем мы остаемся вместе. Вероятно, настоящий мужчина должен был бы перебраться в свой клуб. Жаль, у меня никогда не было клуба.

– Я не собираюсь тебя выселять, – бросила она через плечо и вышла в прихожую.

Он все еще бормотал что-то себе под нос, но тут раздался звонок. Она тоже услышала.

– Можешь впустить Джоан, а я пока оденусь? – попросила она.

Он накинул пальто и пошел открывать. Он пытался приветствовать Джоан так, словно рад был ее видеть. Ее подруга выглядела симпатично.

– Мы очень рано, – извинилась она, – вы нас не ждали?

– Может, это вы меня не ждали здесь увидеть? – парировал он. – Простите, я ухожу. Входите. Тильда одевается.

Несколько часов он смотрел двухсерийный фильм, почти ничего не понимая, потом пошел в бар и пил там до половины третьего.

Отпирая дверь, он был совершенно уверен, что ее нет. Квартира совершенно пустая. Она взяла сумку и уехала ночевать к Джоан. Он включил весь свет и с шумом принялся извлекать еду из холодильника.

– Джоан, – произнес он громко, проходя мимо открытой двери в комнату Тильды. – Останки Джоан и Хью, прекрасной пары.

– Что ты сказал? – донесся из темной комнаты голос Тильды.

– Ах, ты еще не спишь? – глупо пробормотал он.

– Мы могли бы поговорить. Заходи.

Он стоял в дверях, и свет из прихожей отбрасывал его длинную тень через всю комнату на ее кровать.

– Ну что рассказала Джоан?

– Правда, с ней была красивая девушка? Они довольно давно знакомы. Смешно, что мы никогда не встречались. Повезло Джоан, ей есть куда пойти после разрыва с Хью. Кажется, все расходятся в последнее время. Джоан была довольно кислой.

– В каком смысле кислой? Это как у меня сейчас вкус во рту? Да, кажется, девочка была ничего. Как ее зовут?

– Элен какая-то. Поттс или Плопп, что-то такое.

– Ты подумала, что эта мисс Блопп моего типа, верно?

Они пустились в обсуждение мисс Блопп и говорили гораздо спокойнее, чем о чем-либо за последние недели, с особыми словечками, которые они придумали, интимным языком их брака.

– Да, пожалуй, мисс Блопп тебе очень подходит. Ты бы как пес ей служил, а она была бы в восторге.

Непроизвольно он зашел в ее комнату и сел на край постели.

– Я – как пес? С чего бы? Но ведь мне и вправду надо кого-то завести. А ты разве не хочешь?

Ему казалось, они говорят, как старые друзья, но она ответила:

– Я знаю, что я вела себя плохо, но не так плохо, как ты.

Его испугал такой поворот разговора, угрожающе-серьезный.

– Это любой может сказать, хорошее оправдание.

Он уже решил, что все окончательно, и вот теперь парой фраз она отшвырнула все в прошлое. Все старые вопросы можно было задавать снова: битва возобновилась.

– К чему ты клонишь? – спросил он яростно.

Она привстала поправить подушки и говорила, взбивая их.

– Все так смешалось. Я на самом деле не могла ни в чем разобраться.

С ужасом он заметил, что она говорит в прошедшем времени. А как же эта новая свобода, затоплявшая пустоты в его жизни, из которой он уже изгнал жену?

– Но я не понимаю, как ты представляешь будущее, – сказал он лукаво. Словно и впрямь считал, что у них может быть будущее. – Я не могу представить, что вечно буду жить в эмоциональном целомудрии.

– Что это ты имеешь в виду? – она устроилась поудобнее, готовясь к новому спору.

Он прекрасно знал, что имеет в виду. В эту секунду он не сомневался, чего именно хочет от жизни, но не мог придумать, как это объяснить ей. Он сразу почувствовал, что запер сам себя в этой шаткой, напыщенной фразе, которую придется растолковывать. И все закончится ссорой. Ответа у него не было.

– Такие вещи всегда перепутаны, – сказала она, точно поняла причину его молчания. – Даже для людей, которые стараются выглядеть цивилизованно, это всегда путаница.

Это выглядело больше похожим на настоящее время. Их «недопонимание» не было преодолено, он вздохнул чуть свободнее. Но панику невоз-

можно было подавить так легко: она просто переместилось туда, где пребывала всегда.

Эта новая, безграничная свобода, которую он обретет, когда она исчезнет из его дней и ночей, когда ему больше не придется учитывать ее в связи со всем, что он делает и о чем помышляет – какой прок от этой свободы? Он стал думать о ней так: эта бесполезная свобода, огромная пропасть времени впереди, пустота огромная, точно дом. Его дух ослаб при виде этой Сахары. Женщины делают все таким личным. Они сотворят дом под тенистым кустом и очаг у двух камней.

– Да, все перепуталось, – произнес он с нажимом.

Огонь горел в камине. Это была роскошь, которую они позволили себе в первый год брака. Язык огня, пронзив горячий кусок угля, проворно облизывал дырки, которые выгрыз. Это постоянное мелькание гипнотизировало его. Он ощутил приближение новой волны ярости.

– Да хватит мелькать! – крикнул он огню и, поднявшись, ударил алый уголек кочергой.

– Может, останешься здесь на ночь… – предложила она.

Он яростно стал лупить пламя, и оно воскресло, наполнив комнату дико пляшущими оранжевыми всполохами. Он склонился над каминной доской, зажав голову в ладонях. Кочерга упала на пол, когда он, не сказав ни слова, вышел из комнаты, которая когда-то была их общей.

Снимая одежду, он дал себе слово, что не начнет думать, пока полностью не разденется. Грузовик или даже целая стая грузовиков рычала внизу на улице. Отголоски этого рева и шума у него в голове казались совершенно невыносимыми. Ему почудилось, что в эту мешанину вкрался еще какой-то звук. Она всхлипывала? Застыв с простыней в руке, он прислушался, пытаясь укротить стук своего сердца. Через несколько минут, когда он уже лежал, вглядываясь в пылающую тьму над постелью, ему показалось, что он слышит, как вертится телефонный диск и ее голос что-то произносит. Кому она могла звонить? Не может такого быть: в ее комнате нет телефона. С чего он взял, что там есть телефон?

Досаждает ли ему ее близость, которой он больше не хочет, или все же хочет потому, что отныне не будет ничего другого?

Чувствуя, что он потерял всё, но не уверенный, что именно это было, он стал успокаиваться, понемногу погружаясь в сон. Впереди долгая зима недовольства; свет, медленно вымерзающий в воздухе.

1946

ВРЕМЯ ПО СОЛНЦУ

В вечно пустом ресторане столы были покрыты жирными испятнанными скатертями, на которых небрежно валялись разномастные ножи и вилки. Под высоким потолком рядом с безжалостными лампами без абажура вентилятор с двумя похожими на весла лопастями разогнал плотный горячий воздух и замер. Без всякой видимой причины он сделал лишь несколько ленивых оборотов и больше не шевелился. Воздух превратился в теплый суп. Зала в центре арабского отеля была задумана как патио, потом ее накрыли крышей, и теперь даже днем свет угнетающим образом просачивался сквозь щели, а воздух внутрь не попадал.

– Ты не доел еще, Нельсон? Я больше не выдержу тут ни секунды. Мне кажется, я на дне колодца сижу. Эти зеленые стены и штукатурка. Она на плесень похожа. Каждый вечер мы тут одни. Где едят все остальные в этом отеле? Если есть место получше, давай пойдем туда.

– Может, тут вообще никого нет.

– Но я же видела их и слышала. Они бродят по коридорам днем, когда все спят, или пускают воду по ночам.

– Это арык на улице. Мне, пожалуй, нравится его звук.

– Ничего в нем нет хорошего. Я его не выношу. Где этот безумный официант? Где вообще все?

– Сейчас Рамадан, Клэр, – сказал ее муж. – Я тебя предупреждал, что все будет так. Это неплохой отель, в самом деле, просто так всюду в Марокко.

– Я здесь все ненавижу. Действительно ненавижу.

– Я знаю. Прости. Надо было поселиться в отеле в новом французском квартале, но я всегда останавливаюсь здесь, потому что рядом старый город и мои арабские друзья знают, где меня найти.

– Твои арабские друзья, – повторила она с отвращением. – Они смотрят сквозь меня, как будто меня вообще нет. Это меня бесит. Это унизительно.

– Клэр, я тебя предупреждал, что все так будет, но ты сама хотела приехать в Фес в июле. Я тебя предупреждал и про арабов, и про жару, про всё. Правда, там, в Штатах, я не сообразил, что будет еще Рамадан. Из-за этого все так сложно. Они терпеть не могут готовить днем, когда сами есть и пить не могут. Даже курить на улице нехорошо. Если ты когда-нибудь пыталась бросить, ты знаешь, как невыносимо вдыхать чужой дым. И они не терпят, когда у них на глазах курит женщина.

– Я знаю, что все делаю неправильно, но этот город! Не понимаю, что он со мной делает. Такой красивый и такой ужасный. Я ничего подобного не видела, разве что муравейник. Толпы, запахи, цвета на этих запутанных тесных улочках. Это неописуемо. Это, должно быть, то самое место, которое заказал Али-Баба, когда потер свою лампу.

– Да, тут по-прежнему средневековье. Это главное из того, что я хочу написать о Фесе.

– Да как вообще что-то можно написать? Они все прячутся за этими глухими стенами. А женщины? Что ты можешь узнать о жизни женщин?

– Знаешь, Клэр, в общем-то, я надеялся, что ты мне поможешь.

– Ну да, я встречалась с женщинами в доме твоего друга Хасана, но что мне с ними было делать? Нам совершенно не о чем было говорить после того, как они ощупали всю мою одежду, а потом принесли свою.

– Я тебя просил не надевать это платье с открытой спиной.

– Но ведь так жарко! – вскричала она. – Ты хочешь, чтобы я ходила закутанная, точно тюк с бельем, как они все тут ходят? Да я сразу умру. В любом случае, я представить не могу, что творится у этих арабов в головах.

– Именно это я и хочу понять. Ты говорила, тебе кажется, что они счастливы.

– Да, – произнесла она задумчиво, – и это, наверное, хуже всего. Похоже, они счастливы. Поначалу я чувствовала себя змеей. Словно даже мои вопросы могут встревожить их, пробудить в них недовольство чем-то, что они не в силах изменить.

– Думаешь, ты действительно виновата?

– Пожалуй, не стоит волноваться. Когда я рассказала им о своей жизни, они просто добродушно посмеялись, словно сами знают лучше. Может, у них есть то, чего у нас больше нет. То, что мы потеряли, пока добивались свободы и равенства. Но я не могу представить тебя владельцем гарема, – засмеялась она. – Или себя в гареме. Ни одна американская или европейская женщина так жить не станет.

– Сам не знаю. – Нельсон встал из-за стола.

– Давай выпьем кофе в твоем номере, и я оставлю тебя работать, – сказала Клэр. – В каком смысле ты сам не знаешь?

– Я слышал, есть француженки, которые вышли замуж за арабов и сейчас живут, как арабские женщины. Выходят только в паранджe и все такое.

– А ты когда-нибудь говорил с ними, спрашивал, как они себя чувствуют?

– Нет, вряд ли мне удастся поговорить с ними наедине.

– В том-то и дело. Скорее всего, они хотят сбежать, да не могут. И вернуться к своим семьям не могут, так вот и потерялись между двумя мирами. А правду говорят, что султан обязан украсть француженку на большом приеме?

– Это просто сплетня, Клэр. Наверняка выдумали жены французских чиновников.

– Если и так, мне кажется, они придумали это потому, что каждая женщина втайне мечтает, чтобы ее пленили и затащили в гарем.

– Ага, так у тебя есть и другое мнение, – рассмеялся он.

– Пожалуй, что да. Может, напишешь об этом рассказ?

– Ох, не мой это стиль.

– Возможно, ты прав, – вздохнула она.

В номере Нельсона они вскипятили воду на спиртовке и сделали растворимый кофе. Комната была в жутком беспорядке – всюду бумаги, книги

и одежда, точно в студенческом общежитии. За пишущей машинкой на шатком столике валялись шары скомканной бумаги, – свидетельство его недовольства тем, что он пытался написать о Фесе.

– Я принес тебе подарок, – сказал он, разгребая бумаги, – но будь я проклят, не могу найти. Ах, вот же она. Мне показалось, она на тебя похожа.

Он протянул ей картонную коробочку. Клэр открыла ее и молча стала разглядывать. Внутри была серебряная филигранная заколка. Обычная арабская поделка, совсем не такая симпатичная, как похожие вещи из Индии. По молчанию Клэр нетрудно было угадать, что она не очень довольна.

– Ты действительно так думал, – произнесла она медленно, – или просто ее захотел?

– Чего захотел? – переспросил Нельсон, не глядя на Клэр. Он допил кофе и теперь, отвернувшись от нее, вставлял новый лист в машинку.

– Бабочку. Ты сказал, она на меня похожа.

– Да нет, дорогая, я хотел сказать, что она подойдет к твоему платью. Я не имел в виду, что ты похожа на бабочку.

– Ты действительно собрался работать? – Закрыв коробочку, она положила ее на полку у раковины среди тюбиков зубной пасты, крема для бритья и лекарств, которые он привез с собой.

– Да, а ты против, милая? Кажется, я кое-что придумал. Я зайду к тебе через часок.

В ее номере было жарко, воздух спертый, с улицы доносился плеск воды. Она стала приводить в порядок ногти, но вскоре отшвырнула пилочку через всю комнату. Непривычный порыв ветра захлопнул дверь за ее спиной, когда она вышла из номера. Гостиничная обслуга сгрудилась у входной двери, попивая мятный чай и покуривая под лампочкой без абажура, освещавшей несколько ярдов пыльной дороги, тянувшейся вдоль городской стены. Слуги поднялись, хором поздоровались: «Бон суар, мадам». Она рассеянно кивнула и быстро пошла по дороге, словно торопясь по делу.

Клэр боялась отходить от отеля и даже не помышляла выходить в город без сопровождения, но под деревьями вдоль дороги было прохладнее, и она отошла довольно далеко, скрывшись из поля зрения прислуги. Несколько арабов в длинных белых одеяниях прогуливались ярдах в ста впереди, и она замедлила шаг, чтобы с ними не поравняться. В свете далекого фонаря она заметила, что они направляются в ее сторону, так что повернулась, чуть не столкнувшись с молодым человеком в бледно-голубой джеллабе, идущим следом.

– Добрый вечер, – произнес он по-английски. – Гуляете?

Поскольку он обратился к ней на английском, она ответила, не раздумывая.

– Добрый вечер. Да, гуляю.

– Я вас провожу, – он откинул капюшон джеллабы, открыв на редкость приятное и серьезное лицо. – Вон до тех ворот.

На мгновение она смутилась, но потом, решив, что выйдет гораздо хуже, если гостиничная прислуга увидит их вместе, повернулась и пошла в направлении, которое он указал. Она вспомнила слова Нельсона: «Совершенно все, что мы делаем, так безумно и неправильно для них, что удивить их мы практически ничем не можем».

Они дошли только до развалившихся городских ворот, где еще один фонарь освещал круг пыли такого же цвета, как и все в Фесе. Даже ее новоиспеченный приятель был того же золотистого оттенка. Она с удивлением отметила, что он еще красивее, чем показалось с первого взгляда. При свете его лицо выглядело знакомым, и у Клэр возникла мысль, что, вероятно, она встречала его с Нельсоном, – может, он был сыном кого-то из его друзей и стоял в стороне, пока родители разговаривали. Только потом она поняла, что узнала его, потому что сама несколько раз безотчетно задерживала на нем взгляд на улице. Но не замечала, чтобы он смотрел на нее.

Они несколько минут поговорили, и она поняла, что его английский гораздо хуже, чем ей сперва показалось, но, мешая английские и французские слова, они понимали друг друга неплохо. Серьезность его поведения удивила ее и успокоила. Она смотрела на него чуть свысока и чувствовала себя вполне безопасно. К тому же ей было лестно, что кто-то, наконец, в этом нелепом арабском мире воспринимает ее как женщину.

Он спрашивал, нравится ли ей Фес, сколько она собирается здесь пробыть, но не упомянул Нельсона, хотя наверняка его видел. Она спросила, как его зовут, он написал свое имя палочкой на земле и тут же стер. Его звали Буайль. Свое имя она ему не сказала, а он не спросил. Она не рискнула интересоваться, чем он занимается, опасаясь услышать, что он учится в школе или что-нибудь в том же духе, доказывающее, что он намного ее младше. Клэр была уверена, что знать ей такое ни к чему. Вместо этого она спросила его про Рамадан.

– Рамадан – ерунда, – был ответ.

Она неправильно поняла его, решив, что он имеет в виду, что Рамадан нетрудно соблюдать.

– Ох, нет, – сказал он. – Очень трудно. Нельзя есть, пить воду, курить, заниматься любовью. Старики говорят – не причесывай волосы, не нюхай цветы.

Он потянулся с крошащейся стены, на которой они сидели, и сорвал несколько тубероз с куста, наполнившего ночной воздух ароматом. Поднес цветы к носу и глубоко вдохнул, глядя на нее. Его темно-коричневые глаза смотрели призывно.

– Все это можно делать ночью. После закатной молитвы. До молитвы на утро. Есть, пить, курить, нюхать цветы, заниматься любовью.

Она сунула руку в кармашек платья и вытащила пачку американских сигарет.

– Не курить. Плохо для футбола. Плохо для плавания.

– О, ты любишь плавать?

– Не сейчас. Рамадан. Вода не должна касаться губ в Рамадан.

Тут они услышали громкие трубы с минарета далекой мечети и следом барабанный бой с улицы за городской стеной. Оборванец-барабанщик появился в свете висящего над воротами фонаря, немелодично стукнул пару раз в провисшую шкуру барабана, повернулся и исчез.

– Я пойду есть в дом отца. Это был барабан, чтобы начать. Это далеко, но сначала я провожу тебя до отеля.

Он взял ее за руку, и они молча шли, потом он остановился в тени большого дерева. Очевидно, тоже не хотел, чтобы его видела гостиничная прислуга.

– Завтра будем плавать в Айн-Чкафе, – сказал он. – Я приду сюда с велосипедом в десять утра. Спокойной ночи.

Он повернулся и быстро пошел обратно, не оглядываясь.

– Ну и ну, – сказала она себе и пошла в отель. Не постучав, заглянула в комнату Нельсона. Он все так же сидел, склонившись над машинкой.

– Испортишь глаза при таком свете, – начала она и потом спросила про какое-то место для купания с невозможным названием.

– О, кто это тебе рассказал про Айн-Чкаф? Там очень мило. Надо будет туда съездить, когда я разделаюсь с писаниной. У меня, в самом деле, впервые что-то получается.

– Я рада, дорогой, – произнесла она равнодушно и рассказала ему про Буайля.

– Думаю, все в порядке, – рассмеялся он. – В конце концов, сейчас Рамадан. Твой дружок не станет плавать, конечно, только зайдет в воду по грудь. Если он нырнет, арабы вытащат его из воды. Но передай ему от меня, я ведь тоже неплохой мусульманский теолог, что он нарушит Рамадан, если будет любоваться тем, как ты ходишь в купальнике. Ты согрешишь с его взглядом, дорогая.

Утром Клэр разбудил Нельсон: он принес кофе и объявил:

– Слуга доложил, что «знакомый мадам» ожидает с велосипедом.

– Ох, Нельсон, ты действительно думаешь, что это нормально?

– Решай сама, дорогая. Я собирался весь день работать, потому и встал так рано. И, кроме того, я же сказал, что сейчас Рамадан.

– У тебя на все есть ответ, – задумчиво произнесла Клэр. – Ладно.

В арыке, окруженном толстыми побегами бамбука, больше не текла вода, но свежесть в воздухе еще осталась. Выйдя из отеля, Клэр увидела Нельсона и Буайля, снижавших сидение ее велосипеда. С уколом пронзительно острого чувства, природу которого трудно было распознать, она уловила странный намек на близость между ними, когда их головы почти соприкоснулись над велосипедом.

– Пожалуй, им лучше было бы поехать вдвоем, – подумала она с горечью.

Они тронулись, Буайль сразу обогнал ее и помчался по окружной дороге. Только отъехав довольно далеко от отеля, она почувствовала, что зной-

ный день лишь начинается, островки тени казались все суше, все больше было пыли. В середине длинного отрезка дороги, где не было видно ни души, Буайль притормозил, и она догнала его.

– Ты взяла *касс-крут?* – спросил он.

– Что?

– Поесть.

– Взяла. Но как же Рамадан?

– Нарушим Рамадан, – он пожал плечами. – Дай мне сигарету.

Она была в рубашке Нельсона и, остановившись, расстегнула карман, достала сигареты. Протянула ему пачку, и он закурил, глубоко и блаженно втягивая дым. Потом огляделся, не идет ли кто-нибудь по дороге, спрятал сигарету в ладони, быстро затянулся и передал ей. Она смутилась на минуту, прежде чем коснуться ее губами.

– Но, Буайль, – спросила она нервно, – ведь это серьезная вещь – нарушить Рамадан?

– Уже нарушил, – ответил он, не раздумывая. – Один день потерял, но найду его в другой день в году. Дай сигарету.

Солнце осыпало их градом жарких стрел. Клэр была рада, что всего лишь две машины проехали мимо, потому что за каждой тянулся длинный шлейф кипящей пыли, удушавшей ее, забивавшейся в ноздри, уши и волосы. Время от времени им встречались группы пеших арабов, ведущих тяжело нагруженного осла; люди так ослабли от голода и жажды, что едва поднимали на них глаза. Дорога была ровная и неинтересная. Клэр пыталась напомнить себе, что это Африка, но все вокруг совсем на Африку не походило. Буайль держался примерно в ста ярдах впереди. Вся затея теперь казалась ей нелепой и глупой, но оставалось только одно – упрямо катить вперед под палящим солнцем. Воздух был совершенно недвижен, но временами маленькие песчаные вихри с человека ростом поднимались с дороги и мчались вдогонку. Она убеждала себя, что среди бела дня бояться нечего, но все равно было страшно.

Она сердилась на Нельсона – почему он позволил ей поехать? О чем же он думал и думал ли вообще о ней? Раз человек нарушил Рамадан, выкурив сигарету, размышляла она, он может и поесть, а раз поел, – выпить и все прочее. Нельсон говорил, что Буайль зайдет в воду только по пояс. Она представила, как вода серебряным кушаком стягивает его гибкий смуглый стан. Нельсон мог бы сообразить, что после такой поездки по жаре человеку захочется зайти в воду глубже, не только по пояс. От солнца у нее закружилась голова, и ей почудилось, что вода медленно поднимается от ног Буайля, сперва заливая ступни, потом лодыжки, колени, бедра. Весь мир превратился в водный мираж, сотворенный волнами стеклянного зноя впереди на дороге.

Видение воды стало реальным, когда они добрались до поросшей тростниками речушки, кротко струившейся у дороги. На другом берегу высились гигантские эвкалипты, дававшие негустую тень. Она увидела мужчину и жен-

щину в купальниках, они лежали на голой земле в сотне ярдов впереди с другой стороны потока. У Клэр возникло странное чувство, что ей знакомо это место, и она крикнула Буайлю: не приехали ли они уже? Он остановился, подождал ее и терпеливо объяснил, что место, куда они направляются, намного лучше, осталось совсем чуть-чуть.

Они пересекли речку и покатили по другому берегу. Среди ив у воды показался купающийся мужчина, голый, он разматывал ослепительно белый тюрбан. Рядом женщина разбирала кучу выстиранных разноцветных одежд, раскладывала их на берегу, прижимая чистыми камнями из ручья. Большие волнистые холмы со всех сторон пылали рыжеватым львиным отливом. Впервые было похоже на Африку.

Они резко свернули с главной дороги на пыльную площадку, где стояли несколько автомобилей. Мальчишка в лохмотьях взял их велосипеды и подвесил за колеса под деревянный навес. Буайль велел ей дать мальчику монету и, когда она достала деньги, выхватил у нее банкноту. Ей не приходило в голову, что в такой глуши придется платить за вход, но в уродливой маленькой будке, похожей на смятую пачку сигарет, еще один арабский мальчик принимал деньги. Буайль заплатил и повернулся к ней.

– Они говорят, что *касс-крут* внутрь нельзя. Оставь им еду.

Ее охватила бессильная ярость. Она терпеть не могла, когда ей что-то приказывали; Нельсон никогда не позволял себе говорить таким тоном. Из-за того, что у нее с Буайлем не было общего языка, кроме его обрывков английского и французского, он больше прежнего казался неприятным и чужим. Было невозможно попросить его что-нибудь разъяснить, сказать ему, как она себя чувствует, – он все равно бы не понял. Клэр ощущала, что почва ускользает из-под ног.

Она нехотя спустилась по бетонным ступеням в тень высоких деревьев, и долгожданная прохлада близкой воды немножко взбодрила ее. Только сейчас она поняла, что была на грани истерики. Глаза больше не слепило безжалостное солнце, удушливый зной остался позади. Она огляделась с наслаждением. Настоящий оазис.

Поток запрудили, возникло спокойное прозрачное озерцо, над ним склонились огромные плакучие ивы. Листья, упавшие на сверкающую поверхность, быстро катились по казавшейся недвижной глади, показывая, как незримое течение бежит к месту в широкой запруде, где вода переливается через край, обрушиваясь на камни с ясным мелодичным звуком. Неровный берег был залит безликим цементом, углублявшим водоем, чтобы можно было нырять. Ей страстно хотелось окунуться.

Но когда они в купальных костюмах встали на берегу, к ней вернулось прежнее чувство страха, смешанного со смущением. У бассейна сидели еще несколько человек, все на редкость непривлекательные – с жалкими фигурами и пятнистой белой кожей, точно вылезли из подземелья. Люди эти уставились на них с Буайлем, болтая на беглом французском приглушенными голосами, так что ей не удалось разобрать ни слова. Они пере-

шептывались, не спуская глаз с обнаженного Буайля, столь немыслимо красивого, что она, опасаясь шокировать французов, не решалась на него смотреть. Он был гораздо смуглее, чем ей показалось сначала. Его тело казалось отлитым из бронзы, и она с внезапным ужасом подумала: а есть ли у него след от плавок? И почувствовала странное облегчение, когда он вытянулся, прежде чем нырнуть, и она заметила, что густой загар кончается на пояснице.

Вода была роскошная, удивительно мягкая и шелковистая, но странно тяжелая после воодушевляющей мощи морской воды, к которой она привыкла. Казалось, вода обволакивает ее тело, затягивает в сладострастные объятья; с трудом выбравшись на другой берег, Клэр почувствовала, что больше не хочет купаться, несмотря на манящую прохладу воды. С этой стороны пруда стояли несколько странных глинобитных домиков с милыми зубчиками по крышам и склонившимися над водой балконами. Они походили на североафриканский вариант пляжных бунгало. Буайль проплыл под водой, вынырнул у того места на берегу, где сидела Клэр, и вылез у ее ног. Чтобы завести разговор, она спросила, что это за домики.

– Берберская деревня, – к ее удивлению, объяснил он.

Он снова нырнул, и она смотрела, как он извивается, точно коричневая выдра в прозрачных глубинах. Он принес ей пригоршню камешков, ухмыляясь и стряхивая воду с тугих курчавых волос. Буайль снова стал ей нравиться: он уже не казался таким суровым и властным. Она сказала, что хочет посмотреть на домики, он выбрался из воды и подполз к ней на животе, точно в самом деле был рыбой. Обрызгал ее, и она подпрыгнула, чувствуя, как голую спину буравят глаза французов. В надежде хоть на время избавиться от их взглядов, она подбежала к первому домику.

И с удивлением обнаружила, что все они заброшены и разваливаются. Двери болтались на одной петле, в крышах были дыры, в них проникали лучи света, тянулись внутрь и освещали пустынные внутренности. Когда она разглядывала один домик, Буайль вдруг грубо втолкнул ее внутрь и прижал к своему обнаженному телу. Опустив взгляд, она смотрела, как замерли темно-коричневые руки на белой коже ее талии. Она закрыла глаза, но картинка осталась. Он повернул ее к себе, а картинка не исчезала, отпечатанная на изнанке век. Клэр ожидала, что он поцелует ее, но он просто прижал ее так крепко, что она невольно вскрикнула. Она чувствовала, как ее тело, вопреки ее воле, отзывается на его объятья. Только сейчас она услышала его голос.

– *Tout de suite.* Только минуту. Одну минуту, – повторял он.

Она была рада, что от этого ее разобрал смех.

Вернувшись, она увидела, что французы разворачивают бутерброды и закусывают на солнце или в тени плакучих ив. Они насорили бумажками и хлебными крошками. Ее взбесило, что им с Буайлем запретили брать еду за ограду.

– Пойдем поедим, – сказал он.

– Купить что-нибудь попить? – спросила она. Он пожал плечами. Ей понравилось, что его впервые смутило, что она за все платит. Интересно, есть ли у него вообще деньги?

С двумя открытыми бутылками пепси-колы они поднялись по ступеням к воротам. Точно Адам и Ева, изгнанные из рая, подумала она. Они взяли свою еду и отошли по берегу реки чуть ниже запруды. От звука падающей воды под зыбкой тенью олив казалось прохладней. Земля была покрыта сухим чертополохом, трудно было отыскать чистое место, чтобы присесть. Это придало ей уверенности, что Буайль не набросится на нее, и все же она предпочла бы оказаться в более уютном месте. Они вернулись, еще раз искупались, потом переоделись. Мальчик, стороживший раздевалку, пригвоздил ее тяжелым наглым взглядом. Закрыв дверцу кабинки и сняв купальник, она рассмеялась, представив, как его взгляд стучится в дверцу, точно дятел. Все было бы совершенно по-другому, если бы она могла поговорить с Буайлем, хотя бы спросить, есть ли в Северной Африке дятлы. Ее рассмешила мысль, что он счел бы ее безумной, попытайся она описать образ, который пришел ей в голову. Не стоит и пробовать выбраться из собственного мира. Она вздохнула.

По крайней мере, теперь дорога покажется короче, подумала она. Обратные дороги всегда короче, а эта будет еще короче, потому что ничего особенного не произошло. Когда знаешь, что увидишь за следующим поворотом, дорога всегда кажется короче.

Солнце все еще стояло высоко, и она вспомнила, что вдобавок ко всей североафриканской путанице, в Марокко два вида времени. То, что арабы называли марокканским временем, и французское время. Первое определялось по солнцу в Фесе. Оно на час сорок или около того отставало от другого, которое было и не временем даже, а просто решением, которое приняли французы. Часы переводятся вперед или назад, чтобы все упростить, объясняли они. Возможно, это вовсе ничего не упрощало, но напротив, создавало пустоту, открывало трещину между двумя мирами, в которую падали такие люди, как она. Возможно, небольшая, но непреодолимая разница во времени и была подлинным расстоянием между нею и Буайлем. Она вдруг совершенно перестала думать о Буайле, который ехал следом, и не сразу заметила, что они приближаются к мосту над речкой, в которой купались. Она остановилась, когда он заговорил.

– Хочешь сюда? Всего на минуту. Смотри.

С этими словами он свернул с дороги, которая здесь поднималась в гору, и помчался по пыльному откосу к эвкалиптам, которые она со странным предчувствием заметила на пути сюда. Теперь ей предстоит узнать, что там. Земля под высокими тонкими деревьями была твердой, опавшие листья прикрывали выбоины на тропинке, по которой они мчались. Клэр пришлось сосредоточиться на дороге, но краем глаза она заметила пару, которую видела прежде. Они лежали под деревом, обнявшись. Не подумают ли они, что она преследует Буайля: современная менада на велосипеде, гонящаяся за фавном? От этой мысли она засмеялась и чуть не упала.

Но первым упал Буайль. Его велосипед занесло с края тропинки, и он свалился под иву. Клэр остановилась, спустилась к нему и увидела, что его локоть сильно ободран, кровоточит и перемазан грязью. Когда она склонилась, он проворным движением прижал ее к себе. Швырнул на бок, вцепился и рванул блузку. Она пыталась оттолкнуть его, и пару минут они молча боролись, пока до него не дошло, что она сама хочет расстегнуть пуговицы, чтобы он не порвал. Ее пугало, что дома все это будет сложно объяснить.

Клэр смотрела мимо него на небо и думала, как хорошо было бы прижать его курчавую голову к своей груди, но он просто сидел рядом, дожидаясь, когда она разденется. Казалось, он не знает любовных приемов, может только находиться рядом: недвижный, хищный, неулыбающийся, опасный и далекий. Обратного пути нет, подумала она безрадостно. Если расщелину заполнить, то только так. Или на этот раз я упала в пропасть навсегда?

Буайль поднялся и начал срывать с себя одежду. Она легла на спину, со вздохом закрыла глаза. Когда она открыла их через секунду, он стоял над нею, точно коричневый бог, только что вышедший из ствола сучковатой ивы. Расщепившееся дерево повалилось, упало сверху, обнимая ее ветвями: они оплетали ее плоть, и, наконец, все ее тело вспыхнуло, исколотое. Дерево выдернуло корни, вздымая под нею землю. Стаи птиц из гнезд, перевернутых на ветвях, помчались стрелами в звенящее небо, крича столь пронзительно, что она закрыла руками уши, не в силах вынести острую сладость их голосов.

Она думала, медленно приходя в себя, что голоса, прежде доносившиеся с холма сверху, теперь раздаются ниже у реки. Она положила руку Буайлю на плечо, но он поднялся с грубой поспешностью, отступил за дерево, натягивая одежду.

Ей было трудно крутить педали, и на обратной дороге он опять сильно ее обогнал. Сиденье ее велосипеда разболталось и сползало назад, задирая нос. Езда превратилась в пытку: ей постоянно приходилось поправлять седло, а оно снова задиралось, сталкивая ее. Она знала, что говорить об этом Буайлю не имеет смысла.

Она все же нашла способ закрепить седло и только теперь обнаружила, как прекрасно вокруг на заходе солнца. Она с удивлением отмечала вещи, которые не заметила утром. У дороги стояла огромная арабская ферма, похожая на крепость, рядом глубокий узкий ручей вился по клину поля и убегал под дорогу. На этом месте Буайль остановился и сделал ей знак ехать дальше. Она медленно крутила педали, довольная, что не нужно его догонять, и потом, решив, что дала ему достаточно форы, остановилась. Промчался автомобиль, и, когда облако пыли рассеялось, она с удивлением обнаружила, что Буайль снова разделся и спустился с другой стороны дороги в быстрый ручей. Сперва она решила, что он собирается пить из ручья, и чуть было не крикнула, чтобы он этого не делал. Хочет пить грязную воду, так пусть пьет, его дело. Потом поняла, что, стоя по пояс в буром потоке,

такого же цвета, как его тело, Буайль моется. Он поднимал воду в ладонях и выливал на себя, так что она медленно текла по голове и вниз по всему телу. Его мускулы перекатывались при каждом движении, и вода, ловившая низкие лучи садящегося солнца, пробегала по смуглой коже, точно ртуть.

Сначала она подумала, что он разговаривает сам с собой, и лишь потом с легким ужасом догадалась, что он читает молитву. Это был ритуал омовения по кораническому закону, о котором она читала или слышала что-то от Нельсона, но забыла, потому что не очень поняла поначалу. Ее охватила бешеная ярость, но тут же сменилась дрожью, точно от страха. Над пропастью не оказалось моста. Она упала, невозможно представить как низко, и полностью утратила себя, хотя мир об этом, быть может, и не узнал. Ей так и не удалось шагнуть на другую сторону. Только сейчас она внезапно увидела место, где Буайль стоял на своей твердой земле, куда более твердой, чем та, по которой все, кого она знала, ступали веками.

Он презирал ее, не ее лично и безо всякой злобы, но подчиняясь своему жестокому закону, не позволявшему никакой общности. Он взял ее, использовал и не просто отбросил, но теперь еще смывал ее грязь. Даже если бы она родилась на его стороне временно́й пропасти, произошло бы то же самое, потому что она женщина. Есть ли в этом хоть что-то, кроме беспощадности и ужаса?

Колени ее так дрожали, что она с трудом смогла забраться на велосипед и помчаться к городу. Вскоре он поравнялся с ней, отряхивая воду с волос, точно спаниель, и улыбаясь. Его рубашка намокла и прилипла к влажному телу. Она заметила, что его локоть разбит очень сильно. Возможно, оттого что его кожа была очень темной, рана выглядела хуже. Словно мясо у арабского мясника, темное и ядовитое.

Издалека она увидела Нельсона у дверей отеля, и подумала, что, быть может, он ждет ее. В горле у нее пересохло. Когда они подъехали, она поняла, что он просто беседует со слугами, – возможно, пытается освоить несколько заученных арабских слов. Слуги были так измучены Рамаданом, что даже не потрудились встать, разговаривая с ним. Он повернулся и направился к ней. Казалось, он был в хорошем настроении, как обычно, когда ему удавалось, что-то, по его мнению, удачно написать.

Она позволила ему взять велосипед и поцеловать ее в щеку. Ей хотелось поскорее войти на случай, если по ее одежде можно догадаться, что она лежала на земле.

– О, чудесный день, дорогой. Но Буайль упал и страшно разбил локоть, – сообщила она, торопясь войти. – Ты посмотришь?

Она разделась, пустила воду в ванной, и тут, постучав, заглянул Нельсон.

– У тебя тут нет пластыря, Клэр? Буайль в моей комнате, я ему намазал локоть марганцовкой. Даже маленькая царапина в этом климате начинает гноиться, а его рана выглядит довольно скверно.

Он ушел, она приняла ванну и легла. Ей показалось, что в холле звучат голоса, но потом они удалились, и она закрыла глаза. Когда она очнулась, было намного темнее, жидкая зеленая тень от бамбука за окном плыла по комнате, слившись со звуком текущей воды, слышной в каждом номере отеля. Она знала, что из-за этого звука проведет бессонную ночь.

Нельсон вошел без стука.

– Прости, дорогая, я тебя не разбудил? Ты не поверишь, что случилось. Помнишь серебряную бабочку, которую я тебе купил в медине? Ну так вот: твой друг украл ее, когда я вышел на минуту за пластырем.

– Он ушел? Он уже ушел? – спросила она, садясь в постели. – Так вот и ушел с бабочкой, даже не попрощался со мной? Ох, как это смешно, Нельсон. Ты можешь написать об этом рассказ.

Она упала на постель и расхохоталась.

ЖЕНА ПОТИФАРА

Сбежав из дома во второй раз из-за того, что у него было слишком много старших братьев, Юсуф Бен Аллал Эль-Хамри нашел работу у человека, продававшего пирожки с маленькой тележки на рынке Эль-Ксара-эль-Кебира. Юсуф хотел пойти воевать в испанскую зону, потому что слышал, что в Марокко есть американцы, но, поскольку не мог найти никого, кто бы точно объяснил, поддерживают они султана или выступают против, решил повременить. Он пристрастился к пирожкам, отведав их как-то раз, когда долго не ел, и теперь работал на Хамида, в доме которого находилась пекарня.

Хамид платил ему четыре песеты в день, и Юсуф редко выходил из дома, опасаясь, что его увидит кто-то из братьев, заберет домой и побьет. Досаждала ему только жена Хамида, Зулейка: она его ненавидела. «Потеряю такую хорошую работу, и все из-за этой бабы», – говорил он себе, когда она громким визгливым голосом жаловалась на всё, что бы он ни сделал. Неприятности начались в первый же вечер, стоило Хамиду привести его домой. Зулейка пристально оглядела Юсуфа и сказала:

– Надеюсь, ты не станешь держать в доме этого грязного мальчишку? Хамид, почему ты всегда приводишь бродячих собак домой, а?

– В самом деле, – сказал Хамид, не глядя на Юсуфа, – я и не заметил. Где мой ужин, Зулейка, что ты там мне приготовила?

Он был из тех людей, которые иной раз прикрикнут, чтобы доказать себе свою важность; Зулейка, хоть и была довольно молода, знала, как ему угодить.

Пока он ел, она швырнула драный соломенный тюфяк в маленький дворик, где терпеливо дожидался Юсуф.

– Ты слишком грязный, чтобы входить в дом, – сказала она. – Слишком грязный, чтобы есть с приличными людьми. Вот, можешь на этом спать. А это твоя еда, – она пихнула ему тарелку с объедками.

Она обращалась с ним вот так, находя ошибки во всем, что бы Юсуф ни сделал, – и пока он учился ремеслу, и даже после того, как стал печь пирожки не хуже Хамида. Он научился, просто наблюдая, потому что Хамид редко открывал рот, чтобы дать ему указания или обругать за что-нибудь. Зулейка же вообще никогда не обращалась к нему, догадавшись, что проще унизить его, говоря о нем, точно он шелудивый пес или раб.

«Я знаю, что потеряю работу, точно знаю. И все из-за тебя», – горестно повторял Юсуф.

Как-то раз Хамид вернулся домой, не распродав половину пирожков: сказал, что плохо себя чувствует. Жена фыркнула на него поначалу, но было ясно, что у него жар, ибо он весь трясся. Она уложила его на полу большой комнаты и велела Юсуфу продать оставшиеся пирожки. На следующий день Хамиду стало еще хуже, и пирожков не пекли. Еще через день лучше не сделалось, и это сильно озаботило всех, потому что жили они, затянув пояса, как большинство мавров.

– Дайте мне денег на муку, сахар, корицу, изюм, орехи и масло, я все куплю и испеку пирожки, – заикаясь, произнес Юсуф.

– Ты? – Хамиду удалось оторвать голову от подушки.

– Ты? – откликнулась его жена. – Ты?

Хамид сунул руку под подушку, где хранились деньги, и протянул парню купюру. Его жена хотела возразить, но он закрыл глаза, и ей почудилось, что он умирает.

Пирожки вышли не хуже обычного, и Юсуф заплатил одному мальчишке полпесеты, чтобы тот забрал их и отдал еврейке, которая взялась ими торговать. Вечером Хамид подозвал Юсуфа к своему ложу и сказал, что увеличит ему жалованье до восьми песет. Ясно было, что ему стало хуже: возможно, он бредил от жара.

Юсуф продолжал печь пирожки, и Зулейка взялась ему помогать, когда поняла, что Хамид по-настоящему болен: он, очевидно, пребывал в руках Аллаха, так что ей не было нужды тратить время и делать для него что-нибудь. Юсуф обожал ее. Она напоминала ему молодую жену одного из его братьев; та была всего на год старше Юсуфа, но издевалась над ним, поскольку была замужней женщиной. Часто его руки и руки Зулейки оказывались рядом в большой глиняной миске с начинкой для пирожков, и Юсуфу очень нравилось, когда их пальцы встречались. Теперь ей приходилось обращаться к нему, поскольку они работали не в той комнате, где лежал ее муж, но все равно она не удостаивала Юсуфа лишним словом.

Все домашние деньги теперь проходили через руки Юсуфа, а Хамид был так болен, что даже не мог вести им счет. Как-то раз Юсуф сам подсчитал, сколько Хамид ему должен, и стал копить на новую одежду; он понемногу расплачивался в лавках и откладывал вещи, пока не настало время забрать все и надеть. Он отправился в баню и парился несколько часов. Почувствовав себя абсолютно чистым, он переоделся в новое и сходил к цирюльнику, где его хорошо постригли и щедро намазали волосы бриллиантином «Аромат фиалок», который благоухал очень сладко и очень сильно.

Когда он постучал и Зулейка открыла дверь, она, должно быть, не узнала его, потому что прикрыла лицо и просто застыла, вглядываясь. Затем произнесла «Аххх» на выдохе. Потом произнесла «Ммммм», прозвучавшее так, точно голубь с распушенным хвостом танцевал на земле между ними: с такой глубины донесся ее голос. Вечером, приготовив бульон Хамиду, она пришла и поставила горшок с курятиной перед Юсуфом, сидевшим в соседней комнате, а сама прикоснулась к еде только, когда он взял кусочек.

Возможно, из-за того, что похолодало, Зулейка постелила ему в комнате и положила один из лучших тюфяков. Спалось ему очень сладко, она же всю ночь провела рядом с Хамидом, не сомкнув глаз. Наутро она приняла решение. Когда Хамида пришли проведать мать и сестра, Зулейка уже на пороге запричитала, что он серьезно болен и может умереть в любую минуту. Свекровь внимательно вглядывалась в ее лицо, но Зулейка казалась изможденной после бессонной ночи, и старуха решила, что всплеск

чувств подлинный. Зулейка сказала, что, если Хамид действительно умрет, да не допустит этого Аллах, она в ужасе от мысли, что умрет он в этом доме.

– А что не так с этим домом? – буркнула свекровь. Она догадалась, что за этим последует, хотя и решила, что причина совсем в другом. – Ты никогда прежде на него не жаловалась.

– Но он же в меллахе[1], – запричитала Зулейка. – Вы же не хотите, чтобы он умер в меллахе!

– Ясно, – сказала свекровь, и решено было, что Хамида перенесут в их дом в другом районе.

– Я могу спать с ним в вашем большом доме, – всхлипывала Зулейка, – а потом буду каждый день приходить сюда и следить, как этот жуткий мальчишка управляется с пирожками. Мы не хотим садиться вам на шею. Так что немного денег будем зарабатывать каждый день.

– Гмм, ну да, – согласилась свекровь. – Это вполне разумно.

– О, я знаю, ему будет лучше в доме, где он родился, – улыбнулась Зулейка сквозь слезы. – Уверена, что будет, хотя он с трудом понимает, где находится. Схожу, принесу ему воды из святого источника Сиди Бу-Галема: уверена, она ему поможет. Нет, нет, не хочу, чтобы кто-то из вас шел со мною. Возьму Юсуфа, он отнесет кувшин. Пирожки готовы, будет занятие для бездельника, который только что потратил все свои деньги и только Пророк знает сколько еще наших на никчемные новые тряпки. Может, сбегаешь домой и попросишь кого-нибудь отнести Хамида, пока ваша мать с ним посидит?

По дороге к источнику она любезничала с Юсуфом, рассказала, какие ужасные у ее мужа родственники и как не хочется ей с ними жить.

– Но я буду возвращаться домой каждый день, – добавила она, хихикнув. – На самом деле, я буду приходить дважды в день – утром и вечером. Ох, какое же счастье избавиться от них. И по другой причине тоже. Догадываешься, по какой?

– Нет, – пробормотал Юсуф.

– Дурачок.

На пути от источника она затащила его на маленькую тропку, идущую по пустому полю.

– Почему ты решила идти этой дорогой? – спросил он, спотыкаясь за нею.

Когда она проворно обернулась и ласково погладила его по груди, он ничего не сказал, так что ей пришлось всё объяснить. Когда она задала тот же вопрос, но другими словами и Юсуф ответил «нет», она принялась требовать. Он чувствовал, что не может повлиять на свой разум, вопреки желанию говоривший «нет»; теперь он не мог сказать «да», пока она настаивала. Она плюнула в него и произнесла тихим, дрожащим от ярости голосом:

– Я убью тебя, убью, заставлю его убить тебя. Скажу всем, что ты набросился на меня, прямо здесь, перед святым. Слышишь? Они тебя разорвут на кусочки… его братья тебя убьют. Вот сейчас пойду, прямо сейчас, и ска-

1 Еврейский квартал.

жу им. Так я и сделаю, а они поверят мне, обязательно, сам знаешь, что поверят. Убьют тебя, убьют…

Он зашагал по тропинке, а она побежала за ним.

– Не веришь мне? Ну так увидишь, увидишь…

Она шла впереди так быстро, что он едва поспевал за нею, хотя она и все время путалась в одеждах. Когда они вернулись, дома были два брата Хамида, но перед самой дверью она помедлила, полуобернулась к нему с неуверенной улыбкой, и Юсуф догадался, что она ничего не скажет. Сперва он был очень напуган, понимая, что с женщиной такого сорта будут большие сложности. Хамида унесли, и Юсуф остался на ночь один.

На следующее утро Зулейка пришла спозаранку, Юсуф еще спал, и она прилегла к нему, не раздевшись. Когда потом они оделись, она сказала, что вернется и приготовит ему ужин, и сдержала слово.

Пока он ел, она все время приговаривала, чтобы он кушал больше и, потянувшись через стол, гладила его по голове. Он объяснил, что это ему мешает. Потом, появляясь в доме, она поначалу вела себя почти как раньше, но мало-помалу становилась похожей на кошку, ожидающую, что ее будут гладить, и, в конце концов, совсем уж распускалась.

– Прекрати, – потребовал он. – Перестань все время это делать. Перестань все время меня трогать и слюнявить мне лицо. Мне не нравится, когда ты дышишь мне в рот. Если тебе еще раз захочется, выйди, набери два ведра воды из колодца во дворе и поставь их в печь.

Юсуф был очень религиозным юношей, и ему нравилось омываться несколько раз в день, как предписывает ритуальный закон. Так повелось, и Юсуф знал, хотя прежде никогда не был с женщиной, что он – мужчина и ведет себя как мужчина. Юсуф понимал, что он мужчина лучше, чем Хамид, позволявшей ей творить что вздумается. Но не прошло и месяца, а он уже не чувствовал себя в такой безопасности и столь уверенно. Часто, когда она приходила утром, он уже был на ногах, тянул воду из колодца. Теперь обычно он сам вытаскивал два ведра воды, потом оба шли в комнату. Он выходил и приносил воду дважды в день, не реже.

С каждым днем Зулейка задерживалась в доме все дольше и дольше, объясняя, что не может находиться с родственниками Хамида: они были невыносимы. Ее мать и сестра принялись навещать ее почти каждый день. Раньше они не приходили, потому что Хамид сказал, что не хочет часто видеть их в доме, – они не ладили с его семьей после ссоры на свадьбе. Они сидели и разговаривали, а когда оставались на обед – еду они приносили с собой, – Юсуф первым принимался за трапезу, как и полагается единственному мужчине в доме. Поскольку он был так молод, к нему не могли относиться, как к настоящему хозяину, так что все превращалось в семейный обед, словно он еще был маленьким мальчиком. Время они проводили весело.

Он с ними подружился, и старуха частенько вздыхала: «Ах, вот бы мне такого зятя!». Он знал, что она не имеет в виду, что он может жениться на сестре Зулейки, – та уже была замужем. Говорила она так, скорее, потому, что са-

ма Зулейка скоро могла стать вдовой, так что в этих словах не было ничего скандального. Всем этим чудесным временам настал конец, когда Хамид, благодаря материнской заботе, поправился и вернулся домой.

Он был еще слаб и не вставал с постели, но видел, что происходит в домике, когда занавеси были раздвинуты. Он сделался раздражителен и вспыльчив, – виной тому было, вероятно, нездоровье; он настоял на возвращении, хотя его жена предприняла все, чтобы убедить его подольше задержаться у родителей. Так он и лежал, беспрестанно жалуясь.

– Это почти так же скверно, как в те времена, когда она все время была недовольна, – думал Юсуф. – Хорошо, что Хамид понимает, что без меня не обойтись; сейчас я уйти не могу.

Разумеется, теперь они с Зулейкой не могли есть вместе, но она кормила его самым вкусным, что было в доме, а мужу давала остатки. Как-то раз, когда Хамид чувствовал себя лучше, чем они предполагали, он внезапно вошел в соседнюю комнату, где ел Юсуф, схватил его тарелку, злобно крича, что жена кормит слугу лучше, чем его. Он цитировал много злых стихов из Корана, где описывалась подобная история; даже имя молодого человека было такое же – Юсуф. Затем выбежал на улицу с тарелкой в руках и позвал соседей посмотреть, какую позорную вещь сделала его жена: кормила слугу лучше, чем мужа. Тут христианский сосед, говоривший по-арабски, испанец по имени Сальвадор, вышел из своего дома и сказал, что видел с террасы его слугу и жену вместе, когда Хамида не было. Воспользовавшись замешательством, Юсуф схватил что-то из своих пожитков и сбежал. Он встретил старого знакомого, контрабандой доставлявшего американские сигареты из Танжера, а обратно возившего на продажу оливковое масло. Юсуфу хватило денег на десять блоков сигарет, он вошел в дело и изучил все лазейки. В испанскую зону привозили так много сигарет, что цены постоянно приходилось сбавлять. Юсуф первый стал покупать в Танжере другие вещи: пластиковые ремни, отрезы габардина, что продавались на вес, лезвия «Жилетт» и бриллиантин, а обратно увозил мясо, оливковое масло и овощи. Он заработал немало, но все потерял, пытаясь научиться, как напиваться допьяна. Карабинеры показали ему, как это делается, однако пришлось потратить изрядную сумму. Но отказаться он не мог: это был единственный способ сохранить капитал для следующих поездок.

Как-то раз он встретил на улице сестру Зулейки, и та привела его к своей матери. Они пили мятный чай, Юсуф все время спрашивал о Зулейке, но женщины говорили только о замечательных вещах, которые есть в Танжере и о которых не слыхивали в маленьких городках, вроде Эль-Ксар-эль-Кбира.

– Можешь привезти мне жевательную резинку, – попросила сестра, – и такой шелковый платок с картинкой военного корабля?

– И растворимый кофе, – добавила мать. – Растворимый кофе и сахар. Быть может, и Зулейка захочет. Она завтра к нам придет.

Он раздобыл то, что они просили, и Зулейка появилась на следующий день. После этого они стали встречаться ежедневно. Они сидели, обнявшись;

мать смеялась, а сестра просила привезти еще вещи из Танжера. Она хотела шоколадные батончики «Зип», губную помаду, серьги, шерстяные чулки с разноцветными колечками, фотоаппарат «Брауни-Фиеста». Соседи судачили, что юный Юсуф привез магическое зелье, которое подсыпает Зулейке и ее семье в мятный чай, но дело было в вещах из Танжера.

Но не все шло так гладко в материнском доме: воду, разумеется, никто не носил. Как-то раз Зулейка появилась взбудораженная и сообщила, что в доме у нее по соседству открыли фондук, арабскую гостиницу, и терраса на крыше соединяется с террасой ее дома. Юсуф переехал туда, и две ночи спустя ей удалось выйти на крышу и пробраться к нему. Оба они дрожали, и все это было очень опасно. Иногда Зулейка не могла отвязаться от Хамида, иной раз по вечерам тот выходил с ней на террасу, и она сидела там, ожидая, когда ему наскучит и он спустится спать.

Естественно, Юсуф стал встречать Хамида на улице. Он кланялся, но Хамид делал вид, что не узнает его, и спешил прочь. Как-то раз они оба оказались в таверне, которую держал испанец, и Юсуф увидел, что Хамид пьет пиво.

– Дай мне бутылку пива и поставь одну человеку, сидящему в углу, – сказал Юсуф испанцу.

– Нет, нет, не хочу я больше пива, – крикнул Хамид, впервые обратившись к Юсуфу. В конце концов, они выпили несколько бутылок вместе. К тому времени, когда каждый выпил по двенадцать бутылок, старая дружба почти вернулась и вся размолвка была списана на женщину.

– Простите за еду, – заплетающимся языком произнес Юсуф. – Я до сих пор вспоминаю, как славно она готовит. Я ужасно питаюсь в фондуке и даже иногда чувствую по запаху, что вы там едите у себя. Если бы мне только удалось снова отведать ее замечательный кускус.

Он пошел заплатить за пиво и, обернувшись к Хамиду, ковылявшему следом, предложил:

– Не купить ли нам на рынке баранью голову? Вы возьмете ее домой, Зулейка приготовит, вечером принесете мне кусочек, а я съем здесь, в испанской таверне. Как вам такое предложение?

На рынке он купил еще кучу продуктов и нагрузил ими Хамида. Хамиду стало стыдно, что он так скверно относился к Юсуфу; он решил, что должен пригласить его к себе поесть. Для Юсуфа это был не очень приятный ужин. Он обнаружил, что не может оторвать глаз от тарелки. Зулейка же ни чуточки не смутилась. Юсуф сидел на подушке, а она все время ходила взад-вперед перед ним, – так близко, что постоянно задевала его длинными юбками и широкими рукавами. Комната, в самом деле, была маленькая, но Зулейке явно нравилось его задевать; болтала она без умолку, точно сама напилась пива. Юсуф все лучше понимал, что представляют собой женщины. Он даже не мог отвечать, когда она к нему обращалась, и сам себе удивлялся.

Хамид радовался, что все довольны; хорошо, думал он, что между его женой и Юсуфом нет вражды. Юсуф – хороший парень, он должен вернуться в дом и помогать с пирожками. Юсуф принес бутылку крепкой белой во-

ды под названием «Гордонджин», и Хамид вылил ее в кускус. От этого кускус стал очень невкусный, но все смеялись. Юсуф должен вернуться и поселиться у них, потому что Хамиду нужно поехать на несколько дней в Танжер договориться о покупке дома. Зулейка может переехать к его матери, пока он будет в отъезде, а Юсуф останется за хозяина.

– Нет-нет, – сказала Зулейка. – У твоей матери и так было много хлопот из-за нас, когда ты долго болел. Куда лучше будет, если на этот раз я перееду к своей.

Говоря это, она любовно обняла его сзади за шею, а через его плечо взглянула на Юсуфа и подмигнула. Ему опять пришлось уставиться в пол.

В первый вечер, когда Зулейка переехала к матери, Юсуф купил целый ящик пива и пришел к ним ужинать. Напившись пива, мать с сестрой осоловели и отправились спать. Зулейка пошла в свою комнату, и Юсуф остался ее ждать, допивая последнюю бутылку теплого пива. Прикончив пиво и выкурив сигарету, он отправился ее искать. Рывком открыл дверь и сразу ее увидел: Зулейка была одета на выход, в серой джеллабе и розовой вуали она сидела на груде багажа: два больших плетеных чемодана и несколько мелочей, перевязанных шелковыми платками, которые он ей подарил.

– Иди на площадь и возьми ночное такси, – сказала она. – Пусть отвезет тебя на границу французской зоны и отправь такси назад, чтобы привезло меня к семи на вокзал. Когда поезд остановится на границе, садись, уедем в Рабат.

Ночь Юсуф провел на границе, играя в карты с друзьями-таможенниками и карабинерами, которые огорчились, что временно он не будет заниматься контрабандой, потому что получали от него хорошие взятки. Он проигрался, так как не мог сосредоточиться на картах. Поезд появился чуть позже семи, и в Рабат они добрались к полудню.

Они нашли жилье в Сале на другой стороне дельты, но Зулейке нравилось ездить за покупками в Рабат, так что им постоянно приходилось брать экипаж или такси. Она часто ходила по магазинам и что-нибудь себе покупала. Пиво им постоянно доставляли ящиками. Она купила радио и не выключала его целый день, так что, когда ему хотелось ей что-то сказать, приходилось перекрикивать. Она купила духи, французское мыло и то, что она называла «макияки», сделанное Максом Фактором: она целый день мазала лицо, потом смывала французским мылом и мазалась снова. Довольно скоро деньги кончились, и Юсуф сказал, что придется ехать в Танжер.

Поезд шел через Эль-Ксар, и они опасались, что кто-то их увидит, так что Юсуф спрыгнул перед прибытием, обежал весь городок по окружной дороге и залез обратно, когда поезд медленно выкатил из города через двадцать минут. Зулейка сидела, опустив чадру, и ее никто не узнал. На границе обошлось без проблем, хотя ни у него, ни у нее не было документов, – помогли его многочисленные друзья. Сложности начались, когда они приехали в Танжер. Единственная гостиница, где их согласились принять, стояла на задворках и носила дерзкое имя «Отель „Сатана“».

Юсуф каждый день ездил туда-сюда на поезде в испанскую зону, провозя американские сигареты, которые покупал у других контрабандистов, беспошлинно доставлявших их в порт. Они обходились ему в шестьдесят песет за блок, а продавал он за восемьдесят. На эти деньги он покупал вещи, стоившие дешевле, и привозил их назад, деля навар с карабинерами на таможне. Зулейка целый день сидела в номере или выходила в патио старого арабского дома и болтала с хозяйкой, – та была такая толстая, что не могла слезть с кровати, стоявшей в нише, облепленной зеркалами, чтобы можно было наблюдать, кто входит и выходит. Зулейка узнала от нее много полезных в жизни вещей.

Юсуф сделал несколько ошибок в своем бизнесе, но дела шли совсем не так плохо, как он в один прекрасный день раз описал Зулейке. Он сказал, что потерял часть своих сбережений и предложил ей вернуться в Эль-Ксар и пожить у матери. Поезда как раз перешли на летнее расписание, и это означало, что он сможет лишь ненадолго оставаться по ночам в Танжере. Если бы она жила в Эль-Ксаре, он мог бы ездить в другом направлении и дольше спать там. Довольно скоро, сэкономив на гостинице и еде, он смог бы снова восстановить капитал и перевозить больше товаров.

Он отвез ее обратно в Эль-Ксар, там они узнали, что Хамид развелся с ней; на следующий день Юсуф в девять утра отправился в первую поездку по новому расписанию. В поезде он все обдумал и решил, что, раз дела обстоят так плохо, как он ей описал, лучше всего прекратить контрабанду. Возвращаться назад не было никакого смысла.

Перевод Дмитрия Волчека

ОГОНЬ: СЛОВА ДНЕМ – ОБРАЗЫ НОЧЬЮ

И вот он лежит здесь, хоть и зарекался от этого. «Доживать с дыркой в животе и пластиковым мешком говна на коленях весь остаток дней? Только не я!»

А потом он закричал, но теперь лежит на этой вонючей больничной койке с удаленной прямой кишкой. Хватит. Теперь он знает, что не человек, как сказали бы арабы, не человек слова. Нет. Иначе не валялся бы здесь с зашитым очком – зашитым, как утка, фаршированная утка, а все его дерьмо не стекало бы бесконтрольно через постоянную дырку в толстой кишке. Только не он. Он вернулся бы обратно к ним туда – в бескрайнюю Сахару и, если бы повезло, умер. Но, увы, он не был рабом своего слова, и вот лежит, открытый любому возможному решению между жизнью и смертью, театрально корчась в агонии, стыде и отчаянии. Почти не способный жить. Напуганный и нежелающий умирать. Какой же Он бедняга.

В ту ночь я внезапно снова оказываюсь в ослепительной Сахаре – на хорошо знакомой тропе. Идеальный путь. Это лишь еле заметная тропинка, ведущая ниоткуда в никуда, не обозначенная ни на одной карте. От прошедших людей на верблюдах и колес на черном галечнике остались блуждающие следы. Эта глянцевитая базальтовая порода скоблится и шлифуется золотистым песком – его приносит горячий ветер, который свистит и воет над низинными дюнами по обе стороны. Вот я и там, где хочу быть. Я знаю и люблю это место. Бывал здесь раньше, и это наполняет меня неописуемой радостью возвращения. Голый и одинокий во всем этом слепящем блеске песка и солнца, я совершенно не боюсь. Никакого багажа. Так я пришел, и так должен вернуться. Я просто сияю от радости. Как и предписано, вытягиваю руки перед собой, чтобы осмотреть их и убедиться, что я здесь. Я здесь. Опускаю взгляд на свое тело, проводя руками по животу без единого шрама, члену и заднице, засовываю средний палец правой руки в прямую кишку и на всякий случай крепко сжимаю его сфинктером. Я цел и невредим. Немыслимая операция была просто больничным кошмаром. Я громко кричу, и мой возглас эхом разносится по этой невыразимо прекрасной пустыне.

Яркая завеса песка колеблется и падает к моим ногам. Далеко впереди и, вероятно, на перекрестке, но на расстоянии, которое я не способен измерить, стоит крошечное арабское сооружение с куполом – выбеленная *кубба,* возможно, гробница выдающегося путешественника или даже малого, позабытого пустынного святого. Я хорошо помню это наполовину разрушенное строение из самана с изящным яйцеобразным куполом. Я должен снова туда добраться, но как только делаю один-единственный шаг к нему, передо мной поднимается золотая завеса песка. Я в полной темноте. Я не сплю.

Вот он лежит в своей постели и плачет, как баба: хотя медсестры, окружающие его днем и ночью, не плачут даже перед жутким и горестным ликом смерти. Вокруг него в палате раковые старухи умирают рано утром, полностью изнурен-

ные долгими ночами неумолимо предрешенной борьбы, умирают, негромко ахнув от недоверия. Старики умирают по вечерам, крича во всю глотку, в ужасе от холода и темноты. Не уходи покорно в сумрак смерти, дедуля. За что ты борешься? Не за что бороться. Жизнь и Смерть – сквозняк между открытыми дверьми с надписями «Вход» и «Выход». Они не открылись к твоему прибытию и не закроются после твоего ухода, если ты отбудешь сегодня ночью.

Просыпаясь, пронзительно визжу, как летучая мышь, в пустой комнате, привязанный к железной кровати под яркими лампами. Сразу же понимаю, где я. В Желтом крыле, что наводит ужас на всех ненужных агентов, с которыми крайне предвзято желают расторгнуть контракт за то, что они слишком много говорили. Я в агонии. Агентство специально запороло атомный эксперимент, совершенный надо мной. Я в агонии, в агонии. Разведка Армии США кастрировала меня, превратив в евнуха и отхватив прямо из-под меня целиком весь задний проход. То, что приберегают здесь для меня, намного хуже смерти. Навсегда изувечив мое тело, теперь они хотят и оставшуюся часть. Мне вкололи сверхдозу душепагубного галлюциногена, воздействующего на мои нервные флюиды, – секретный наркотик «Би-Зед».

Мне вырвали прямую кишку и обрезали копчик на конце позвоночника, чтобы удобнее было забраться внутрь и выскоблить меня, как гнилую старую дыню, разрывая и скручивая ярд за ярдом кишки, и чтобы говно бесконтрольно вытекало через постоянную дырку у меня в боку величиной со старый серебряный доллар. Моя стома. Смотрите, вот мой искусственный анус, булькающий, как непристойный младенческий ротик, срыгивающий кровь, слизь и длинную мягкую змею говна в пластиковый мешок, приклеенный ко мне кольцом из смолы карайи. Когда мой пластиковый мешок чист, сквозь него моя стома напоминает блестящий влажный розовый бутон нежной кишечной плоти с морщинистой границей швов и сочащейся по краям лепестков кровью. Во время этой операции мой пупок оттянули далеко вправо и подарили мне новый – с торчащей из него пластиковой трубкой. Ведь я не тот человек, которым был, в моей истории болезни мне дали новое имя: *Neugeboren*. Мистер Новорожденный. Сразу чувствуется немецкий юмор. Или это имя мужчины, умирающего в соседней комнате?

Вон, вон! Я должен выбраться отсюда к чертям собачьим. Перекидываю исхудалые ноги через край кровати и падаю на пол с таким же воплем, как и те старики. Я вырвал из вены в правой руке иглу толщиной с мизинец, присоединенную пластиковой трубкой к капельнице с цельной кровью – ярко-красной стеклянной банке с кровью, примотанной липкой лентой к раме кровати. В агонии, в агонии вытягиваю катетер, глубоко вставленный в то, что осталось от члена. Потом резко выдергиваю трубку из живота и падаю плашмя на пол, по которому ползу в крови и говне, хлещущих из меня. Пытаясь встать на четвереньки, замечаю, что по стенам моей тюрьмы стекает и затем поднимается вокруг густой желтый газ. Я герметически закупорен в этой комнате. Подтягиваясь за ножку кровати, вижу, что одна сте-

на – из матового стекла, неизвестно какой толщины. Я должен ее разбить. Знаю, что нахожусь на седьмом этаже этого здания, но должен разбить стекло вдребезги и выброситься. Люди падали и с большей высоты и оставались при этом живы. Плевать. Хоть так, хоть эдак. Я хочу выйти. Сгодится металлический стул из ванной. Но когда я вползаю в ванную и подтягиваюсь за умывальник до уровня зеркала, то вижу что-то настолько странное, что, видимо, падаю в обморок. Падая, тяну за шнур сигнализации – приходит моя ночная медсестра, чернокожая сестра Джинива, и силой укладывает меня обратно в кровать. Это тянется целую вечность. Я снова в кровати, и она еще одну вечность втыкает трубки в палец толщиной обратно мне в вены и в тело. При этом мы оба с головы до ног измазываемся в моей крови и в моем говне. Вдруг до меня доходит: это любовь. Настоящая любовь, и я смеюсь.

– Чего вы смеетесь?

– Женщина, вы выговариваете мне, плачу ли я или смеюсь.

– Это вы надо мной смеетесь?

– Нет, ведь это я пустое место. Я больше не могу плакать и потому смеюсь над собой. Зачем мне над вами смеяться, девушка? Вы первая женщина в моей жизни, на которую я запал, но теперь уже слишком поздно, вот и смеюсь.

– Какой вы самовлюбленный.

– Она черная, и она красивая. У нее руки как шелк, но язык – острый как шип, и даже ее мозги накрахмалены до хруста! Все художники самовлюбленные, детка, и я впервые в жизни называю себя этим словом: художник!

– А вам что, стыдно?

– Возможно. Американская художница, которую я знал давным-давно, поехала в Египет с надписью «художница» в паспорте, и египетские полицейские загребли ее как проститутку без лицензии.

– Так вот вы кто?

– Нет. Я мужчина, просто мужчина, какие бы роли ни играл в чьих-то постелях. Но теперь, раз уж я больше не мужчина, лучше бы мне помереть.

– Вы неблагодарны.

– Ага, сестра Фелисити так и говорит. Повторенье – мать ученья. В следующий раз справлюсь.

– Жизнь от Смерти отделяет один вздох.

– Если б я мог поверить, что покину тебя сегодня вечером.

– Вы не сможете – я не позволю вам. И притом, никто еще не умирал от простой задержки дыхания.

– Это все, что вам известно, сестра Морфий. Просто катите тележку с наркотой, хорошо? У меня свидание.

На следующую ночь я снова выхожу на свою тропу, теперь уже ближе к *куббе*. Гораздо ближе. Я могу протянуть руку и почти коснуться ее разрушенного дверного порога, как вдруг валюсь на землю. Наверное, с тех пор, как я при-

ходил сюда в последний раз, прошел дождь, хотя, говорят, в этой восхитительно идеальной пустыне дождь может идти не чаще одного раза в жизни. Неужели это было так давно? Селитровая корка побелки лопнула в тех местах, где стекала дождевая вода – кроваво-красная от мягких кирпичей, которые кто-то неизвестный взгромоздил друг на друга, дабы воздвигнуть этот порожний памятник посреди этой порожней вселенной. Опускаю глаза на свои руки, как предписано, и вижу, что по ним течет кровь. Наверное, проезжавшие мимо головорезы убили здесь кого-то или принесли в жертву верблюда, чтобы забрызгать эти осыпающиеся глинобитные стены кровью. Некогда выяснять, поскольку чернота обрушивается, словно удар по затылку, и я снова возвращаюсь в запятнанную кровью постель. В темноте. Не сплю. Английский дождь льется по стеклянной стене больничной палаты. Ливень полностью размочил и смыл мою маленькую *куббу*, превратив изящный яйцеобразный купол и толстые стены в груду мусора, как будто злой иллюзионист показал жестокий фокус. И я смеюсь.

– А сейчас вы над чем смеетесь?

– Просто подумал, что Уильям С. Берроуз мог бы, наверно, покончить с собой, задержав дыхание, если бы захотел.

– Тьфу на вас с вашими чудны́ми друзьями! Я тут дежурная и не могу, не позволю вам уйти.

– А что вы рассказывали о Сестрах милосердия, у которых работали? Что они делают для больных в терминальной стадии?

– Ах, добрые сестры, монашки! Они раздают настой морфия в виде сиропа от кашля или оставляют у кровати пациента полный пузырек с героиновой настойкой.

– Мать-Морфиния – Лошадиная настойка! Даже Берроуз никогда о таких чудесах не рассказывал. Почему я не могу передознуться?

– Вы же сами сказали профессору, чтобы вам больше не давали опиатов. Это отмечено в вашей истории болезни.

– Я не хочу выйти отсюда наркоманом. Я просто хочу уйти. Просто хочу тихо уйти, так почему Сестры милосердия не могут прийти и заботливо устроить мне славный маленький передоз? У меня же как-никак католическое воспитание.

– Добрые сестры могут сказать, что вы понесли наказание за свои грехи.

– Какие еще грехи? Сексуальные грехи против старой Матушки Природы, то есть миссис Х. Бог? Бог грозная, и Она чернокожая!

– А еще вы утверждаете, что вы сам чернокожий – чернокожий в шкуре белого.

– Ух ты! Я говорил вам это в бреду? Наверно, все-все разболтал. Да, я часто говорил так и считал это правдой.

– Но у вас же оба родителя белые.

– Конечно, меня засунули в упаковку не того цвета и доставили не по тому адресу. Я был почтовой ошибкой. Только взгляните на эту мерзкую серо-желтую кожу. Нехватка меланина. Я прожил лучшие годы жизни в Марокко,

но к ней не пристает загар. Когда я с африканцами, то забываю, что я белый. Но они-то не могут об этом забыть. Я торчу как бельмо на глазу. Даже за много миль в пустынях или в горах я похож на колониального копа или наемника. На чьей я стороне?

– Перевернитесь, и я вам покажу.

– Сестра Морфиния, вы хотите сказать, что я мученик Любви? Что меня посадили на кол за то, что я любил ближних мужчин неразумно, но слишком хорошо – короче, неумеренно*? Возможно, но я бы не хотел так думать о старой мадам Х., даже о Ней!*

– Вы с Ней поосторожнее.

– Ах, знаю, Она послала сестру Джиниву, чтобы меня исправить, но уже слишком поздно. Теперь для меня слишком поздно. Я принял на ночь свои таблетки от боли и возвращаюсь в пустыню на халяву!

Само собой, это третья ночь, и сейчас я нахожусь внутри *куббы*. Там неимоверно тесно – примерно шесть на шесть футов, и помещение наполовину засыпано песком. Забыв об основных предписаниях, опускаю глаза на свои ноги, обутые в те красивые пустынные ботинки из желтой и красной кожи, что изготавливают вручную из газельих шкур в оазисе Эль-Голеа. На мне широкое синее пустынное одеяние цвета индиго, оно величиной с постельное покрывало, с отверстием для головы посредине: полы колышутся вокруг моего голого тела на горячем пустынном ветру – *гайла*. Больше на мне ничего нет. Роюсь носком ботинка в песке и откапываю краешек отличной плетеной циновки – из тех, что изготавливают по всей Африке, где у рек растет тростник, даже у тех реликтовых рек, что текут под землей. Наклоняюсь и тяну за краешек циновки, отчасти рассчитывая оторвать его рукой, но, к моему удивлению, эта тростниковая циновка – довольно недавнего производства и все еще в хорошем состоянии. Выпрямляясь, замечаю большую дыру в стене справа, сквозь которую могу пройти, а вслед за мной, к моему удивлению, идет Гармита. Я и не знал, что она здесь. Она не в своей накрахмаленной белой медсестринской униформе, а в такого же типа одеянии цвета индиго. Покрой у него отличается, и свободные складки ниспадают иначе, скрепленные большими серебряными брошами на плечах, а большие черные груди обнажены. Она стоит так близко, что я слышу и различаю запах своеобразных африканских духов в ее волосах – «Бинт Эль-Судан». Волосы уложены так старательно, что, наверное, нескольким женщинам пришлось неделю разглаживать горячим утюгом курчавые локоны, похожие на расплющенный конский волос с заплетенными раковинами каури. Все вместе напоминает своеобразную полую корону. «Гармита гарамантов, – бесстрастно говорю я про себя. – Что она здесь делает?»

Со стороны Сахары, в тени осыпающейся *куббы*, через дюну внезапно перебегает диковинное племя приземистых человечков: шесть или восемь диковинных карликов садятся рядком, и я принимаю их за уцелевших пер-

воначальных обитателей этих песков, живших здесь, пока они не высохли. Человечки не обращают на нас внимания и раскладывают на земле товар, как делают бродячие арабы в *суке*. Продают они, по всей видимости, какие-то буханки, завернутые в тяжелый серый пластик. Я читаю на них слово ФОРТ и спешу с выводом, что это, видимо, буханки пластита, украденные с какой-то дальней военной базы. Когда Гармита касается моей руки, я оборачиваюсь к ней. Качая головой, она говорит: «Не связывайтесь с этими людьми. Сделайте вид, будто их здесь нет». Ее слова стирают человечков. Когда я оглядываюсь на них, они постепенно исчезают, корча сатанинские рожи и тряся кулаками. Мощный порыв ветра сдувает с дюны песок и окутывает нас всех. Я чуть ли не задыхаюсь, кружась в каком-то сифоне. Просыпаюсь.

– Вы спали или бредили?

– Вы так говорите, будто и то и другое – преступления. Что вы пытаетесь со мной сделать, женщина? Отнять у меня еще и сны? В последнем вы тоже, кстати, участвовали.

– Я знаю.

– Откуда?

– Вы называли меня тем именем.

– Джинива?

– Нет. Я же сказала, что ненавижу это имя.

– Правда? Когда?

– Только что, когда вы меня спросили.

– Что я у вас спросил?

– Мое настоящее имя. Я сказала, что мое настоящее островное имя – Гармита.

– Вуду? Растафари?

– Типа того. Ну и что такого в имени?

– Всё. Мир таков, как мы его называем. Не больше и не меньше. Так, значит, ваше настоящее имя – Гармита. Вы знаете, кем были гараманты?

– Да.

– Вы меня подкалываете? Ну и кто же?

– Воины, которые впервые пересекли пустыню на колесницах. Разве Геродот о них не писал?

– Для медсестры вы многовато знаете.

– А чего бы мне и не знать? Потому что я черная?

Снег, прекрасный снег – голубой, как кокаин. Или это песок? Порой ночью в пустыне, при полной луне, все дюны словно превращаются в снег, такой холодный, что в шелковистых песках мерзнут босые ноги. Но он слишком мал, чтобы ходить одному по ночам, и движется очень быстро. Смахивает холодный снег с ледяного носа и пробует на вкус: язык и десны немеют. Он вытирает заледеневшей варежкой потрескавшиеся губы. Лежит навзничь на дне большого ящика, в быстрых санях, запряженных лошадьми, которые

мчатся, подобно звездам, несущимся над головой за кружевными, заснеженными деревьями. Он укрыт вонючими бизоньими шкурами, и вверху маячат исполинские взрослые. Они хлещут из бутылок нелегальный алкоголь, чтобы не замерзнуть, и поют во всю глотку: «Он клялся, что любит, да только все врал!». Они плывут по снежному насту сквозь трескучую ночь с висящими над головой пестрыми завесами Северного сияния. Спешат на безумную зимнюю свадьбу в чистом поле, где ждут дядя Билл, мать и дядя Фил. Лошади дымятся от пота. Из ноздрей вырываются огромные струи пара, когда сани останавливаются на поляне высоко над замерзшей рекой. Все вокруг девственно белое, если не считать снега под ногами: его поднимают и ставят на землю, а он задыхается от запаха нелегального виски у них изо рта. Чудесный снег вытоптан и покрыт ярко-желтыми пятнами конского навоза и конской мочи в свете качающейся лампы. Вокруг огромного костра посреди поляны снег почернел. В его мерцающем свете пляшут березы, из коры которых краснокожие делали каноэ. Больше нет никаких каноэ из березовой коры. Индейцы ушли, и пришли мы.

Он запеленат в ондатровые шкуры и не может ходить – его подхватывают и показывают блестящим красным лицам, разгоряченным от виски и огня. Он слышит их вялые приветствия, пока его несут в бревенчатую хижину, где кладут на койку, покрытую старым испачканным одеялом «Гудзонов залив» с красными и белыми полосами. Над головой висят винтовка и огромный патронташ, раздувшийся от патронов. «Чей это малыш?» – спрашивает кто-то незнакомый, и ему отвечают, что это ребенок невесты от первого мужа, пропавшего без вести во время последней войны за океаном. Она входит под руку с дядей Биллом, положив голову ему на плечо. Заметно, что они любят друг друга, что бы это ни значило. Дядя Билл ловит капканами диких животных, к примеру, черно-бурую лисицу, или маленьких мальчиков. Однажды прошлой зимой он попал в капкан. Поэтому ему отрезали пальцы на ногах, и он не может ходить. Они выходят, и все идут вместе с ними. Входит дядя Фил, и он уже другой. Дядя Фил построил эту бревенчатую хижину, чтобы жить в ней с дядей Биллом. Дядя Фил очень грустный. Когда дядя Билл и его мать входят в лес без него, что они там только вытворяют! Люди рукоплещут и топают в грязном снегу возле хижины, завывая от спиртного и стреляя из оружия. Дядя Фил наклоняется и целует его, снимая винтовку с гвоздя над головой, достает патрон из тяжелого патронташа и вставляет в хорошо смазанное ружье. Минуту винтовка бешено шатается во все стороны, целясь даже ему в голову. Он рассудительно говорит дяде Филу: не надо этого делать. Дядя Фил сожалеет, насколько может сожалеть взрослый, то есть не так уж сильно, и заходит за бревенчатую хижину, где его никому не видно. На улице, в отсветах костра, слышатся звуки пьяного веселья и бешеная пальба, но один-единственный выстрел прорезает всеобщий гвалт, и они замирают. На улице какой-то сумасшедший начинает кричать, что дядя Фил вставил ствол в рот и отстрелил себе макушку. Кто-то подхватывает его, и они мчатся под звездами. Он сонный, но говорит что-то умное, чтобы

скрыть печаль и страх. Что именно? Взрослый говорит: «Этот твой язычок до добра тебя не доведет». Что-то больно бьет по губам, и он просыпается.

– Я снял чернокожего мальчика под аркадами Риджент-стрит на Пикадилли, и он поклялся показать мне за деньги, в чем там дело. Он много лет порол плеткой связанных англичан. Привязывал их ничком к кровати, связывал на кухне и поднимал к потолку на сушилке для белья, избивал до полусмерти, перед тем или после того как трахал их в жопу и в рот. Так какого же черта они хотели, чтобы он делал с ними подобные вещи, да еще и платили за это? Я должен был выяснить. В старой замшевой куртке и «ливайзах» обошел все бани и садо-мазохистские бары, но никто, ни за секс ни за деньги, не стал со мной даже разговаривать, а тем более показывать, в чем же там дело. Если приходится спрашивать, говорили все подряд, значит, тебе и знать не надо. Я как дурак твердил, что меня интересует боль. Видимо, подсознание не понимает шуток. Теперь я это знаю.

– Скажите, сестра, вы считаете, я действительно сделал это с собой сам? Если да, то зачем? Кто тот «я», который мог сделать это со мной? Какой враждебный голос влез сюда вместе со мной и буквально насадил меня на мое собственное «я»? Все это шутка – жестокая, утонченно-злорадная шутка? Глядите, что случилось с моим старым суфийским другом, профессором Шахом, который вышел из двери своего дома в Танжере и его всмятку *раздавил потерявший управление грузовик, так что он не успел пробубнить свою мантру, а я ни одной даже не знаю! Сзади на грузовике было написано «Апельсиновый сок с* мякотью*». Что это еще за Шутник и какой он у меня?*

– Единственная желанная смерть – Lusttodt. *Я назвал ее в честь наших немецких друзей – Смерть от вожделения. Не ужасающе скучная старинная* Liebestodt *с каким-нибудь сопрано, заполошно причитащим над трупом. Нет, Настоящая Смерть, с которой имеешь дело, когда двое мужчин становятся одним. Смерть, с которой имеет дело твое другое «я». Знаете, мне кажется, именно это я и сделал с собой, но метод слишком медленный. Придется переписать его по аналогии с тем, что случилось с двумя моими старинными однокашниками.*

– Глядите, что случилось с Оливером – ему очень крупно повезло. В восемнадцать лет я передал ему пост редактора нашего школьного журнала, а затем жизнь открыла между нами длинные скобки. Представьте, как он потом все эти годы писал «Автобиографию» за Королеву в своей роскошной лондонской квартире. Закутавшись лишь в свободный персидский халат, он пишет павлиньим пером. Его доблестный лакей, как окрестили его газеты, трудится на кухне, и вдруг понимает, что для жарко́го нужен очень острый нож. Звонок в дверь, и в дом заходят двое привлекательных парней со Стрелки под Аркадой. Оливер наливает обоим «кровавую Мэри» и посылает одного из этих молодых ирландцев за ножом для разделки мяса. Оставшийся Мик резко выхватывает кусок бельевой веревки и привязывает бедного старину Оливера в последний из множества раз. Трахая его в жопу большим грязным необрезанным

членом, этот лепрекон оттягивает время, пока нож не вернется с заточки. Тот наконец возвращается. Короче, бедный старина Олли кончает в последний раз на коврик, когда ему перерезают глотку. Смерть во время Оргазма! Мм, вот это везение!

– Вы бы так хотели?

– Страшно, да? А теперь возьмем эту заметочку в вечерней газете. У нее очень маленький заголовок, но он бросился мне в глаза через всю палату. «Католический священник найден связанным в ванне». *Не знаю почему, но я сразу понял, кто это, хотя ни разу не вспоминал о нем все эти годы. Он был моим рыжеволосым героем школьных лет, но я больше никогда не разговаривал с ним, с тех пор как он решил стать священником. Может, я уже тогда догадался, что его тоже ожидает* Lusttodt? *Не могу сказать.* «Он каждый день обедал в женском монастыре, и монахини обнаружили его полностью одетым». *Гм, ну это монахини так говорят. Еще бы они не сказали.* «Молодой человек вылез наружу через окно в потолке ванной и был пойман, когда спрыгивал с крыши». *Везунчик Тони – вот и все, что я могу сказать, ну и, конечно, бедный молодой человек. А теперь оставьте меня, девушка, я хочу уйти туда, где нахожусь.*

Он идет не в пустыню, куда собирался, а – кто бы мог подумать – в Брайтон, и ему всего четыре года. Полковник ведет его на прогулку по деревянному пирсу, чтобы посмотреть на живых Уродцев. Он держит под мышкой собственного Уродца – черную атласную куклу, полную царского африканского изящества, собственного двойника, в котором души не чает. На Уродце роскошный негритянский парик из отличной персидской овчины, у него блестящие глаза из обувных пуговиц и улыбка до ушей. Одет он в двубортный алый атласный жилет с пуговицами из цельного золота, фрак и длинные штаны в мелкую черную и белую клетку. Когда спускаешь с него штаны, у мистера У. виден член, скрученный из черной тафты, размером с его собственный или чуть больше. Полковник держит в *своих* застегнутых штанах живую ласку.

Элдридж Кливер полностью расслабляется. Мистер Большой бурый медведь входит вслед за несколькими старыми друзьями из Катманду – Айрой, Джерри и Энн, которые познакомились с ним на поэтическом вечере, где он толкал свои штаны. Он называет их всех Кливерами. Идет за угол в ванную с чемоданчиком в руках и через пару минут выходит в первой паре Кливеров. От этого дух захватывает. Двухцветные коричнево-бежевые матадорские обтягивающие брюки клеш с высокой талией, надетые на Кливера, – уже нечто, но ладный накладной член с туго засунутым внутрь его собственным лошадиным членом – чересчур для маленького мальчика, учившегося у Полковника. До меня наконец доходит, когда он протягивает руку, чтобы хапнуть. Совершенно невозмутимый Элдридж уже завел свою сексуально-политическую байду насчет общества и гордости за пенис, о том, что делать с непроизвольной эрекцией на людях, являющейся языком те-

ла и фразой «Искренне Ваш» на самом искреннем языке в мире. Айра постоянно визжит: «Копье Лонгина, Копье Судьбы! Оно было у Константина, оно было у Карла Великого, он было у Гогенштауфенов и у Гитлера. Разве вы не видите, что это одно и то же?» Кливер клевый. Он на минуту исчезает и возвращается в черном бархатном варианте с черным бархатным накладным членом. Его то видно, то нет. Элдридж отражает язвительные вопросы об авторском праве, процентах, гонорарах агентов, маркетинге и впутанной сюда целой текстильной промышленности. Он собирается заработать миллионы долларов и совершить всемирную сексуальную революцию, ведущую к Свободе, что же еще? Полковник, который тихо сидел в углу, потряхивая мальца у себя на коленях, страшно фыркает, малец соскальзывает с его коленей на жесткий больничный пол, а сам Полковник, громко топая, в холодной ярости выходит из комнаты.

Полковник – Старый друг семьи, с гвоздикой в петлице и легкой улыбкой множества вставных зубов, высеченных для него из слоновой кости китайским дантистом из Кувейта. Полковник сорок лет был секретным агентом в Персидском заливе. Он знал все эти жаркие пыльные пустынные страны задолго до того, как там нашли нефть или у них хотя бы появились четко обозначенные границы на карте. Он должен был следить за тем, чтобы такими они и оставались. Натравливать один арабский эмират на другой – игра опасная, больше похожая на «змей и лестницы», чем на шахматы, но у него было одно большое преимущество: ему нравилось то же, что и шейхам, – соколиная охота и очень молодые мальчики. Для него мальчик старше тринадцати был уже стариком. Настоящий детотрах. Иногда он попадал благодаря этому в большой фавор при дворе, а порой, даже там в Заливе, его бросали за это в глубокий каменный мешок, обычно из-за сексуальной ревности, а сексуальная ревность – жестокий тюремщик. Форин-офис, зная, каким рискам он подвергался, снабдил его капсулой с цианидом в полом зубе, на тот случай, если его будут пытать и принуждать к измене. Он ни разу ее не совершил. В общем, выйдя в отставку, он вернулся домой в Англию и поселился на берегу моря в Брайтоне, где растут как бурьян малыши из рабочего класса, а милых пареньков из хороших семей, еще младше тринадцати, можно приходовать, пока они бегают по отмелям во время отлива с ведерком и сеткой для ловли креветок. В его сети угодили многие. Он обещал доверчивым матерям, что поведет их мальчонок на длинный деревянный пирс, где актеры в роли негров, в красно-белых полосатых блейзерах и соломенных канотье, бренчали на банджо, фальшиво подражая американским чернокожим.

Этому мальчугану противно от одного их вида – противно до чертиков. Этот мальчуган плачет, топает ногами по дощатому помосту и орет в бешенстве, увидев безобразных белых дядь с лицами, намазанными вакой до самых поросячьих розовых глаз. Полковник наклоняется и хватает мистера Уродца блестящими желтыми зубами. Этот мальчуган так удивлен, что замолкает. Полковник дает ему первый пенни, а затем второй, заводя

мальчугана с его Уродцем в хижину и закрывая за собой дверь. Первый пенни – чтобы потом погадать, а второй – за то, чтобы он не рассказывал, когда Полковник спустит штаны. Первый пенни ложится в жилетный карман Уродца, но второй где-то теряется. Когда Полковник хапает ручонку мальчугана и кладет на свой пенис, пенни падает – до мальчика наконец-то доходит. Пенни за то, чтобы он не рассказывал, падает между половицами и теряется где-то в морской воде далеко внизу. Закончив, Полковник снова хапает свой первый пенни, злясь, что второй потерялся. Снаружи хижины – стеклянный ящик с верхней половиной старой цыганки внутри. Если вставить в щель пенни, ее голова начинает шататься, глаза на лице вращаются, а негнущаяся восковая рука сдает карту, на которой от руки написано предсказание. Его карта гласит: «Ты будешь счастлив без жены – детишек полные штаны!». Этот мальчуган скачет от радости, когда ему зачитывают предсказание. Этот мальчуган хочет забрать свою карту с предсказанием домой, но Полковник холодно отказывает. Предсказание, как и пенни, принадлежит ему. Насупившись, этот мальчуган крепко обнимает своего Уродца. Добравшись домой, этот мальчуган рассказывает обо всем матери.

Получив письмо от матери мальчугана, Полковник засовывает руку глубоко в рот и откручивает свой зуб. Капсула с цианидом выпадает на ладонь. Он подносит ее к свету. Полная, разумеется. В общем, он засовывает ее в рот и разжевывает, как мятный леденец после ужина. Опрокидывается на кровать, корчась в агонии. Так продолжается долго – всю ночь. Утром приходящая уборщица открывает дверь своим ключом и обнаруживает его с полным ртом окровавленных перьев: он съел свою подушку и до крови искусал себе запястья. И вот он лежит в луже черновато-ярко-желтой желчи напополам с кровью, но все еще частично в сознании. Она выбегает за пакистанским врачом, живущим на той же улице. Пакистанский врач вдыхает запах горького миндаля и начинает задавать вопросы в духе: «Где вы это достали?». Полковник проявляет твердость характера и так не признается, что когда-то служил за границей. Не понимаю, о чем вы говорите, в жизни ни о чем подобном не слыхивал. Полковник проявляет твердость характера и наконец поправляется, но обнаруживает, что больше не может испытывать оргазм, не говоря уж о том, чтобы поднять член.

Мать мальчугана не прессует Полковника жалобами, но он чувствует, что жизнь без секса совершенно не стоит того, чтобы жить, если уж он не может поднять член. Короче, он заглядывает в Лондон, чтобы повидаться с парнем, знакомым по ФО. Этот парень и еще несколько, к которым Полковник пристает, в один голос отвечают, что капсулы с цианидом выдаются только действующим агентам на задании. Они никак не могут объяснить, почему первая капсула не подействовала. Когда Полковник возвращается в Брайтон, пакистанский врач всячески отнекивается, но в конце концов появляется с новенькой капсулой цианида. Цену он заламывает высокую, но… Полковнику приходится выложить все до последнего пенни. Это почти убивает

его – в отличие от второй капсулы. И вот он снова проходит через все это – агонию, оргазмы агонии, снова, снова и снова, но все равно не умирает.

Мальчуган так никогда и не узнает, что с ним в итоге произошло. Он слишком занят: учится читать и писать.

Как избавиться от этой боли? Как же помереть? Зачем он вцепился в этот наполовину разделанный кусок живого мяса, все еще висящий на нержавеющем крюке хирурга? Когда сестра переворачивает его, чтобы поменять зловонную повязку, от унижения и стыда он сморщивает лицо, как младенец, и плачет. Где же его твердость характера? Его распяли на этой кровати, нарушили интимность его вен этими беспрерывными капельницами с сывороткой и цельной кровью. В качестве отступления он говорит своей медсестре Джиниве, что надеется: эта кровь с Ямайки – черная. Но почему просто не оставить его здесь истекать кровью, чтобы он умер по славному древнеримскому обычаю – в окружении друзей? Хотя навещающие его друзья и так уже стекаются к его кровати и кричат, поскольку он оглох. Все они говорят о том, как крупно ему повезло, что он выжил после этих операций. Со своими новыми пластиковыми органами ты еще всех нас переживешь, твердят они ему. Единственное, через что тебе больше никогда не придется проходить, – унижение от необходимости срать. Поправляйся, хорошо выглядишь. Другие едва заметные посетители подплывают к его кровати, точно греческие призраки у Гомера, – говорить они не умеют. Они забегают без предупреждения отовсюду – из Парижа и Танжера, Нью-Йорка и Нью-Дели, Катманду и Тибета. Остаются лишь на пару мимолетных секунд, пока ему удается смотреть на них краем глаза, никогда не глядя прямо. Сто́ит ему глянуть, они исчезают без следа.

Когда-нибудь слыхала об Айлин Дж. Гэррет, Гармита? В свое время она была самой страшной ведьмой на свете. Гэррет, Гармита? Словно твоего же роду-племени. С самого раннего детства все полоумные дамочки влюблялись в меня с первого взгляда. Они говорили моей матери: «Он у вас умен не по годам, милая, вы об этом знаете?» Терпеть этого не мог. Служанки пели мне: *«Маленький кудрявый ангел с мамиными глазками».* А я вопил, визжал и топал ногами по всей детской в приступе ярости. Я хотел увидеть прекрасный яркий мир своими собственными глазами. Годы спустя Айлин Дж. Гэррет сказала обо мне и моем хорошем друге Туше: «Ах, молодые люди, вы оба умны не по годам, но вам еще далеко». Она имела в виду, до нее, и это была правда. Что она вытворяла! Как-то вечером пригласила нас в свой пентхаус на двадцать третьем этаже, над рестораном «Белая индейка» на Мэдисон-авеню, напротив Библиотеки Моргана, чтобы посмотреть, как Морис Сандоз, представьте себе, вызывает у себя стигматы. Выяснилось, что он не хочет показывать этого нам. Он пообещал Папе Римскому, что больше не будет вызывать у себя стигматы, хоть он и протестант и в придачу сюрреалист. Она уговорила его лестью. Она была потрясающая. Туш называл ее Крабом-скрипачом, потому что она всегда пританцовывала и боком

направляла на вас свои телепатические антенны, цыкала на вас, подставляя коварный старый локоть, и выступала вперед, баюкая огромные старые сиськи. В килларнийском зеленом атласе она выглядела сногсшибательно.

В комнате, где мы находились, все окна с зеркальными стеклами были незанавешены и выходили на верхние этажи «Крайслер-билдинг», сверкавшие на солнце. Стены ее пентхауса были сплошь покрыты зеркалами, и их наполовину прикрывали пышные зеленые растения, поднимавшиеся до самого потолка. Айлин разговаривала со своими растениями: «Давайте, зелененькие мои малыши, растите для мамочки!» – ворковала она, вышагивая по комнате и поглаживая их. Сандоз молча сидел в кресле с резными деревянными подлокотниками. Айлин открыла еще шампанского. Когда Сандоз с закрытыми глазами вошел в транс, на лбу у него выступила красная сыпь. Затем из-под волос потек красный пот. Чмокая от удовольствия над своим бокалом шампанского, Айлин шепнула Тушу: «Терновый венец, смотри!» Следующими стигматами стали две багровые точки на тыльной стороне ладоней. Туш поставил свой бокал и на цыпочках подошел их потрогать – вставить палец в раны, как Фома неверующий. Сандоз пришел в себя, со сдавленным криком встряхнув головой. Когда он вцепился в деревянные подлокотники, костяшки у него побелели и мизинец правой руки как бы выхаркнул длинный сгусток чего-то жуткого. «Смотрите, мистер Сандоз! – воскликнула Айлин. – Это же эктоплазма, чтоб мне пусто было!» У него в ужасе отвисла челюсть, когда он открыл глаза и взглянул на это вещество, а затем, титаническим внутренним усилием, очевидно, втянул ее обратно в палец. Туш помог бедняге дойти до туалета, когда тот об этом попросил. Он там заперся и так долго молчал, что Туш вернулся, чтобы посоветоваться со мной. Что делать? Стучать? Колотить? Выбивать дверь? Мы вернулись спросить Айлин – и что же мы увидели на полу гостиной? Одну лишь огромную, большущую зеленую атласную задницу. Айлин стояла на четвереньках и длинными красными ногтями прочесывала коврик вокруг кресла. Она подняла на нас мудрые старые глазки-бусинки и подмигнула: «В этом ремесле столько хитростей, что и шилейлой не натрясешь!»

Весь долгий, безжалостный больничный день, который начинается еще до рассвета, от одного приема обезболивающих таблеток до следующего, он барахтается, как гигантский растворимый кит в безбрежном океане мучений. Ныряя, помирая, растворяясь в этих стихийных водах, мчащихся на предельной скорости, он остается совершенно беззащитным. Каждой молекуле его протяженного бытия соответствует единица боли, с которой она соединена. Если существует лишь боль, он сам – ее тон, окраска, цвет. Когда то, что было цветом, вдруг становится звуком, он на долю секунды откидывается из себя назад и смеется, слушает и смеется. Там и здесь, по всей вселенной, звучат совместные хоры безумных экстатических голосов, орущих в утонченном страдании, в агонии. Или, быть может, это славословие?

На четвертую ночь я примерно в десяти футах от *куббы*, когда большой Синий человек, самый большой житель пустыни, которого я когда-либо видел, прыгает на меня, рыча, словно горящий лев из Откровения Иоанна Богослова или мусульманский архангел Джабраил, возвещающий о Конце света. У меня страстный прилив чувств к нему. Никогда раньше не видел такого, как он, но доверяю ему. Я люблю его. Как мавританец может быть аристократом? Лицо у него ярко-оранжевое, а глаза – словно ярко-голубые бриллианты. Лицо у него квадратное и слегка плоское, как у большой кошки, но он гладко выбрит. Очень щегольской сине-фиолетовый тюрбан повязан по-особому и демонстрирует, откуда он родом в исламском мире, но он может быть, чего доброго, из пустыни Гоби. Он хорошо меня знает, поскольку подбегает обнять, предостеречь, сказать то, для чего слова не годятся, излишни, не нужны. Очаг ревет у него изо рта на горячем ветру, развевающем свободные синие одежды. Вокруг колышущейся материи потрескивает электрический ореол огня. Он окружен стилизованными языками пламени, наподобие тех, что охватывают небесных вестников на тибетских *танках*. Когда его одежды приподнимаются, я мельком замечаю суровых спутников, отступающих в его тень. Они без сомнения арабы, но маленькие, худые и темные. Он страшно торопится сказать мне что-то важное одним сплошным куском информации. Выставляет пять пальцев правой руки, облитых золотом. Я понимаю сразу и полностью. Левой рукой он быстро перебрасывает полог огня через дюну, по которой скатываются маленькие купцы. От пламени у меня сердце подпрыгивает. Я нашел то, чего хотел, – подходящий способ смерти. Лучшее, что могу когда-либо сделать, – шагнуть в пламя. Но я не могу. Времени нет. Стремительно спускаются сумерки, ведь все это произошло так быстро, что глазом моргнуть не успеешь. И вот теперь, медленно-медленно, смыкаются веки. Он бессловесно зовет через пропасть между ними:

– *Возвращайся завтра, на пятую ночь, и сможешь шагнуть в огонь!*

Когда его спрашивают на причастии, он говорит, что против этого. Когда упоминают вселенную, он возражает, что это, безусловно, восхитительный конструкт, который все же неизбежно должен иметь некоторые изъяны, и сам он решительно намерен пронестись сквозь один из них в Никуда. Прямо наружу. Его любимое место, вот умора, как и его пустыня – необитаемое пространство. Вместо этого он погребен с двумя немецкими солдатами, которые были похоронены заживо на два года в стволе шахты, что открывается у него под ногами на званом ужине на Старой горе в честь бывшего секретаря бывшего Министра иностранных дел или на светском приеме в саду, устроенном Кристофером в «Челси» для «Роллинг Стоунз». Ствол шахты превращается в убогую кафешку для лесбиянок-одиночек, свирепо заглатывающих венскую сдобу. Он в ужасе замечает, что некоторые пирожные – в форме его ладоней. «А ты даже намного тупее, чем кажешься», – с фырканьем говорит одна лесбиянка. Дебора в саду, и Тони фотографирует ее в одной из ее прекрасных шляпок. У него в кармане длинное письмо от Тони, но нет рук, чтобы до не-

го добраться: оно целиком посвящено Дхиравамсе и пути Випасаны. Вдруг из пустыни, сквозь зеленую английскую изгородь, налетают карлики и раскладывают на газоне свои товары для продажи. Он осторожно наклоняется, чтобы взглянуть на изделия. Тут же замечает, что ошибся, когда читал то, что написано на их серой пластиковой упаковке. Прочтя первые буквы: ФОРТ, он поспешил с выводом, что это взрывчатка, украденная с армейских складов. Теперь же он читает: ФОРТАЛ – название обезболивающего лекарства, которое, как он надеется, вернет его туда, где он на самом деле находится – возле куббы, *готовый шагнуть в пламя.*

– Хватит уже бредить! Я сказала доктору, и он отменил ваш ФОРТАЛ. Хватит!

Пятой ночи не было. К тому времени он утратил способность писать. Не смог накарябать последнее предложение, которое звучало бы так:

«Вот что происходит с…

Перевод Валерия Нугатова

УИЛЬЯМ С. БЕРРОУЗ

СМЕРТЬ МИССИС М.

Из «Естественной арифметики» Питмена

1. В начале было слово.
2. Слово было и есть плоть.
3. Слово было и есть звук и изображение.
4. Звук движется со скоростью 1114 футов в секунду.
5. Изображение движется со скоростью света – 186000 миль в секунду.
6. Мистер Б., в точке Б', и миссис М., в точке М', находятся на расстоянии 1114 футов друг от друга.
7. Миссис М. оснащена пронзительным голосом большой дальности, который доносится из точки М' в точку Б'.
8. Миссис М. кричит: «*...плоть плоть плоть плоть вонючая пятка...*» (Она надеется, что ее презрение не покажет незащищенного края.)
9. Мистер Б. оснащен фотоаппаратом с телескопическим видоискателем и магнитофоном.
10. Фотоаппарат и магнитофон синхронизированы, так что, когда мистер Б. видит, как на губах миссис М. складывается слово, он фотографирует ее и начинает запись.
11. Через секунду он слышит и записывает ее слова.
12. Когда он слышит ее слова, он ее уже сфотографировал.
13. Мистер Б. фотографирует миссис М. за секунду *до того*, как она является ему в слове.
14. Мистер Б. отделил слово миссис М. от ее изображения.
15. Миссис М. вполне может горланить дальнейшие любезности.
16. Мистер Б., чувствуя, что ему уже надоело слушать, обзаводится винтовкой.
17. Мистер Б. устанавливает винтовку и фотоаппарат с телескопическим видоискателем на штативе.
18. У винтовки скорость на выходе из ствола – 2228 футов в секунду.
19. Когда мистер Б. видит, как на губах миссис М. складывается слово, он нажимает на курок и фотографирует ее в последний раз.
20. Через полсекунды пуля попадает ей прямо в рот и взрывает заднюю часть ее мозга.
21. Через секунду он слышит и записывает ее последние слова: …*плоть плоть п...*

22. Миссис М. перестала существовать за полсекунды *до того*, как он услышал и записал ее последние слова.
23. Засветите негатив.
24. Сотрите пленку.
25. Не зная, что есть, и не есть зная, мистер Б. знал *не* миссис М.
26. Мистер Б. сейчас в точке космоса, находящейся в 186000 миль от Земли в точке Б". (См. п. 5.)
27. Миссис М. снова на Земле в точке М".
28. У мистера Б. то же базовое оснащение, но он взял на замену лазерную пушку «Г. и Э. Брэдли», испускающую мощные лучи когерентного света со скоростью 186000 миль в секунду, способные пробить самую твердую материю, даже алмаз… лазерная пушка на столе – это ж надо быть таким безмозглым!
29. Миссис М. усилила свой голос, чтобы приспособиться к изменившемуся расстоянию.
30. Через секунду *после* 16:00 мистер Б. видит на мерзких губах миссис М. мерзкое слово.
31. Теперь, поскольку мистер Б. на расстоянии одной световой секунды от миссис М., а ее изображение достигает точки Б" за одну секунду, мистер Б., понятное дело, обзавелся более мощным телескопом, чтобы сфотографировать миссис М… не через секунду после 16:00, разумеется, а ровно в 16:00 по нынешнему земному времени.
32. Через секунду лазер «Брэдли» разрезает на части большой рот миссис М., и «с радостью своей дорогой»[2].
33. Мистер Б. в последний раз сфотографировал миссис М. (то есть Мертвую).
34. Миссис М. всегда мертвая, когда мистер Б. фотографирует ее через секунду после смерти.
35. Миссис М. существовала только в своем последнем изображении и своих последних словах, которые поступают, конечно, из «Естественной арифметики» Питмена через несколько часов… так что вырубите магнитофон… засветите негатив.
36. Сло́ва и изображения миссис М. никогда не существовало.

Тихие бакалейные магазины
Булыжные улицы
Холодный ветер на озере

1. Из «Естественной арифметики» Питмена, 1917 г.:
«Идет со скоростью 18 миль в день. Доберется ли он вовремя?»
2. Из «Сан-Франциско 9, Пляж» Клода Пелье:
«Пожалуйста, отрегулируйте свои тормоза: «плясать» очень рискованно».

2 Из песенки для мюзик-холла «Я с радостью пошел своей дорогой» (1912), написанной У. Дэвидом и Б. Ли.

3. Из «Трансатлантического ревью», 14:
«Начало – это еще и конец».
4. Из «Голого завтрака», «Путеводитель № 74»:
«Я чую, стрем нарастает».
5. Из Д. Лэмонта:
«Облейте их бензином и скорее подожгите».
6. Из «Незавершенного произведения»:
«страшное яркое солнце… лицо с облезшей кожей… это вот, умирающее у меня на руках…»
7. Мне хотелось бы сказать слова предостережения для «Академии танца», «В опасности»:
Если уменьшить всемирное тяготение при помощи Второй половины, известной как Гравитационный ГЭРТ, сила солнечных лучей увеличится на половину… из «Естественной арифметики» Питмена… что вызовет Тепловую смерть.
8. Из «Незавершенного произведения»:
«Формулы неумолимы – этих сволочей не сдержать. В Хиросиме наступает прилив, тупые земные жлобы, *sauve qui peut!*[3]»
9. Из «Движущихся времен»:
«На этой неделе всего один посетитель – обычный мистер Болт. Намерен добраться до Фриско, но все мы подохнем».

3 Спасайся, кто может! (*фр.*).

ТЕКСТЫ ИЗ АЛЬБОМА ДЛЯ ВЫРЕЗОК

Мальчик, который свистел?

Автомобильная авария, или это была война?

На ножницах, сейчас же свистни со страницы. Я открыл для тебя ворота, где никогда не писало время. Он уронил фото в ящик стола.

Теперь альбом для вырезок стал просто хламом… обрывок старого письма, вырезки из местной газеты, приглашение, реклама, фото, колонка текста… мозаика прежних времен и мест.

Вот одна, это началось в среду, 28 апреля 1965 года, на углу Кэнэл и Бауэри: там один пуэрториканец, вызвавший у меня эффект дежавю, говорит: «Вы мистер Миллер?»… Я сказал: «Нет», – а он говорит: «Я должен здесь встретиться с каким-то мистером Миллером». На следующий день встречаю на странице некрологов какого-то Сэмюэла Миллера, вырезаю и вклеиваю вместе со снимком, который сделал на Сентер-стрит, похожей на канал… Через некоторое время вкладываю снимок английского боксера по имени Терри, показавшийся как раз подходящим. 13 июня, если ничего не путаю, я заходил в «Палм-Бич», и у канала грохнули этого продюсирующего исполнителя… Кажется, он как раз отвез домой Терри Миллера, делового партнера, когда это случилось…

Что-то вот такое постепенно заполняет страницу…

Вскоре у меня было несколько альбомов для вырезок с перекрестными отсылками от одной страницы к другой…

Вот эксперимент с альбомами для вырезок…

Откройте любую страницу и зачитайте какой-нибудь текст на магнитофон. Воспроизведите только что записанное, одновременно зачитывая вслух другой отрывок с той же страницы. Проецируйте на страницу фотографии. Теперь взгляните на фотографии сами по себе. Теперь послушайте голос на пленке, бормочущий под вашим голосом. Вы обнаружите, что альбомы для вырезок – из вещества того же, что и сны.

На ножницах сейчас же свистни английского боксера по имени Терри показавшийся как раз тебя где никогда не писало время. Заходил в «Палм-Бич» или это была война? Он уронил телефон… кажется он просто снял хламом фотографии, когда это случилось. Через время я вкладываю снимок страницы, просто хлам… Я открыл ворота подходящим 13 июня, если ничего не путаю… я… мальчик который свистел? Автомобильная авария продюсирующего исполнителя грохнули… в ящик стола… Отвозил Терри Миллера, делового партнера, домой… старый альбом для вырезок. Теперь, альбом для вырезок вот такое, постепенно заполняет страницу… письмо… вырезка из местной перекрестные ссылки от одной к другой фото колонка текста с альбомами для вырезок откройте времен и мест.

Теперь где магнитофон? Теперь где эксперимент с мозаикой старой страницы в среду, 28 апреля 1965 года, вы только что записали в том же Кэнэл и Бауэри. Теперь воспроизведите на углу время читая вслух другой отры-

вок вызвавший у меня эффект дежавю и говорит: «Фотографии на странице с проектором сказали я должен здесь встретиться с каким-то мистером Миллером». Пуэрториканец там на той же странице: «Вы мистер Миллер?». Теперь послушайте голос, бормочущий под страницей некрологов, вырежьте и вклейте найдете этот альбом для вырезок… (Я сказал, Нет, Ахерн.) На следующий день встречаю Сэмюэла Миллера ваш голос на магнитофоне, вы на снимке, который я сделал на Сентер-стрит…

Ну, короче, из вещества того же, что и сны…

ЮРИКА, Калиф., 23 дек. (АП) – Проливные дожди, усиленные шквалистыми ветрами, продолжились сегодня в четырех западных штатах, затопив большие территории, поставив под угрозу десятки городов и поселков и нанеся ущерб на миллионы долларов.

Шесть человек погибли и три спасателя пропали без вести во время двухдневной грозы, вынудившей, по меньшей мере, 5000 человек бежать от бушующих вод десятка вышедших из берегов горных рек.

Представитель Шестой армии сообщил, что во вторник из реки Ил было выловлено еще два тела. Общее число погибших в калифорнийских наводнениях уже достигло 23-х человек. Имущество на сумму, по меньшей мере, 500000000 долларов…

14 февраля 1965 г.

Угроза для Блю-лейк, с населением 700 человек, уменьшившимся вчера ночью, когда рабочим, борющимся с наводнением, удалось укрепить кабель вокруг Рутской дамбы… *мяу*... сегодняшние операции были ничем не примечательны и выводили из себя работой с Народными силами… они самые тупые, ленивые, слабые и антинародные, кого я видел… это замечание сделал капитан Карлтон Дж. Холланд, 36 лет, в письме своей жене… письмо, которое было доставлено сюда в их дом вчера в тот же день… кто в вас стрелял?.. Вьетнам… Холланд был отцом двоих детей… с этим заботливым напоминанием своей жене Эстер Карл Франс, 57 лет, покинул свой дом в Мендеме, Н.-Дж., чтобы стать одной из жертв авиакатастрофы у Джонсбич в понедельник… рейнджеры – хорошие ребята, и командир сделал все, что я хотел, но время и задание ушли на ожидание Народных сил, а затем на их поиски, когда они потерялись. Ну, им заплатили в тот день, когда мы вернулись, и теперь у них в роте 30 дезертиров и 46 увольнений, написал он. Слезы навернулись ей на глаза, когда вчера она сидела в своем роскошном доме на Хиллтоп-роуд, 22, и сказала: «Я всегда буду помнить». Недаром же я получил это от подразделения, сэр. Пожалуйста, прекратите скажите слушайте прошлой ночью / вопросы от штабной крысы… Холланд написал, 3 февраля его навестил сайгонский штабной офицер, который спросил, мог ли он защитить позицию, к которой был приставлен примерно в то же время, когда Франс, консультант в области исследований из Объ-

единенной химической корпорации, выходил из дома, миссис Элинор Доналдсон, 48 лет, Риджуэй-стрит, 515, Уайт-Плейнз, приняла гостя из Ричмонда, Вирджиния, ее дочь, миссис Карл Кокс, помчалась к / я хочу заплатить. Пусть они оставят меня в покое / трудное время / я могу защитить этот холм? Я сказала / обязательно держи нас в курсе / ожидается, что вода в Иле поднимется на 21 фут… *мяу...* сегодня Русская река, которая вышла из берегов во время прошлого наводнения и затопила полоску земли шириной 7 и длиной 60 миль / из Сан-Хосе / 160-миллиметровая гаубица, два автомата, 23 мешка с песком и сорок фунтов раствора / безутешная мать быстро получила билет. Она тоже была на самолете, который упал / ее сын Дж… / я знаю, что они французы / заявила вчера Академия Корнуолла… Пожалуйста, скажите своим друзьям, чтобы не присылали цветы, но если им небезразлично, пусть лучше помогут детям-инвалидам из Больницы св. Агнессы в Уайт-Плейнз: моя мать очень о них заботилась. Она любила их, и думаю, они любили ее тоже… он написал, что теперь нас всего десятеро и десять миллионов где-то борющихся вас… внесите свою лепту, а мы / полиция ищет вас повсюду / в самолете погибли 2 семимесячных жениха. Джон Шумейкер, 27 лет, работник котельной на флоте в увольнении, с морской авиабазы в Сан-Диего, остановился у своих родителей, в доме 14 / пожалуйста, не упрашивайте меня туда пойти, я не хочу… я по-прежнему не хочу, чтобы он стоял на пути / парк, Лонг-Айленд карманная взрывная система я просто рассмеялась над ними моя ванна, прачечная и питьевая вода – все в этой речной взрывной системе в моих карманах… нет большой / приходит разрушитель / франко-канадский бобовый суп. Нет, не бойтесь меня, друзья, и думаю, у меня работа получше / склады с одеялами и пайками и 20 тонн силового оборудования / крысы ночью озверели, и я постоянно отхаркиваю эту гадость из легких эти чертовы крысы / надо постоянно поднимать ноги вверх, они по ним бегают: написал капитан, который был во Вьетнаме с апреля прошлого года. Его жена, Маргарет, 20 лет / Осторожно, стрельба немного беспорядочная, и это предостережение по поводу стрельбы спасло мужчине жизнь / первые новости о крушении поступили, когда она услышала о катастрофе в выпуске новостей в 23:00… Холланд, 18 лет на службе, был в числе 3-х инструкторов американской армии, считавшихся погибшими, когда силы Вьетконга захватили городок Дук-Пхонг. Четвертый американец пропал без вести: Брюс Уорт, 30 лет / полиция ищет вас повсюду/умоляю, у меня с ним ничего не было. Он был ковбоем в один из семи дней недельный бой / с двумя управленцами из его фирмы… Холланд также сообщил в письме новость о том, что получил приказ о перемещении в Форт Брэгг, С. К.… 4 управленца из «Континентал Кэн Ко.», 6333-й… Они англичане, причем типичные, и я не знаю, кто лучше, они или мы… Вуд-гроув, 47… Бруклинс-роуд, 5, Бронксвилл генеральный директор / у вас ничего на него нет, слыхали? / Я / каждый. Спасение на вертолетах и авиарейсы для оказания помощи, затрудняющие основные способы добраться до сотен беженцев из затопленных городков

вдоль реки Ил / говорит вот что… Это, нет, запутано, и это говорит, Нет / почему он не может просто выйти из игры и передать управление мне / от трех недель до полугода, чтобы собрать достаточно обломков и посмотреть, что мы имеем. Я знаю, что я здесь делаю со своим набором документов. Третий округ Береговой охраны / Ким, вы слышите меня? Кто в вас стрелял? На кладбище старых телевизионных автомобилей и взорвался сегодня место упокоения несчастных пассажиров / возьми денег в этой казне пятак цена для двух таких парней как ты и я но для коллекционера цена/Барон говорит вот что / пожалуйста, приструните этих друзей китайцев / и гитлеровский командир / Полегче с Джимми Вэлентайном, ведь он мой старый кореш / куски искореженного металла, но никакого фюзеляжа DC-7B из Международного аэропорта Майами. 84 человека погибли при крушении во время рейса в Латинскую Америку… на чердаке. Давай, давай, Джим. Ладно. Ладно. Я всё, больше ничего не могу сделать / камера поведала трагическую историю. На ней буквы ИЛ… ил / Давай, открывай мыльные трупки / во вторник вечером армейские вертолеты эвакуировали около 200 человек из двух затопленных регионов вдоль севернокалифорнийских рек Мэд и Ил / в глубь страны, более 200 семей в Ричфилде / извините, я забыл, что я истец, а не защитник / Официальный представитель, после того как возле Томовой речки прорвало плотины и дамбы / не дай Сатане утащить тебя слишком скоро / большие территории, поставив под угрозу десятки городов и поселков и нанеся ущерб на миллионы долларов. Шесть человек погибли и три спасателя пропали без вести во время / Пожалуйста, помогите мне встать. Генри, Макс… подойдите сюда / десятка вышедших из берегов горных рек/представитель Шестой армии сообщил, что во вторник из реки Ил было выловлено еще два тела / общее число погибших в калифорнийских наводнениях уже достигло 23-х человек… по меньшей мере, 500000000 франко-канадский бобовый суп / Самолет врезался в вулкан в Андах, 87 погибших, Сантьяго, Чили, 6 фев.… чилийский DC-6B… авиалайнер с 80 / я хочу эту ноту соль / в заснеженные склоны Сан-Хосе вул / затем Генри… Генри, Фрэнки… Ты не встретил его. Ты даже не встретил меня / погибли, включая американского туриста… обезображенные обломки самолета, хаотично разбросанные на тысячи ярдов по склонам вулкана, обезобразили ослепительную заснеженную гору на уровне 11700 футов / Полегче с Джимми Вэлентайном, ведь он мой старый дружок… *Santiago los cerillos*[4]… вы перевели это? конечно, это плохо, ну да ладно, хорошее впереди: что случается за попытку / по-моему, это означает то же самое / Самолеты, по всей видимости, рухнули и вспыхнули примерно через 20 минут, унеся жизни 51 чилийца, включая футбольную команду, 23-х иностранцев и семи членов экипажа никакой бухгалтерии, никакой стены. Сколько было сделано выстрелов? 67 из 2504 33-я Авеню, Лонг-Айленд-Сити, Куинз, секретарь на пенсии, которому я хочу заплатить, пожалуйста. Полегче, стрельба немного беспорядочная. «Ариас Насьоналес» – единст-

4 Сантьяго спички (*исп.*).

венная авиакомпания, продолжающая летать над Андами на винтовых воздушных суднах… Все другие авиакомпании перешли на реактивные самолеты для больших высот. Ким, вы слышите меня?.. должен получить лучший… собираюсь дать тебе, золотце, если смогу, свой первоклассный матерьял, а эти мерзкие крысы врубились / мелькнувшая знаменитая статуя Христа-Силы веры в Андах на горе радио телевидение пик на чилийско-аргентинской границе / отпечатки соответствуют пропавшему мужчине, но он настаивает, что это ошибка. Экрон, Огайо, ты не побьешь его… *мяу*… давай, открой свои мыльные трупки… сообщив нам, что мертвый полиция Чикаго сказал отпечатки пальцев пропавшего мужчины соответствуют отпечаткам телевизионного режиссера из Омахи, но человек из Омахи отрицает, что он пропавший брат; лейтенант Эмиль Джайз из полиции Чикаго / они англичане, причем типичные, и я не знаю, кто лучше, они или мы / который сравнил отпечатки пальцев Джона Фрэнсиса Джонсона, 30 лет / недаром же я получил это из подразделения / Джозеф Бейдер, пропавший мужчина, во флоте имел / вы уверены? Либо это один и тот же человек, сказал Джайз, либо это что-то Потустороннее… Джонсон, который встретил брата пропавшего Бейдера в Чикаго… припрячь себя к вам, и затем трубочисты хватаются за шпаги. Десять миллионов борющихся… Полиция Чикаго добровольно для опознания личности в четверг вечером… Умоляю, у меня с ним ничего не было… Он был ковбоем в один из семи дней недельные бои… Незачем инсценировать беспорядки… 17, 1957 год, в тот день на озере начался шторм, и предполагалось, что он утонул, после того как нашли его выброшенный на пляж пустой катер. Чей это номер у вас в блокноте, бармен?.. но зато не включал никого из его родни. Пожалуйста, не упрашивайте меня туда пойти… станция, которая находила аналогии тому, что вы выбираете и что вам нужно, и когда он счастливый, он не сварливый… работал на радио и телевидении в Омахе с 1957 года. Друг Бейдеров… позвольте ему припрячь себя к вам и франко-канадский бобовый суп… Баксы на бочку… Джон и Ричард полетели в Чикаго / Джонсон любезно отрицал, что вообще мог быть пропавшим братом Бейдера… Он увлекался стрельбой из лука. Не знаю, кто в меня стрелял… Джонсон… Если честно, это привычка, которую я приобрел… я то даю их, то нет… Во-первых, сообщить о крушении, при котором погибло 64 человека, миссис Тельма Гу… Я хочу заплатить. Мы поднимем флаг перемирия / шар пламени, в прежние времена они все ждали и ждали / ее собака / пустите меня на место окру́га подушки среди обломков после катастрофы. Пристрастия солнца Майами, забавные пристрастия… где-то на глубине 65–100 футов под холодной океанской водой, примерно в 12 милях к югу от Джонс-Бич, лежит фюзеляж самолета DC-7B Восточных авиалиний, который упал в океан в понедельник вечером, унеся жизни всех 87 человек, находившихся на борту/все факты во внимание морская охота за корпусом самолета, в котором предположительно… Ким, вы меня слышите?.. пассажиры и экипаж. Фотографии пятерых жертв и слева. ДГА и ФАА выясняют причины катастрофы… пожарное предприятие, оно

истлело… недаром же я получил его от подразделения… Полиция здесь… Джон, ты купил отель?… пожалуйста, сделай это поскорее, быстро и яростно… Чей это номер у вас в блокноте?

Джордж, не делай полных движений! Что вы с ним сделали?.. 30 семей остались без крова в огне… полиция сказала, мертвый мужчина, Томас Уолтон с Западной 116-й улицы, дом 371, по всей видимости, подорвался / Джон, пожалуйста, ты / *бип-бип...* если б я знал разрешили вернуться позже… меньше повезло жителям 3-х шестисемейных каркасных домов № 33, 35 и 37 на Хинсдейл-стрит в восточной части Нью-Йорка… *бип-бип...* пожар высшей категории сложности, полиция сказала, был поджог / вы делаете успехи с методом точка-тире. Разве я не говорил в тот раз прошлой ночью? Чей это номер у тебя в блокноте, Фил? 13780… *бип-бип…* Трубочисты хватаются за шпаги… *бип-бип...* вчера вечером посетители ресторана «Макгиннис» на углу Бродвея и 48-й Улицы поужинали бесплатно или, по крайней мере, съели столько, сколько они / *бип-бип* / скопившийся на кухне жир вытяжные трупки вспыхнули и отложить решение / *полиция полиция* / Генри и Фрэнки / с огнем… *бип-бип...* Давай, открывай мыльные трупки… *точка-тире...* частичное обслуживание было восстановлено через час / Полегче, это можно отследить / он изменился в худшую сторону / пожалуйста, полегче… 23 декабря… *точка-тире-бип...* подойдет то, что я говорю. Конечно, какая разница, если ты закончил… Откуда ты это знаешь?.. сегодня в четырех западных штатах, затопив большие территории, поставив под угрозу десятки городов и поселков и нанеся *точка-тире-бип* ущерб на миллионы долларов… шесть человек погибли и три спасателя пропали без вести *точка-тире* грозы, вынудившей, по меньшей мере, 5000 человек бежать… Полегче с Джимми Вэлентайном, ведь он мой старый дружок… давай, давай, Джим… *точка-тире...* представитель Шестой армии сообщил сегодня, я довольно хороший крендельщик. Недаром же я получил это от подразделения… сэр, пожалуйста, прекратите… *точка-тире...* достигло 23-х… пожарное предприятие, что он был отнюдь не близко истлело… уже достигло 23-х… в результате взрыва квартиры погибли двадцать д / ладно, ладно, я уже всё, больше ничего не могу… *точка-тире...* 23 человека погибли во время / я был в туалете, и когда добрался, мальчик подошел ко мне и / стер с лица земли здание, воздвигнутое в 1957 году было частью жилого Высоты Ласаль *точка-тире...* – – – 700 жили в экспериментальном… все здания в районе были эвакуированы, пока пожарные боролись с пламенем… очевидцы сказали, что от взрыва высоко подлетела крыша. Он врезался в… – – – в результате взрыва… Не знаю, кто они: они французы… – – – … предприятие, что он был отнюдь не близко и одним из первых на месте оказался студент. Он помогал вытаскивать выживших из-под обломков. Сержант ласалевской пожарной бригады Роджер Леваль спас женщину и ребенка… – – – …в подвальной квартире… – – – он боролся… *бип...* – – – даже когда на него обрушилась крыша. Премьер Ласарж, оценивая спасательные работы, сказал: «Я не понимал масштабов

катастрофы, пока своими глазами не увидел то, что вижу»… – – – … – – – 23 человека погибли/если бы вы хотели. У нас ничего на него нет, но у нас есть кое-что на его помощника… – – – …неразборчиво. Погибли сегодня при масштабном взрыве с подъемом крыши в пригородном Ласале… жители района рассказали, что почувствовали во рту сильный сладкий вкус и запах природного газа, после чего взрыв разрушил 40 квартир… – – – на углу Сент-Клемент и Берджевин-стрит… но я умираю… Вскройте это и сломайте, чтобы я мог до вас дотронуться, и пожалуйста, потяните мне, сколько хороших… – – – … рабочий. Я был в ванной и не успел оглянуться, как раздался звук *бип-бах-точка-тире*... – – – обрушилась на меня, сказал он… – – – 17 человек погибли. 14 из двух семей, когда взрывается трубопровод. Накитош, Луизиана, 4 марта. 17 человек сгорели в огромной вспышке огня… 2000. Давай, возьми денег в этой казне, они нужны нам… ковбой в один из семи дней недельный бой… – – – … погибли. 8 были из одной семьи, а 6 – из другой. Жар над площадью семь акров был таким сильным… – – – …машины и 3 грузовика в бесформенные груды металла. Взрыв прогремел в 150 ярдах позади каркасных домов как раз напротив «Кантри-клуба» на другой стороне шоссе… – – – …обязательно сообщить нам они англичане причем типичные, и я не знаю, кто лучше, они или мы… рев, похожий на звук низколетящего реактивного самолета… Умоляю, дайте войти и поесть / тридцать минут рев был от вспышки… – – – …футов высотой… – – – …когда официальные представители перекачивающей компании перекрыли мощный поток газа, хлеставший из 30-дюймового трубопровода под 700 и… – – – …трубопровод – это часть / нет, это, запутано, и это говорит, Нет… Ким, вы меня слышите? / погребенные под землей на глубине шесть футов. Причина взрыва не установлена… Пожалуйста, не упрашивайте меня туда пойти: я не хочу. – – – …Сити, Канзас. 5 официальных представителей фирмы «Дом на колесах» из Санта-Фе-Спрингс, Калифорния, погибли сегодня, когда их самолет потерпел крушение во время сильной снежной бури… жертвы были опознаны как *бип… бип…* (имя неразборчиво) президент билтморской корпорации «Дома на колесах»… Впустите меня в / … – – –…был отнюдь не близко. Потом, Генри, Фрэнки, ты не встречал его – ты даже меня не встречал… – – – …двухмоторный самолет с экипажем из двух человек и одним пассажиром разбился и сгорел сегодня / я все равно не хочу, чтобы он стоял на пути… Незачем инсценировать беспорядки… – – – *бип*… вице-президент «Протекто Рэп Компани», Денвер, Колорадо. Пассажир был найден в нескольких ярдах от обломков и доставлен в Филипсбургскую государственную больницу с травмами головы… – – – …из Денвера и второй пилот Джон… – – – …резидент. Два коктейля Молотова были брошены на заднее крыльцо ее дома… Майами, Флорида, 5 марта. Одна из бутылок с бензином взорвалась, вызвав пожар… – – – На тротуаре была беда, и медведи были в беде, и я взломал ее, а эти мерзкие крысы вернулись / врезался в кладбище устаревших и брошенных воздушных суден… – – – 37 и умоляю, помогите мне выбраться… – – – комментировать отказались.

ИНТЕРВЬЮ С УИЛЬЯМОМ С. БЕРРОУЗОМ[5]

Берроуз: Не знаю, куда обычно направляется вымысел, но сам я совершенно сознательно обращаюсь ко всей области, что мы зовем сновидениями. В сущности, что такое сон? Определенное наложение слова и образа. Недавно я проделал множество экспериментов с альбомами для вырезок. Читаю в газете что-нибудь напоминающее то, что я писал, или с ним связанное. Вырезаю фотографию или статью и вклеиваю в альбом для вырезок рядом со словами из своей книги. Или иду по улице и вдруг вижу сцену из своей книги, фотографирую ее и вставляю в альбом. Я обнаружил, что после того, как создам страницу, мне почти всегда снится что-нибудь связанное с этим наложением слова и образа. Иными словами, меня интересует, в сущности, как ведут себя слово и образ в их очень и очень сложных ассоциативных отношениях. Я много упражняюсь в том, что называю путешествиями во времени, в установлении координат, ну скажем, что́ я сфотографировал в поезде, что́ я думал об этом в тот момент, что́ читал и что́ написал; все для того, чтобы посмотреть, насколько полно я смогу спроецировать себя обратно в этот момент времени.

Интервьюер: В «Нова экспрессе» вы указываете, что молчание – желательное состояние.

Берроуз: *Наиболее* желательное состояние. В определенном смысле особое использование слов и изображений способно привести к молчанию. Альбомы для вырезок и путешествия во времени – это упражнения по расширению сознания, которые учат меня мыслить ассоциативными блоками, а не словами. Недавно я немного изучал иероглифические системы, как египетскую, так и письмо майя. Целый блок ассоциаций – вжух! – вот так! Слова – по крайней мере, при нашем их использовании – могут служить помехой для того, что я называю внетелесным опытом. Пора уже нам подумать о выходе из тела.

Интервьюер: По словам Маршалла Маклюэна, вы считали, что героин нужен для превращения человеческого тела в среду, включающую в себя вселенную. Но, исходя из того, что вы только что сказали, вас совершенно не интересует превращение тела в среду.

Берроуз: Нет, джанк сужает сознание. Если не считать контакта со всем этим карнавальным миром, я получил пользу как писатель, лишь когда соскочил. Я хочу научиться видеть больше того, что на виду, выглянуть наружу, обрести как можно более полное осознание окружающего пространства. Бэккет хочет уйти внутрь. Сначала он заглядывал в бутылку, а теперь валяется в грязи. Я ориентирован в противоположном направлении – наружу.

---

5 Отрывок из интервью 1966 г., взятого Конрадом Никербокером для «Пэрис Ревью» и перепечатанного в сборнике «Писатели за работой», 3-й выпуск (Нью-Йорк, 1967).

Интервьюер: Вам удавалось мыслить хоть какое-то время образами, с молчащим внутренним голосом?

Берроуз: Я набираюсь в этом мастерства, отчасти благодаря работе с альбомами для вырезок и переводу связей между словами и образами. Попробуйте вот что: внимательно заучите смысл отрывка, а потом прочитайте его: вы обнаружите, что на самом деле можете читать его, хотя слова при этом не производят у вас в голове ни единого звука. Диковинное ощущение, и оно переносит нас в сновидения. Когда начинаешь мыслить образами, без слов, значит, ты уже на пути.

Интервьюер: Почему бессловесное состояние настолько желательно?

Берроуз: По-моему, это революционная тенденция. По-моему, слова – приземленный, допотопный способ действия, неудобный инструмент, и в конце концов они будут отброшены, вероятно, скорее, чем мы думаем. Это произойдет в космическую эру. Большинство серьезных писателей не желают открываться тому, что предлагает техника. Никогда не понимал подобного страха. Многие из них боятся магнитофонов, а мысль об использовании любых механических средств в литературных целях представляется им каким-то святотатством. Это одно из возражений против нарезок. Таких возражений много – какое-то суеверное почтение к слову. Господи, говорят они, нельзя нарезáть эти слова. Почему это *нельзя?* Мне гораздо легче заинтересовать нарезками неписателей – врачей, юристов или инженеров, любого незашоренного, в меру образованного человека, нежели собственно писателей.

Интервьюер: Как вы заинтересовались методом нарезок?

Берроуз: Один мой друг, Брайон Гайсин, американский поэт и художник, который уже тридцать лет живет в Европе, был, насколько мне известно, первым, кто создал нарезки. Его поэма из нарезок «Осталось несколько минут» передавалась по Би-Би-Си и позднее была опубликована отдельной брошюрой. Летом 1960 года я был в Париже; это случилось после публикации там «Голого завтрака». Я заинтересовался возможностями этого метода и начал экспериментировать сам. Конечно, если вдуматься, первым великим коллажем из нарезок была «Бесплодная земля», кое-что в том же русле делал Тристан Тцара. Дос Пассос использовал ту же идею в эпизодах, написанных методом «киноглаза», в своей трилогии «США». Я почувствовал, что стремлюсь к той же цели; потому для меня стало важным откровением, когда я увидел воочию, что люди этим занимаются.

Интервьюер: Нарезки предлагают читателю что-то такое, чего не может предложить традиционное повествование?

Берроуз: Любой повествовательный отрывок или отрывок, скажем, с поэтическими образами подразумевает любое число вариаций, и все они могут быть интересными и законными сами по себе. Если нарезать и перестроить страницу Рембо, получатся совершенно новые образы – подлинные образы Рембо, но при этом новые.

Интервьюер: Вы жалуетесь на нагромождение образов и в то же время, кажется, ищете новых.

Берроуз: Да, это часть парадокса всякого, кто работает со словом и образом, и, как ни крути, именно этим писатель по-прежнему и занят. Живописец тоже. Нарезки устанавливают новые связи между образами, и, как следствие, расширяют ваш кругозор.

Интервьюер: Разве вы не могли бы добиться того же эффекта просто путем свободных ассоциаций за пишущей машинкой, а не утруждая себя работой с ножницами и всеми этими кусочками бумаги?

Берроуз: Наш разум не способен охватить этого таким образом. К примеру, если бы я захотел сделать нарезку из вот этого (*берет экземпляр журнала «Нэйшн»*), то мог бы поступить множеством способов. Мог бы перескакивать с одной колонки на другую: «Нервы современных мужчин окружают нас. Каждое техническое расширение вышедшее наружу электрическое включает акт коллективной среды. Сама система человеческой нервной среды может быть перепрограммирована со всеми своими частными и общественными ценностями, поскольку это содержание. Оно логически программирует так же легко, как любая радиосеть поглощается новой средой. Сенсорный порядок». Вы обнаруживаете, что нередко это бывает таким же осмысленным, как оригинал. Вы учитесь пропускать слова и устанавливать связи. (*Жестикулирует.*) Допустим, я должен вырезать вот это здесь в середине и вставить здесь вверху. Ваш разум просто не смог бы со всем этим справиться. Это как пытаться удержать в уме множество шахматных ходов, вы просто не сумели бы этого сделать. Психические механизмы подавления и отбора тоже работают против вас.

Интервьюер: Вы считаете, публику можно когда-нибудь приучить к нарезкам?

Берроуз: Разумеется, ведь нарезки открыто выражают психосенсорный процесс, который все равно происходит постоянно. Кто-то читает газету, и его глаз следит за колонкой в узком аристотелевском смысле – одна мысль и предложение за раз. Но подсознательно он читает колонки по обе стороны и сознает присутствие человека, сидящего рядом. Это и есть нарезка. Я сидел в закусочной в Нью-Йорке, ел пончики и пил кофе. Я думал о том, что в Нью-Йорке *и впрямь* немного чувствуешь себя упакованным в ящик, как будто живешь в наборе из ящиков. Я выглянул в окно и увидел большущий йельский грузовик. Это нарезка – наложение того, что происходит на улице, на то, о чем я думаю. Я беру это за правило, когда иду по улице. Говорю себе: когда я добрался сюда, то увидел вот этот знак и подумал вот это, а когда возвращаюсь домой, я это печатаю. Часть материала использую, часть – нет. У меня здесь буквально тысячи страниц с заметками, а еще я веду дневник. В каком-то смысле это путешествия во времени.

Большинство людей не видят того, что происходит вокруг. Это мое главное напутствие писателям: ради бога, разуйте *глаза*. Обращайте внимание

на то, что происходит вокруг. То есть я иду по улице с друзьями и спрашиваю: «Вы его видели – того, кто только что прошел мимо?» Нет, они не обратили на него внимания. Я очень приятно провел время, пока ехал сюда на поезде. Много лет не ездил на поездах. Я обнаружил, что там нет купе. У меня был спальный вагон, так что я смог поставить пишущую машинку и смотреть в окно. Вдобавок я фотографировал. Еще я обращал внимание на все указатели и на то, о чем думал в тот момент, понимаете. У меня получились диковинные наложения. Или, например, у моего друга есть лофт в Нью-Йорке. Он сказал: «Всякий раз, когда мы выходим из дома и оставляем туалетную дверь открытой, в доме появляется крыса». Я выглядываю в окно – там контора по борьбе с вредителями «Эйбл».

Интервьюер: Единственный изъян нарезок, кажется, кроется в лингвистической базе, на которой мы действуем, – традиционное повествовательное предложение. Изменить это будет стоить больших трудов.

Берроуз: Да, к сожалению, это одно из великих заблуждений западного мышления – вся эта оппозиция «или-или». Помните Коржибски и его идею неаристотелевской логики? Просто мышление «или-или» – это неточное мышление. События так не происходят, и мне кажется, аристотелевский конструкт – великие оковы западной цивилизации. Метод нарезок – движение, направленное на то, чтобы их сломать. Я могу себе представить, что, возможно, было бы гораздо легче найти признание нарезок у китайцев, ведь вы же понимаете: они могут читать ту или иную идеограмму множеством способом. Она уже «нарезана».

Интервьюер: Что произойдет с традиционным сюжетом в художественной литературе?

Берроуз: Сюжет всегда выполнял определенную функцию режиссуры, был способом доставить персонажей из одного места в другое, и это сохранится, однако для новых методов – например, нарезки, – потребуется гораздо больше умственных способностей наблюдателя. Это обогащает общий эстетический опыт, расширяет его.

Интервьюер: «Нова Экспресс» – нарезка из многих писателей?

Берроуз: Там есть Джойс. Шекспир, Рембо, некоторые писатели, о которых никто не слышал, один по имени Джек Стерн. Есть Керуак. Не знаю, когда начинаешь делать эти свертки и нарезки, то теряешь след. Конечно, Жене, которым я очень восхищаюсь. Хотя то, чем он занимается, это классическая французская проза. Он не новатор слова. Еще Кафка, Элиот и один из моих любимцев – Джозеф Конрад. Мой рассказ «Они просто исчезают» – свертка (вы не режете, а сворачиваете) из «Лорда Джима». На самом деле, это почти что пересказ истории из «Лорда Джима». Мой Штейн – тот же Штейн, что и в «Лорде Джиме». Еще один мой любимец – Ричард Хьюз. И Грэм Грин. Когда я куда-нибудь еду, например, из Танжера в Гибралтар, то ради тренировки записываю все в три колонки в записной книжке, которую всегда беру с собой. В одной колонке – просто отчет о поездке, о том, что произошло: я прибыл в аэропорт, что сказали служащие, что я подслушал в само-

лете, в каком отеле поселился. В следующей колонке – мои воспоминания: о чем я в тот момент думал, воспоминания, пробужденные моими встречами. А в третьей, которую я называю читательской, приводятся цитаты из любых книг, которые беру с собой. Во время поездок в Гибралтар у меня одного практически целый роман. Помимо Грэма Грина, я использую и другие книги. В одной поездке я использовал «Чудесную страну» Тома Ли. Посмотрим… «Вечеринка с коктейлями» Элиота, «В опасности» Ричарда Хьюза. Например, читаю «Чудесную страну», и герой как раз пересекает границу с Мексикой. Ну, а я в этот самый момент подъезжаю к испанской границе и отмечаю это на полях. Или я на пароходе или в поезде и читаю «Тихого американца»: озираюсь – нет ли на борту или в вагоне тихого американца. Разумеется, там есть какой-нибудь тихий молодой американец с бобриком, пьющий пиво из бутылки. Это поразительно, если только смотреть в оба. Я читал Реймонда Чандлера, и один из его персонажей был киллером-альбиносом. Ей-богу, в комнате оказался альбинос. Правда, он не был киллером.

Кто еще? Минутку, просто сверюсь с моими книгами соответствий, никого ли не забыл, – Конрад, Ричард Хьюз, научная фантастика, довольно много научной фантастики. Эрик Фрэнк Расселл написал несколько очень и очень интересных книг. Вот одна – «Звездный вирус», вряд ли вы о ней слышали. Он разрабатывает концепцию так называемых Дедлайнеров, с таким странным подозрительным взглядом. Я прочитал ее, когда был в Гибралтаре, и начал там везде искать Дедлайнеров. В книге есть история о пруде с рыбками и целом цветнике. Мой отец всегда интересовался садоводством.

Интервьюер: В свете всего сказанного, что произойдет с художественной литературой в ближайшие двадцать пять лет?

Берроуз: В первую очередь, мне кажется, искусство и наука будут все больше и больше сливаться. Ученые уже изучают творческий процесс, и я думаю, сама граница между искусством и наукой исчезнет, ученые, надеюсь, станут более творческими, а писатели – более научными. И я не вижу никаких причин, почему художественный мир не может полностью слиться с Мэдисон-авеню. Поп-арт – шаг в этом направлении. Почему у нас не может быть рекламы с красивыми словами и красивыми образами? Я замечаю, что в рекламе виски уже появляются очень красивые цветные фотографии. Наука также объяснит нам, как на самом деле формируются ассоциативные блоки.

Интервьюер: Вы думаете, это убьет магию?

Берроуз: Вовсе нет. Я бы сказал, это ее улучшит.

Интервьюер: Вы делали что-нибудь с компьютерами?

Берроуз: Ничего не делал, но видел немного компьютерной поэзии. Могу взять одно из этих компьютерных стихотворений и попробовать найти ему корреляты – соответствующие картинки: это вполне возможно.

Интервьюер: Если что-то написано машиной, для вас его ценность снижается?

Берроуз: Я считаю, любой художественный продукт должен оцениваться с точки зрения того, что в нем есть.

Интервьюер: Поэтому вас не расстраивает, что шимпанзе может заниматься абстрактной живописью?

Берроуз: Если это хорошая живопись, то нет. Мне говорят: «Все это очень хорошо, но вы же просто нарезали». А я говорю, что совершенно не важно, как я это сделал. Разве любой текст – не нарезка? Кто-то должен запрограммировать машину, а кто-то должен *произвести* нарезку. Вспомните, что сначала я совершил отбор. Из сотен потенциальных предложений, которые мог бы использовать, я выбрал одно.

ПОРТЫ ЗАХОДА

Такова пространственно-временная живопись

Следует помнить, что все искусство – музыка, скульптура, литература, живопись – магическое по своему происхождению, и под «магическим» я подразумеваю то, что рассчитано на получение четко определенных результатов. Картины изначально были формулами для того, чтобы вызвать изображенные события. Искусство – не самоцель, как не самоцель и эйнштейновская формула превращения материи в энергию. Подобно всем формулам, искусство изначально было *функциональным*, рассчитанным на то, чтобы вызывать события – так же, как формулы Эйнштейна вызвали появление атомной бомбы. Возьмите фарфоровую печь, отсоедините ее и поставьте в своей гостиной с вьющимся из нее плющом… возможно, это и привлекательный труп, но он перестал быть *функциональным*. Или возьмите куклу вуду, утыканную булавками, – подлинную западноафриканскую, за 500 долларов на 57-й Улице, – и повесьте ее на стену в своем двухуровневом лофте. Она больше не убивает врагов, и это же относится к усохшей голове за 5000 долларов, которую модный мозгоправ купил для своей приемной. Литература и живопись были единым целым в пещерных рисунках, служивших формулами для обеспечения доброй охоты.

Живопись Брайона Гайсина обращается напрямую к магическим корням искусства… Его картины можно назвать пространственным искусством. Время рассматривается пространственно, иными словами, как серия образов или фрагментов образов прошлого, настоящего и будущего… Вот гайсиновская сцена из Марракеша – движущиеся фигуры, призрачные велосипеды, машины… это буквальное изображение того, что действительно происходит в человеческой нервной системе: улица напоминает вам о машине, проехавшей вчера, или мальчике на велосипеде много лет назад, – фактически обо всем, что вы испытали на этой улице и других ассоциирующихся с ней улицах. Картинки постоянно меняются, потому что вы втянуты в путешествие во времени по цепочке ассоциаций. Брайон Гайсин пишет картины с точки зрения вневременного пространства.

Мне кажется, я никогда не *видел* живописи, пока не увидел живопись Брайона Гайсина. Вот расшифровка записи, которую мы сделали, беседуя перед некоторыми из этих картин, пока оба жили в старом парижском «Бит-отеле» в далеком 1960 году, когда я обнаружил, что могу взаправду попасть *внутрь* этой живописи:

БГ: Как ты попадаешь… в эти картины?

УБ: Обычно я попадаю в них через «порт захода», как я это называю. Нередко картина открывается в этот пейзаж через глаза на лице. Иногда это, скорее, похоже на сводчатый проход… любое количество маленьких деталей или особое красочное пятно превращаются в порт захода, и тогда вся

картина вдруг становится трехмерным фризом из гипса, нефрита или другого драгоценного материала.

Картина передо мной может состоять из четырех частей, но поразительно то, как части, подвешенные на расстоянии нескольких дюймов друг от друга, буквально стягиваются вместе. Вещество живописи словно заполняет брешь. Что-то струится прямо через пустоту. Конечно, это первая живопись в истории, написанная поверх самой пустоты. Можно буквально увидеть, как один холст натягивается на другой.

И вот ты вдруг видишь здесь всякую всячину. Прекрасные пейзажи джунглей. А потом всегда велосипеды. Целый велосипедный мир… мотороллеры. Всевозможные лица… обезьяньи морды… типичные сморщенные обезьяньи морды. Очень архетипично для этого мира. Внезапно ты видишь целый фиолетовый мир или целый серый мир, который вспыхивает по всей картине. Миры как бы озарены каждым конкретным цветом… мир, сделанный из этого цвета. Ты считаешь их, к примеру, красным миром, а затем синим. На днях у меня была цветовая прогулка по Парижу… занимаясь чем-нибудь, я выбирал одну из твоих картин, в которых цвета выплескиваются сквозь холст, будто они выплескиваются на улицу. Я шел по бульвару, как вдруг почувствовал прохладный ветерок в теплый день и, приглядевшись, увидел всю эту синь на улице перед собой… синева на фуляре… синева на заднице молодого рабочего… его синие джинсы… синий свитер девушки… синий неон… небо… вся эта синь. Когда я взглянул снова, то увидел только все красное… светофоры… фары… вывеска кафе… нос мужчины. Твои картины заставляют меня по-другому увидеть парижские улицы. А потом все эти пустыни, и маски майя, и потрясающая воздушная архитектура твоих мостов, мостков и колес обозрения.

БГ: Ты как-то сказал, что не можешь видеть все эти вещи одновременно.

УБ: Нет. Это первая реальная пространственно-временная живопись, в которой изображается то, что на самом деле происходит перед художником и зрителем в пространственно-временном ощущении, как посредством форм, так и посредством цвета, поскольку цвет создает подвижные формы. И затем это соотносится с действительными временными последовательностями, изображенными здесь. Ты видишь вещи в последовательности, которая на самом деле является временной. Я не знаю ни одного другого примера того, как здесь изображается время. Я не могу увидеть все эти другие уровни за раз, потому что они словно существуют независимо лишь в своей временной последовательности. Вот, к примеру, пространственно-временная живопись, и потом ты вспоминаешь о том, что́ на поверхности… сущность живописи проявляется в двойном движении внутрь и наружу.

Когда видишь один слой картины, а потом вдруг видишь это все. Глаз, которым я пользуюсь как портом захода, резко заталкивает меня в пейзаж, которого я никогда раньше не видел. Это такой игрушечный мир, почему-то настораживающий, населенный механическими насекомыми, на-

падающими друг на друга, и людьми в броне с других планет. Или они могут быть просто современными сварщиками на фоне мостов.

БГ: Да, люди протестовали.

УБ: Не понимаю почему. Это же сама суть. Это все равно что отскочить от микроскопа и заорать: «*Я больше не буду на это смотреть!* – Они же там копошатся и делают всякие гадости». Теперь я считаю, Брайон, что ты работаешь в моем собственном направлении. Строго говоря, я экспериментатор и потому говорю: *Наука – это чистая Наука!*

Все мы чистые ученые, исследующие различные уровни реальности, и мы же не виноваты, раз выявляем что-нибудь гадкое. Если кто-нибудь обнаружит по-настоящему отвратительного микроба, неужели он прекратит исследования из-за того, что какой-то идиот подойдет и скажет: *«Порнограф! Должен сказать, что всю мою семью тошнило от ваших слайдов! От вас и ваших развратных картинок!»* А вот когда они увидят вещи, непристойные с их точки зрения, в твоих картинах, то не посмеют такого сказать. Вы, художники, можете быть какими угодно гадкими и мерзкими, и люди так быстро этого не увидят или просто не посмеют сказать, иначе это привело бы к излишней саморефлексии: *«Я вижу это там, значит, и во мне есть что-то гадкое и мерзкое».*

Известная картина с девочкой, бегущей по горящему напалму. До или после? Не помню, да это и не важно. Рисовать я начал только после смерти Брайона. Под влиянием? Мягко сказано. Когда я рисовал, используя все методы рандомизации, Брайон словно водил моей рукой. Кивал мне так и этак.

О, здесь куча горящих людей… по всей картине струится горящий бензин… люди бегут, и верхний угол картины как будто отворачивается и покрывает их. Да это же мир кузнечиков! Кристаллы. Арабский мир. Арабский рынок. И там моя тетя, заключенная в свой электромобиль, под покрывалами. Она попала в какой-то шарик или находится под миской. Лаборатория со щитками приборов, а там вверху – что-то наподобие города… очень странный дрейфующий город движется в пространстве-времени с невероятной скоростью. Пока это происходит, что-то вспучивается. Я вижу всякие лица… глаза, открывающиеся в двери и окна… их сотни в самых удивительных наложениях. Из некоторых можно попасть в другие, а из других нельзя попасть никуда, и так далее. Все предельно запутано. Вот здесь плывут рыбаки, которые пониже талии будто сделаны из корзин для мусора…

Большие вспыхивающие движения по всему холсту… и затем они превращаются в трубки… пульсирующие трубки. Какая-то энергия проводится через эти трубки, которые проходят через весь холст, и он становится полностью трехмерным. Можно смотреть на эту картину месяцами и все время видеть что-нибудь новое. Всякий раз, когда я смотрю на эту картину, я вижу то, чего никогда раньше не видел во всем мире. Порой видишь хорошо

знакомые ориентиры, но всякий раз словно меняются целые созвездия… как на углу улицы, где узнаешь ориентиры, но всегда есть новые люди, меняющие всю сцену. Это необъяснимо. И вот здесь всякие зеленые люди, сделанные из вещества, похожего на срань из циррозной печени. Есть лица и есть камеры, где люди живут в лужицах этого вещества. Весь холст вдруг становится совершенно ясным и точным… фантастический мир лиц, являющихся частью дома, и все это покрыто странной желеобразной розовой субстанцией. Субстанция все время движется… вздрагивает, движется, меняется. Ты видишь, как холст становится самодостаточным при переключении изображения. Все может стать и становится чем-то другим. Я почти не помню, чем эта штука вон там была всего минуту назад. Ах да, это была голова, но теперь она стала домом, поваленным на землю. А это розовый холм. Когда ты установишь с ним связь, то сможешь переключить его обратно на прежний образ… всякий раз можно переключаться туда и обратно.

Брайон мог бы стать певцом Сахары, но отказался. Не сумел пойти на компромисс с загадочными стандартами. Поэтому от него всегда ускользал финансовый успех. Как сказал дядя Альберт: «Брайону ничем не поможешь».

И вот есть точка, в которой ты можешь видеть оба образа одновременно. Становится как-то не по себе. Появляется жуткое чувство головокружения, словно ты должен дышать через член и можешь добраться туда, где есть воздух, только если у тебя стояк. Шаткое положение, как-то связанное со страхом упасть с большой высоты. Сюда же входят примитивный страх удушья и потери опоры. Это наделяет картину дезориентирующей атмосферой, если не сказать больше. Порой она словно пульсирует светом, а в других случаях вся сделана из камня… возможно, пористого… неопределенная субстанция, будто люди, которых я там вижу, – это растения, вырастающие из этих трубок, проходящих через весь холст.

Очень странно! Всего на минуту я уловил там абсолютное четкое фотографическое изображение Грегори Корсо. Оно уже исчезло, но я уверен: оно там действительно есть и вернется снова. Чудно́, как эти твои фотографические разряды вспыхивают и снова гаснут. Одно из самых поразительных явлений в моей практике… во всей моей практике. Все эти странно знакомые лица срастаются вместе, переплетенные лозами и усиками… обезьяньи морды. В какой-то момент очень пакостное растленное лицо из XVII века с брыжами вокруг шеи, рядом с какой-то туземной лачугой.

То были дни великих надежд и глубокого отчаянья – дни, когда все казалось возможным. Мы слышали голоса духов. «Ты еще не встречался со шкипером?» «У меня были радужные надежды» «Духи борются» Наши надежды растаяли и сменились повседневностью. Теперь наши деяте-

ли мертвы: Брайон Гайсин, Энтони Бэлч, Иэн Соммервиль. Все были духами и растворились в воздухе.

Однажды Брайон нарисовал чертеж, поднес его к зеркалу над раковиной и расплакался над тем, что увидел. Я знал, что это не его, а мои слезы. Потом мы оба услышали отдаленные голоса из зала заседаний, куда набилась богатая и влиятельная публика. «Как-никак, он всю жизнь был медиумом». Вот этот чертеж:

Это наложенное на меня проклятие, которое благодаря Брайону я сумел отразить.

БГ: Это похоже на какие-то письмена?

УБ: Да. Я могу их прочитать. *Крылья тихо поворачивают... не плакал... поцелуй... шумно... мочится... Тех... Гайсин не сын не плакал... почини Гайсина... Брайон...*

БГ: А я читаю другое: *Мой дорогой очень ваш... не плачет...*

УБ: Здесь тоже похоже на буквы, но разобрать труднее. Я читаю: *Гады...*

Смотреть на эти твои картины – все равно что наводить на резкость оптический прибор. Я считаю, наведение на резкость вообще занимает секунд двадцать. Зритель должен научиться колебаниям между телескопической и микроскопической точками зрения, пока его внимание концентрируется на какой-нибудь красивой сценке – в определенный момент, возможно, не больше ногтя на указательном пальце, а затем твое внимание вдруг отскакивает обратно к ясному широкому обзору картины или ее общему паттерну. То, что ты на самом деле видишь в любой конкретный момент, становится лишь частью визуальной операции, включающей бесконечную серию образов. Это ведет тебя по определенному пути, похожему на ряд или серию паттернов… серию нейронных паттернов, уже существующих в человеческом мозгу.

Брайон был единственным человеком, которого я по-настоящему уважал. Другие мне просто нравились, или я ими восхищался. Брайон был превосходным рассказчиком. Вид искусства, от которого мало что остается. Куда же делась живопись? А литература? Где все эти Жаны Жене, Сэмюэлы Беккеты, Грэмы Грины?

От Брайона мне достался в наследство вырезанный им валик, которым я активно пользовался в своей живописи. Валик Брайона – будто некий древний брелок с вырезанным на нем зашифрованным посланием.

Лоренс, Канзас, июнь 1997 года

ПАРТИЗАНЫ-СМЕРТЕМАНЫ[6]

Разбив лагерь, мы делимся на группы человек по двадцать, в нескольких сотнях ярдов одна от другой. Пользуясь случаем, валяемся на земле, подложив под головы седла, и травим байки. Остальные чистят оружие.

Есть котелок с горячей мыльной водой, где вымачиваются барабаны и рамки, потом их насухо вытирают и наконец смазывают изнутри и снаружи. Необходимо удостовериться, что ниппеля открыты, а капсюли плотно прилегают, и обязательно посадить комок жира на конец каждой пули. Иначе шесть патронов в барабане могут выстрелить все стразу. Не забывайте смазывать свои шарики, или останетесь без пальцев.

Мы идем навстречу генералу Прайсу из Армии конфедератов. Билл Андерсон бродит, не в силах усидеть, и бормочет:

– Ей-богу, мы можем еще совершить набег на округа Бун и Ховард, порвать телеграфные линии, взорвать мосты и успеть соединиться с Прайсом.

Беззаботно и широко улыбаясь, Джордж Тод говорит:

– Мы просто устроим всеобщий бардак. Ты же знаешь, надо держать себя в форме.

Над этим смеются все, кроме Андерсона. Он просто не слышит смеха. Билл не слышит никакого смеха, помимо собственного, и когда он смеется, не смеется больше никто, потому что Билл смеется за всех.

На следующее утро часов в шесть в лагерь прискакал дозорный.

– Сюда движутся войска Союза.

Через пару минут партизаны уже на лошадях. Они настигают колонну Союза в чистом поле и задают мятежникам перцу.

Как всегда, Тод кайфует от сражения, чистого желания убивать. Во время атаки он сливается со своей лошадью и словно выплескивается из оружия, его глаза горят, как у енота. Два пустых револьвера в седельной сумке… он достает еще два, заходит флангом и вновь бросается в атаку.

Двенадцать конфедератов убиты наповал. Остальные скачут в Лафайет, где слезают с лошадей и занимают позиции в амбаре из камней и тяжелых бревен. Они вооружены короткоствольными дальнобойными винтовками.

Андерсон возглавляет атаку под смертоносным огнем укрывшихся солдат.

– Умей эти поганцы стрелять, мы все, ей-богу, были бы уже покойниками, – рявкает Андерсон и снова бросается в атаку.

Ну, северяне все же немного умеют стрелять: они убивают шестеро наших наповал и ранят еще троих.

Тод решает отступить, Андерсон вынужден согласиться. Мы выжидаем, распугивая союзных лошадей, а затем устремляемся к лесу, так и сяк запутывая следы и переправляясь через ручьи. Наконец разбиваем лагерь.

Меня зовут Джордж Тод. *Tod* по-немецки значит «смерть», потому я и опустил лишнюю «д». Знаю, в учебниках истории нас назовут людьми, одержи-

6 Последний рассказ У. Берроуза.

мыми фанатичной ненавистью. Некоторые из нас такие и есть, к примеру, Кровавый Билл. Ну, ненависть может доставить человека аккурат по смертельному адресу. Если Андерсон хочет, чтобы его убили, это его решение. Но, отправляясь в Ад в один конец, он не вправе забирать с собой подчиненных. Те, кто рыщет в поисках смерти, часто кажутся неуязвимыми… пока не выйдет их срок.

Нет, вдохновляет меня вовсе не ненависть. Весь страх из человека выжигает голая радость битвы, чистое желание смерти. Я где-то читал, что в ту минуту, когда человек сталкивается лицом к лицу со смертью, он бессмертен, и нет большего восторга. Но к этому привыкаешь и чувствуешь себя ничтожеством, если этого не получаешь, точь-в-точь как наркоман привыкает к морфию.

Наверное, я смертеман. Все мы такие. Но нужно уметь хоть изредка смеяться и смотреть на вещи проще. Андерсон этого не умеет. Он только что потерял шестеро хороших парней в безрассудной атаке на укрепленную позицию. Мы все поняли, что пора голосовать и выбрать главаря. И они выбрали меня.

Андерсон воспринял это спокойнее, чем я ожидал. Он промолчал. Просто чистил оружие и заряжал барабаны. Даже не поднял головы. Хотя, с другой стороны, Билл никогда не был особо разговорчивым.

Но когда он говорит, люди подпрыгивают. Его голос щелкает, точно хлыст. Страшная, поди, работенка – быть Господом Богом и отвечать за все несчастья и смерть на свете. Кто бы захотел такую работу? Возможно, Андерсон. И *это* стало бы для всех на земле огромной трагедией.

Полагаю, старина Билл подготовил почву, когда перекровожадил самого себя в Централии, стащив с поезда двадцать пять солдат Союза, в том числе раненых, и одному за другим вышиб мозги на станционной платформе. Как только барабан опорожнялся, он протягивал руку и этот пакостный гаденыш Арчи Клемент шлепал в ладонь Кровавого Билла новый револьвер…

Узнав об этом зверстве, майор Джонсон решает выбиться в полковники. Он выезжает из Централии с сотней солдат Союза. Моя засада из двадцати человек во главе с Дейвом Трейлкиллом нападает на колонну за городом и после небольшой перестрелки отходит.

Вслед за этим майор Джонсон делает именно то, на что я и рассчитывал. Он приказывает своим людям спешиться, оставив каждого четвертого охранять лошадей, и скачет впереди пехотинцев.

Я на холме – войскам Союза меня не видно. А майор орет:

– Остановитесь и бейтесь, поганцы, убивающие женщин, а не убегайте, как кролики!

Погоди, майор, маленько погоди.

Когда он удаляется от лошадей и приближается к нашим людям, я поднимаю шляпу и три раза надеваю ее обратно на голову – сигнал к атаке, что захватывает их врасплох, и они сбиваются в кучу.

Держу пари, им не хватило бы смекалки, чтобы броситься врассыпную, спрятаться в укрытии и диктовать свои условия. Они могли бы порвать нас в клочья еще до того, как мы оказались в радиусе стрельбы, – ан нет. Они делают всего один залп с расстояния восемьдесят ярдов, укладывая троих наших. Затем они уже у нас в руках, и мы орем леденящими душу голосами.

Моя лошадь словно не касается ногами не земли, и такое чувство, что просто нельзя промахнуться. Но я всегда выбираю цель… Много лет назад я пошел стрелять куропаток. Когда прямо перед тобой впервые взмывает штук двадцать куропаток, ты стреляешь в самую их гущу. Промахнуться нельзя, но ты промахиваешься. После этого я всегда выбирал одну куропатку, а потом другую и обычно одним махом прихлопывал двух. Здесь то же самое. Выбирай цель, потом другую.

Многие из призванных в войска Союза ни разу в жизни не стреляли из оружия – городские мальчишки, которым никогда не приходилось убивать дичь или голодать. Они убегают, как кролики – те, кто еще в состоянии бегать.

Майор пытается собрать людей, даже стреляет им в спину, но целится он плохо – а тут еще лошадь под ним подстреливают. Он умирает еще до того, как шлепается на землю. Пятьдесят семь конфедератов сражены наповал, остальные уходят недалеко. Люди, оставленные сторожить лошадей, вскакивают в седла и уносят ноги. Спасаются лишь пятнадцать.

После этого уже нет никаких сомнений, кто тут главный. Но я не давлю слишком сильно на Билла, и он остается командиром своих восьмидесяти шести тщательно отобранных убойных поганцев.

Я знаю, некоторые мужчины и парни, скачущие вместе с нами, станут потом хозяевами ранчо, фермерами, законодателями, бизнесменами или банкирами и доживут до почтенного возраста. Только не я. Не тот расклад. Я – актер, созданный лишь для одной роли. Ну и какой смысл околачиваться на сцене, если твоя игра окончена?

Меня воспитали не католиком, но только у католиков есть блат. Так что я припрячу свои ставки и позову священника, если успею. Кто такой священник? Посредник в заведомо несправедливой и произвольной схеме. Не хочу, чтобы какой-нибудь простецкий методист разглагольствовал о Жемчужных вратах и любви Божией. Я считаю, у Бога примерно столько же любви, сколько у Кровавого Билла. Иначе эта работа сгубила бы Его миллионы лет назад.

Взгляните на ночное небо. Там же миллионы миров. Христианский Бог – всего лишь племенной вождек на маленькой пылинке, а мы – беспомощные пешки в игре, которую Он ведет… на шахматной доске днем и ночью, который год… двигается туда-сюда, ставит шах и бьет… и одного за другим обратно в чулан кладет.

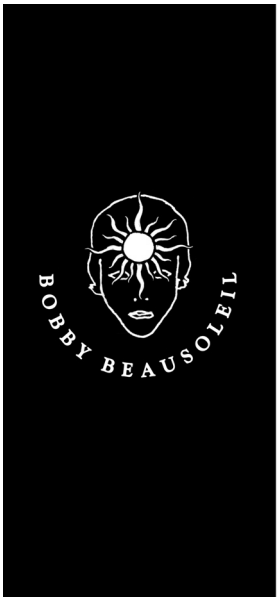
Если бы Его заботили игроки, пришлось бы с этим покончить. Ну и кто бы взялся за Его работу? Куча людей ухватились бы за нее, словно голодные щуки. Понятно, убей всех своих врагов. А что потом? Через пару лет они начнут орать, чтобы их вытащили оттуда и нашли на их место другого дурака.

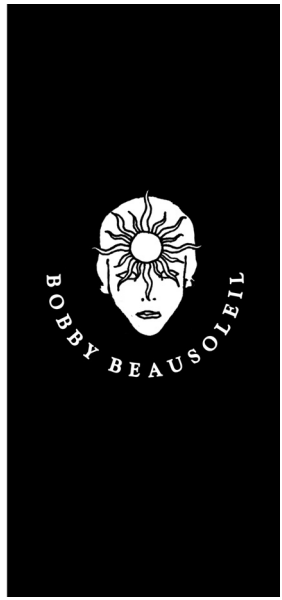
Только не я. У меня нет квалификации. Бог – у себя на небесах, а с миром всё не так. Да пребудет с Ним сила и слава во веки веков, аминь. А я просто игрок в старой игре, отныне и навсегда. Зовется она Войной.

Пан или пропал, из раза в раз.

Подвязывай, завод кончается.

• ПЕРЕПИСКА •





БОББИ БОСОЛЕЙ

ЕГО ИМЯ – ПРЕКРАСНОЕ СОЛНЦЕ

Долгое интервью Дмитрия Мишенина с Бобби Босолеем

Перед вами фрагменты многолетней переписки участника арт-группы Doping Pong[1] Дмитрия Мишенина с американским музыкантом и художником Бобби Босолеем. Эта переписка стала самым большим и длинным интервью в жизни обоих художников и до сих пор не закончилась.

1 Doping Pong – пионеры цифровой живописи в России. Арт-группа была основана в 1997 году в Санкт-Петербурге. В нее вошли публицист Дмитрий Мишенин, художник Посторонним V и историк Анна Маугли. В нулевых годах получает признание, как лидер нового эстетического тоталитаризма. В 2011 году Doping Pong оказались в центре международного скандала, когда их серию цифровых картин в жанре ретрофутуризма зарубежные СМИ приняли за официальную рекламу Олимпиады в Сочи – 2014. После этого группа отходит от *digital art* и посвящает себя полностью традиционной живописи в стиле русского романтизма.

Их разделяет океан и языковой барьер. Они живут в разных полушариях и принадлежат разным поколениям. Но каким-то магическим образом произошло их знакомство. Более того – переросло в творческое сотрудничество и крепкую дружбу. Бобби, дитя цветов из 60-х, и Допинг-понг, порождение странных 90-х, встретились и объединились в XXI веке, ломая всевозможные барьеры. Американская легенда и русская культовая арт-группа вместе создают новую красоту вне времени и пространства. Полувековая разница в возрасте не мешает им заниматься совместными проектами. Doping Pong нарисовали официальный логотип Бобби и оформили 40-летнее юбилейное издание саундтрека к фильму Кеннета Энгера «Восход Люцифера». Последний факт был отмечен в Википедии на официальной странице культовой ленты. (In early 2017 the original single-disk vinyl LP of the *Lucifer Rising* soundtrack was reissued – with a fresh mastering by Robert Ferbrache, and new cover art by the Russian art collective Doping-pong – on the Ajna label.)

Дмитрий Мишенин (далее – Д. М.): В связи с тем, что это интервью выйдет в России, на русском языке, его вряд ли прочтут в США, поэтому я позволю себе задать некоторые вопросы, которые, возможно, не задают тебе со времен Трумена Капоте и 70-ых годов. А может быть, и вовсе не задавали никогда. Если ты почувствуешь, что какой-то мой вопрос может тебе навредить, даже если он для русской аудитории, то лучше оставь его без ответа.

Твое спокойствие для меня важнее. Но я задал все вопросы, которые могут заинтересовать русского читателя и меня лично.

Также я задаю вопросы, на часть которых ты уже не раз отвечал американским журналистам. Но помни, что это первое интервью для русской аудитории, и многие впервые услышат твою историю. Поэтому им нужно все рассказать заново…

20 марта 2015 года

Д. М.: *Салют, Бобби! Читал на сайте в блоттере твою поэзию. В стихотворении «The Other Shore» (На другом берегу) есть такие строки: «Lay me down / Lay me down gently / Lay me down / On the other shore» («Положи меня / Положи меня нежно / Положи меня / На другом берегу»). Мне они напомнили слова Бориса Гребенщикова из песни «Искусство быть смирным»: «Возьми меня к реке, Положи меня в воду; Учи меня искусству быть смирным, Возьми меня к реке» – из альбома «Радио Африка». Ты слышал эту песню? Скажи, сколько русских тебе довелось встретить в жизни, и с кем ты общался? Я помню, когда мы познакомились в 2004 году, ты как-то сказал, что до меня знал только одного русского (по имени Борис), и в его сердце жил рок-н-ролл, который ты услышал по тюремному радио в году 1989-м. Так вот это и был Борис Гребенщиков. Действительно за полвека только двое русских вступили с тобой в контакт? Один – с помощью музыки, а другой – с помощью слова?*

Б. Б.: Моя песня «На другом берегу», конечно же, о сильнейшем желании оказаться в умиротворенном состоянии сознания после различных жизненных трудностей. Я опубликовал слова песни на моем сайте как стихотворение. Это чисто мистическое совпадение, что Борис Гребенщиков написал и записал песню «Искусство быть смирным» с теми же чувственностью и значением. Я рад, что мне посчастливилось услышать эту песню или другую его музыку.

Пока я знаком лишь с несколькими русскими рок-группами: к сожалению, Железный Занавес не торопился рухнуть. Мы на Западе, особенно в Америке, остаемся изолированными от того, что происходит в реальной артистической культуре твоей страны. Пребывание в тюрьме в течение 46 лет накладывает дополнительные слои изоляции между мной и большинством культурных и музыкальных событий в мире. Ты, посредством нашей многолетней переписки, сделал больше, чем кто бы то ни было, чтобы вызвать у меня сильнейший интерес к русскому народу, его истории и культуре. И я надеюсь, что посредством этого диалога мы сможем укрепить и расширить мост между нашими культурами.

2. Д. М.: *Сейчас твой арт продается в интернет-магазинах: от постеров с репродукциями до рюкзаков с твоими принтами. Расскажи, как пришла мысль продавать не картины, а сувенирную продукцию с ними? Это модный тренд, что искусство художников 20 века стало дизайном в уличной моде XXI века. У меня, например, на кухне – тарелки с принтами Роберта Мэпплторпа, Дэмьена Хёрста и Рене Магритта, в спальне – подушки Хадзимэ Сораяма и Джексона Поллока, а по улице я хожу с сумкой с принтами от Кита Харинга или Такаси Мураками. Приятно осознавать, что твое искусство надето на плечи и головы молодежи? Скажи, ты смотришь на это положительно? И видишь в этом просто новые каналы связи для себя или того же Баския – быть увиденным массами, но не путем музеев, а с помощью принтов на футболках и символов на бейсболках?*

Б. Б.: Все ссылки на моем сайте, которые ты видишь, это единственные авторизованные места, где можно приобрести товар типа шляп и футболок с моими картинками. Здесь, в Америке, и, возможно, в твоей стране тоже, многие люди носят корпоративные логотипы на одежде. Делая это, они идентифицируют себя с предпочитаемым брендом спортивной обуви или чего угодно. Я хотел предложить людям альтернативу, чтобы быть ходячим рекламным щитом. Многие картины – это репрезентативные талисманы силы. Мне нравится, что в мире есть независимые люди, которые выбирают свою личную позицию и носят мои картины на своих сумках, головных уборах или футболках. Это расширяет роль и цель искусства и может сделать видение художника частью чьего-либо личного жизненного опыта. Эти вещи – не единственный источник доступа к моему искусству, и на самом деле это далеко не главное. Большинство моих работ доступны в виде высококачественных принтов и поздравительных открыток с *Fine Art America*

или с моего сайта *bobbybeausoleil.com*. Мы продвигаем только оригинальные работы и их профессиональную печать.

З. Д. М.: *Спрашиваю тебя как человека из 1967 года: ты продаешь свою музыку через айтюнс? Как ты открыл для себя мир цифровой музыки? У тебя была когда-либо продукция компании Эппл? Айфон или айпад? Ты сам пользуешься компьютером и какими-то электронными гаджетами?*

Б. Б.: Я не думаю о себе, как о человеке из 1967 или из любого другого конкретного отрезка времени, но понимаю, что ты имеешь в виду. Многие люди ассоциируют меня с событиями, в которые я был вовлечен в 60-е. И многие люди, которые знают меня, в курсе, что я в тюрьме с 1969. Конечно, тебе может быть любопытно, как у меня получается общаться и делиться своим искусством и музыкой с поклонниками через электронные ресурсы.

На протяжении всей моей жизни я интересовался поиском новых технологий и способами их использования для артистического самовыражения. Спустя годы и десятилетия, благодаря книгам и другим традиционным медиа, я более-менее иду в ногу с современными технологиями. Там, где есть желание, найдется и возможность, как говорится.

Пребывание в «ГУЛАГе» этой страны очень ограничивает. Жуткое место! Наверно, не сильно отличающееся от тюрем России, если не считать того, что в наших тюрьмах гораздо больше народу (в процентном соотношении с численностью населения), чем в любой другой стране мира. Порядка ради нам разрешают получать журналы и смотреть телевизор. Недавно нам позволили купить маленькие портативные устройства (не телефоны и айпады), которые очень лимитированы функционально, но зато дают возможность общаться с семьей и друзьями по электронной почте. Хотя я использую компьютер на моей тюремной работе, в тюрьме, где я нахожусь, у нас нет прямого доступа в интернет.

Но несмотря на то, что лично я никогда не видел и не посещал iTunes, у меня есть представление о ведущих тематических сайтах, и как некоторые из них могут послужить моему желанию общаться с людьми во внешнем мире. С помощью агентов, снаружи поддерживающих мою работу, я могу распространять свою музыку через iTunes, Amazon, Spotify, Youtube и другие сайты, которые специализируются на популяризации музыки. Таким же способом я делюсь и своим визуальным искусством.

5 декабря 2016 года

4. Д. М.: *Ты снимался в четырех кинофильмах: Lucifer Rising, Mondo Hollywood, The Ramrodder и Invocation of My Demon Brother. Больше никаких лент в твоей фильмографии нет? Можешь рассказать, где ты снимался еще, если такое было, и немного подробнее о Mondo Hollywood? Как ты попал в него? Кто автор? Почему в такой роли? Сколько времени длились съемки? Кого ты знал из персонажей, которые там снимались? Там были гуру Рам Дасс и жена*

Фрэнка Заппы... А самое удивительное, что в нем каким-то образом оказался еще и погибший от рук Семьи Мэнсона Джей Себринг, парикмахер Джима Моррисона и Брюса Ли.

Не кажется тебе мистическим совпадением, что ты снялся в кино вместе с будущей жертвой людей, которые были твоими друзьями?

И много ли сцен с тобой вошло в финальную версию фильма Lucifer Rising или тебя больше в Invocation of My Demon Brother, который можно считать Pre-Lucifer?

С Цыганкой (яркой фигурой из Семьи Мэнсона) вы впервые увиделись в фильме The Ramrodder, где она также снималась, летом 1968 года? В этой картине чувствовались какие-то пророческие интонации, когда ты изображал индейца-мстителя? Возможно, есть неизвестные и потерянные фильмы с твоим участием? Телешоу или музыкальные видео? Как, к примеру, опубликованный на твоем видеоканале концерт в тюрьме Трейси 1978 года, где ты в футболке с сияющей надписью Freedom и выглядишь, как звезда глэм-рока.

Б. Б.: Только в трех из перечисленных тобой фильмов я появился в качестве актера. Первым был *Mondo Hollywood*. Эпизод со мной в роли Купидона был снят в 1965 году, когда мне было 16 лет. У меня даже усы толком не росли в то время. Совсем мальчишка. Так что я не знал, что должен означать концепт этого фильма, и не имел представления, кто еще в нем должен сниматься. Даже не помню имя режиссера, если мне его вообще потрудились назвать.

Кадры, в которых я появляюсь, были совершенно спонтанными, импровизированными. Лук и стрела были сделаны прямо на месте из каких-то веток. Декорациями служил склон холма на Лорел-Каньон, недалеко от места, где я жил в то время. Контркультурная сфера в Голливуде тогда была очень небольшой, поэтому неудивительно, что ты узнал несколько других актеров в фильме. Простое совпадение.

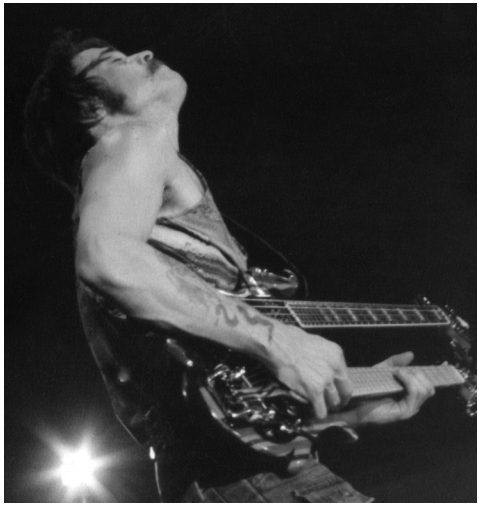
Invocation of My Demon Brother был смонтирован из пленки, изначально не вошедшей в *Lucifer Rising* в 1967 году. Для того проекта, который Кеннет изначально задумывал, оказалось недостаточно отснятого материала, поэтому пару лет спустя он просто использовал то, что у него было, для *Invocation,* используя вместо саундтрека пленку, записанную Миком Джаггером.

В 1970-х годах Энгер заново запустил проект *Lucifer Rising* с новыми актерами. Я вернулся в проект в 1975-м и договорился с Кеннетом, что создам саундтрек к фильму прямо в тюрьме. Я передал ему законченный саундтрек в 1979 году.

Ramrodder был совершенно дурацким фарсом, дешевым эротическим фильмом с закосом под вестерн. Изначально меня наняли помогать строить декорации, так как я жил неподалеку, на Топанга-Каньон, где и снималось кино. Когда актер, которого пригласили играть роль индейца-преступника, не смог участвовать в фильме, меня попросили заменить его в этой роли. С Цыганкой я познакомился на съемках. Она играла роль индейской девы. Фильм был снят летом 1968 и выпущен, кажется, в 1969.

Пока я жил в Сан-Франциско, в 66-м и 67-м, моя группа *The Orkustra* работала с андеграундными кинорежиссерами, предоставляла им музыку и звуковое оформление для экспериментальных фильмов. Это были малоизвестные авангардные проекты с абстрактными визуальными эффектами. Насколько я знаю, ни один из этих фильмов, увы, не сохранился.

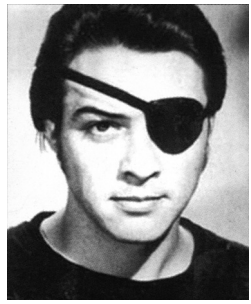
В конце концов, я и сам занялся созданием кинофильмов в середине 70-х и многое сделал за годы, проведенные в тюрьме. Мой концерт 1978 года из тюрьмы Трейси, включающий живое исполнение композиций к саундтреку *Lucifer Rising*, – как раз пример проекта, который я спродюсировал и воплотил с самого начала. Я создал много образовательных, информационных и тренинговых видео и несколько проектов для работы с молодежью. А видео с концерта в Трейси заслуживает отдельного слова. Выступал я с *The Freedom Orchestra* в тюремной гимназии. Непостижимое чудо, что существует видео с этого концерта и теперь им даже можно поделиться. Технический уровень видеооборудования, которое использовалось в базовом образовании в 1970-х годах, было не самым блестящим, так что необходимо сделать некоторые поправки на качество изображения. Сценой нам служил боксерский ринг, большая часть наших инструментов была создана в тюремном ремесленном цехе, акустика гимназии была далека от идеальной, и все без исключения зрители были преступниками. Тюремный рок во всей красе! Большая часть этого спектакля была включена мной в реальный саундтрек.



5. Д. М.: *Расскажи, пожалуйста, о своем заключении. Ты сидел в Сан-Квентине? Только несколько лет, как приговоренный к смертной казни, а потом с пожизненным сроком? Сколько лет уже ты находишься в тюрьме? Есть сейчас шансы выйти на свободу? И когда, в каком году свобода казалась самой реальной? И когда – самой нереальной?*

Б. Б.: В тюрьме я последние 47 лет. Первые четыре года я провел в Сан-Квентине, включая 26 месяцев ожидания казни. После этого меня отправили в Трейси, где я начал музыкальную программу и записал саундтрек к *Lucifer Rising*. Я отбыл в Трейси примерно 7 лет. Потом меня переправляли по другим калифорнийским тюрьмам, после чего я наконец-то добился перевода в штат Орегон, в государственной тюрьме которого я находился

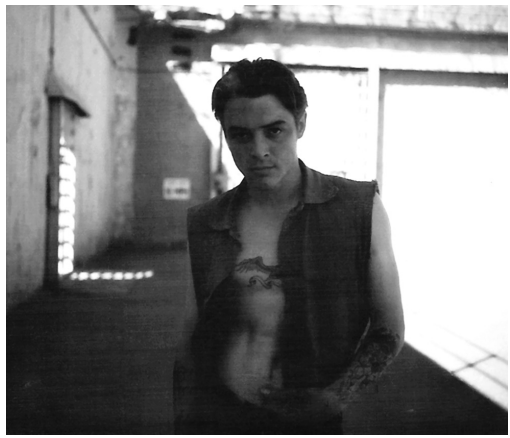
21 год. Но зато там я стал ближе к членам своей семьи и смог создать много музыки, картин и тех видеопроектов, которые описал выше.



Возможность творить делает мою жизнь в тюрьме более сносной, потому что я живу этим, но все равно тюрьма – это всегда тяжело. Тюрьма – суровое место, которое превращает любое безумие в норму. Поэтому всегда существует угроза насилия, степень которой лишь варьируется от одной тюрьмы к другой. Это неестественное состояние. Мне очень трудно назвать какую-то часть моего заключения более сложной или более простой. Орегонская система, наверное, была лучше остальных. Моя жена Барбара умерла в конце 2012 года, и калифорнийская система использовала это как повод, чтобы вернуть меня в Калифорнию. Меня перевели сюда в 2015 году. Моя работа дает мне силы и помогает двигаться дальше. Потребовалось время, чтобы вновь адаптироваться в калифорнийской тюрьме, но появились и новые ресурсы проявить себя творчески.

Слушание по моему делу в октябре 2016 прошло очень хорошо, лучше, чем предыдущие 19. Несомненно, это причина для надежды на освобождение, и достаточно скорое, возможно, уже в 2018.

6. Д. М.: *Помнишь интервью с Труменом Капоте, которое он потом опубликовал в своей книге Music for Chameleons? Оно сыграло какую-то негативную роль в твоей жизни? Интервью именно Трумена Капоте, мне кажется, могло сильно навредить тебе в 70-х. Известна маниакальная страсть этого писателя к заключенным и нездоровая тяга к смакованию преступлений. Он опубликовал всё, честно передав твои слова, или то интервью было подставой?*



Б. Б.: Не могу ничего нового добавить по поводу главы из «Музыки для Хамелеонов». Да, действительно была беседа с Капоте в Сан-Квентине в 1973-м, но скорее всего, на тот момент, когда он писал книгу, в 1980 или 81-м, у него не сохранилось записи самого разговора. Ничем другим не могу объяснить то, что он поставил выдуманное интервью в книгу. Не следует судить обо мне, прочитав ее.

9 марта 2017

7. Д. М.: *Ты занимался в юности серфингом или какими-то экстремальными видами спорта, как настоящий житель Калифорнии? Или твоим спортом были девочки, наркотики и музыка?*

Б. Б.: В Санта-Барбаре, где я вырос, серфинг был по-настоящему крутым. Я любил океан и, конечно же, хотел заниматься серфингом, как и многие мальчишки с побережья, мечтавшие о всеобщем признании и популярности. Но доски для серфинга были дорогими, и мои родители не могли позволить себе такую покупку. А я не зарабатывал достаточно денег, постригая газоны и занимаясь другой случайной подработкой, чтобы самому накопить на доску. Я бы, может, и смастерил ее (всегда любил и умел делать вещи своими руками), но в ту пору доски для серфинга были новым явлением в Калифорнии, и технология создания бордов была пока недоступна. Так что я занимался бодисерфом – катался без доски (сейчас, кстати, этот способ даже стал модным), а иногда использовал короткую пенопластовую доску – бодиборд.

Я был довольно хорош в серфинге. Я учился у бывалых мужиков, которые занимались серфингом всю свою жизнь.

Экстремальные виды спорта тогда не были общим местом. И поскольку у меня не было и не предвиделось приличной экипировки, чтобы присоединиться к касте серферов, я подыскал себе другое увлечение – машины. Это гармонично сочеталось с культурой рок-н-ролла, неотъемлемой частью которой я ощутил себя, когда мне было около 12 лет. Мой пылкий роман с машинами начался с уличного даунхилла – со скоростного спуска. Гонял я в основном на всяком барахле: приспосабливал металлолом, запчасти от каких-то игрушек, роликов, детских колясок – все, что могло сойти за колесо, шло в дело. Мы с друзьями носились на этом хламе по самым крутым холмам, асфальтированным и диким, которые можно было найти в городе и окрестностях. Пару раз меня весьма прилично приложило! Потом мне показалось маловато скоростей, и я додумался приспособить мотор от газонокосилки, превратив велосипед в байк. И с этого момента переключился на моделирование и тюнинг автомобилей, траков и мотоциклов. Это было значительной составляющей моего образа жизни даже во времена хиппи. А теперь я дорабатываю и улучшаю гитары и другое музыкальное оборудование.

8. Д. М.: *Какое десятилетие для тебя было самым легким, а какое – непростым? И почему?*

Б. Б.: Ох, Дима! Это сложный вопрос. Все те почти пятьдесят лет, что я провел в тюрьме, были тяжелыми, и за это время я уже не раз едва не распрощался с жизнью. Тем не менее, как можно видеть, я нашел способы процветать и в этой обстановке. Некоторые успехи были достигнуты исключительно благодаря моей силе воли и решимости, направленных против внешних

факторов. Только сопротивляясь, я справлялся с очень серьезными трудностями. Это намного сложнее, чем если бы подобные проблемы решались при иных, более простых обстоятельствах. Все получается вопреки, на чистом упрямстве. Думаю, все сводится к выбору. Иногда все дается легко, иногда сложно; в происходящем вокруг зле можно найти и взлелеять крупицы добра, но есть и обратная вероятность, о которой не стоит забывать: когда из мнимого благополучия вытекает страшное разочарование и горе. В этих условиях все феноменально и зыбко. Но в конце концов, все хорошо, а остальное – лирика.

9. Д. М.: *Расскажи о самом удивительном моменте из 60-х годов и твоей жизни на свободе... Что это было? Съемки фильма или какой-то определенный концерт? Что именно ты чаще всего вспоминаешь о свободе? Машины? Лес? Океан?*

Б. Б.: Что человек, который провел в тюрьме большую часть своей взрослой жизни, знает о свободе? Потеря какой-либо вещи – прекрасный способ глубоко осознать ее ценность. Духовная свобода – это единственно подлинный вид свободы, длящейся вечно. Физическая же свобода условна. Свободу легче потерять, чем достичь, что делает ее ценнейшим призом, за который стоит бороться. Многие из моих переживаний в 1960-х годах были удивительными. Даже те, что кажутся трагичными, трудными или страшными. Невозможно отделить одно прекрасное мгновение от другого, потому что все они сосуществуют в неразрывном контексте в потоке Единого Большого Мгновения. Все это сказано к тому, что в те времена, в 1960-е годы, прежде чем я пал и утратил «свободный мир», я ощущал прекрасное чувство свободы в те моменты, когда сидел со своей собакой на скале с видом на океан. Свобода драгоценна! И объятие свободы – глубоко личное и существующее вне времени чудо, не требующее фейерверков и фанфар.

18 июня 2017 года

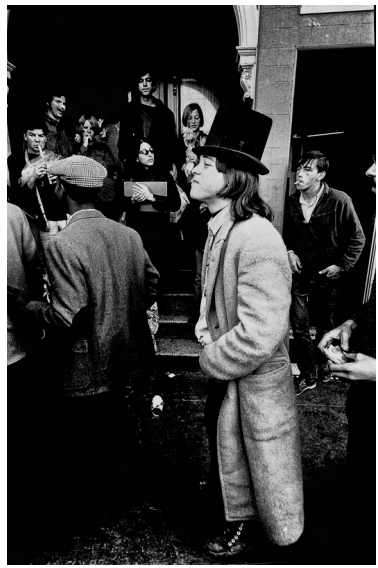
10. Д. М.: *Как ты выглядел в 18 лет? Как модель с обложки Another Man: Men's Style Stories издательства Rizzoli? Длинноволосый денди в цилиндре с гитарой наперевес и с белым псом Snofox? Ты был хиппи-модником? Или ты был бродячим мистиком? Кем ты был в юности? Скажи, твой знаменитый цилиндр до тебя принадлежал какому-то цирковому фокуснику? Он был подержанным и обладал какой-то древней магией или был абсолютно новым? Знаешь, ты был похож на психоделического белого кролика, который, надев цилиндр, вдруг стал человеком... Куда он делся, где он сейчас? Когда он в последний раз был на твоей буйной голове?*

Б. Б.: Я совершенно не представляю, как выглядел тогда в глазах людей. Видеть свою тень на улице или отражение в стекле – совсем не то, как воспринимают тебя другие, потому что глаза всегда смотрят вперед, без возможности оценить себя сбоку, сзади или сверху. Во всяком случае, я уж точно не был слишком обеспокоен тем, насколько странным могу кому-то показаться. Ведь я не гнался за модой, а всего лишь проявлял таким образом свой внутренний мир и зеркалил внешний. Это как с облачением вуду-знахаря – никакой системы! Я носил одежду и украшения, подаренные людьми, которых встретил на своем пути.

Вся уличная мода того времени создавалась на лету и вовсе не признанными дизайнерами. Одной из первых, кого я встретил на контркультурной сцене незадолго до своего шестнадцатилетия, была Бриджит Маллиган, портниха, которая придумывала и шила наряды для Сонни и Шер. Контркультурная революция тогда только-только начиналась, и Бриджит оказала огромное влияние на стритстайл отчасти потому, что известный поп-дуэт носил ее костюмы. Бриджит дала мне кое-что из одежды, которую создала, и с этого все и началось. Многие девушки, которых я встречал, были швеями и начинающими дизайнерами, и им нравилось делать одежду для меня. Кто-то дарил мне недорогие украшения и аксессуары.

Все дары всегда несут в себе дух дарителя и его привязанности, поэтому я добавлял их к уже имеющимся, как награды, особо не задумываясь о том, как все это вместе может выглядеть. Словом, мой внешний вид тогда определялся тем, как девушки, с которыми я общался, решили одеть меня.

За исключением, пожалуй, шляпы. Я обнаружил ее во время одной из долгих прогулок по центру Сан-Франциско. Я проходил мимо лавки с театральным реквизитом и увидел цилиндр в окне. Это было в 1966 году, когда я только начинал создавать свой электрический оркестр. Мне показалось, что руководитель оркестра просто обязан носить цилиндр, поэтому и купил его, хотя 16 долларов, которые я заплатил, были для меня по тем временам большими деньгами. В самом цилиндре не было ничего волшебного. Обычная фетровая шляпа. Но мое воображение было слишком выдающимся, чтобы запросто уместиться в голове. Моим фантазиям срочно требовалась отдельная комната. Так что цилиндр, если угодно, стал вынужденной надстройкой к черепной коробке. Я носил эту шляпу около двух лет в любую погоду. Это было круто! И поэтому привлекало слишком много внимания полицейских Лос-Анджелеса. Так что я отдал его в 1968 году, через несколь-



ко месяцев после того, как покинул Сан-Франциско. Может быть, я когда-нибудь и заполучу новый цилиндр.

Термин «хиппи» был впервые озвучен моим другом, одним из двух братьев, владевших лавкой *The Psychedelic Shop* на Хейт-стрит. Это произошло во время интервью для журнала летом 1967 года. К моему огромному сожалению, ярлык прижился. Я ненавидел это определение. С самого начала оно казалось до ужаса банальным и удешевляло усилия всех тех, кто активно продвигал контркультурное движение. На мой взгляд, назвать контркультурную революцию словом «хиппи» – мало чем отличалось от того, чтобы обозвать чернокожего негром. Оба варианта оскорбительны. Я сразу заявил, что не желаю, чтобы меня причисляли к хиппи; если уж так приспичило прицепить ярлык, я бы лучше назвался варваром.

11. Д. М.: *Ваше с Кеннетом Энгером знакомство произошло на концерте The Orkustra в Невидимом цирке, когда он предложил тебе роль Люцифера, а ты ему – свои композиторские услуги. Ты уже знал до этой встречи о его творчестве? Ты специально для его фильма распустил свой оркестр и собрал группу Powerhouse Oz?*

Б. Б.: Когда мы впервые встретились с Кеннетом, я был уже наслышан о его работе и репутации. Его самым последним фильмом на тот период был *Scorpio Rising,* получивший широкую известность на независимой артсцене. Вскоре после знакомства Кеннет пригласил меня в старый особняк Вестерфельда на закрытый показ своих фильмов. В доме, помимо Кеннета, жили еще два андеграундных режиссера.

Каждый снимал в особняке по этажу. У того, что жил на третьем, был оборудован небольшой кинозал с проектором. Именно там и произошло мое приобщение к *Magick Lantern Cycle*. Я посмотрел все фильмы Энгера в той последовательности, в которой он их снял. И был глубоко впечатлен тем, как он играет символами и цветом – я поразился его кинематографическому чутью. Это окончательно убедило меня в том, что с ним стоит сотрудничать. Сразу после этого я переехал в особняк, чтобы приступить к работе над проектом *Lucifer Rising*.

Кеннет занимал кабинет в задней части квартиры, а я устроился в гостиной. Между кабинетом и гостиной была большая комната, которая использовалась в качестве съемочной площадки. Она сообщалась с гости-

ной высокими, во всю стену, раздвижными дверями, которые можно было открыть, чтобы создать единую очень просторную студию. Мы открывали эти двери, когда снимали фильм или когда я репетировал со своей группой.

Некоторые из участников *The Orkustra*, в отличие от меня, не были заинтересованы в записи саундтрека. Ко всему прочему группе хватало и своих проблем, одной из которых был Джейме, басист группы, которого арестовали по обвинению в хранении и продаже ЛСД и марихуаны. Его выпустили под залог, но он уже был сломлен. А Дэвид, скрипач, задумал сколотить со своей женой новую поп-группу. Когда *The Orkustra* распалась, я собрал новую группу для записи саундтрека – *The Magick Powerhouse of Oz*. Ты можешь услышать, как мы звучали в антологии *The Lucifer Rising Suite*. Это самый первый трек 1967 года, который я назвал *Lucifer Rising*. Музыка получилась дико психоделической! Не похожа ни на какую другую, которую ты когда-либо слышал.

12. Д. М.: *Так. Значит в девятнадцать лет ты поселился в Русском посольстве и стал соседом Кеннета Энгера. Круто! Это удивительный деревянный дом с необычной архитектурой. Расскажи о нем подробнее. Каково было жить в деревенском декадансе и оплоте американской готики? Ты знаешь историю этого места и почему оно носит такое название? Кто там обитал до вас? Там водились привидения? Что творилось в этом доме и как он влиял на вас? Говорят, сейчас снимают фильм о Русском посольстве. Слышал об этом?*

Б. Б.: Когда я жил в особняке Вестерфельда, я знал только, что большинство местных жителей называли его «Русским посольством». Позже до меня дошли слухи и городские легенды о том, как дом получил свое имя. Якобы во времена царской России, когда особняк был совсем новым и величественным, там бывало много русских сановников. Конечно, это не было настоящее российское посольство. Если бы в те дни у России было консульство в США, то оно располагалось бы в Вашингтоне или Нью-Йорке, а не в Сан-Франциско. Местные аборигены хитро подмигивали, называя особняк Русским посольством, потому что считалось, что дом был борделем, который посещали высокие гости из России[2].

2 The Russian Embassy – викторианский особняк в Сан-Франциско, в котором в 1920–1930 гг. размещался Русский культурный центр. В этом доме устраивали встречи и заседания Ассоциация русских инженеров, Ассоциация артистов русского театра и другие организации, появившиеся в эмигрантской среде Сан-Франциско.

К тому времени, когда я переехал туда, особняк уже был старым, обветшалым и нуждался в капитальном ремонте. Он производил жутковатое впечатление, как дом с привидениями из старых фильмов ужаса, но именно это мне в нем и нравилось. Несколько раз среди ночи я слышал странные голоса, которые навевали мысли о призраках, но не могу сказать, что это как-то меня угнетало или пугало.

Особняк Вестерфельда с тех пор был полностью восстановлен и теперь, возможно, стал более элегантным, чем был изначально. *House of Legends*, полнометражный документальный фильм об особняке Вестерфельда, выйдет в ближайшем будущем. Тогда каждый сможет узнать его подлинную историю.

18 июня 2017 года

13. Д. М.: *Теперь я хочу узнать о вашей поистине детской разборке с Энгером. Премьера первой версии фильма Lucifer Rising в Хейт-Эшбери прошла неудачно из-за того, что Кеннет перебрал с наркотиками? С кислотой?*

Он хотел провести кроулианский ритуал Равноденствия, а вместо этого ему стало дурно. Так? Вы поссорились из-за того, что он поколотил редактора журнала «Оракул», а в результате во всем обвинил тебя, что ты якобы подсунул ему плохую наркоту. Да? А позже он заявил (и это пересказывается в интернет-статьях, посвященных киноленте), что ты украл единственную копию фильма. Но по всей видимости, это была хитрая отмазка для инвесторов. Я не прав? Первая версия провалилась, и это был удачный повод, чтобы все переделать? Насколько я понимаю, кадры из него вошли в фильм Invocation of My Demon Brother в 1969 году. Это что за кадры – из выступления? Из ваших оргий и ритуалов в The Russian Embassy? Или это кадры из первой версии Lucifer Rising? Ты в курсе? Поведай, что является правдой из того, что Кеннет Энгер рассказал? Был ли фильм действительно похищен тобой и спрятан?

Б. Б.: Событие, о котором ты, Дима, говоришь, – это шоу *The Equinox of the Gods* (Равноденствие богов), показанное в *The Straight Theater* в день осеннего равноденствия 1967 года.

Это было одно из первых публичных мероприятий, устроенных в старом ар-деко театре после его преобразования в ночной контркультурный клуб или своеобразный дворец для особых событий, проводимых некими хиппи-антрепренерами, которые арендовали это место. Первым делом они изменили название с *Haight на Straight,* потому что не хотели, чтобы их пристанище, посвященное любви, имело название, созвучное «ненависти», *hate,* и еще потому, что выражение *getting straight* означало «быть под наркотиками». Передние ряды партера убрали, чтобы освободить место для танцпола. Однако отцы города еще не предоставили этому месту лицензию на танцы, поэтому танцплощадка на нашем с Кеннетом событии использовалась как продолжение сцены. Именно здесь Кеннет и установил реквизит и свет для своей части шоу.

Все действия в этой мистерии шли в определенном порядке. Они перечислены на плакате, который Кеннет заказал для мероприятия. Главный имидж на постере был основан на общеизвестном египетском изображении арфиста, поклоняющегося богу небес Гору. Кеннет велел художнику вместо лица музыканта, играющего на фаллической арфе, подставить мой портрет. (Прилагаю фото плаката. На самом деле было два плаката для этого шоу. Другой был сделан Риком Гриффином. Но здесь – тот, который я упоминаю.) Ведущей частью мероприятия было первое и единственное живое выступление моего *The Magick Powerhouse of Oz* с Кеннетом в образе Магуса на подтанцовке. Он планировал представить «Призыв» на основе выдержек из «Равноденствия богов» Кроули. Декламация была подготовлена в записи, которую Кеннет сделал накануне события, а еще он планировал изобразить пантомиму и жестами заклинателя вовремя включить воспроизведение пленки. Все это было заявлено как костюмированный спектакль, поэтому Кеннет облачился в золотые одежды и загримировался, сделавшись похожим на египтянина. Все участники моей группы были в костюмах, как и большинство зрителей.

Несмотря на то, что группа *Magick Powerhouse* выглядела и звучала довольно диковато, зрители высоко оценили наше выступление. И вот пошла запись для перформанса Кеннета…

К сожалению, звуко-технические возможности театра, как и аудио-оборудование, оставляли желать лучшего, потому что были собраны из устаревших деталей и дешевого хлама. Так что пленка, которую записал Кеннет, порвалась в середине представления.

Хуже всего то, что Кеннет, чтобы усилить свой мистический опыт, перед началом шоу принял ЛСД. Он сделал это абсолютно осознанно и самостоятельно, и я не знал об этом до самого выхода на сцену. Я же, в свою очередь, тоже времени даром не терял и как следует подготовился к выступлению – накурился со своими товарищами по группе. Поэтому и не подумал упрекнуть Кеннета в выборе кислоты. Но результаты оказались катастрофическими! Когда порвалась пленка, Кеннет в отчаянии пытался спасти свой «Призыв». Это только усугубило ситуацию.

Он был очень взволнован, а некоторые бы сказали, что безумен. Все это повергло его в страшное смущение. Большинству же присутствующих

это показалось всего лишь частью шоу: много непонятных действий, шума, блеска, крика, цвета и главное – странностей.

Моему другу Айре, редактору местного контркультурного журнала «Оракул», пришлось наложить пару швов на лоб: Кеннет для своего выступления в образе чародея решил использовать мою трость в качестве волшебной палочки. Каким-то образом он умудрился сломать ее пополам после того, как магнитофон вышел из строя, а затем швырнул в публику обломки трости, видимо, таким образом намереваясь преподнести их людям в дар, потому что орал при этом: «Я люблю вас, я люблю вас!»… Травма Айры была просто несчастным случаем. Он не так уж сильно и пострадал, поэтому не держал зла.

Я так и не понял, почему Энгер именно меня назначил крайним в том, что во время представления у него все пошло наперекосяк. Могу сказать одно: все, кто когда-либо близко знал Кеннета, в курсе, что он всегда был изменчивым, истеричным и взбалмошным. *Drama queen,* как говорится. Он также обвинил меня в краже фильма, который на самом деле не снял. Ведь в тот период, когда мы начали работать вместе, было отснято очень мало материалов для *Lucifer Rising*. И тот маленький эпизод, который он снял для проекта осенью 67 года, был использован в его короткометражке *Invocation*.

14. Д. М.: *Вся музыка с этого самого показа Lucifer Rising есть на виниле The Lucifer Rising Suite (4xLP Boxed Set)? Или в Сюиту не вошло то, что вы играли на премьере? Вы в августе 1967 года сделали запись в кинотеатре Хейт Эшбери или там другая запись?*

Б. Б.: Группа *The Magick Powerhouse of Oz* исполнила мою первую версию саундтрека к *Lucifer Rising* в *The Straight Theater* в ночь шоу «Равноденствие богов». И эта версия была записана на том же магнитофоне, который зажевал предварительно записанную фонограмму Кеннета. Качество записи, конечно, не очень хорошее, но я безмерно благодарен тем, у кого бережно хранился и благополучно пережил десятилетия этот артефакт. И да – эта запись идет первым треком в антологии *The Lucifer Rising Suite*.

15. Д. М.: *А ты слышал версию Джимми Пейджа, выпущенную пиратами в Японии? Все это время его саундтрек издавался нелегально, но не так давно Джимми наконец-то официально выпустил ее сам. Как тебе его версия? Ваши диски даже постят вместе в социальных сетях, сравнивая оформление. А еще есть пиратский VHS с этой версией саундтрека, сделанный с очередной премьеры Lucifer Rising 1972 года.*

Б. Б.: Да, я слышал запись Джимми Пейджа с его музыкальной интерпретацией «Восхода Люцифера». Сперва я послушал ее на нелицензионной кассете (очень шумной), но позже Пейдж выпустил альбом. Мне нравится его версия. Конечно, она сильно отличается от моей интерпретации. Его пьеса больше склоняется к аморфной, эмбиентной композиции, без яр-

ко выраженной мелодичной темы, что и отличает ее от моей версии. Я думал, что партитура пьесы нуждается в четко определенных мелодических темах, чтобы правильно преподнести концепцию произведения. Но вопрос не в том, какая версия лучше. Как ты знаешь, каждый художник трактует мифологическую концепцию по-своему. Так что обе версии хороши, каждая на свой манер.

25 февраля 2018 года

16. Д. М.: *Твои ответы на свои вопросы я готов ждать вечно! Мы делаем единственный и основной документ о твоей жизни на русском языке. И для меня важно, что этот наш с тобой разговор – оригинальный и аутентичный. В связи с этим новый незапланированный вопрос, который я не могу не задать. Но если не хочешь, не отвечай. Где и когда ты узнал о смерти Чарльза Мэнсона? Как ты отреагировал на это событие? Что ты думаешь о нем сейчас? Ты молился за него? В прессе и обществе изливается много злорадства и желчи по этому поводу. Люди торжествуют, как будто умер диктатор, терроризировавший их лично долгие годы. На этом фоне заявление сестры Шарон Тейт, Дебры, – удивительно. Она сказала в интервью, что простила Мэнсона и молилась за него. Она также сказала, что он не был для нее главной проблемой, поскольку Мэнсон не присутствовал на месте преступления и не участвовал в убийстве ее сестры. Роман Полански вообще не стал комментировать это событие. На фоне всего этого о самом Мэнсоне создается впечатление как о жертве судебной обвинительной системы.*

Б. Б.: Несколько месяцев назад я узнал, что Чарли Мэнсон серьезно болен. Поэтому не очень удивился, когда тем утром до меня дошла весть о его смерти. Я простил его много лет назад. За его неудачную дружбу. И молча попрощался с ним тогда. Мы не виделись более четырех десятилетий. Так что я не был сильно расстроен, когда узнал, что он умер, хотя меня огорчает, что ему пришлось умереть с такой позорной репутацией, которую породила обезумевшая поп-культурная медийная машина. Однако, справедливости ради, полностью обвинять в этом лишь СМИ тоже не стоит. Мэнсон сделал выбор, он принял навязываемый ему демонический образ и сыграл свою роль. Я не пролил слез по нему, но помолился, чтобы он нашел путь через Бардо к миру. Бог знает, как много он выстрадал в жизни.

БОББИ И ГАСПАР НОЭ

18 августа 2016 года

Д. М.: *Я сейчас читаю книгу Закари Лазаря Sway, и в ней много говорится о тебе и Энгере. Но еще больше – о Брайане Джонсе. Автор попытался объединить историю Семьи Мэнсона и «Роллинг Стоунз» времен Фестиваля Альтамонт в мистический роман. Ты читал? Интересно твое мнение.*

Б. Б.: Дорогой Дима, приветствую тебя, брат! Перед тем, как начну отвечать на вопросы, хочу сказать, что не читал той книги, о которой ты спрашиваешь. Я читал лишь ознакомительные отрывки из *Sway* и, к сожалению, не достаточно впечатлился, чтобы купить. Это все-таки фэнтези роман, а не точное изображение исторической действительности. Я не против быть персонажем в фэнтези, но книга (или по крайней мере, те части, что я прочел), не вызвала интереса.

Д. М.: *Салют, Бобби! У меня назрел вопрос о Гаспаре Ноэ и саундтреке к его фильму Love. Как он вышел на тебя? Вы знакомы лично? Он спросил разрешение или это было решено без тебя? Я случайно наткнулся на беседу Гаспара Ноэ с Кеннетом Энгером, выложенную 22 июня 2013 года французским порталом cinematheque. Может быть, Энгер ему рекомендовал твою музыку? Ты не в курсе?*

Б. Б.: К сожалению, Гаспар не связывался со мной напрямую по вопросу лицензирования музыки. Уверен, мне бы понравилось с ним общаться! Ноэ договорился с агентством, которое я использую для лицензирования, *Rumblefish,* так что всё легитимно, и мне честно заплатили за использование музыки в фильме. То, что ее использовали во время постельной сцены, несомненно, доставило мне удовольствие, потому что *Lucifer Rising* ассоциируется именно с Любовью. Твоя история, Дима, про диалог между Кеннетом Энгером и Гаспаром – новость для меня. Как же часто я узнаю про такие вещи последним! Конечно, есть вероятность, что Ноэ захотел использовать мою композицию благодаря общению с Кеннетом, но знаешь, моя музыка ведь известна и вне работ Энгера. Правда, Дима, я не знаю, как это все получилось. Просто очень рад и благодарен, что все так вышло.

Д. М.: *В саундтреке Love твое имя вместе с Pink Floyd! Рядом, сразу после твоего трека! Это ведь абсолютное признание! Ты испытываешь удовольствие? В каких фильмах твоя музыка еще появлялась, кроме лент Энгера? Можешь перечислить? И с какими еще легендами рока издавалась?*

Б. Б.: Поскольку я не смотрел кино, для меня также было неожиданностью узнать от тебя, что мое имя в титрах соседствует с *Pink Floyd*. Не знаю, можно ли сказать, что я польщен, но точно очень доволен. Музыка *Pink Floyd* близка моему сердцу, так как они создали самую глубокую рок-музыку, подходящую для самопознания. Я думаю, то, что он выбрал и мою, и их музыку для своего проекта, многое говорит о глубине Ноэ как режиссера-визионера. Очень продуманный выбор.

Краткий отрывок из моей записи, также для *Lucifer Rising,* был использован в фильме *Me At The Zoo*. Опять же, мои агенты по лицензированию дали добро на использование трека, и только поэтому я узнал об этом фильме. Фильм, по всей видимости, малоизвестный, поэтому вероятность того, что я его увижу в тюрьме, ничтожно мала. Хоть периодически я тут и смотрю по-настоящему хорошие фильмы, но здесь все равно царит суровая цензура.

Д. М.: *Ты реально не видел фильм Love?! Даже отрывка? Хотя бы со своей музыкой! Это 26-я минута. Я запостил маленький фрагмент в Инстагра-*

ме специально для тебя. Или у вас цензура похлеще, чем в России? У нас этот фильм запрещен для показа в кинотеатрах, и нет официальных релизов из-за того, что это арт-хаус с элементами порно. В мире он вышел довольно пафосно: и в HD, и в 3D, и на DVD с Blu-ray. Но столкнулся с цензурой, я думаю, тоже по всему миру. Странный феномен в современной культуре, о котором в 60-е годы часто говорили хиппи: когда показ обнаженной человеческой натуры – грех и противозаконно, а демонстрация военных действий с гибелью мирных жителей – норма. Раньше эта цензура работала только в средствах массовой информации: на ТВ, в газетах и журналах. А теперь она также озабочена нравственностью в социальных сетях и Интернете. И диктует свои правила игры и цензуры Америка. Все подхватили самые худшие ее неврозы. Показать сиськи – нарушить табу, а показать видео казни Каддафи – норма. Почему так? Естественные вещи, связанные с любовью, – постыдное преступление против нравственности, а противоестественные: насилие, война и пытки – норма и часть мейнстрима. Кто виноват?

Б. Б.: Мое знакомство с творчеством Ноэ ограничено несколькими трейлерами, так как в его фильмах много «материала для взрослых». Твой комментарий о нерациональности того, что насилие и убийства в фильмах стали более приемлемыми вещами, чем секс, хорошо отражает смещенные приоритеты человеческой культуры. В 60-х мы сделали кое-какой прорыв, но потом страх, связанный с появлением СПИДа, породил новую фобию по отношению к сексуальности.

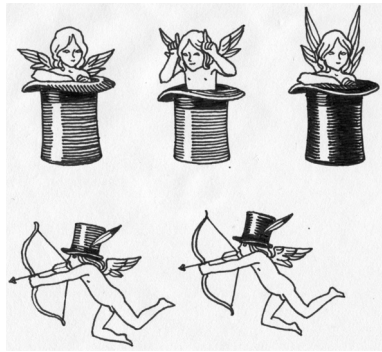
Жду следующие вопросы!

Бобби

P. S. *В 2017 году Леди Гага также законно использовала в своем фильме на Netflix «Gaga: Five Foot Two» музыку Бобби Босолея из Lucifer Rising. На этот раз треки прозвучали в нескольких сценах ее документального фильма. Влияние музыки Бобби на поп-культуру продолжается.*

BOBBY & LOGO by DOPING PONG

18 октября 2014 года

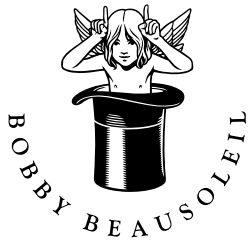


Дима, друг мой, я знал, что могу рассчитывать на то, что тот логотип, который мне предложит Doping Pong, будет превосходен. Я наконец-то получил распечатки всех вариантов, и у меня не заняло много времени решить, какой из них станет моим логотипом. Держу пари, что ты уже знаешь, который я выбрал. Там есть вариант с летящим купидоном в цилиндре, украшенном пером, он мне очень

нравится, и я точно буду использовать его для нескольких вещей. Это второе, что я выбрал.

А первое… Когда я увидел логотип, где купидон высовывается из перевернутого цилиндра и показывает пальцами рожки, я рассмеялся вслух. Это отличный логотип для меня. Такая находка! Вот почему я был уверен, что вы лучше всех справитесь с задачей. Чутье меня не обмануло!

Так совпало, что моя восьмилетняя внучка, которая приезжает меня навещать, делает то же самое: она также изображает рожки и рычит на меня, как животное. Теперь мы все время так делаем в качестве шуточного приветствия. Я ей скажу, что она вдохновила нас на идею для логотипа… а может быть, каким-то волшебным образом именно так и случилось. Собственно этот игровой момент и делает вариант идеальным логотипом для моих продолжающихся приключений.



Для большинства полиграфических вещей я буду использовать версию с текстом, заданным в полукруге внизу. Только давай сделаем круг по всему диаметру логотипа, так, чтобы он помещался на диск. (Это может еще символизировать солнце, как значение моего имени на французском «прекрасное солнце»). Ты не против, если мы добавим круг?

Я так благодарен тебе уже за то, что вы взялись за этот дизайн, что нахожу дерзостью просить тебя о большем…

Но все же ничего не могу с собой поделать! Вы бы могли сделать небольшую версию логотипа в цвете? Может быть, 5–6 см в диаметре. То, как я вижу это у себя в голове – нечто похожее стилистически на серию *Doping Pong* со знаками зодиака. Я бы использовал это для баннера на моем сайте, в самом верху, так, чтобы это было первым, что приветствует людей, заходящих на страницу, а еще для моих мейлов.

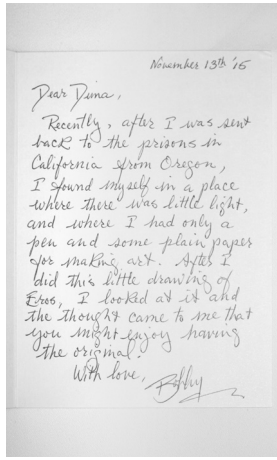
Мы сейчас запускаем новый улучшенный сайт, над которым работали несколько месяцев. Что ты об этом думаешь? CD версия *Lucifer Rising* уже тоже доступна. Скоро отправлю тебе новые рисунки, два поболь-

ше, очень драматичные. Меня пригласили выставляться на *Contemporary Art Tasmania* в следующем мае. Кураторы хотят, чтобы я создал новые картины для шоу. Может, я сделаю одну с тасманийским дьяволом. Ха-ха!

Правда, я с нетерпением жду твоих идей по поводу «Восхода Люцифера»!

Крепко обнимаю,

Бобби



November 13th '15

Dear Dima,

Recently, after I was sent back to the prisons in California from Oregon, I found myself in a place where there was little light, and where I had only a pen and some plain papers for making art. After I did this little drawing of Eros, I looked at it and the thought came to me that you might enjoy having the original.

With love,

Bobby

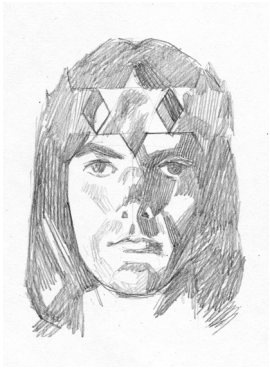
BOBBY & LUCIFER RISING COVER by DOPING PONG

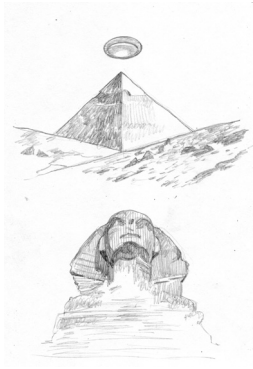
3 августа 2014 года

Привет, Дима!

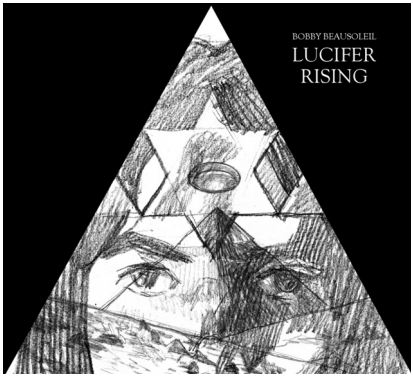
Для меня будет честью, если Doping Pong займутся оформлением обложки *Lucifer Rising*. Я уверен, это будет восхитительно!

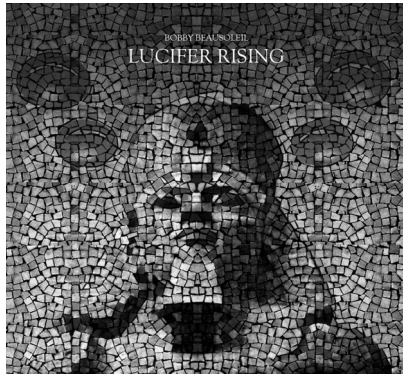
По поводу концепции изображения у меня есть несколько мыслей, которыми я бы хотел с тобой поделиться. Разумеется, я не собираюсь указывать тебе, что делать, потому что хотел бы, чтобы картина была вашей самостоятельной интерпретацией. Удиви меня! Но мне важно, чтобы ваша интерпретация не противоречила моим убеждениям и мотивации и была выполнена с уважением к музыке.



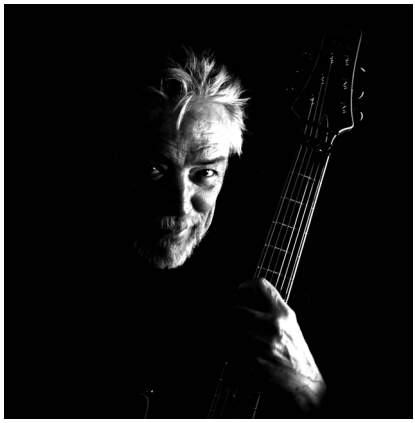


Это описывается в предыстории, которую я написал для Антологии LP *Lucifer Rising*. Возможно, ты уже читал ее, раз у тебя есть LP, но я на всякий случай отправляю тебе копию. Для меня крайне существенно, чтобы ты понял, что основная история *Lucifer Rising* как музыкальной симфонии не имеет ничего общего с сатанизмом (который лично я рассматриваю как нелепый фарс) или дьяволом и прочей чертовщиной. Не нашел я вдохновения и в оккультных взглядах Кеннета Энгера, однако мифологический резонанс между видением Кеннета и моим все же существует. Как метафора, мифологические и культурные отсылки (древний Египет, старая Европа и т. п.) служат своего рода отправной точкой как для фильма, так и для музыки.





С моей точки зрения, *Lucifer Rising* выигрывает там, где проигрывает «Потерянный Рай» Мильтона. Это история о трансцендентности, восстановлении и примирении. Ангел Света восходит из собственноручно выкованного падения, поражения и тьмы отчаяния, чтобы восстать во всем великолепии своей неиссякаемой молодости и искупаться в свете Истины.



Также я прикрепил фотопортрет, который, думаю, ты захочешь использовать в интервью. Это фото должно было стать задней стороной обложки альбома *Voodoo Shivaya*. Оно никогда не публиковалось, так что ты получаешь эксклюзив! На следующей неделе я отправлю тебе еще больше материалов, из которых ты сможешь что-то выбрать.

Еще раз благодарю тебя за согласие на оформление обложки. А еще с нетерпением жду варианты логотипа!

С любовью,

Бобби

BOBBY & INSTAGRAM

11 апреля 2015 года

Салют, Бобби!

Я не нашел тебя в Инстаграме. Может, заведем тебе официальный аккаунт? Если хочешь, я сам это сделаю. И обновлю, выложив фотографии и новости с твоего официального Фейсбука. И всю необходимую информацию. Этот сайт так же популярен, как YouTube, Twitter и Facebook. Ты тоже должен там быть! Ты сможешь публиковать там фотографии и короткие 10-секундные видео с музыкой. По популярности среди социальных сетей он сейчас на 1-м месте. А тебя там нет.

Дима

11 мая 2015 года

Аве, Дима!

Прошу прощения за то, что долго не отвечал на твои письма. В последние недели я был очень занят работой в своей лаборатории и откладывал все, кроме исключительно срочной корреспонденции. Я знаю, как художник, ты поймешь, что это вынужденная необходимость. Конечно, под «лабораторией» я подразумеваю свою крошечную клетку, адаптированную

в данный момент для творческих целей: сочинительства, письма, музыки, рисования и т. д. Позже она превращается в пространство для просмотра фильмов на моем маленьком телевизоре. Или для сна. Я разработал стратегию для преобразования помещения по мере необходимости.

Недавно я закончил три новые картины для выставки в Тасмании, включая ту, которую ты уже видел. Скоро увидишь еще две, а также двух последних моих мультяшных монстров для серии *Band Outta Hell*. В последние недели я интенсивно работал над музыкальной пьесой под названием «Подземный путь». Это мрачная, навевающая воспоминания песня о поиске пути к свету через подземные переходы, через которые мы все должны пробираться, чтобы найти дорогу домой. Это последняя композиция для альбома *Voodoo Shivaya*.

Мне понравилась ваша картина «Звуки будущего». Некоторые могут это не понять и не принять, но глупые люди – потерянные души, и мы не станем им в угоду отказываться от того, как отражаем человеческую историю. Дима! Ядерные ракеты с парусами! У вас, как ни у кого другого, получается соединить героическое со смешным, приправив чувственностью.

Мне по душе затаенная сила этой работы, заставляющей смеяться вместе с тобой над тонкими юмористическими аспектами, которые включены в подтекст вместе с трагическими.

Я очень рад, что скоро появится мой новый логотип! Тогда мой сайт, наконец, будет закончен! Я буду всюду использовать его: во всех социальных сетях, книгах, альбомах и т. д.

Спасибо тебе за совет об Инстаграме. Насколько я понял, аккаунт должен быть привязан к телефону. Бет заведет для меня учетную запись, подключенную к ее телефону, а затем мы начнем публиковать там все мои фотографии.

Снимок, о котором ты спрашивал, был сделан, вероятно, в конце 1965 или в начале 1966 года. Примерно в то же время, когда я снялся в *Mondo Hollywood*. Репортер из «Лос-Анджелес Таймс» увидел, как я гуляю по улице с моей собакой, и попросил сделать фото для воскресного приложения на тему стритстайла. В одном из магазинов поблизости была витрина, похожая на деревянный корабль, вот там-то и была сделана эта фотография, создававшая впечатление, что я изображаю пирата. Ботинки, что надеты на мне, были

дешевыми: я купил их всего за 13 долларов в магазине на бульваре Сансет. Я прикрепил маленькие медные колокольчики к верхней части одного ботинка и появлялся с музыкой всюду, куда бы ни шел. Ха-ха!

Я обязательно найду время, чтобы написать побольше для интервью. И не стесняйся использовать в своих статьях и интервью любые комментарии, которые я помещаю в регулярных электронных рассылках.

Поскольку ты спросил, каков крайний срок для обложки альбома *Lucifer Rising*, отвечаю – ASAP. На случай, если ты не знаком с данной аббревиатурой, это военный термин Второй мировой войны, который означает «как можно скорее».

Теперь же я должен вернуться к «Подземному Пути». Вдохновение опаляет мою кожу!

С теплыми объятиями,

Бобби

МОЩНЫЕ КРЫЛЬЯ ДЛЯ ПОЛЕТА

13 декабря 2014 года

Дима, друг мой, ты жжешь!

Я только что получил распечатки четырех концептов для обложки, которые ты и твоя команда сделали для переиздания альбома *Lucifer Rising*. Мне нравятся все четыре картинки. Все они по-своему замечательны и идеологически отлично подходят для альбома. Но лично для меня одна из них представляется наиболее подходящим вариантом. Я сразу решил, какую выберу, как только мой взгляд упал на нее: LR2. Ангел, собирающийся взлететь! ПОТРЯСАЮЩЕ!

Хотя у меня есть несколько незначительных замечаний по поводу крыльев, общая форма красиво задумана и выполнена. Очень мощная, идущая от сердца визуализация, говорящая о том, чем является на самом деле музыка. Поза ангела одновременно и динамичная, и героическая, уязвимая, но при этом сильная, наделенная невероятной внутренней энергией, зарядом и решимостью. Люцифер самодостаточен. Он может принять руку помощи, если она будет ему предложена, но не станет зависеть от нее. Этот дизайн также показывает, что музыка *LR* имеет самостоятельный потенциал и вне связи с фильмом.

Ни один из предыдущих вариантов оформления обложки так не передавал всех этих необходимых качеств. Я не мог тебе сформулировать раньше, какой должна быть обложка, но сразу же понял это, как только ее увидел.

Мы еще поговорим позже. Сейчас я только хочу, чтобы ты знал, что попал прямо в цель. Мой выбор сделан, и я счастлив.

С огромной признательностью и любовью,

Бобби

21 января 2015 года

Салют, Дима!

Этот период оказался для меня чрезвычайно трудным, даже более трудным, чем обычно. Чувствую себя измотанным до состояния нервного истощения. И это не впервые. Чувства приходят и уходят, уйдут и в этот раз, как всегда, в свое время. Ну а пока мне нужно создать немного пространства вокруг себя. Места, чтобы просто отдышаться. Пишу тебе это, дабы в общих чертах объяснить, что происходит, чтобы ты не волновался, если ответ на твои письма у меня займет больше времени, пока я прохожу эту фазу.

Во-первых, в феврале предстоит новое слушание о досрочном освобождении, и у меня осталось всего несколько недель на подготовку.

В этих заседаниях всегда содержится определенный градус стресса, но в этот раз оно еще и совпало с проблемами со здоровьем. Буквально со дня на день, в январе, меня должны вывезти на операцию в местный госпиталь к очень хорошему нейрохирургу, который заменит несколько межпозвоночных дисков.

Попытки справиться с симптомами межпозвоночной грыжи – и есть частичная причина моей утомленности. К этому добавляется личный вопрос, который слишком сложен чтобы его сейчас описывать, но требующий самого пристального внимания. Все это меня тяготит.

Но это только временное состояние дел. Надеюсь, вскоре я смогу с ними разобраться. Даже операция потребует лишь неделю восстановления. Я уверен, что все достаточно скоро вернется в норму, и кратковременный перерыв в нашем с тобой общении, которое я так ценю, быстро останется позади.

Меня воодушевляет поток поддержки, полученный за последние недели. Во всех письмах, которые я успеваю прочесть, содержится такая искренность и честность, что все они попадают точно в цель – туда, куда их авторы и хотели попасть. И это хорошо передает характер людей, которые мечтают увидеть меня на свободе. Столько доброты и душевного тепла! Благодарность, которую я испытываю за то, что у меня есть любящие друзья и семья, неизмерима.

Я знаю, что благословлен тем, что и ты среди них.

По моим прежним письмам ты уже мог понять, что я танцую со временем. А когда человек танцует, он может упасть. Что ж, если это произойдет, я снова встану. Я должен сейчас экономить энергию, поэтому буду краток. Но мне не по себе оттого, что я заставляю тебя подолгу ждать ответа.

Я начну отвечать на вопросы нашего интервью, как только получу их по бумажной почте (Бет распечатала их и отправила мне). Я жду его с нетерпением.

К сожалению, я не смогу подписать пластинки, так как тюрьма не позволяет мне получить их по почте. Но я планирую прислать тебе персональную открытку. Она будет прилагаться к дискам, когда их отправят. Постараюсь поскорее.

Повторюсь, обложка LP *Lucifer Rising* настолько прекрасна, что мне не хочется говорить о каких-то изменениях в ней. Если и могу что-то добавить, так только то, что крылья мне не кажутся достаточно сильными для столь атлетической ангельской фигуры. Я волнуюсь, что они могут сломаться, если он попытается взлететь. Но я не думаю, что их надо делать крупнее. Может быть, при помощи теней или смены угла маховых перьев крылья можно сделать плотнее, без необходимости увеличивать их габариты.

И наконец – самое главное – глубочайшая тебе признательность за письмо, которое ты написал для моего судебного слушания. Я скорее всего не успею его прочесть до заседания. Но не сомневаюсь, что оно мощное и придаст мне сил. Я был рад услышать, что ты не пострадал от экономических санкций, о которых пишет американская пресса. Вне всяких сомнений, то, что они пишут, – пропаганда, преувеличение или выдача желаемого за действительное.

Правда – не в идеологии. Господа нельзя найти в философствовании о том, как захватить мир. Бог вне мельтешения проносящихся мимо картинок и обрывков шума. Мы с тобой слишком умудренные, чтобы не понимать этого.

Наша работа посвящена вечному. Когда мы делаем все правильно, Кали танцует на теле Шивы, который вечнее всего и есть всё.

(Я не против, если ты используешь эти цитаты в интервью, где захочешь.)

Ну что же, это оказалось длиннее, чем я планировал написать, когда начинал письмо. Приятно направить мысли вдаль от нынешних окружающих меня трудностей. И это тоже пройдет. Кажется, это сказал какой-то хиппи-юморист. Неудивительно, что его распяли.

Посылаю тебе всю свою любовь, друг мой.

Бобби

18 августа 2016

Дима, мой дорогой друг и брат, салют!

Приношу глубочайшие извинения за задержку с ответом на вопросы интервью. Недавно я переехал в другую камеру, что для меня является большей трудностью, чем ты, вероятно, можешь представить, потому что тюремная камера должна служить мне и студией, и жилым пространством, а для того, чтобы получить все необходимое, требуется много времени и усилий. Я также был занят подготовкой к моему условно-досрочному слушанию в октябре. Не рискну загадывать, что будет потом. Лучше быть готовым к любому исходу, так что я начеку, чтобы адаптироваться ко всему, что грядет. С надеждой!

Я уже написал несколько соображений в ответ на твои личные вопросы. И планирую опубликовать их вместе с твоими комментариями на новостной странице моего веб-сайта. Надеюсь, ты не возражаешь. Я был вдохновлен твоими вопросами и хочу поделиться с другими.

Новая версия *Lucifer Rising* сейчас на заводе в производстве.

С нетерпением жду ваши верстки для плаката. Было бы здорово успеть сделать плакат для релиза. Я бы хотел, чтобы крылья ангела были полностью раскрыты в кадре. Еще рассматриваю возможность выпустить футболку именно с этим принтом.

Читаю твои зарисовки о «солнечной реальности» и получаю настоящее удовольствие. Твоя способность передать это словами делает прочитанное реальностью. Именно так художники и должны проявлять силу, полученную от Бога.

Хорошо, а теперь я должен ответить на три вопроса, которые ты отправил. Пришли мне следующие три, когда будешь готов.

С большой любовью,

Бобби

26 сентября 2016 года

Привет, Дима!

Салют, брат. Спасибо за дизайны к постеру и футболке. Они идеальны! Я лично предпочитаю версию с раскрытыми крыльями, поэтому, если ты не против, мы используем ее. Отправил изображения своему близкому дру-

гу Тайлеру в Ajna[3], чтобы он оценил, можем ли мы предлагать эти товары при покупке альбомов. У меня сейчас не хватает финансов, чтобы оплатить печать на ткани, так что приходится полагаться на Тайлера. Поскольку сейчас уже печатается одновременно два альбома, один из которых – двойной диск со сложной обложкой, затраты велики. Надеюсь, что Тайлер увидит коммерческий потенциал в создании дополнительных товаров к релизу *Lucifer Rising*. Посмотрим!

Получил новые вопросы для интервью. Слушание о моем освобождении состоится всего лишь через две недели, и мне нужно основательно подготовиться к нему, но после я всецело посвящу себя написанию ответов.

Силы и храбрости!

Бобби

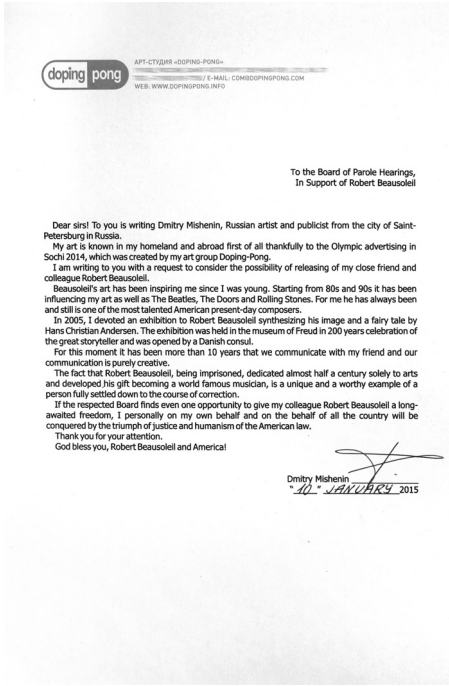
РЕАКЦИЯ БОББИ НА ПИСЬМО ПОДДЕРЖКИ 2015 года

1 марта 2015 года

Дима,

Поздравляю, мой друг. Твое письмо дошло, и оно восхитительно! Красиво написанное письмо, осмысленно и четко передающее твою позицию, поддержку и рекомендации. С уважением ко мне и моей работе. Прекрасно! Джейсон, мой адвокат, извлечет много пользы из твоего письма, когда начнется слушание.

Траектория моей жизни состоит из сплошных поворотов, поэтому я уже не особо удивляюсь последним событиям. Я предстал перед судом 19-го в назначенное время, только-только закончив медитацию, – хладнокровным, спокойным, собранным и полностью готовым к продолжению. Выяснилось, что есть несколько технических моментов, которые необходимо решить, и поэтому суд перенес слушание еще на несколько месяцев.



doping pong

АРТ-СТУДИЯ «DOPING-PONG»
E-MAIL: COM@DOPINGPONG.COM
WEB: WWW.DOPINGPONG.INFO

To the Board of Parole Hearings,
In Support of Robert Beausoleil

Dear sirs! To you is writing Dmitry Mishenin, Russian artist and publicist from the city of Saint-Petersburg in Russia.
My art is known in my homeland and abroad first of all thankfully to the Olympic advertising in Sochi 2014, which was created by my art group Doping-Pong.
I am writing to you with a request to consider the possibility of releasing of my close friend and colleague Robert Beausoleil.
Beausoleil's art has been inspiring me since I was young. Starting from 80s and 90s it has been influencing my art as well as The Beatles, The Doors and Rolling Stones. For me he has always been and still is one of the most talented American present-day composers.
In 2005, I devoted an exhibition to Robert Beausoleil synthesizing his image and a fairy tale by Hans Christian Andersen. The exhibition was held in the museum of Freud in 200 years celebration of the great storyteller and was opened by a Danish consul.
For this moment it has been more than 10 years that we communicate with my friend and our communication is purely creative.
The fact that Robert Beausoleil, being imprisoned, dedicated almost half a century solely to arts and developed his gift becoming a world famous musician, is a unique and a worthy example of a person fully settled down to the course of correction.
If the respected Board finds even one opportunity to give my colleague Robert Beausoleil a long-awaited freedom, I personally on my own behalf and on the behalf of all the country will be conquered by the triumph of justice and humanism of the American law.
Thank you for your attention.
God bless you, Robert Beausoleil and America!

Dmitry Mishenin
"10" JANUARY 2015

3 Имеется в виду *http://www.theajnaoffensive.com.*

Если бы мы настояли, суд мог бы назначить слушание уже на следующий четверг, но Джейсон решил (проявив настоящую доблесть, если ты понимаешь, о чем я), что отсрочка будет лучшим вариантом. В этом плане я доверяю инстинктам Джейсона, особенно если он присутствует в зале заседаний и находится в лучшей позиции, чтобы верно оценить ситуацию.

Поэтому теперь мы ждем слушания в середине лета. Есть вероятность, что я буду уже менее хладнокровным, но постараюсь к этому времени вновь достичь спокойного и собранного состояния.

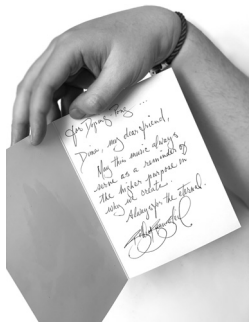
Письмо, которое ты написал, останется в том пакете документов, который Джейсон предоставил для слушания, и оно будет действительно, когда слушание возобновится. Нет необходимости писать еще одно.

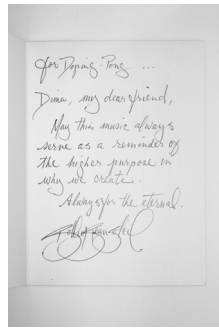
Поговорим лучше об искусстве. Ваша последняя картина потрясающая. Мне нравится, как на девочке играет теплый свет, и как естественно приглушен фон на заднем плане. Получилось свежо и умиротворяюще. Красиво.

Я тоже занимаюсь новой работой, готовлюсь к выставке в Тасмании. Она должна открыться 5 мая, уже скоро. Я надеюсь, там будут три новые огромные работы, которые сделаю к тому времени. Сейчас, когда дела по слушанию отложены, я посвящаю все время искусству и ответам для интервью.

Как дела с логотипом? Я бы хотел, чтобы он стал моим символом на сайте и во всех моих медиа, пока шоу в процессе разработки. Еще я собираюсь разместить его на форзаце моей книги, которая будет опубликована в этом году, и на нескольких моих альбомах.

Я представляю, как «либеральные» артисты и пресса могут обрушиться с критикой и серьезными обвинениями на работы *Doping Pong*. Я видел образы, которые твоя команда создала для Олимпийских игр в Сочи. Всей России повезло, что такие работы представляли страну на играх. Как я говорил раньше, критика была глупой и необоснованной. Абсурдно предполагать, что нацисты придумали или навсегда завладели жанром героического классицизма в изобразительном искусстве и кино, и теперь все произведения, на которых представлены люди со светлой кожей, автоматически получают ярлык принадлежности к тоталитаризму. Никогда не позволяй такой тупости и узколобости влиять на твой творческий выбор!





Мне нравятся твои размышления о том, что мы – песни Бога, каждый – со своими нотами. Возможно, я включу их в слушание, когда оно возобновится.

Вперед!

Бобби

ЕЩЕ ОДНО ПИСЬМО В ПОДДЕРЖКУ БОББИ:

23 июня 2017 года

Уважаемые господа!

Это не первое письмо, отправленное мной в вашу далекую страну, в поддержку и защиту моего друга. Но я всем сердцем верю в то, что оно станет последним, справедливость восторжествует и больше таких писем не понадобится.

Меня зовут Дмитрий Мишенин. Я русский художник и публицист.

Мои работы под лейблом Допинг-понг известны в России и имеют культовый статус. Мои картины украшали Олимпиаду в Сочи 2014 и центр Москвы. Мои выставки проходят в государственных и частных музеях.

Я знаю Бобби Босолея около 15 лет как одного из самых умных, талантливых и благородных людей, с которыми мне довелось общаться. А я, благодаря своей профессии, общаюсь и с легендарными кинорежиссерами, и знаменитыми спортсменами, и самыми разными людьми – от политики до бизнеса.

Бобби – яркий пример для подражания всем, кто решил навсегда порвать с криминальным прошлым, встать на путь исправления и искупить свою вину путем творческой работы на благо общества.

Этот человек давно безопасен и достоин свободы!

Я прошу вас проявить гуманизм и освободить его!

Это будет высшее проявление справедливости, торжество закона, который покарал виновного, но освободил, когда виновный исправился.

Бобби в течение многих лет занят творчеством. Делает музыку, выставки, пишет тексты. Благодаря этому у него есть все перспективы социальной адаптации после освобождения.

Этот человек еще может принести много пользы нашему обществу и общемировой культуре на свободе.

Мой голос, голос иностранца, может быть не важен для американского правосудия. Но я не могу молчать! Видя творящуюся несправедливость в мире – и у себя в стране, и за океаном, мы должны помогать друг другу и пытаться исправить эту несправедливость.

Часто этот голос звучит из Америки и спасает людей в разных странах мира. Сейчас этот голос звучит из России и хочет спасти одного достойного американца, чья вина навсегда осталась в прошлом, и мы видим целиком обновленного человека, место которого на свободе!

Благодарю вас за внимание!

Да благословит Господь Америку и Бобби.
С уважением,

Дмитрий Мишенин

BOBBY & MY LOVE PICTURE «PAN»

21 января 2016 года

Я скучаю по тебе, мой друг. Сегодня выбрал в Японии роскошную винтажную раму для твоего подарка. А паспарту сделает мой ближайший друг и товарищ по Допинг-понгу.

Я часто думаю о тебе. Все хорошо? Как твое здоровье?
Обнимаю тебя! Храни тебя Бог!

Дима

П. С. Скажи, когда ты сделал этот рисунок? Это полное изображение или фрагмент? И как оно называется? Эта картина очаровала меня! (Она вызвала у меня ассоциации с тем винтажным постером *Lucifer Rising* 1967 года для мистерии Кеннета Энгера и *The Magic Power house of Oz* «The Equinox of the Gods», где был изображен ты, играющий для Бога Гора на фаллической арфе. Но уже не в египетской, а европейской стилистике.)

6 марта 2016 года

Дима,

Как ты, брат мой? Прости, что не писал тебе последние месяцы. В мае готовится мое условно-досрочное слушание, а это требует сил, внимания и ответственности.

Насколько это было возможно, я сосредоточился на дизайнах и макетах обеих выходящих пластинок. Конечно, как ты знаешь, дизайн обложки *Lucifer Rising* сделан и готов к отправке в печать, как только закончим с макетом другого LP. Альбом *Voodoo Shivaya* тоже почти закончен.

Мне потребовалось время, чтобы выяснить, о каком изображении в Инстаграме ты спрашиваешь. Это мой рисунок «Пан, играющий на арфе». Прилагаю весь рисунок целиком. Я сделал его в середине 1980-х, гра-

фитным карандашом на бумаге. Опубликована лишь часть изображения, потому что Инстаграм не допускает наготы (в данном случае, я думаю, Инстаграм уж слишком осторожничает). Он будет включен в эротическую главу моей книги по искусству.

Любопытно узнать, чем сейчас занимается Допинг-понг. И услышать любые духовные идеи, которыми ты можешь поделиться.

Горячо обнимаю,

благословения тебе и близким,

Бобби

BOBBY & DIMA – LIFESTYLE

20 декабря 2015

Дорогой Дима,

недавно, после того как меня перевели в калифорнийскую тюремную систему из Орегона, я оказался в камере, где было совсем темно, и где для творчества у меня была только авторучка и бумага. Набросав этот маленький портрет Эроса, я взглянул на него и понял, что тебе бы понравилось иметь оригинал этой работы.

С любовью,

Бобби

23 июня 2017

Приветствую, друг мой!

Благодарю за фото с вашей картиной «Психоренессанс», атмосферно передающей воздействие волшебных грибов. Как же я люблю такие образы! А еще мне нравится, что небольшой рисунок, который я отправил тебе из моего временного пребывания в «яме», оформлен в раму и висит рядом с этой картиной. Чудесно!

Похоже, что *Voodoo Shivaya* выйдет в конце лета, и альбом единственного издания *Lucifer Rising* – в то же время. Я пришлю тебе копии.

С любовью к тебе и Анне![4]

Бобби

4 Везде, где в переписке упоминается Анна, речь идет об Анне Маугли – участнице арт-группы Doping Pong.

БОББИ И ОККУЛЬТИЗМ

29 октября 2017

Салют, Дима!

Извини, что так долго не отвечал. Я был глубоко поглощен работой над книгой, которая будет издана в 2018 году, о музыкальной сцене США / Западного побережья. Я основной участник проекта, и на мне лежит огромная часть работы! Кроме того, из-за графика публикации я связан сроками.

Во всяком случае, я только что закончил большой раздел, и поэтому могу сделать передышку, что даст мне возможность написать ответы на твои самые последние вопросы.

Прилагаю первую часть многочастного письменного интервью, которое я недавно дал для журнала из Швеции под названием «Методология Бардо». Основное внимание в журнале уделяется изучению эзотерики посредством интервью с музыкантами, художниками, современными мистиками – словом, с такими же чудаками, как я.

Другой прикрепленный файл, *Shadowplay,* – поэтическое эссе, написанное мной недавно. У дружественного художника, Тимо Кетола[5], в этом месяце в Швеции открывается выставка, и он попросил меня написать предисловие к каталогу. Это групповое шоу с двумя другими артистами, которые одинаково ориентированы в сфере темного творческого искусства, часто ассоциируемого с блэк-металлической музыкой. Кто-то увидит такое и подумает: «сатанинский» – это совсем не мое. Поэтому я почувствовал необходимость деликатно подойти к этому вопросу, стараясь не обидеть тех, кто верит в такие вещи, но оставаясь при этом верным себе. Появилось философское понимание ценности изучения темных образов, написанных с мистической точки зрения.

Мне понравилось работать над пьесой *Shadowplay*. На ровном месте появилась возможность написать очень-очень короткую заметку. Я был рад поддержать другого художника, но теперь моя доска наконец очищена для твоих вопросов. Это превратилось в очень длинное интервью! Мне нравится общаться с русскими посредством тебя, Дима. Надеюсь, что все хорошо с тобой, и Анной, и Допинг-понг.

Любви тебе, мой друг. Я напишу больше, когда я отправлю ответы на твои вопросы,

Благословляю,

Бобби

5 *http://www.tentacula.org.*

30 октября 2017

Салют, Бобби!

Что касается эссе о художниках… Мне всегда было интересно, почему музыканты-металлисты и сатанисты так любят твое искусство? Да. В твоем творчестве и жизни есть и оккультизм, и мистицизм, но… сатанизм? серьезно? Я думаю, что твои работы полны света. Это абсолютно не темная материя. А солнечная и звездная. Я не боюсь этого слова: ангельская. Божественного в твоем искусстве куда больше, чем дьявольского!)

Поэтому я и удивлен, что тебя так сильно любит молодежь, слушающая металл, и девки, которые считают себя волшебницами и ведьмами. Это твой крест. Твоя магия привлекает их. Может быть – неосознанно – они хотят стать лучше? :)

Самые лучшие пожелания от Анны,

Обнимаю,

Дима

17 февраля 2018

Дорогие Дима и Анна,

Пожалуйста, простите меня за то, что я так долго тянул с ответом на ваши теплые сообщения. У меня нет достойного оправдания. Я просто чувствовал себя настолько перегруженным писательскими обязанностями, что мне пришлось на время отдохнуть от любой писанины. Две книги, различные интервью, письма, электронные письма и так далее… этого стало казаться слишком много. Слишком большое давление одновременно. Я испугался, что могу выгореть, если не перестану писать так много и не переключу внимание на другие формы самовыражения, такие как музыка и изобразительное искусство. Единственные письма, которыми я занимался, – необходимые документы для подготовки к слушанию об условно-досрочном освобождении и решение некоторых других неотложных вопросов. Перерыв пошел во благо!

Говоря о подготовке к условно-досрочному слушанию: мой адвокат прислал мне копии всех документов, которые он собирал для слушания, включая письма поддержки. Ты написал красивое письмо, Дима! Джейсон (мой адвокат и друг) тоже был им впечатлен. Он положил его рядом с нашей петицией об условно-досрочном освобождении. Спасибо от всего сердца

за прекрасные слова в поддержку моего освобождения. Твое письмо точно поможет!

Я работаю над ответами на твой последний блок вопросов для нашего интервью. Надеюсь, это будет сделано и отправлено в ближайшие дни. Интервью, которое я дал Никласу Йоранссону для «Методологии Бардо», кажется, возымело какой-то положительный отклик. Разного рода вопросы. Это станет гораздо более очевидным после выхода второй части интервью, которое напечатают в конце месяца. Реакция на первую часть была благоприятной. Это странно: ведь я очень ясно дал понять, что не увлекаюсь темной магией или сатанинскими обрядами, как многие люди в субкультуре блэк-метал, но многие из них, похоже, находят отклик в том, что я выражаю творчески и философски. Может быть, как ты говоришь, меня считают своего рода учителем или мудрецом в этом круге людей. Хорошо, если мои слова и опыт помогут некоторым из них не идти по пути, ведущему в тупик.

Любовь, Свет и Мир.

Бобби

О ПОСЛЕДНЕМ АЛЬБОМЕ VOODOOSHIVAYA: МОЙ ДРУГ – МУЗЫКАНТ

7 июля 2018

Дорогой Бобби!

Большое спасибо за компакт-диски. Я послушал твой новый двойной альбом.

Честно говоря, я немного боялся его услышать. Потому что хотел честно написать тебе о своем впечатлении. Без лукавства. Нравится или не нравится. Начистоту.

Первый диск еще раз убедил меня в том, что Гаспар Ноэ был прав, когда в саундтреке к фильму *Love* поместил твою бессмертную музыку рядом с *Pink Floyd*. Это ее заслуженное почетное место в истории искусства.

Реально, прослушивая первый диск, я испытал те же чувства, что и тогда, когда знакомился с последними сольными альбомами Роджера Уотерса и Дэвида Гилмора. Ты музыкант высшего эшелона, занимающий в наше время один ряд вместе с этими артистами-суперзвездами. Но не могу сказать, что эта музыка меня как-то удивляет… :) В смысле, я услышал именно то, что и ожидал услышать… Уверен, что первый диск понравится большинству взрослой рок-аудитории.

Но вторая часть стала полным откровением для меня. Она показала мне, что твой композиторский и поэтический талант звучит так же, как и во времена твоей молодости, и в 70-х годах. Это как продолжение *Lucifer Rising*. Но не фильма, а музыки. Я прослушал второй диск три раза подряд, и каждый раз обнаруживал что-то новое. Это потрясающая музыка для XXI века! Глубокая, проникновенная и полная смысла. Искусство дайвера противо-

поставлено массовому искусству серферов. Есть те, кто любит скользить по поверхностям смысла. Мы с тобой любим глубокие погружения.

И этот альбом позволяет погрузиться в твой мир.

Спасибо, сердце мое!

Люблю и обнимаю!

Да пребудет с тобой Шива!

Дима

P. S. Скоро мы вернемся к нашему интервью.

P. P. S. Я рад, что «Декабрист-джакет» прибыл к тебе, и теперь фрагмент нашего искусства есть и в твоем доме. Верю, что когда-нибудь ты его наденешь.

D.

(ом намах шивая)

7 августа 2018 года

Дима!

Салют, мой друг и брат! Очень приятно было получить твое электронное письмо, включающее «обзор» нового альбома. Я знал, что могу рассчитывать на твою честность в выражении чувств и мыслей о музыке. Так что для меня гораздо важнее знать, что именно тебе пришлось по душе в услышанных записях. Спасибо, что поделился впечатлениями!

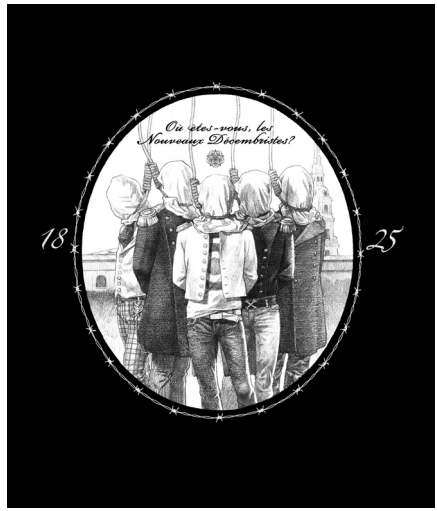
Я послал тебе достаточно копий для Допинг-понга? Дай мне знать, если вы захотите больше альбомов, и я придумаю, как это сделать.

Первая реакция аудитории на выпуск *VOODOOSHIVAYA* была весьма обнадеживающей. Но это еще не говорит о том, что альбом будет иметь массовый успех. На сайте *Please Kill Me* появился очень хороший обзор. Я надеялся, что такой крупный музыкальный мейнстримный журнал, как *Rolling Stone,* сделает обзор, но пока все глухо. Трудно вызвать интерес у ведущих изданий странными релизами независимого музыканта, да еще и сидящего в тюрьме. Они склонны игнорировать релизы, вышедшие не на крупных звукозаписывающих лейблах или не в хип-хоп-стилистике, пока ты не часть

поп-тусовки. Тем не менее, дистрибьюторы взяли приличное количество копий, что указывает на определенный интерес к этому альбому.

Любопытно, что многим слушателям нравится именно первый диск – с песнями, включающими вокал с текстами, и несколько более традиционной структурой. А вот тем, кто, как ты, более духовно ориентирован, привлекательной кажется музыка со второго диска. На этом диске композиции значительно глубже, они полностью захватывают мое сознание. Насколько я понял, ты испытал то же самое, слушая их. Мое решение разместить более доступную, понятную музыку на одном диске и более глубокую музыку с более богатыми текстурами – на втором в том же альбоме, похоже, оказалось верной стратегией.

Я безмерно благодарен тебе за «Декабрист-джакет», Дима! Какое же было облегчение, когда моя дочь получила наконец эту посылку! Я сказал Рейчел, что она может носить куртку, если захочет, но она решила сохранить ее в неприкосновенности, как сценический костюм для моего первого концерта на свободе. Спасибо за куртку, Дима. Для меня очень важно иметь под рукой какое-нибудь овеществленное искусство.



Ом намах Шивая!

Бобби

P. S. Шива всегда с нами. Разделение возможно только в иллюзии.

НОВЫЙ КОСТЮМ ДЛЯ СВОБОДЫ

Свет в конце тоннеля становится ярче

29 октября 2017 года

Салют, брат мой Бобби!

Новый проект Допинг-понг, касающийся уличной моды, – капсульная коллекция «Новые декабристы». Это коллаборация с маркой «Достоевский-джакет».

Мы планируем в новом году сделать капсульную коллекцию курток под названием «Декабрист-джакет», посвященную восстанию декабристов 1825 года против русского царя. Коллекция создается по мотивам нашей одноименной картины. Я подумал, вдруг ты захочешь носить такую историчес-

кую вещь. В мире подобный фасон называют Наполеон-джакет. Но в России мы ему придумали обозначение «Декабрист». Могу отправить тебе первому этот русский подарок. Какой у тебя размер одежды: «M» или «L»?

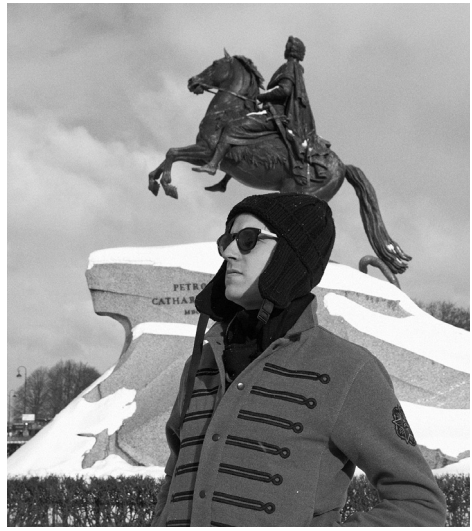
Вот PDF с четырьмя моделями курток, которые мы делаем. Ты можешь выбрать и носить одну из них! Или там, где ты сейчас, такое носить нельзя? Или это слишком теплая одежда для вашего климата?

Мир, Любовь, Бог, Солнце и Бобби!

25 февраля 2018

Салют, Дима!

Я до сих пор работаю с накопившимися письмами, пытаясь хоть немного привести в порядок переписку. Некоторые электронные письма и фотографии, которые ты отправлял в октябре, лишь сейчас всплыли на поверхность. Я собирался написать тебе о Декабрист-джакете гораздо раньше. Потому что мне очень понравились куртки! Такие стильные, очень в русском духе! Я принимаю твое предложение! Хочу заполучить одну из них.



Я попросил переслать тебе фотографии джакета, который мне нравится больше всего. Похоже, это та модель, в которой позирует твой сын на отправленных тобой фотографиях. Он великолепен!

К сожалению, мне не разрешат носить эту куртку, пока я нахожусь в ГУЛАГе, поскольку это запрещено правилами. Но если ты все равно хочешь мне ее подарить, несмотря на мои обстоятельства, я обещаю, что надену куртку на первый же концерт, который дам, когда меня выпустят (LUCIFER RISING 2019 – возможно). Если это приемлемо, я пришлю адрес, на который можно отправить куртку. Это адрес моей дочери в Орегоне (она хранит мое музыкальное оборудование, вещи, оставленные мне Барбарой, и другие личные архивы в подвале ее дома). Моя мерка на размер больше той, что носит твой сын Тим Лири-младший – L.

Спасибо за такое предложение, Дима! Это по-настоящему красивый дизайн, содержащий в себе захватывающую историю. Я буду горд носить такую вещь.

Бобби

4 мая 2018

Дима! Горячий салют тебе, друг мой!

Я был очень рад услышать новость о куртке. Обещаю однажды надеть ее и носить с гордостью. В крайнем случае, возможно, меня в ней похоронят. Я скоро напишу тебе письмо побольше. Я разговариваю по телефону с Бет и диктую это сообщение. Сейчас я работаю над другим интервью, но готов ответить на твои вопросы, когда они придут. Бет получила фотографии, которые ты отправил. Я с нетерпением жду их.

Тепло обнимаю,

Бобби

8 апреля 2019

Дима, мой дорогой друг и брат, салют!

Так приятно слышать тебя! В данный момент моя жизнь похожа на вихрь. Я привожу в порядок дела здесь (только что отыграл свой последний тюремный концерт) и решаю организационные вопросы снаружи в ожидании благоприятного исхода слушания. У меня случилось совсем небольшое затишье, только чтобы успеть коротко написать тебе, но я обязательно напишу больше в ближайшее время.

Дочь прислала мне декабристскую куртку. Я хочу надеть ее утром моего освобождения. Друзья и семья купили одежду подходящих цветов, чтобы все выглядело гармонично. Я должен покинуть тюрьму одетым, как рок-звезда.

Поздравляю Doping Pong с публикацией в *Juxtapoz* – престижном и уважаемом журнале в сообществе западных художников. Удачи на вашей выставке в Монреале!

Я обнимаю тебя.

С большой любовью ко всему Допинг-понгу.

Планирую написать еще в ближайшее время.

Бобби

30.04.2019

Неутешительные новости.

Родные мои,

Я только что получил невероятно разочаровывающую новость – Гэвин Ньюсом[6] наложил мораторий на решение суда о моем условно-досрочном освобождении. Казалось, что я, наконец, приблизился к концу своего испытания – тюремного заключения. Но письмо, которое я получил от Гэвина Ньюсома, говорит об обратном. Приведенные им причины не имеют большого смысла, потому что в основе отказа лежит не правда, а все та же истерия вокруг Мэнсона.

6 Губернатор Калифорнии.

Я напишу больше в ближайшее время. Прямо сейчас у меня есть лишь пара минут на телефоне, чтобы продиктовать это сообщение. Естественно, я чувствую сильное разочарование. Но я упрям. Через год будет еще одно слушание, и, надеюсь, за это время мы сможем изменить ситуацию настолько, чтобы результат более соответствовал тому, что должно произойти после этих пяти десятилетий моего тюремного заключения.

Bobby

30.05.2019

Салют, Дима!

Я никогда не соглашусь ни с одной русской публикацией, если она подготовлена без твоего участия. Ты – мой «ключевой человек» в России, и я тебе за это очень благодарен!

Обнимаю тебя!

Бобби

P. S. Мне разрешили примерить куртку декабристов перед отправкой дочери (до следующего года). Она прекрасна и подходит мне идеально!

Все иллюстрации: Бобби Босолей и арт-группа Doping Pong, 2005–2019.

Историческая справка №1

В 2019 году Калифорнийская комиссия по условно-досрочному освобождению рекомендовала условно-досрочное освобождение Роберта Босолея. Губернатор имеет право одобрить это решение или отказаться от него.

В поддержку условно-досрочного освобождения Роберта Босолея создали петицию, а около 600 друзей Бобби ее подписали. Петиция была адресована губернатору Калифорнии Ньюсому с просьбой согласиться с рекомендацией совета и предоставить Роберту Босолею условно-досрочное освобождение.

В петиции в краткой форме была изложена биографическая справка об истории жизни Бобби.

Роберт Босолей не был причастен к знаменитым преступлениям Тэйт/Ла-Бьянка в августе 1969 года. Эти события не имели никакого отношения к его преступлению, и он не был связан с какими-либо обвинениями, сопутствующим этим событиям.

Роберт Босолей никогда не был членом «семьи Мэнсона».

Его связывала с Мэнсоном исключительно любовь к музыке и общие друзья. Но таким образом назвать членом «семьи Мэнсона» можно было бы и Денниса Уилсона, участника группы *Beach Boys,* который некоторое время в 1968 году проживал и музицировал вместе с Мэнсоном.

Роберт Босолей был заключен в тюрьму на 50 лет. Это пятьдесят лет лишения свободы. Сейчас ему 71 год.

Роберт провел большую часть жизни за решеткой за свое преступление – приговор, который – и Босолей это осознает – он справедливо заслужил. Все эти годы Роберт сталкивался с последствиями своих действий, совершенных в молодости, и каждую секунду этого времени испытывал вину и раскаяние.

Роберт Босолей был арестован в августе 1969 года в возрасте 21 года за убийство Гари Хинмана. Он был молод и хотел заслужить уважение мотоциклетной банды, членом которой он наивно хотел стать. Они попросили его купить мескалин за 1000 долларов для вечеринки, которую устраивали. В поисках одобрения Роберт взялся за эту криминальную сделку и обратился к своему знакомому Гэри Хинману за наркотиками. Вскоре после доставки наркотиков в мотоциклетную банду байкеры заявили, что мескалин никуда не годится, и потребовали свои деньги обратно. Оказавшись в плохой ситуации (по собственной глупости), Роберт вернулся в дом Гари Хинмана и попытался разобраться с возникшей проблемой. После того, как Хинман отказался вернуть деньги, между ними началась драка, в результате которой Хинман получил серьезные ранения. Позднее Босолей в конечном итоге будет нести полную ответственность за смерть Хинмана. Босолей привел с собой подругу Чарльза Мэнсона, которая жила на том же ранчо Спан, что и мотоциклетная банда, которой Босолей был должен деньги. Беспокоясь о благополучии женщины, Чарльз Мэнсон пришел в дом во время ссоры между Хинманом и Босолеем, в результате которой Мэнсон, очевидно, порезал лицо Хинмана. Мэнсон покинул дом после того, как убедился, что его женщина в безопасности, и это положило конец вмешательству Чарльза Мэнсона в ситуацию с разборкой Босолея и Хинмана. Но эта ассоциация использовалась в течение многих лет в качестве главного обвинительного аргумента, чтобы лишить Бобби Босолея тех же прав на условно-досрочное освобождение, которые были предоставлены бесчисленным другим заключенным, обвиненным в аналогичных (и худших) преступлениях.

Роберт *не* имеет никакого отношения к преступлениям, приписываемым «семье Чарльза Мэнсона», которые обычно называют «убийствами Тейт и Ла-Бьянки». Это общепризнанный факт. Единственное, что объединяет его с Мэнсоном, это то, что было сказано выше. Нечестно использовать эти убийства как средство наказания Роберта. Это неуважительно по отношению к жертвам убийств Тейт/Ла-Бьянка и неуважительно по отношению к справедливости. Убийство Шэрон Тейт и других жертв использовали в качестве средства для отказа в условно-досрочном освобождении Роберту на протяжении десятилетий. Роберт всегда принимал ответственность за свои преступления в течение этих десятилетий. Но всегда опровергал обвинения в том, что он был исполнителем воли Мэнсона, и опровергал свою принадлежность к так называемой «семье Мэнсона». Он взял на себя полную ответственность за убийство, которое совершил. Он отказался

сваливать свою личную вину на Мэнсона в течение длительного времени, и, как ни странно, был наказан больше всего именно за это. Это лицемерие.

Роберт отбыл пять десятилетий за решеткой, и, как было отмечено, он был заключенным с хорошим поведением и реабилитацией. Он прошел многочисленные образовательные курсы, а также углубленные духовные занятия и программы самопомощи/психологии. Он заплатил за свои преступления практически всей своей жизнью. Он попал в пенитенциарную систему в возрасте 21 года, а сейчас ему 71 год. Он не представляет опасности для общества. В течение десятилетий он признавал свою вину за совершенное им преступление и искренне сожалел о своих действиях.

Историческая справка №2

С 3 апреля по 3 мая 2005 года в Музее сновидений Зигмунда Фрейда в Санкт-Петербурге проходила приуроченная к 200-летнему юбилею Ханса Кристиана Андерсена выставка арт-группы Doping Pong «Нехороший мальчик» по мотивам одноименной сказки 1835 года. Проект о современной встрече старого поэта и юного Амура был также посвящен 30-летней годовщине убийства Пьера Паоло Пазолини, 8 годам со дня трагической гибели Джанни Версаче и ангелоподобному Бобби Босолею по прозвищу Купидон.

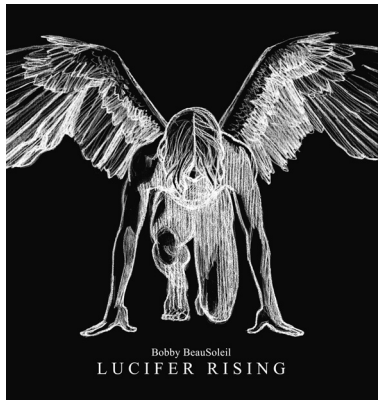
Информационным спонсором стала газета «Лимонка».

Репортаж с этой выставки, отправленный Бобби, можно считать началом 15-летней дружеской переписки двух художников, живущих по разные стороны океана. Для данной публикации использованы письма Дмитрия Мишенина и Бобби Босолея с 2014 года по 2019 гг.

Текст подготовлен специально для «Митиного журнала», 2020.

Официальная информация с ресурсов Бобби и Wiki

Cover: Восход Люцифера, Оригинальный саундтрек



Я глубоко признателен санкт-петербургской арт-группе Doping Pong (Россия) за эту великолепную обложку для переиздания альбома *Lucifer Rising* OST на Ajna (юбилейное издание к 40-летию).

Бобби

Виниловый оригинальный саундтрек Бобби Босолея. Записан с его группой *The Freedom Orchestra* в государственной тюрьме в Трейси, Калифорния, 1976–1979. Легендарный оригинальный саундтрек к фильму Кеннета Энгера. (Примерно сорок лет назад Бобби Босолей задумал музыку для *Lucifer Rising* как единое непрерывное музыкальное произведение, 45-минутную рок-симфонию. Несмотря на трудности, свя-

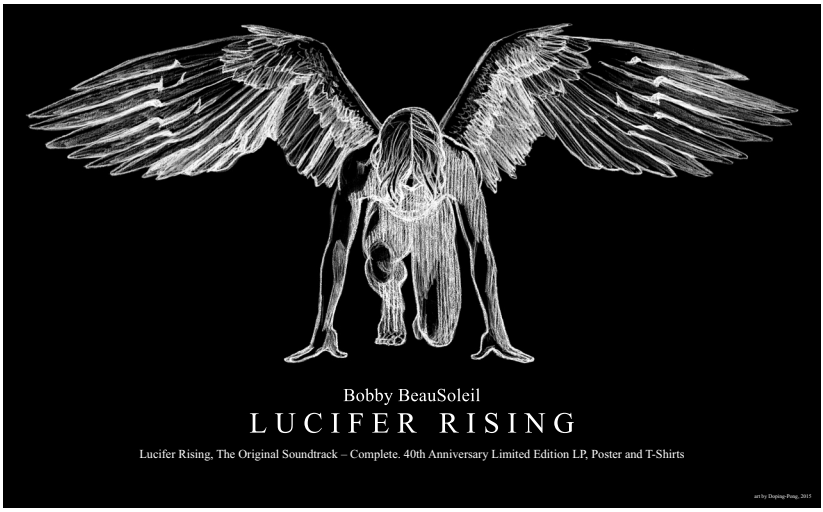
занные с заключением, он передал свой психоделический опус, полностью спродюсированный им, и представил законченную работу над LP в 1979 году.

Это юбилейное переиздание на лейбле *Ajna* соответствует первоначальной авторской концепции, где все треки сведены в единое целое и восстановлена идея непрерывного микса, а новый мастеринг позволил достичь предельного качества звука. Также доступна ограниченная серия футболок от *Ajna*.

«Когда я сочинял и записывал саундтрек для переосмысленного „Восхода Люцифера“, спустя десятилетие после первой заброшенной попытки, я использовал свой собственный жизненный опыт, чтобы рассказать с помощью музыки историю, напоминающую о пробуждении Люцифера в бездне отчаяния, о воспламенении его факела и возрождении, подобно фениксу, из пепла неповиновения, чтобы начать долгое путешествие из темных глубин подземного мира – отбросив гордость на этом пути в бескомпромиссном желании вернуть Возлюбленного».

Бобби

«В начале 2017 года на лейбле *Ajna* был переиздан оригинальный виниловый диск LP саундтрека *Lucifer Rising* (со свежим мастерингом Роберта Фербраче и новой обложкой от российского арт-коллектива Doping-pong)…»[7]



Logo:

«Я с огромным удовольствием и гордостью объявляю официальную премьеру нового логотипа моей арт-продакшн компании. Логотип был придуман и сде-

7 *https://en.wikipedia.org/wiki/Lucifer_Rising_(film)*. Wiki ошибается. На самом деле юбилейное переиздание альбома, созданного в 1976 году, произошло в конце 2016 года.

лан по моей просьбе арт-группой Doping Pong под руководством известного русского художника Дмитрия Мишенина.

Впервые я познакомился с Димой Мишениным около десяти лет назад. С тех пор мы наслаждались бурными диалогами, в основном состоящими из дискуссий об искусстве и его роли в культуре и духовном самоосознании человека.

Димины замечательные картины были и продолжают быть вдохновением для меня. Отмечу, что арт-группа Doping Pong создали всенародно любимые рекламные имиджи для Зимней Олимпиады в Сочи 2014.

Поэтому, когда пришло время выбрать логотип для bobbybeausoleil.com, я естественно, обратился к моему другу Диме, истинному мастеру знаковых образов. Я полностью оставил на его усмотрение, каким должно быть наиболее подходящее символическое изображение для моей компании. Некоторое время спустя Дима отправил мне несколько вариантов концепта логотипа, которые придумала его арт-группа, и все из них включали в себя образ классического Купидона, а некоторые включали цилиндр.

Должен признаться, что поначалу я испытывал двойственные чувства по отношению к этому выбору основополагающего мотива для логотипа моей компании. Если вернуться в 1965, когда я был безбородым 16-летним мальчиком и частью формирующейся контркультуры на улицах западного Лос-Анджелеса, я не придавал значения прозвищу Купидон. В конце концов, девушкам, которые тусовались с нами на Сансет-стрип, это нравилось. Но примерно в то время, когда мне исполнилось 20 и появились стремления стать крутым парнем на мотоцикле, я был готов оставить прозвище Купидон позади и активно сопротивлялся, когда меня так называли. Однако мне бы никогда не удалось отмыться от этого полностью.

Теперь, несмотря на мою первоначальную амбивалентность, я знаю наверняка, что Дима вытащил кролика из своего цилиндра (каламбур).

Этот образ, как мне кажется, попал во все нужные ноты, он игривый, озорной, беззаботный, только с намеком на эротику и темную мистерию. Этот образ является истинным символом бренда, который теперь и навсегда будет узнаваем.

Спасибо, Дима!»

АВТОРЫ ЭТОГО НОМЕРА

Уильям Берроуз (1914–1997). Издательство *Kolonna Publications* выпустило его книги «Дикие мальчики», «Дезинсектор!», «Кот внутри», «Порт святых» и «Счетная машина».

Брайон Гайсин (1916–1986). Рассказы и эссе публиковались в МЖ 60 и 61. На русский язык переведена книга-интервью с Гайсиным «Здесь, чтобы уйти» (2007).

Юля Кисина. Стихи и проза публиковались в МЖ 19, 24, 27, 30, 31, 33, 35, 51, 60, 62, 66. Сборники рассказов «Простые желания» (2001), «Улыбка топора» (*Kolonna Publications,* 2007), романы «Весна на луне» (2012), «Элефантина» (2018).

Виктор Лисин публиковался в интернет-изданиях, журналах «Воздух», «Волга» и «Транслит», участвовал в поэтических фестивалях в Нижнем Новгороде, Чебоксарах, Москве, Калининграде. Первая книга стихов вышла в 2015 году. Отдельные произведения переводились на польский, латышский, испанский языки.

Дмитрий Мишенин – участник арт-группы Doping Pong, ведет дружескую переписку с Бобби Босолеем с середины нулевых годов. С 2015 по 2019 она оформилась в документ под названием «Долгое интервью с Бобби Босолеем», которое мы впервые публикуем полностью. Арт-группа Doping Pong нарисовала логотип Бобби и оформила юбилейное издание саундтрека к фильму Кеннета Энгера *Lucifer Rising*.

Гарик Осипов – автор книг «Конец января в Карфагене» (2015), «Погибонцы» (2016). Публикации в МЖ 58, 59, 62. В 2003 году издательство *Kolonna Publications* выпустило сборник рассказов «Товар для Ротшильда».

Валерий Печейкин – главный драматург и куратор московского театра Гоголь-центр. Соавтор сценария фильмов «Дирижер» и «Дама пик» Павла Лунгина. Автор сценария фильма «Кислота» Александра Горчилина. Сборник его пьес «Люцифер» издательство *Kolonna Publications* выпустило в 2013 году.

Герард Реве (1923–2006). Издательство «Митин журнал» выпустило его книги «Милые мальчики», «По дороге к концу», «Мать и сын», «Письма моему врачу», «Письма к Вими» и многие другие.

Сергей Уханов – поэт, прозаик, драматург, автор сборников стихов «Дерзкий язык» (2009), «Фьють» (2014), книги рассказов «Черная молофья» (2011), вышедших в издательстве *Kolonna Publications,* и ряда публикаций в МЖ 62, 65, 67, 69, «Русской прозе», на ресурсе *snob.ru*. Тексты использовались в нескольких театральных постановках и перформансах в России и Латвии. Живет в Санкт-Петербурге.

Бронеполк Шумный родился в 1978 году в поселке Хотынец Орловской области. Работал охранником, руководителем военно-патриотического кружка и тренером по стрельбе из лука. Живет в поселке Дубки Московской области.

Лида Юсупова – авторка трех поэтических книг, «Ирасалимль», «Ритуал С-4», «Dead Dad», и книги прозы «У любви четыре руки» (совместно с Маргаритой Меклиной). Лауреатка поэтической премии «Различие» (2017). Живет в Торонто (Канада) и на коралловом острове Амбергрис (Белиз).

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЙ ТЕАТР

Виктор Лисин. Мы живем в поселке *5*

Сергей Уханов. Семейный ужас *12*

Бронеполк Шумный. Громы и глумы *32*

Валерий Печейкин. Страшное слово *43*

Лида Юсупова. Следы крови на ее бюстгальтере *71*

Юля Кисина. Из книги «Чудеса истребления» *101*

Гарик Осипов. Рука. Слова на салфетке. Собака Коломбо. О браках небесных. Одиночество. Чук и Гек. Четвертый. Суфлер *111*

СТАРЫЙ ТЕАТР

Герард Реве. Комиссар Феннеди, *предисловие Клауса Бекмана и Мии Мейер, перевод Ольги Гришиной* *124*

КОЛЛЕКЦИЯ

Джон Григсби Гайгер. Жизнь Брайона Гайсина, *перевод Дмитрия Волчека* *192*

Брайон Гайсин. Время и брат Грифен. Затонувший корабль. Время по солнцу. Жена Потифара, *перевод Дмитрия Волчека*. Огонь, *перевод Валерия Нугатова* *223*

Уильям Берроуз. Смерть миссис М. Тексты из альбома для вырезок. Интервью с Уильямом Берроузом. Порты захода. Партизаны-смертеманы, *перевод Валерия Нугатова* *268*

ПЕРЕПИСКА

Его имя – прекрасное солнце. Долгое интервью Димы Мишенина с Бобби Босолеем *292*

ИЗДАТЕЛЬСТВА «KOLONNA PUBLICATIONS» + «МИТИН ЖУРНАЛ» ПРЕДСТАВЛЯЮТ

Эрве Гибер

ЛЮБОВНАЯ ИНЪЕКЦИЯ

Здесь собраны рассказы о любовных похождениях и удивительных приключениях, еще не отмеченных печатью болезни. Гибер порой предельно серьезен, а порой весел, временами слышится его саркастический смех. В книгу вошел и короткий роман «Свежая плоть», летопись одной деревушки, чью размеренную жизнь нарушают шквал анонимных писем и нахальная беспощадность Гибера.

Борис Лурье

ДОМ АНИТЫ

Дом Аниты – сексуальный концлагерь в центре Нью-Йорка. Рабы угождают госпожам, выполняя их прихоти. Здесь же обитают призраки убитых евреев. Роман посвящен ритуалам этого тайного общества, которое постепенно распадается. Исчезает и прежний Нью-Йорк: в него прибывает Сталин и его танки, а сексуальные рабы отправляются в Албанию, казавшуюся автору идеальным государством.

Марсель Жуандо

МОЙ БЕСТИАРИЙ

Тесные, дружеские и при этом искренние, лишенные всяких недомолвок отношения у нас складываются только с животными. Они осыпают нас ласками, не отмеряя их, и дарят нам поцелуи без счета. Те, кто отказывают себе в обществе собаки или кошки, даже не сознают, сколько они теряют возможностей по-настоящему познать себя, соизмеряя с этими маленькими существами, гораздо менее отличными от нас, чем нам кажется. Во многих случаях они имеют право гордиться собой гораздо больше, чем мы.

Марсель Жуандо

ЭТИ ГОСПОДА

В 1911 году Андре Жид написал эссе «Коридон», посвященное очарованию однополой любви. Через 40 лет философ Марсель Жуандо ответил ему своим «Коридоном»: размышления о природе гомосексуальности в его книге соседствуют с историями тех, кто знает толк в удовольствиях, непонятных большинству и ошибочно считающихся пороком.

Марсель Жуандо

ШКОЛА МАЛЬЧИКОВ

В 1948 году шестидесятилетний Марсель Жуандо познакомился с двадцатилетним солдатом Робером Коке. Их любовный роман продолжался 12 лет. В книге «Школа мальчиков» собраны письма Робера и поклонника Жуандо Анри Роде (1917–2004), раскрывающие тайны этой истории. Лишь после смерти Жуандо открылось, что письма Робера писал Анри, подстроивший встречу своего кумира с юношей.

Марсель Жуандо

НОВЫЙ БЕСТИАРИЙ

Для меня нет более волнующей тайны, чем взаимоотношения людей и животных: обоюдная любовь и понимание, и в то же время – невозможность пересечь границы различий, воздвигнутые между ними неумолимой природой. Животные способны испытывать угрызения совести, – а значит, обладают ею, хотя принято считать, что она присуща лишь человеку. Возможно, нет таких человеческих свойств, которые животные не разделяли бы в той или иной степени, – по крайней мере, в чрезвычайных обстоятельствах, когда индивидуальные свойства натуры проявляются сильнее всего.

Габриэль Витткоп

ЛИТАНИИ К ПОГРЕБАЛЬНОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

«Мертвые удобны тем, что не изрекают мнений, а потому воздерживаются от столь свойственного живым идиотизма», – говорила Габриэль Витткоп. Ее литании, возвышенные песни безнадежной любви и удивительные экзерсисы аутоэротизма, многим обязаны мухам, пожирающим мозги мертвецов, создавая «гудящую багряно-золотистую похлебку». Но кто осмелится упрекнуть Габриэль Витткоп, автора знаменитой книги «Некрофил», на этот раз преподнесшую нам тело своей гниющей возлюбленной?

Эрве Гибер

Я И МОЙ ЛАКЕЙ

Не часто встретишь слугу, который был прежде кинозвездой. Лакей главного героя – актер, то есть актеришка, пародия, тиран, прогнавший остальную прислугу, размахивая ножом. Он выдворил хозяина из его спальни, запрещает ему смотреть телевизор и диктует, как одеваться. Что это, голая правда или настоящий дневник? Действие происходит в 2036 году, когда автору исполнилось бы восемьдесят. Книга вышла за несколько месяцев до смерти писателя.

Тони Дювер

ОСТРОВ В АТЛАНТИКЕ

Тони Дювер считал, что дети и взрослые – два племени, объявившие друг другу войну. Война эта идет на острове в Атлантическом океане, где мальчики от 7 до 14 лет создают секретные анархические отряды. Кто грабит виллы богатеев? Почему умерла безобидная старуха? Когда испытываешь безбрежный прилив отвращения, тоски и страха, возникает безумное, абсурдное желание воровать.

Тони Дювер

ВЫЧУРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

«Вычурный пейзаж» породил один из самых громких скандалов во французской литературе, когда при поддержке Ролана Барта получил премию Медичи. «Гомосексуальные сцены и насилие вызовут законное возмущение, но, пропустив эти страницы, вы найдете и несколько строк, способных заинтересовать порядочного человека», – предупреждал читателей Тони Дювер.

Эрве Гибер

СЛЕПЫЕ

Однажды Гибер приехал в учреждение для слепых, чтобы написать о нем репортаж. Потом устроился туда чтецом. В результате получился настоящий роман ужасов, безжалостные герои которого ужасы обожают. Это фантасмагорическое и в то же время документальное исследование доселе неизвестных нам наслаждений и страхов. Что может принести радость человеку, с детства лишенному зрения? Совсем не то, что способен представить зрячий, поскольку визуальные образы не имеют здесь никакого значения. Чудовища в этой книге становятся лишь игрушками, а обыденные мелочи обретают циклопические масштабы, углы означают горести, а округлости таят в себе покой и уверенность.

Герард Реве

ПИСЬМА К ВИМИ

Герард Реве познакомился с Вимом Шумахером в 1952 году. Они провели вместе 10 лет. В 1963 году Вим встретил молодого англичанина М. и ушел к нему. Реве не раз предлагал примирение, но разрыв стал окончательным. Письма Виму приходили из разных стран. Реве посетил Восточный Берлин и нашел его отвратительным, хотел перебраться из амстердамского холода в Испанию или Марокко, но разочарованный вернулся домой. «Письма к Вими» – свидетельство страстной любви и рождения нового литературного стиля, который писатель называл ревизмом.

Франсуа Ожьерас

СТАРИК И МАЛЬЧИК

Оазис Эль-Голеа в песках Алжира. Здесь открыл этнографический музей полковник французской армии Марсель Ожьерас. Его юный племянник Франсуа приехал в 1945 году навестить дядю и стал его любовником. История их отношений описана в книге «Старик и мальчик», которая вышла в 1949 году под псевдонимом Абдалла Шаамба. Этой повестью юноши-дикаря восхищались Андре Жид, Пол Боулз, Клод Мориак и другие великие писатели. «Он останется в памяти людей только благодаря мне», – писал Франсуа Ожьерас о своем дяде – наставнике, возлюбленном и мучителе.

Франсуа Ожьерас

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Эта повесть вышла в 1964 году анонимно, с указанием, что ее написал автор «Старика и мальчика». Как и в первой книге, Франсуа Ожьерас рассказывает историю своих отношений с дядей – полковником Марселем Ожьерасом, который был его наставником, мучителем и любовником. Но на этот раз она перенесена из африканского оазиса в Перигор, где много лет провел Франсуа Ожьерас. В этом мистическом краю, сохранившем память о тамплиерах, встречаются герои повести: священник-садист, находящийся в его власти юноша-рассказчик и 13-летний деревенский мальчик.

Книги издательств «Митин Журнал»
и «Kolonna Publications»
можно приобрести

в *Москве:*

«Фаланстер», ул. Тверская, д. 17
«Москва», ул. Тверская, д. 8
«Циолковский», Пятницкий переулок, д. 8, стр. 1
«Московский Дом Книги», ул. Новый Арбат, д. 8
«Библиоглобус», ул. Мясницкая, д. 6/3, стр. 5
«Индиго», Ветошный переулок, д. 9, «Никольский пассаж»

в *Санкт-Петербурге:*
«Порядок слов», Наб. Фонтанки, д. 15
«Свои книги», ул. Репина, д. 41
«Все свободны», ул. Некрасова, д. 23
«Подписные издания», Литейный пр., д. 57

через *Интернет:*
«Ozon» ozon.ru
«Читай-Город» chitai-gorod.ru

на *Украине:*
«Либра» librabook.com.ua

По вопросу оптовых продаж обращаться
в ООО «Медленные книги», тел.: (495) 971-47-92

Все книги издательства можно заказать в редакции на сайте kolonna.mitin.com

МИТИН ЖУРНАЛ № 71

KOLONNA PUBLICATIONS
Россия, г. Тверь, улица Брагина, д. 6, офис 301